РОССИЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

МЕЖДУНАРОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
ИСТОРИИ ТОРГОВЛИ, КУПЕЧЕСТВА
И ТАМОЖЕННОГО ДЕЛА

ИСТОРИЯ ПИТЕЙНОГО ДЕЛА И ТРЕЗВЕННИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ

Материалы Международной научной конференции
(Санкт-Петербург, 28–30 июня 2021 г.)

Тезисы и стендовые доклады

РОССИЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

МЕЖДУНАРОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
ИСТОРИИ ТОРГОВЛИ, КУПЕЧЕСТВА
И ТАМОЖЕННОГО ДЕЛА

ИСТОРИЯ ПИТЕЙНОГО ДЕЛА И ТРЕЗВЕННИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ

Материалы Международной научной конференции
(Санкт-Петербург, 28–30 июня 2021 г.)

Тезисы и стендовые доклады

Санкт-Петербург
2021

УДК 613.81(47+57)
ББК 63.3(2)0-75

Составитель
А. И. Раздорский

Тексты опубликованы в авторской редакции

История питейного дела и трезвеннического движения в России с древнейших времен до наших дней : материалы Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 28–30 июня 2021 г.) : тезисы и стендовые доклады / Российская национальная библиотека, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, Международная ассоциация исследователей истории торговли, купечества и таможенного дела ; сост. А. И. Раздорский. — Санкт-Петербург, 2021. — 462 с. : ил., диагр. — Электронное издание.

© Раздорский А. И., составление, 2021

Содержание

П. А. Аваков. Питейное дело и корчемство в Северо-Восточном Приазовье в 1696–1711 гг. 12

Т. Амброзяк. Проблема пьянства в базилианских монастырях в свете корреспонденции литовского провинциала ордена Афанасия Фальковского в 1788–1792 гг. 15

Т. В. Андреева, С. К. Лебедев. Е. Ф. Канкрин и К. Ф. Друцкий-Любецкий о винных откупах и финансовой политике 17

Н. С. Аникина. Фальсификация в виноделии: история и методы выявления 23

М. А. Антипов. Настоятели Тихвинского Успенского монастыря — инициаторы борьбы с пьянством в Тихвинском крае (XVII — начало XX в.) 30

А. И. Архипова. Проблема распространения спирта среди инородцев Якутской области в деятельности губернаторов 32

А. Л. Афанасьев. Трезвенное движение 1907–1914 годов как реформистское в период «выбора пути» в России 37

В. Афанасьева. Производство и потребление алкоголя и борьба с пьянством в Калужской губернии (1894–1914) 41

И. П. Бабин. Из истории барного дела в Российской империи и СССР .. 43

Т. А. Базарова. Вино в повседневной жизни русских дипломатов при османском дворе: эпоха Петра Великого 46

А. В. Барсукова. Торговое движение хлеба как условие развития питейной торговли в Коломне и Коломенском уезде в XVII веке 48

И. Е. Барыкина. История питейного дела в сочинении гр. Д. А. Толстого «О винной регалии в России до времен Петра Великого» 50

М. А. Белан. «Глава городской когда распоряжался все время был нетрезв и вряд ли блюл экономию…»: обвинение в пьянстве в практике городского самоуправления и жизни городского общества на рубеже XVIII и XIX вв. 53

А. В. Белов. Создание «непременных винных магазейнов» как часть реформы города Екатерины II: особенности и парадоксы реализации планов преобразований 56

А. В. Белый. Крупник — национальный медовый ликер Белоруссии, Литвы и Польши: история и мифология 59

В. Н. Беляева. Питейное дело на территории Нижегородского Поволжья в конце XVI — XVII веках 62

Н. А. Беляева. Незаконный оборот алкоголя в Приамурье во второй половине XIX — начале XX в. как государственная проблема... 65

А. В. Беляков. Темниковский кабак XVI–XVII вв. 68

А. А. Бессолицын. Винная монополия и борьба с «нетрезвостью» в России в конце XIX — начале XX в. 71

А. В. Богатырев. Жбан и пан: истоки «питейной» пословицы 78

А. И. Богомолов. «Перетопка» и «угрюмая трезвость»: черносотенцы против алкоголя (к истории борьбы за трезвость в Мотовилихе)..... 81

С. И. Бондаренко. Борьба с пьянством в западносибирской деревне в 1920-е гг. (взгляд снизу) 86

Л. Д. Бондарь. Статистические исследования И. Ф. Германа: питейный промысел в Соликамске в конце XVIII в. (по документам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН) 89

Е. В. Бородина. Борьба с пьянством среди канцеляристов Среднего Урала в конце 1720-х — начале 1730-х гг. 93

Н. Д. Борщик. Роль общественной инициативы начала XX в. в развитии крымского виноградарства и виноделия (по материалам профильных комитетов и съездов) 96

Е. С. Бутрин. «Питейная продажа» на шуйском кружечном дворе в первой половине XVIII в. 98

Т. В. Воронич. Нарушения Устава о питейном сборе в городах Белоруссии в последней трети XIX — начале XX века..... 101

Л. В. Выскочков. Алкогольные напитки при Императорском дворе Николая I..... 103

В. К. Ганцев. О производительности и производственных мощностях средневековых скальных виноградодавилен Мангупа, округи Сюйреньской крепости, Кыз-Кермена и Эски-Кермена (по материалам современных археологических исследований) 106

Ю. П. Голицын. Екатерина II о винокурении 108

К. А. Голодяев. От питейного дома до ресторации (общественное питание дореволюционного Ново-Николаевска) 111

А. А. Голубинский. «Землемер весьма худого поведения был»: пьянство среди служащих Межевой канцелярии в XVIII в. 114

А. Горак. Правовые и налоговые условия пивоварения в Царстве Польском 116

Н. Е. Горюшкина. Модернизация алкогольной политики в России в 1863–1894 гг. 118

А. Г. Готовцева. Зарисовка из истории корчемства в Киевской губернии в первой половине 1820-х гг. 120

А. Н. Гребенкин. Алкоголь в жизни воспитанников военно-учебных заведений Российской империи 122

А. Л. Грязнов, А. Н. Гуслистова. Вологодские кабацкие головы и целовальники в XVII в. 130

М. Г. Гусаков. О питейных заведениях на Руси: впечатления археолога ... 133

О. Н. Гутникова. Ретроспективный анализ развития торгового обслуживания в Крыму: организация дегустации винодельческой продукции 136

Р. А. Давыдов. Перевозка и продажа алкогольных напитков на судах Товарищества Архангельско-Мурманского срочного пароходства в конце XIX — начале XX в. 139

А. Н. Долгих. Проблема народного пьянства в воззрениях дворянства дореформенного времени 142

Е. В. Долгих. Правовые особенности харчевного и трактирного дела в России в XVI–XX вв. 145

А. А. Дружкин. Распространение винокурения в новообразованных уездах Саратовской губернии в конце XVIII — начале XIX в. 151

Б. Б. Дубенцов. Борьба с пьянством партийных работников и райкомовский инцидент в Петрограде в 1919 г. 156

Л. А. Дударь. Контрабандная торговля спиртом на Дальнем Востоке в 1920-е гг. 159

А. В. Ерошевич. Роль питейных доходов в формировании бюджетов белорусских губерний Российской империи (30–50-е гг. XIX в.) 162

А. А. Ефимов. Планирование численности и распределения питейных заведений как способ регулирования торговли алкоголем в дворцовых городах в начале XX века 168

Т. В. Жиброва. Из истории питейного дела в Воронежском уезде в XVII — начале XVIII в. 171

В. М. Жигалов. Топография кружечных дворов (на примере городов Белгородского полка по данным 1686/87 гг.) 174

О. А. Задорожняя. Винокуренные предприятия Западной Сибири в конце XIX — начале XX в. 177

Н. Г. Заремба. Трезвенническое движения братца Иоанна (Чурикова) в Санкт-Петербурге в 1907–1914 гг.: особенности развития и методы 180

В. Н. Захаров. Импорт вина в Россию из зарубежной Европы в начале XVIII в. 182

Р. В. Зенюк. Традиции изготовления и употребления алкогольных напитков в римско-католических монастырях и семинариях на территории Виленской, Минской и Могилевской епархий в конце XVIII — XIX в. 185

В. В. Кавецкая. Сведения о производстве и потреблении ханшина в Уссурийском крае в конце XIX — начале XX века в этнографическом наследии В. К. Арсеньева..... 187

Е. А. Калинина. «Поведение учеников плохое, нахально курят и даже пьют»: проблема пьянства в духовно-учебных заведениях России в XIX — начале XX в..... 190

Л. В. Кальмина. Запрет еврейской винной торговли в Сибири в последней четверти XIX в.: смертельный удар или счастливый случай? 192

Т. Н. Кандаурова. Питейное дело в округах военных поселений XIX века 195

Г. В. Карандашев. Самогоноварение, фальсификаты и шинкарство: нарушения питейного промысла в российской провинции в конце XIX — начале XX в..... 199

Л. С. Карлов. Винный туризм в Крыму: история становления и современное состояние 201

А. П. Керзум. От трезвости к пьянству: переломный 1925-й год 205

С. А. Козлов. О винных откупах и употреблении алкогольных напитков в документальном наследии Андрея Тимофеевича Болотова 207

Н. А. Кореева. Трактиры и питейные дома Казанской губернии в первой половине XIX в.: динамика численности, организация деятельности 209

С. В. Королев. Антиалкогольная кампания 1985–1988 гг. как источник мифов в общественном сознании 212

И. Корчагина. Пьянство и пьяницы в сказаниях иноземцев XVII века . 215

Е. С. Кравцова. Влияние пьянства населения на уплату прямых налогов в Российской империи в конце XIX — начале XX в. (на примере отчетов податных инспекторов) 217

А. В. Крайковский. «За покорение Арктики!»: алкогольные напитки в снаряжении промысловых экспедиций на Шпицберген в XVIII в... 219

И. Г. Кусова. Винные откупщики Рязани: социокультурный портрет..... 221

Е. В. Латышева. «Если говорят о товаре — это отличная реклама»: к истории оформления крымских вин 223

М. Ю. Лачаева. Тема алкоголя в переписке Антона Павловича Чехова в конце 1870-х — 1880-е годы 232

П. В. Лизунов. Питейный откуп в России и его отмена..... 236

Д. В. Лисейцев. Крестьяне боярина Ивана Никитича Романова в кабацком откупном деле..... 239

И. В. Лукоянов. «…Обеспечить нижних чинов… доброкачественным продуктом, продаваемым в умеренном количестве»: русская водка на Восточной окраине (конец XIX — начало XX в.) 242

Р. С. Лунёв. Историко-правовые аспекты нелегального винокурения и контрабанды алкогольной продукции в России..... 244

К. Лятавец. Акцизная администрация в Царстве Польском в 1866–1915 гг. 248

А. В. Малов, О. С. Смирнова. Алкоголь в русско-польской дипломатической практике первых лет царствования Михаила Федоровича: по материалам архива Посольского приказа 250

В. М. Марасанова. Алкоголь и жители Ярославской губернии в начале XX в.: производство и культура потребления 253

А. Н. Маюров. Слом сухого закона в Советской России..... 256

Е. В. Мезенцев. Из истории винной порции в русской армии (от Петра I до 1917 года) 262

Ю. А. Мизис. Организация винокурения на юге России в XVII — первой половине XVIII в. 270

В. П. Микитюк. Картель винокуренных заводчиков Пермской губернии 273

Т. С. Минаева. Питейные традиции Соловецкого монастыря (XVI–XIX вв.) 280

Г. Н. Мокшин. Борьба с пьянством в городе Землянске в конце 1880-х — начале 1900-х гг. 282

О. В. Морозов. Экспорт винокуренной продукции правобережных губерний юго-западной России (вторая половина XIX — начало XX в.) 285

Н. В. Обнорская. «Заграничные вина ярославского производства»: винный бизнес ярославского купечества в XIX веке 288

Е. А. Орехова, Р. А. Давыдов. Норвежский ром на Русском Севере во второй половине XIX в. 291

А. С. Орлов. Евреи и питейное дело в Российской империи во второй половине XIX века 296

Т. В. Павлина. Питейное дело в таможнях Коми края в XVII — первой половине XVIII в. 300

И. П. Павлова. Движение за трезвость в Российской и Германской империях: попытка сравнительного анализа 303

Л. Р. Париева. Борьба с пьянством в Белой армии в период Гражданской войны (по материалам Российского государственного военного архива) 307

В. Б. Перхавко. Об импорте и употреблении виноградного вина в средневековой Руси 310

И. Д. Петришина. Проблема борьбы с алкоголизмом в конце 1920-х гг. (на примере Центрального Черноземья) 313

П. С. Покидько. Пивная культура в СССР в 1950–1970-е гг. (на примере Ленинграда и Ленинградской области) 319

Е. М. Попова. «Поп пьян ходит во дворе»: частные случаи девиантного поведения в Новгороде в начале XVII в. 321

Н. В. Пронина. Формирование стандартов и требований к питейным заведениям в России XVII — первой половины XIX в. 323

К. В. Проничева. Пивоваренный завод «Новая Бавария» в Петрограде в 1922–1924 гг.: опыт концессии в пивоваренной промышленности 326

Д. А. Прохоров. «Приносят явный вред коренным жителям, допуская в питейных заведениях развращение…»: еврейская питейная торговля в Таврической губернии в XIX — начале XX в. и общественное мнение 328

И. В. Пугач. Кабацкая прибыль на Русском Севере во второй половине XVII века 331

А. И. Раздорский. Кабацкие книги XVII–XVIII вв.: состав, исследования и публикации 337

Р. В. Реброва. Проблемы атрибуции винной стеклянной тары первой четверти XVIII века в археологических материалах Санкт-Петербурга (на примере коллекции Сектора архитектурной археологии Государственного Эрмитажа) 342

Б. В. Родионов. «Макроистория» российского винокурения. Факты, даты, термины 345

М. И. Роднов. Роль дворян-помещиков в винокуренном производстве на рубеже XIX–XX вв. (на примере Уфимской губернии) 348

П. К. Романов. «Удобнейший питейный сбор»: монетизация питейных сборов при министре финансов Д.А. Гурьеве 351

Т. В. Сазонова. «…К Москве на гостинцы вина купили»: вино в обиходе небольших монастырей Белозерского края XVI–XVII вв. 354

Я. В. Сарычев. Трезвенническое движение в религиозно-философских раскладах начала XX в. 356

П. В. Седов. Повседневная практика потребления хмельных напитков по монастырским документам второй половины XVII в. 359

А. А. Селин. Документация новгородского винного погреба 1610/11 г.: источниковедческое исследование и интерпретация в области политической истории 361

Н. А. Симченко. «Сухой закон» 1914 года: институты поддержки и воздействия на народ России 364

А. Смелова. Алкоголь и политика в Российской империи в конце XIX — начале XX в. на примере анализа истории и идеологии Казанского общества трезвости 366

В. Г. Смирнов. Адмирал И. Ф. Крузенштерн и винокурение 369

А. С. Соколов. Законодательная база советской алкогольной политики периода НЭПа (1921—1925 гг.) 371

И. Р. Соколовский. Питейное дело и потребление вина в Сибири в XVII в.: степень изученности и перспективы изучения 373

Я. В. Соловьёв. Организационно-управленческие основы деятельности губернских казенных палат в организации питейной торговли в последней четверти XVIII в. (на материалах Московской губернии). 376

Д. И. Стогов. Думские законопроекты, направленные на борьбу с пьянством (1907–1916 гг.) 379

Н. В. Стрекалова, О. М. Зайцева. Антиалкогольная кампания и действие «сухого закона» в Тамбовской губернии в годы Первой мировой войны 382

А. В. Сумин. Алкоголь в повседневности тюрем Московского государства XVII в. 385

И. Р. Такала. Этапы большого пути: особенности производства и потребления алкогольной продукции в российской Карелии конца XIX — первой трети XX в. 388

Е. Д. Твердюкова. Лечение алкоголизма в Ленинграде в 1930-е гг... 391

С. Б. Ульянова. «Магарыч» и «спрыск»: роль алкоголя в трудовых отношениях в российской промышленности (первая треть XX в.).. 394

Д. З. Фельдман. Питейные промыслы евреев в Российской империи в конце XVIII — начале XIX в.: законодательство и практика 397

С. В. Филатова. Культура потребления алкоголя в купеческой среде во второй половине XIX — начале XX в. (по материалам Среднего Поволжья) 400

М. В. Хацкевич. Винокуренное производство в Центральной России по отчетной документации конца XVIII в. 403

К. С. Худин. Производство алкогольной продукции в Аптекарском приказе в XVII веке: номенклатура и рецептура..... 408

Е. С. Целуйкина. Питейные традиции Иосифо-Волоколамского монастыря в начале XVII века 410

С. Ю. Цёхла. Эффекты и кризисы винодельческой отрасли в Крыму: историко-экономические аспекты 416

Н. В. Черникова. Перипетии питейной реформы в общественном мнении и правительственной политике 1870–1880-х гг. 419

А. Ю. Чистяков. Пиво в обрядовой культуре народов Северо-Запада России (XVIII — начало XX в.) 421

О. В. Шевелева. «Первым великим утешением деревни явилась повсеместная народная трезвость…» («Сухой закон» 1914 г. по материалам Тульской губернии)..... 424

А. А. Шевцова, И. А. Гринько. «Граждане алкоголики, хулиганы, тунеядцы»: алкоголь и его потребители в зеркале советской карикатуры..... 427

И. А. Шевченко. Борьба с незаконной торговлей алкоголем и самогоноварение в великорусской деревне начала XX в. 429

А. А. Шелаева. Петербургский ресторан как явление культуры 432

Д. Н. Шилов. Комитет для рассмотрения положения о мерах к искоренению корчемства 1829 года 436

М. Шрад. Лев Толстой: апостол международной трезвости 439

И. Н. Юркин. «Что — от пьянства или от недостатка?»: первые Демидовы в борьбе за трезвый образ жизни работников их заводов..... 441

В. А. Якунина. Пиво как фактор изменения новгородско-ганзейских отношений в XV — начале XVI в. 444

М. М. Якушкина, Г. Р. Якушкин. Личные письма и деловые бумаги сидельца М. С. Мокроусова как источник по истории питейного дела 447

Сведения о авторах..... 450

П. А. Аваков

Питейное дело и корчемство в Северо-Восточном Приазовье в 1696–1711 гг. *

История производства и продажи алкогольных напитков в Северо-Восточном Приазовье в указанный период изучена слабо и неравномерно.

В начале 1698 г. Пушкарский приказ и воеводская администрация приступили к созданию в регионе финансового хозяйства и выявления местных доходных статей, призванных облегчить бремя расходов центральной казны. В российском Приазовье к тому времени уже проживало свыше 15 тыс. постоянных жителей, временно находились 22 солдатских, московских стрелецких, копейно-рейтарских и казачьих полка разной комплектации, а также несколько тысяч работных и ремесленных людей, мобилизованных на летний строительный сезон. Поэтому введение в регионе государственной монополии на продажу «питий» сулило казне значительные доходы.

Поскольку в Азове отсутствовали учреждения и персонал, необходимые для осуществления торговли алкогольными напитками и сбора таможенных пошлин, в первой половине 1698 г. Пушкарский приказ издал по этому поводу серию распоряжений. В сентябре в Азове начал работать кружечный двор. Одновременно азовский воевода боярин князь А. П. Прозоровский озаботился организацией производства на месте слабоалкогольных напитков — пива и меда. Хлебное вино, пригодное для длительного хранения, было решено закупать на стороне. На Таган-роге казенная торговля этими напитками началась в июле 1699 г. — почти за два месяца до того, как там был основан город-крепость Троицкий. До 1703 г. в Троицком не было собственного пиво- медоваренного производства по причине отсутствия на мысе пресной воды. Ситуация изменилась после

* Доклад подготовлен при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42049 «“Азовский проект” Петра I: Северо-Восточное Приазовье во внешней и внутренней политике России конца XVII – начала XVIII в.».

обнаружения близ города грунтовых вод, что позволило вырыть 4 колодца. Кроме кружечных дворов, в Азове и Троицком действовала сеть «фартеных изб» и других торговых точек.

Вино для казенной продажи в приазовских городах закупалось в разных местах: в Черкасске, Изюме, Симбирске, и др. Наибольшее распространение при этом получила практика подрядов. В разное время поставщиками вина на азовский и троицкий кружечные дворы были кадашевец И. Степанов, дворцовый крестьянин Ф. Брюхов, житель Малых Лужников С. Михайлов, член гостиной сотни И. Андреев, дубровницкий купец Савва Рагузинский, донские казаки.

Продажа алкогольных напитков в течение года между различными месяцами распределялась неравномерно. Основная часть выручки (около 50 %) падала на январь-февраль и июль-август, когда местным жителям выдавалось полугодовое денежное жалованье. Любые перебои с выплатой денег немедленно отражались на размерах торговли «питиями».

По подсчетам А. А. Пушкаренко, продажа алкогольных напитков в Северо-Восточном Приазовье приносила казне большую прибыль, составлявшую: в 1701 г. — 129 %, в 1703 г. — 119 %, в 1704 г. — 151 % и в 1705 г. — 149 % к затраченной сумме. Прибыль казна получала, прежде всего, благодаря повышению продажной цены товара по сравнению с собственными затратами на их закупку или производство. Несмотря на непрекращающееся корчемство, казенная продажа алкоголя оставалась важнейшей статьей доходов в российском Приазовье вплоть до 1710 г., когда первое место заняла прибыль от бахмутских солеварен.

С конкуренцией частных торговцев алкогольными напитками властям региона пришлось столкнуться с первых дней введения монополии. До июля 1699 г. бойкая торговля «питиями» шла на Миусском полуострове — в городе-крепости Павловском на Петрушиной косе и временных укреплениях на Таган-роге. Это и стало причиной открытия на мысе филиала азовского кружечного двора. В «таборах» работных полков, ежегодно прибывавших для строительства Троицкого и морского порта, незаконной продажей вина, пива, меда и табака занимались приезжие украинцы. В кормчество были вовлечены местные военнослужащие,

донские казаки и гулящие люди. Раскрытию таких экономических преступлений зачастую способствовали изветы. Для поимки продавцов «корчемного вина» и его «выемки» местные власти организовывали целые операции, которые иногда производились поздней ночью. В 1701 г. конкурентами казенной монополии оказались приезжие турецкие, татарские и греческие торговцы, которые привезли в Азов нарбек. Для усиления борьбы с контрабандой «питий» в марте 1702 г. у устья Мертвого Донца — северного рукава дельты Дона, была учреждена застава.

После возвращения региона Османской империи по условиям Прутского мирного договора 1711 г. казенная торговля алкогольными напитками продолжилась в укреплении Транжамент, построенном на Монастырском урочище ниже Черкасска.

Т. Амброзяк

Проблема пьянства в базилианских монастырях в свете корреспонденции литовского провинциала ордена Афанасия Фальковского в 1788–1792 гг.

Хранившиеся в Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН «Акты литовской провинции базилианского ордена в бытность провинциалом Афанасия Фальковского» (фонд 52, опись 1, № 337), являются интересным источниковым материалом для исследования истории не только одного базилианского ордена, но и в целом Униатской церкви в Речи Посполитой в XVIII в. В данном докладе проанализировано, каким образом проблема пьянства в базилианских монастырях отражается в данных документах, в том числе в корреспонденции литовского провинциала ордена — Афанасия Фальковского.

В указанном источниковом материале встречается, в том числе, целый ряд писем, декретов и других актов, в которых рассматривались случаи пьянства среди монахов, имевшие место, в частности, в монастырях в Вольне, Черее, Жидычине, Новогрудке, Черлоне, Вильне или Жировицах.

Стоит отметить, что в некоторых случаях пьянство являлось лишь одним из проступков, совершенных монахами. Суперior монастыря в Вольне жаловался провинциалу на о. Артецкого не только из-за пьянства, но также из-за избиения и поношения слуг, выступления против власти суперiора и причинения вреда монастырю. Иринарх Абрамович был осужден провинциалом за пьянство, непозволительные контакты с монахиней и попытку сбежать в Россию. Наказание за пьянство, побег из виленского монастыря и отсутствие должного усердия к науке философии получил также Олимпий Стемпковский.

Подобным образом, о. Мелетий Марш из монастыря в Черлене был осужден за пьянство, непозволительное поведение, неоказание послушания суперiору монастыря в Черее и нападение на одного из слуг последнего, а также за выдачу крестьянам документов без соответствующих полномочий, в ответ на что Марш угрожал суперiору совершением самоубийства.

Однако наказания не всегда приносили должный эффект. Суровому наказанию за нарушение выданного ранее запрета употреблять алкогольные напитки и многочисленные эксцессы, в том числе оскорбления супериора, монахов и мирских лиц, был подвернут о. Геннадий Борецкий. Несмотря на это, Борецкий во время путешествия в монастырь в Бытене опять напился, оскорбил других людей и не участвовал в воскресной службе, за что подвергся очередному наказанию со стороны провинциала.

Особенно тяжелые проступки совершил о. Ефрем Плескачевский из монастыря в Жидычине. Кроме пьянства он был осужден за содержание и оборот финансовыми средствами без ведома супериора, многочисленные случаи кражи денег и различных предметов, а также гомосексуальных контактов со сторожами и монастырскими слугами. Несмотря на раннее выданные декреты супериора, наказывающие его за подобные действия, он не только сам опять напился, но и пытался споить и привести к гомосексуальным сношениям одного из слуг, за что получил очередное наказание. Однако Плескачевский не выполнил должным образом наложенные на него обязанности и попытался, безуспешно, бежать в Россию.

Стоит отметить, что обвинения в пьянстве могли являться также инструментом в конфликтах между монахами. Итак, о. Каликст Ушацкий, бывший супериор монастыря в Суховичах, осужденный за половую связь с замужней женщиной и доведение монастыря до финансовой руины, обвинил своих противников, в частности о. Партемия Левского, о. Теодоровича и о. Теоктиста Тейшерского в пьянстве, подкупе свидетелей и желании отомстить ему за сохранение дисциплины в монастыре. Обвинения эти не нашли, однако, поддержки со стороны провинциала, который в своем декрете счел их безосновательными.

Т. В. Андреева, С. К. Лебедев

Е. Ф. Канкрин и К. Ф. Друцкий-Любецкий о винных откупах и финансовой политике

Егор Францевич Канкрин (1774–1845) был назначен министром финансов 22 апреля 1823 г. в период огромных дефицитов после наполеоновских войн и экономической депрессии начала 1820-х гг. Важнейшим средством реализации своей программы укрепления финансов он определил рост народного благосостояния и социального благополучия путем расширения хозяйственной активности общества, в том числе в сфере питейного дела. Хотя система Е. Ф. Канкрина по традиции основывалась на подушной подати, но усовершенствование налогообложения торгово-промышленной деятельности в 1824, 1827 гг. и ее официальное покровительство, снижение процентов по ссудам и вкладам в 1830 г., протекционистские изменения таможенного тарифа в 1825, 1841 гг., денежная реформа 1839–1843 гг., а также *откупная винная система* создали благоприятные условия для развития общей производительности народного хозяйства, роста государственных доходов и стабилизации бюджета империи. Один из редких министров, сочетавший в себе реальную осведомленность практика и прозорливую дальновидность теоретика, Канкрин последовательной, но осторожной финансовой политикой сумел обеспечить устойчивое развитие экономики. И еще — время управления Канкрина было периодом первого устойчивого доминирования Министерства финансов в системе высших и центральных государственных учреждений

Министр финансов Российской империи до 1844 г. Е. Ф. Канкрин и К. Ф. Друцкий-Любецкий, министр финансов Польши (1821–1830) являлись оппонентами по всем важнейшим вопросам, касающимся финансовой политики. Одним из наиболее острых в их дискуссиях на всех уровнях имперской административной системы являлся вопрос о питейных откупах.

Как известно, заготовление казенного вина для откупов до 1823 г. поручалось вице-губернаторам, что имело следствием невыгодные цены и неравное распределение поставок, что ущемляло многих заводчиков. Поэтому в 1824 г. Канкрин ввел

другой порядок посредством конкуренции, то есть с уравнительным распределением поставок между всеми желающими по производительности заводов и «с предназначением сходной цены вину от самого министра финансов» (практически Канкрин лично назначал цену). По этому порядку вино заготовлялось «по весьма умеренным ценам, но в неурожайные годы должно было решаться поручать хозяйственное заготовление вина председателям казённых палат с содействием губернаторов, и в таковые годы вино обходилось, естественно, дороже». Тем не менее, вино в течение 18 лет обошлось по сложности по 2 р. 12 и 2/5 копейки ассигнациями в полугаре, против продажной цены на 577 3/5 копейки дешевле.

Канкрин вернулся к системе винных откупов в январе 1827 г. Критики (не только К. Ф. Друцкий-Любецкий, но и Н. С. Мордвинов, и П. Д. Киселев) упрекали его в том, что рост бюджета империи опирался на тяжесть налогов. Действительно, наиболее крупным источником поступлений в казну вплоть до 1862 г. были прямые налоги, и главный из них — «питейный доход» от винных откупов. С 1832 по 1862 г. он вырос почти в четыре раза (с 34 до 127 млн р.) и составлял около 40 % доходной части бюджета к концу этого периода.

Отвечая на критику сановников, Канкрин признавал, что жалобы на откупщиков частично «могут быть признаны справедливыми, но превышаются неудобствами казенного управления». Вообще Канкрин, защищая возвращенную им в 1827 г. систему отдачи питейную подать на откуп, указывал на неэффективность и коррупцию казенного администрирования сбора этого налога до этой даты. Он отмечал, что сбор налога в казну попал в руки вице-губернаторов и злоупотребления на местах выросли неимоверно.

Его оппонент, один из самых влиятельных польских сановников князь *Ксаверий Францевич Друцкий-Любецкий* (1778–1846) вошел в состав управленческой элиты Российской империи 19 июля 1821 г., став министром финансов Царства Польского. Его карьера была обусловлена принадлежностью к группировке выходцев из Литвы, придерживавшихся пророссийской ориентации и имевших тесные контакты с Александром I. Модернизационная программа министра в отношении Польши сво-

ей основной целью имела экономическое возрождение страны, обеспечение ее финансовой независимости как основы национального существования, с которой российские власти были вынуждены соглашаться в силу нехватки финансовых средств и профессиональных чиновничьих кадров. В годы министерства Любецкого, игравшего особую политическую роль в административных сферах, как России, так и Царства Польского, польское правительство обладало почти полной финансовой автономией, финансы управлялись без какого-либо вмешательства со стороны не только имперских властей, но и польского Сейма, на рассмотрение которого министром финансов ни разу не был представлен бюджет Польши.

Но, хотя Любецкий был доверенным лицом российских императоров, имел авторитет, как у Александра I, так и Николая I и обладал правом непосредственного обращения к ним, его карьера не являлась постоянной цепочной успехов и во многом зависела не только от поддержи монархов, но и отношения к князю влиятельных российских политиков, прежде всего, Канкрина. А взаимоотношения двух министров были весьма непростыми. В экономических отношениях Российской империи с Царством Польским наиболее болезненной была проблема таможенного тарифа. В 1826 г. Друцкий-Любецкий на имя Николая I представил записку с предложением уничтожить таможенную черту между империей и царством, что вызвало негативную реакцию Канкрина, опасавшегося не столько контрабанды на польских таможнях, сколько упадка российской фабричной промышленности, находившейся еще в процессе формирования. В результате проект Любецкого был отклонен императором, а в 1831 г. утвержден новый таможенный тариф с царством, не допускавший преимуществ ни одной из сторон, подготовленный Канкриным.

Противостояние двух министров финансов нарастало и достигло своего апогея в связи с подготовкой денежной реформы. Любецкий, совместно с П. Д. Киселевым, адмиралами А. С. Грейгом и Н. С. Мордвиновым при обсуждении в Государственном совете в 1837–1838 гг. проекта денежной реформы Канкрина выступил против. По мнению князя, все беды российских финансов обусловлены отсутствием необходимого единства в

денежном обращении и предлагал создать в России единую денежно-кредитную систему, т. е. признать основной денежной единицей серебряный рубль и выпускать одновременно новые ассигнации с серебряным содержанием. После введения денежной реформы, 29 декабря 1839 г. Любецкий представил Николаю I всеподданнейшую записку «О переложении счета на серебро», в которой проблема денежного обращения рассматривалась в тесной связи с вопросом о питейной продаже. Князь предлагал принять к исчислению по питейным откупам не ту сумму, которую откупщики вносят, а исходя из разницы курсов между суммой платежа податей и переложением ее на серебро. Полемизируя с Канкриным, который считал, что «покупка вина есть дело произвольное» и от уничтожения «простонародного лажа» откупщики терпят убытки, Любецкий подчеркивал, что, наоборот, это предотвращает их от значительных потерь, которые они испытывают при покупке ассигнаций для ежегодной оплаты в казну. Но, поскольку главной целью откупщиков во время торгов являются только прибыли, они стремятся скрыть от властей истинную стоимость продаваемого продукта, что приводит к финансовым потерям для казны, то князь предлагал реформировать финансовую систему функционирования питейного дела в России. Имея в виду тот факт, что вино продается в розницу «мелкими мерами», никто не платит за него ассигнациями, а только монетами, то Любецкий предлагал разрешить откупщикам платить в казну платежи «тою же монетою, которая поступает к ним в приход». После размена медных денег на серебро, откупщики не только выиграют разницу между курсами — биржевым и казенным — но и покроют потери, проистекающие от ассигнационного платежа. Уничтожение разнородных курсов, возбуждающих лаж, и утверждение права казенных платежей серебряною монетою, по его мнению, будет способствовать уничтожению «неисправности» откупщиков. В целом же, чтобы, с одной стороны, не допустить упадок питейного дела и тем самым обеспечить государственный доход, а с другой — производить винные откупа «на пользу казне, а не капиталистов-откупщиков», Любецкий считал необходимым переложить все государственные приходы и расходы на

серебряную монету, «финансовую службу» основать на «кругообращении разменной монеты», создать депозитные кассы.

12 марта 1843 г. Канкрин представил Николаю I и наследнику «Обзор примечательнейших действий по финансовой части в течение двадцати последних лет с 1823 года», в которой развивал свою аргументацию, нашедшую отражение и в «Наставлении о предположениях и видах по финансовой части» 23 апреля 1840 г. (опубликовано в выдержках И. В. Лукояновым). Оба текста встретили благоприятные отзывы Николая I, а «Обзор», явившийся отчетом Канкрина о его деятельности в качестве министра финансов, был назван царём «своевременным памятником» и руководством для следующего министра финансов. Наследник объявил Канкрину, что читал его отчёт «с величайшим любопытством». В отчете Канкрин, подводя итог своей деятельности министра, продолжал спорить со своими противниками и заботился о том, чтобы «беспристрастный читатель» «Обзора» получил в нем материалы «к суждению, можно ли упрекать министра финансов, как то делали некоторые, что будто бы он в течение 20-ти лет ничего не делал и действовал без системы». Канкрин подчеркивал, что в 1842 г., в виду нового правила заготовления всего вина для откупщиков непосредственно от казны, система конкуренции «получила разные улучшения и была определена вину нормальная цена 70 коп. серебром, с тем чтобы из половины прибылей от сей цены против тех, кои платят откупщики по контрактам, составить запасный винный капитал для облегчения государственной росписи в годы неурожайные».

В силу этого, доход государства в последние годы откупов, отмененных в 1863 г., составлял до 46 % всех поступлений впереди (начиная с 1840-х гг.) поступлений подушной подати и оброка с государственных крестьян суммарно. В Британии он не превышал 24 % всех доходов, в Пруссии — 6 %, во Франции — 9 %. За 140 лет существования винного откупа в России «питейный» доход казны вырос, по некоторым оценкам, в 335 раз.

Между тем, откупная система несла с собой колоссальную коррупцию и была источником накопления капитала первых миллионеров: Бенардаки, Кокорева, Гинзбурга, Мамонтова. Вред откупов накануне их отмены признавало и Министерство

финансов. В 1855 г. в записке «О финансах России», представленной Александру II, отмечалось, что только по великорусским губерниям откупной доход составил около 100 млн р., из которых казна получила менее половины.

Поскольку вопрос о соотношении прямых и косвенных налогов (акцизов), налоговом администрировании являлся важнейшим показателем эффективности государственного управления, то откупная система не только подвергалась изучению государственными деятелями, но являлась темой публицистики, работ юристов, экономистов и историков. Дискуссия продолжалась и фактически затронула общую проблему собственности в России, соотношения государственного и частного начал, и роли бюрократии в экономике. В конечном счете речь шла о политике и модели управления страной.

Н. С. Аникина

Фальсификация в виноделии: история и методы выявления *

Современный рынок предлагает потребителю широкий спектр разнообразных виноградных вин, напитков, всевозможных коктейлей на основе вина. Красочность этикеток и причудливость названий скрывает, зачастую, недоброкачественный или фальсифицированный продукт. Ужесточение контроля качества выпускаемой либо закупаемой винопродукции не обеспечивает гарантированных параметров органолептических и физико-химических показателей подлинности напитков из-за несовершенства нормативной базы и узкого перечня показателей, по которым осуществляется такой контроль.

По данным Международного центра по алкогольной политике 30 % потребляемого во всем мире алкоголя являются нелегальным, эксперты из Wine Spectator считают, что 20 % вина поддельно. Еще в 1960-е годы Советскому Союзу из Венгрии было экспортировано в 13 раз больше вин (Leányka), чем можно получить из винограда, выращенного в этой стране. Согласно результатам исследований института «Магарач» доля фальсифицированной винопродукции варьирует в диапазоне 25–40 %.

Фальсификация, подделка и ложная маркировка продукции — это значительная проблема для индустрии продуктов питания и напитков. В период с декабря 2018 г. по апрель 2019 г. в ходе операции «Opson VIII», проведенной скоординированными действиями Интерпола и Европола в 78 странах, было изъято более 16 000 тонн и 33 млн литров потенциально опасной поддельной пищевой продукции и напитков. В результате более 67 000 проверок, проведенных в магазинах, на рынках, в аэропортах, морских портах и промышленных зонах, арестовано 672 человека.

Основными видами подделки вина являются незаконные модификации его состава — разбавление водой, нелегитимное обогащение этиловым спиртом, смешивание с низкокачествен-

* Стендовый доклад.

ными дешевыми винами добавление спирта, красителей, ароматизаторов, сахара и т. д.

Фальсификация в виноделии имеет глубокие исторические корни. Еще римский консул и писатель Катон старший (I век до н. э.) в трактате «О земледелии» приводит подробные состав и рецепты приготовления фальсифицированных вин. И хотя наказывали фальсификаторов очень сурово, вплоть до смертной казни, способы подделки вина развивались одновременно с совершенствованием виноделия.

Разбавление вина водою представляет собой наиболее распространенную фальсификацию. Добавленная вода изменяет интенсивность цвета, уменьшает спиртуозность, заметно изменяет вкус вина, нарушая соотношения, существующие между содержанием экстракта, органических кислот, глицерина и алкоголя. Ущерб казне и доходам города Парижа в 80-х годах XIX столетия, обусловленный добавкой к вину воды, доходил до 7831 франков в год, из которых 3423,75 фр. составляли потери государственной казны, а 4407,3 фр. — города.

Известный химик XIX столетия Chaptal, основываясь на исследованиях Maupin и Macquer (1775 г.), изложенных в «Dictionnaire de Chimie», предложил метод корректировки кондиций незрелого винограда с помощью сахара для производства вин, получивший название шаптализация.

Учитывая, что в виноградной мезге остается достаточное количество экстрактивных, красящих и ароматических веществ, которые легко извлекаются водно-сахарным раствором, бургундский винодел Петио разработал способ приготовления вин, названный «петиотизацией». В 1854 г. Петио публиковал свой способ в «Bullet de la Societe d’encouragement», присовокупив мнение знаменитого химика Тенара о том, что вино, полученное по предложенному способу, превосходит своими качествами полученное из сока виноградных ягод.

Прием, сочетавший разбавление сусла водой с последующим добавлением сахара, называется галлизацией. Для исправления вин, получаемых из незрелого винограда, доктор Галль удалял из виноградного сока избыток органических кислот, разбавляя его водою настолько, чтобы количество кислоты в соке не превышало нормального, принятого для натурального вина

равными 0,6 %. К разведенному соку прибавлялось затем столько сахара, сколько нужно, чтобы получить сусло хорошего состава.

Для уменьшенья кислого и горького вкуса в вине и увеличения его сладости виноделы зачастую прибавляли в значительных количествах искусственного глицерин. Прием этот известен под названием шеелизации, которое дано ему в честь Шеле, известного шведского химика прошлого столетия, открывшего глицерин в 1779 г. Прием этот, как вредный и решительно не вызываемый практикой рационального виноделия, подлежит порицанию и законодательному запрещению.

Доктор Вильгельм Гамм в 1865 г. издал книгу из собранных в Европе рецептов водок и вин, где приведен целый раздел 112. Поддельные вина.

В 1888 г. в России появляется книга К. Майера «Рецепты для выделки искусственных виноградных вин всех стран света». В этой книге приводится состав винных суррогатов всех типов, даются советы по их приготовлению с целью насыщения рынка пользующейся спросом продукцией. Автором описаны способы приготовления вин «петио», галлизированных вин, а также рецепты приготовления полностью искусственных вин, которые являлись подделками под известные марки типа Мадеры, Муската, Хереса.

В 1857 г. в Германии издана книга Карла Деберейна «Учение о продуктах питания для каждого», в которой приводятся способы выявления подделок пищевых продуктов, в том числе алкогольных напитков. В 1884 г. выходит в свет первая монография, посвященная химии вина авторов Боргманна и Нейбауера (Германия), где приводятся методы анализа вин с целью контроля законодательства в области пищевых продуктов.

Однако во второй половине XIX века рынок европейских стран был насыщен разномастными подделками, что подтверждается анализами парижской муниципальной лаборатории. В 1881 году из 3361 образцов, представленных для исследования, лишь 42 % оказались хорошего и среднего качества, в 1882 г. из 5150 образцов такого же достоинства оказалось 48 %.

Законодательная база виноделия начала складываться во второй половине XIX века. В «Своде законов» 1867 г. (Россия)

была представлена статья 44475. Правила виноделия и виноторговли. Законы о вине были приняты в Австрии (1880 г.), Испании и Германии (1892 г.), Швейцарии (1876 г.), Франции (1889 г.). Все законы предусматривали уголовную ответственность за продажу фальсифицированных вин под названием натуральных.

Закон «О виноградном вине России» (1913 г.) определил перечень веществ, используемых в целях стабилизации вин и не влияющих на их натуральность. Приготовление выжимочных вин допускалось лишь для перегонки на спирт, а также для потребления в пределах каждого отдельного хозяйства, в том размере, чтобы количество вин «петио» не превышало 10 ведер на одну десятину земли, занятую под виноградники.

При изготовлении вина для продажи «воспрещается прибавление к нему воды; приготовление виноградных вин с добавлением к ним плодовых или ягодных вин, свежих, перебродивших или сгущенных плодовых и ягодных соков, вытяжек и отваров плодов или ягод, а также всяких красящих и пахучих веществ; прибавление к вину вредных для здоровья веществ, как-то: каменноугольных красок, бензойной, салициловой, борной, азотной, фтористоводородной, щавелевой кислот и их солей, соляной и серной кислот, формалина, абростола, соединений алюминия, свинца, мышьяка, меди, ртути и бария; дульцина, глюкозы, глицерина и соединений стронция и магния».

Согласно ФЗ №468 «О виноградарстве и виноделии в Российской Федерации» (2019 г.) фальсифицированной считают продукцию, сопровождаемую ложной или неточной информацией, которая вводит потребителя в заблуждение относительно состава, свойств, качеств, происхождения и производителя напитка.

В проблеме выявления фальсификации выделяются три направления возможного решения — совершенствование нормативно-законодательной базы, обеспечение эргономической защиты, разработка физико-химических методов анализа:

- Нормативная база представлена федеральным законами, государственными и отраслевыми стандартами, техническими регламентами, регулирующими требования к винам, а также методы определения ряда показателей.

➢ Эргономическая защита предполагает разработку и использование предприятиями-производителями виноградных вин одноразовых индивидуальных бутылок, голограмм, этикеток с разными уровнями защиты.

➢ Разработкой физико-химических методов идентификации занимаются ведущие научные заведения России.

Идентификация вин осуществляется двумя группами методов анализа: органолептическими и инструментальными:

➢ Органолептические — достаточно простоты и недороги в исполнении, но носят субъективный характер и трудно поддаются стандартизации.

➢ Инструментальные — представляют результаты в количественном выражении, воспроизводимы и регламентированы, но при этом требуют высокой квалификации специалистов и дорогостоящего оборудования.

Аутентичность вин обусловлена установленным балансом значений их компонентного состава и интегральных показателей, характеризующих состояние системы в целом. Подделка отдельных компонентов нарушает баланс этих соотношений, при этом значения этих показателей выходят за пределы диапазонов, свойственных подлинным винам. Нами разработана система для выявления разных видов подделки вина (см. табл.).

Способ подделки	Идентифицирующий показатель
Имитация цвета	Наличие синтетических красителей, индекс Фолина-Чокальтеу
Подделка цвета натуральными красителями невиноградного происхождения, сокращение сроков выдержки, подмена сорта	Состав и формы фенольных веществ (фенольный комплекс, полимерные формы, мономерные антоцианы), мальвидин-3,5-дигликозид
Подмена сорта, добавка ароматизаторов, наличие веществ невиноградного происхождения	Соотношения основных и фоновых компонентов аромата, содержание и состав терпеновых спиртов, ароматический профиль

Имитация и корректировка вкуса, наличие веществ невиноградного происхождения	Профили органических кислот (винная, яблочная, лимонная, молочная) и сахаров (глюкоза, фруктоза, дисахариды), глицерин, глицериновый фактор, тартратный индекс
Внесение воды, имитация и корректировка вкуса, подделка типа	Буферная емкость, электропроводность, вязкость, pH, комплексная диэлектрическая проницаемость
Сокращение сроков выдержки	Показатель выдержки
Подделка происхождения	Географические индексы

Предложенная система позволяет сформулировать алгоритм принятия решения при идентификации конкретного образца, комбинируя выбранные показатели в аналитические блоки.

Таким образом, создана современная методическая база, которая позволяет на высокотехническом уровне проводить идентификацию винопродукции, подтверждать ее подлинность и происхождение, обеспечивая защиту экономических интересов государства и производителей, здоровья потребителей и обуславливая имиджевую составляющую рынка вина в России.

М. А. Антипов

Настоятели Тихвинского Успенского монастыря — инициаторы борьбы с пьянством в Тихвинском крае (XVII — начало XX в.)

С самого основания Тихвинского Успенского Богородицкого мужского монастыря (1560 г.) его настоятели и келари на протяжении длительного времени сосредоточили в своих руках практически неограниченную власть, касающуюся не только духовной жизни Тихвинского края, но и его экономического развития, а также судебных практик — с участием как монашествующих и представителей белого духовенства, так и мирян. Злоупотребление алкоголем считалось одним из самых серьезных проступков, за которое виновный подвергался «крепкому монастырскому смирению», что в действительности означало суровое телесное наказание. Так продолжалось вплоть до XVIII столетия, когда в результате секулярных реформ Петра I и Екатерины II настоятели монастырей уже не имели прежнего влияния на мирскую жизнь. И в самом Тихвине уже по решению местной ратуши любой клирик, включая монашествующего, мог быть приговорен к битью батогами…

В XIX веке тема пьянства среди насельников Тихвинского Успенского монастыря часто находила отражение в делопроизводственной документации монастыря. Священноначалие систематически предпринимало меры по укреплению монашеской дисциплины, о чем регулярно доносило в Новгородскую духовную консисторию. При этом настоятели Успенской обители прежде всего своей личной властью наказывали монашествующих, которые вели нетрезвый образ жизни и не желали встать на путь исправления. К подобным мерам наказания можно отнести запрещение выходить в город (в том числе и с целью участия в молебнах перед выносной Тихвинской иконой Божией Матери), посещение ярмарки, прием у себя в келье мирян. Иногда обвиняемый в пьянстве монах не допускался в течение определенного времени до церковного богослужения, или же для него испрашивался архиерейский указ о переводе в Реконскую пустынь. Если же настоятельские увещевания и вразумления не

действовали, то, по ходатайству в Святейший Синод правящего архиерея Новгородской и Санкт-Петербургской епархии с формулировкой «монашества лишить и отослать в светское правительство для определения куда годным окажется», обвиняемый в нетрезвом поведении инок отсылался в Новгородское губернское правление для дальнейшего разбирательства. Также с него бралась подписка «не называться более монашеским именем».

Подобная же практика продолжилась в начале XX столетия, когда, согласно одному из отчетов настоятеля, «бывают случаи нарушения некоторыми из братии монастырского благоповедения особенно по пристрастию некоторых к хмельным напиткам; но эти слабости строго преследуются и исправляются разными способами, пока могут быть терпимы и неогласны». В ряде случаев, по представлению настоятеля Тихвинского Успенского монастыря, Новгородская духовная консистория производила следствие о нетрезвой жизни того или иного монаха. По результатам следствия выносилось решение о признании обвиняемого насельника обители «непригодным для монашеского звания», далее же в Святейший Синод уходило соответствующее ходатайство «о разрешении снять с названного монаха монашество». К этому документу прилагалась резолюция Новгородского преосвященного, где архипастырь утверждал решение консистории. Тем не менее, Синод мог не согласиться с доводами правящего архиерея и консистории только лишь потому, что обвиненный в злоупотреблении алкоголем монах лично не обращался с прошением о снятии с него монашества (согласно ст. 86 Устава Духовных консисторий, 415 ст. Свода Законов изв. 1891 г.). Поэтому в начале XX столетия удаление из монастыря нетрезвого насельника представляло из себя крайне затруднительный процесс.

А. И. Архипова

Проблема распространения спирта среди инородцев Якутской области в деятельности губернаторов

Якутская область рассматриваемого периода по территории занимала почти треть всей Восточной Сибири, и была самой крупной областью в империи. Ее площадь составляла около 3400000 квадратных верст, область состоял из следующих округов: Якутского, Олекминского, Вилюйского и двух северных Верхоянского и Колымского. Для сравнения лишь одни из северных округов области — Верхоянский территориально был больше чем Кавказ, Польша и Финляндия. В то же время область являлась территориальной единицей с самой низкой плотностью населения. Специфической особенностью региона была рассредоточенность населения по территории, сложная транспортная доступность как с центром генерал-губернаторства, так и внутри области. Это создавало сложность в управлении, приказы и запросы губернатора, обратные ответы окружных исправников достигали адресата порой спустя месяц, и более. С середины XIX в. во главе области был назначен губернатор, область вышла из ведения иркутского губернского начальства и обрела определенную административную самостоятельность. Главным предметом деятельности губернатора по управлению согласно законодательству был «надзор за правильным и успешным действием всех местных ее установлений». Одной из актуальных забот губернаторов являлась проблема ограничения распространения спиртных напитков среди инородческого населения. Согласно питейному уставу продажа крепких спиртных напитков в стойбищах и на ярмарках сибирских кочевых и бродячих инородцев была запрещена. При этом на протяжении рассматриваемого периода, случаи подпольного ввоза и продажи спирта и других напитков встречались достаточно часто. В делопроизводстве губернаторов встречается довольно много материалов посвященных решение данной проблемы. В рамках данного сообщения рассмотрен ряд мер областной администрации направленных на ограничение распространения «горячих» на-

питков среди инородческого населения особенно северных округов Якутской области.

Еще областной начальник И. Д. Рудаков во время сенаторской ревизии 1844 г. обратил внимание на данную проблему, и поднял вопрос перед ревизовавшим область сенатором И. Н. Толстым о необходимости запрета ввоза «всяких горячительных напитков» в край.

Уже первый якутский губернатор К. Н. Григорьев издал предписание о запрете ввоза в инородческие стойбища «горячих напитков». Старостам было поручено строго следить за его исполнением, и при малейшем выявлении ввоза, проводить расследование и виновных представлять суду.

Активно занимался данной проблемой В. П. де Витте, предписал якутскому городскому и окружному полицейским управлениям взять подписки не ввозить никаких напитков у всех торговцев в местностях Нелькан, Усть-Мая, Учур и других где обитают кочевые и бродячие инородцы. Организовать строгий надзор за выполнением, при выявлении нарушения закона принять следующие меры: в первый раз подвергнуть денежному штрафу то 10 до 300 рублей; во второй раз помимо штрафа наложить арест на срок от трех недель до трех месяцев и конфисковать все найденные напитки. При этом предусматривались взыскания при невыполнении указанных мер к выявленным нарушителям в полном объеме, для лиц ответственных за надзор, С информацией о данных мерах было опубликовано и растиражировано объявление и разослано в места нахождения инородцев. В частности в местности Нелькан вахтеру запасного магазина было поручено разместить объявление и строго следить за его выполнением.

Также губернатор ходатайствовал перед Восточно-Сибирским генерал-губернаторов М. П. Синельниковым о необходимости ограничения ввоза спиртных напитков и их распространения среди инородцев и Якутского округа области.

В этом отношении были приняты следующие меры. Отправляющиеся в Якутский округ могли увозить вино и спирт, предназначенный строго для личного употребления в количестве, не превышающем одного ведра на человека. При этом должны были получить от исправника или присутствующего соот-

ветствующее свидетельство. За нарушение этого распоряжения предполагалась ответственность. Данное предписание было разослано в улусы, наслега, родовые управления и озвучено на мирских сходах. В свою очередь члены родового общества, выслушав данное распоряжение, подтверждали своей подписью, что ознакомлены с ним.

В окружных управлениях создавались специальные комиссии, которые при выявлении незаконной контрабанды спиртных напитков составляли об этом специальный акт, проводили дознание и представляли данную информацию губернатору. Например, в Среднеколымске в составлении такого акта участвовали окружной исправник, исполняющий должность помощника окружного исправника, управляющий колымской казачьей командой, городской староста, пятидесятник.

Большое внимание на проблему распространения спиртного среди инородцев обращал в своей деятельности губернатор В. Н. Скрыпицын. Губернатор активно ревизовал подведомственную территорию, ездил по округам, общался с местным населением. Во время проведения ревизии территории Верхоянского и Колымского округов он лично убедился, что проблема непомерного употребления спиртного здесь обстоит крайне остро, отметил отсутствие ограничений на ввоз и продажу спиртного в крае. Эта проблема особенно обострилась при открытии золотоносных приисков, и, по мнению губернатора, являлась большим препятствием в развитии Якутской области. Скрыпицын последовательно обращался с ходатайствами к генерал-губернатору, в профильные министерства и ведомства с предложениями и запросом о необходимости полного воспрещения ввоза спиртных напитков в северные округа области и кочевья тунгусов. Одним из важных каналов коммуникации местной власти с центром являлись ежегодные губернаторские отчеты. В отчете императору он подробно описал данную проблему, отметив, что это крайне необходимо в «виду особой склонности этого населения к неумеренному употреблению спирта и его вреда для народного здравия, вследствие сильного распространения на севере сифилиса». Губернатор видел применение данных мер жизненно необходимыми для устранения «эксплуатации населения и в предупреждении дальнейшего его

вымирания». Император обратил на это внимание, и напротив свидетельства губернатора о том, что он вновь ходатайствовал перед Министерством финансов и иркутским генерал-губернатором о совершенном запрете ввоза спиртного в северные округа области и кочевья тунгусов наложил резолюцию: «Что решено?». Рассмотрение императорских резолюций состоялось на заседании Комитета министров, министерствам внутренних дел и финансов поручили предоставить необходимые сведения. Впоследствии местной администрации было поручено разработать мероприятия направленные на установление порядка в вопросе торговли спиртом. Меры, принятые администрацией должны были быть приняты во внимание при организации казенной продажи вина в Якутской области, которая находилась в разработке, и была введена с 1904 г.

Помимо этого серьезные нарушения в вопросах поставки спиртного на прииски были выявлены при обзоре Витимской и Олекминской золотоносных систем.

Губернатор с согласия акцизного ведомства и министерства финансов разработал меры для установления порядка в этом деле. Произошли следующие изменения поставки сохранились в полном объеме, но был введен особый тип питейных заведений и общественных винных лавок. От прибыли лавок 25 % стало отчислять на образование фонда ссудных касс.

Контроль над ввозом спиртных напитков в северные округа активно проводился и вначале XX в. Был организован досмотр грузов и клади прибывающих в города. Для досмотра грузов во главе с управляющим составлялась комиссия с привлечением понятых, по окончании осмотра вещей составлялся и подписывался специальный акт. Из Якутского областного правления окружным исправникам доставляли специальный список лиц, которым на текущий год было выдано официальное разрешение губернатора на провоз спирта в северные округа.

Казенная продажа питей в Якутской области была введена с 1 июля 1904 г. При этом в Сибири в малонаселенных местностях казна взяла на себя лишь оптовую продажу спирта, раздробительная часть же была в руках частных предпринимателей, которые были обязаны закупать спирт исключительно у казны. В условиях действия казенной винной монополии ограничения

по продаже крепких спиртных напитков на ярмарках и стойбищах кочевых и бродячих инородцев и в стойбищах сохранялись.

Закон, изданный 6 июня 1904 г. постановил, что водворение и сбыт, крепких напитков, «за исключением лишь предназначаемых для врачебных целей, по требованию врачей и с особого, каждый раз, разрешения подлежащих губернаторов, воспрещается…». Он также установил особые правила относительно отпуска рабочим вина местными золотопромышленниками. Несмотря на возражения Якутского губернатора и Иркутского генерал-губернатора, это дело как и прежде было сосредоточено в руках золотопромышленников и под контролем состоящих в зависимости от них местных чиновников.

Местная администрация в лице губернаторов в рамках своих должностных полномочий старалась внедрять и соблюдать всевозможные меры в отношении правил ввоза, хранения, распространения и обращения крепких спиртных напитков в области.

А. Л. Афанасьев

Трезвенное движение 1907–1914 годов как реформистское в период «выбора пути» в России

Период русско-японской войны и революции 1905–1907 гг. явился для России фазой «беспорядка», что вызывало в обществе недовольство, поиски выхода. Часть людей видела главную причину несчастий в разрушительной системе продажи казённой водки и вступала в трезвенное движение.

Трезвенное движение — это общественное движение за добровольный отказ граждан от употребления алкогольных изделий, за принятие органами государственной власти и местного самоуправления ограничительных и просветительных мер в отношении продажи, производства, распространения и потребления алкоголя. Оно относится к «реформистским», «мирным» социальным движениям.

Внутри рассматриваемого периода (1907–1914 гг.) выделяется три этапа движения. *Первый из них — вторая половина 1907 — конец 1909 гг.* Это время спада общественного движения и спада промышленного производства 1904-1908 гг. Несмотря на это, началось широкое обсуждение алкогольного вопроса и принятие просветительных и ограничительных мер.

Необходимым «толчком» послужили выступления 16 и 27 ноября 1907 г. на 1-й сессии III Государственной Думы члена фракции октябристов, самарского предпринимателя из крестьян М. Д. Челышова. Он впервые публично призвал к решительным мерам по утверждению трезвости как необходимому условию здорового развития русского народа и существования Российского государства. 11 декабря 1907 г. была избрана думская «Комиссия о мерах борьбы с пьянством» Государственной Думы (далее — «Комиссия»), ставшая центром обсуждения вопроса и разработки антиалкогольных мер. Председателем её стал епископ Гомельский Митрофан (Краснопольский), товарищем (заместителем) — М. Д. Челышов.

Комиссия посылала в министерства и ведомства запросы о том, что предпринимается ими для уменьшения пьянства. В от-

ветах они указали следующие меры, принятые во многом под влиянием деятельности Комиссии:

1) Министерство народного просвещения в 1908 г. издало и разослало во все средние и некоторые низшие учебные заведения брошюру «Список наглядных учебных пособий и собрание программ для преподавания гигиены», где вопросы об алкоголизме были выделены в особую группу;

2) Военное министерство приказом от 30 декабря 1908 г. отменило выдачу нижним чинам в высокоторжественные дни «чарки» (около 123 мл) водки и воспретило «продажу водки и крепких спиртных напитков в солдатских лавках и буфетах, допустив лишь продажу лёгкого виноградного вина и пива»;

3) Св. Синод принял определение от 4–6 июня 1909 г. «О борьбе с пьянством в народе», где указал духовенству необходимые просветительные и организационные средства борьбы.

В 1909–1914 гг. в России происходил промышленный подъём, а в 1910–1914 гг. и рост общественного движения («новый революционный подъём»). Одним из проявлений подъёма активности реформистской части общества, выступавшей за *мирное обновление страны*, стало развитие трезвенного движения. *Второй его этап — это конец 1909–1912 гг.*, когда в Петербурге и Москве впервые в истории прошли два Всероссийских съезда по борьбе с пьянством, а в III Государственной Думе был принят законопроект о мерах борьбы с пьянством. На трёх названных «всероссийских собраниях представителей» (съезды и Дума) алкогольный вопрос был всесторонне обсуждён и намечены пути его решения. Была «собрана», «накоплена» энергия-информация и «передана» на места. Её распространение происходило через участников съездов и членов Думы, через светские и церковные газеты и журналы, важнейшим среди которых был журнал Александро-Невского общества трезвости «Трезвая жизнь».

Поддержка с мест и энергичная деятельность думской Комиссии в 1907–1911 гг. принесли свои плоды. *Антиалкогольный законопроект, дополненный рядом важных положений, был принят при третьем, окончательном, обсуждении на пятой сессии III Государственной Думы 16 ноября 1911 г.* Он предусматривал:

- право вынесения запретительных приговоров о продаже крепких спиртных напитков (далее — алкоголя) волостным, сельским сходам, городским думам и другим органам местного самоуправления на подведомственных территориях;
- на сельских сходах по этому вопросу право решающего голоса получали наряду с домохозяевами их совершеннолетние жёны и матери;
- воспрещалась торговля алкоголем в субботние и предпраздничные дни после 2-х часов дня и полностью — в воскресные и праздничные дни;
- места продажи алкоголя могли находиться: в столичных и губернских городах — не ближе сорока сажен (85 м), а в остальных местностях — не ближе ста сажен (213 м) от церквей и учебных заведений всех типов;
- во всех начальных, средних и педагогических учебных заведениях учащимся должны были сообщаться «сведения о вреде, приносимом употреблением спиртных напитков».

Хотя принятый законопроект и не обрёл силу закона, в силу противодействия алкогольного капитала, но многие из тех мер, что в нём предусматривались, были проведены в жизнь в результате царских указов, начиная с весны-лета 1914 г.

Третий этап движения — 1913 — июль 1914 гг. Трезвенное движение становилось всё более массовым. Российская верховная власть с начала 1913 г. перешла к его открытой поддержке с целью обрести в нём дополнительную опору. Николай II 4 апреля 1913 г. благожелательно принял в Царском Селе депутацию от российских православно–церковных обществ трезвости.

С января 1911 г. в Петербурге действовал состоящий под покровительством великого князя Константина Константиновича Всероссийский трудовой союз христиан-трезвенников (ВТСХТ). 28–29 апреля 1913 г. ВТСХТ при поддержке своих местных отделений и других обществ трезвости провёл в Петербурге и городах и сёлах 56-ти губерний *первый Всероссийский праздник трезвости*. В ходе него проводились богослужения, крестные ходы с молитвами о страждущих от пьянства, распространялись трезвенные листки, брошюры, значки, собирались пожертвования, читались лекции.

По благословению Св. Синода 29 августа 1913 г. в Москве, в Московской и ряде других епархий прошёл Всероссийский церковный праздник трезвости.

7–8 апреля 1914 г. состоялся организованный ВТСХТ *второй Всероссийский праздник трезвости*. Он прошёл в Петербурге и 55 губерниях и областях. Благодаря праздникам трезвенная работа приобрела новый широкий, открытый характер.

В 1909–1914 гг. происходил заметный *рост числа обществ трезвости и числа их членов*. По нашим подсчётам, на 1-е января 1911 г. в России, без Польши и Финляндии, насчитывалось 1873 общества, в них числилось более 500 тыс. членов. *74,5 % обществ находилось в сельских поселениях* и 25,5 % в городских. В сельских обществах преобладали крестьяне, в городских – рабочие, многие из которых была выходцами из села. *1782 общества (95,0 %) были религиозными, из них 1771 (99,4 %) православными*. Приведенные цифры наряду с другими данными позволяют сделать вывод о том, что *трезвенное движение было естественным средством самозащиты традиционного, «крестьянского» общества от разрушительной алкогольной политики.*

30 января 1914 г. в рескрипте Николая на имя нового министра финансов П. Л. Барка провозглашалась финансовая политика с отказом от получения существенной части государственных доходов за счёт продажи казённой водки. 11 марта П. Л. Барк в циркуляре к управляющим акцизными сборами указал на необходимость «…относиться с полной благожелательностью к ходатайствам сельских обществ о закрытии или недопущении торговли крепкими напитками…». Следствием рескрипта и циркуляра стало принятие большого числа приговоров сельских обществ о закрытии казённых винных лавок и проведение различными ведомствами и Церковью ограничительных и просветительных мер.

В результате трезвенного движения происходило духовное и физическое оздоровление людей, улучшалось материальное положение и обстановка в семьях и общинах, что повышало возможности развития общества по реформистскому, мирному пути.

С началом Первой мировой войны движение ослабло, а в чрезвычайных условиях революции 1917 г. оно на долгое время прекратило существование.

В. Афанасьева

Производство и потребление алкоголя и борьба с пьянством в Калужской губернии (1894–1914)

Калужская губерния находится на юго-западе от Московской, от столицы ее центр — Калугу — отделяют 180 км или 6 часов на поезде в конце XIX века. С середины XIX века экономика губернии находится в упадке. Число предприятий уменьшается, в частности, из-за обмеления некогда глубокой и судоходной реки Оки, а также в связи со строительством новой железнодорожной ветки в обход Калуги. Местные историки отмечают, что, несмотря на кризис, у Калужской губернии есть свой повод для гордости, а именно, ее питейные заведения. К примеру, в 1893 г. в одной только Калуге, с ее населением около 50 тыс. человек, насчитывается 122 заведения .

До установления винной монополии 1 июля 1901 г., в Калужской губернии, как и по всей России, действует акцизная система, согласно которой алкоголь облагается налогом в момент производства. 12 дистилляционных заводов и 3 пивоварни производят напитки на территории губернии, а за счет ввоза вина и других алкогольных напитков из других губерний и из-за границы, калужское население имеет достаточно большой выбор для потребления. После подписания 6 июня 1894 г. закона о винной монополии губернские власти начинают подготовку к ее введению: в Калуге вблизи железнодорожного вокзала строится казенный винный склад, и еще, как минимум, в двух волостных центрах находятся подобные склады. С 1901 г. ввоз напитков не останавливается, пивоварни продолжают варить пиво, а дистилляционные заводы передают отныне все свое производство в казенные винные склады на ректификацию. Затем это «вино», как его называют в источниках, поступает в продажу в казенные магазины. Для населения выбор напитков остается прежним, за исключением нового, казенного, «вина».

Борьба с пьянством представляется как вторая цель закона о винной монополии, после увеличения налогообложения. В Калужской губернии еще в 1890-х гг. фигурируют два общества трезвости. В 1901 г. рождается губернское попечительство о на-

родной трезвости, которое опирается на сеть волостных комитетов. Они создают избы-читальни, чайные салоны, организуют конференции с участием приглашенных специалистов и использованием волшебного фонаря. В 1905–1906 гг. вследствие сокращения финансирования, их деятельность постепенно прекращается.

Данное исследование изучает локальные особенности и ограничения производства и потребления алкоголя в Калужской губернии. Эта территория представляет собой интересный исторический объект своей географической позицией недалеко от Москвы, состоянием экономического упадка и обилием питейных заведений.

Данный доклад основан на неизданных документах Государственного архива Калужской области, а именно на изучении фондов Калужского губернского акцизного управления и Калужского губернского комитета попечительства о народной трезвости. Хронологические рамки исследования располагаются между подписанием закона о винной монополии в 1894 г. и введением сухого закона летом 1914 г., в момент начала Первой мировой войны. Таким образом, будут представлены особенности производства и распространения алкогольных напитков в губернии до и после введения винной монополии. Часть доклада посвящена изучению мер, принятых властями, церковью и частными лицами для ограничения пьянства.

И. П. Бабин

Из истории барного дела в Российской империи и СССР

Первые бары появились в России в 1905 г. в Петербурге и Москве. В Петербурге одним из первых баров был «American Bar» при ресторане «Медведь» на Большой Конюшенной улице, а в Москве первый баров был открыт в только что возведённой гостинице «Метрополь» в Театральном проезде. Известно так же, что до революции 1917 г. в Петербурге бары существовал и в ресторанах «Контан» при гостинице «Россия» (наб. Мойки, 58) и в гранд отеле «Европа» (Михайловская ул., 1/7).

Просуществовав неполные 10 лет до 1914 г. бары практически прекратили своё существование в силу ограничений на торговлю алкогольными напитками, введённых с началом Первой мировой войны. Эти ограничения продолжали действовали и после Февральской и Октябрьской революций 1917 г. и вплоть до середины 1920-х годов. Первые бары в СССР были открыты в гостиницах образованного в 1933 г. Всесоюзного акционерного общества «Интурист». Судя по рекламе этих гостиниц, бары в них были открыты в 1937 г., но они не были общедоступными, так как были предназначены только для обслуживания иностранцев. К таким гостиницам в Москве относились: «Метрополь», «Савой», «Новомосковская» и «Националь». В Ленинграде обслуживанием иностранных туристов занимались гостиницы «Европейская», «Астория» и «Англетер». Известно так же о существование в эти же годы баров, доступных для обычных советских граждан. Бары существовали в сети предприятий общественного питания открытого в 1937 г. Центрального парка культуры и отдыха им. М. Горького, а также при ресторане «Аврора», располагавшегося в Петровских линиях в Москве.

Однако эти бары отличались от первых «дореволюционных» тем, что те бары были прямым заимствованием, хорошей, во всех отношениях, копией самых известных зарубежных баров того времени, как по ассортименту напитков, так и по оснащению, выучке и даже форме барменов. Советские же бары 30-х гг. XX в. не могли предложить такого разнообразия сме-

шанных напитков. Страна в силу своего экономического состояния не могла позволить себе закупки разнообразных зарубежных алкогольных напитков, барного инвентаря и посуды, а без всего этого невозможно было приготовить известнейшие и популярные во всем мире коктейли, и другие смешанные напитки. Возможно было готовить только кое-какие коктейли на основе тех спиртных напитков, производство которых уже было налажено к тому времени. И ещё — в стране были полностью утрачены профессиональные знания в области организации барного дела. Это было не удивительно, ведь со времени появления первых баров в России прошло уже более 30 лет, за эти годы было пережито много: три войны, революция, эмиграция, голод.

В предвоенный период в СССР на развитие таких предприятий питания, как рестораны, кафе и бары несомненное влияние оказывала и идеология. Населению, и в первую очередь молодёжи, внушалось, что рестораны и другие подобные заведения являются «буржуазным пережитком», что они чужды нормам коммунистического морали.

И тем не менее в 1939 г. в Москве, в только что достроенной к XVIII съезду ВКП (б) гостинице «Москва» на первом этаже, в части здания, обращённой к площади Революции и улице Горького, были оборудованы бар и кафетерий.

В том же 1939 г. на ВСХВ были открыты бар-ресторан при павильоне «Главпиво» и дегустационный зал в павильоне «Главликерводка».

Но, пожалуй, самым известным баром того времени стал «Коктейль-холл», открытый в 1939 г. в Москве в помещении 1-го этажа корпуса Б по улице Горького (ныне Тверская ул., 6).

Необходимо признать, что, этот новый для Советского Союза тип предприятия общественного питания долгое время существовал в зачаточном состоянии. Достичь мирового уровня в этой области не удавалось.

В стране, совсем недавно пережившей революцию, гражданскую войну, коллективизацию, голод, ещё одну войну и другие катаклизмы граждане воспринимали бары как нечто непонятное, экзотичное. По сложившейся в России культуре потребления алкогольных напитков население предпочитало пить чистые, не смешанные, напитки. Не хватало средств на

приобретение для оснащения баров необходимого оборудования, инвентаря, посуды, напитков и сопутствующих продуктов. В предвоенные годы в стране уже было налажено производство довольно широкого ассортимента ликёро-водочных изделий (водка, голландский джин, ликёры, настойки, наливки и др.), шампанского и вин, но пока не производились и не закупались за рубежом виски, вермуты и другие компоненты, необходимые для приготовления большинства из коктейлей и других смешанных напитков, ставших к тому времени известными и популярными во всём мире. Отсутствовала профессиональная подготовка барменов.

Следующий этап развития баров СССР можно отнести к концу 50-х — началу 60-х гг. XX века, когда был чуть-чуть приподнят «железный занавес».

Прорыв в развитии баров в СССР произошел в 1970-е гг. в первую очередь в сети гостиниц Управления по иностранному туризму при Совете Министров СССР, а также на круизных судах Министерства морского и речного флота СССР и гостиницах Бюро международного молодёжного туризма «Спутник». Все эти ведомства обслуживали иностранных туристов и имели возможность приобретать для оснащения баров иностранное оборудование, инвентарь, напитки и другие сопутствующие товары. Но иметь необходимую техническую базу и напитки было недостаточно. В стране по-прежнему отсутствовала профессиональная подготовка барменов, не было учебников и даже каких-либо книг о приготовлении смешанных напитков для широкого круга читателей.

В 1976 г. при ИПК Госкоминтуриста СССР в Москве были организованы двухмесячные курсы барменов для гостиниц системы Интуриста. Формально имея цель повышения квалификации, они на самом деле были первой и единственной на то время в стране школой, где подготавливались бармены.

Но настоящий расцвет барного дела в России наступил только после 1991 г. после смены формы собственности и начала развития рыночных отношений в России, приведших к возрождению и бурному развитию сферы общественного питания.

Т. А. Базарова

Вино в повседневной жизни русских дипломатов при османском дворе: эпоха Петра Великого

Согласно посольскому обычаю, Высокая Порта брала на себя обязанность содержать прибывавшие к османскому двору иностранные посольства. Главам дипломатических миссий выплачивался «корм» или выдавалось продовольствие. Так, в 1699 г. полномочные посланники Е. И. Украинцов и И. П. Чередеев по прибытии в Стамбул в течение трех дней получали мясо, крупы, масло, хлеб овощи и виноградное вино.

Послы имели возможность самостоятельно приобретать спиртные напитки. Как правило, русские дипломаты покупали вино в Фонаре (Фанаре) — районе Стамбула, где проживали православные подданные турецкого султана. В январе 1721 г. посланник А. И. Дашков (резиденция которого находилась в Галате) пожаловался главе Коллегии иностранных дел на сложности, связанные с покупкой вина. Западноевропейским послам вино поставляли находившиеся под их протекцией купцы, а ему приходилось по-прежнему обращаться к грекам. В феврале 1721 г. А. И. Дашков отправил с курьером местное красное вино «на опыт» в Санкт-Петербург.

Вино вместе с легкими закусками подавалось на стол по время протокольных визитов. В 1704 г. П. А. Толстой «подчивал» английского посла Р. Саттона «разолинам и разными винами». Через несколько дней уже в английском посольстве П. А. Толстому «подносили… розные вина и чекулат, и ставили конфекты и сахары».

Русские дипломаты использовали алкоголь в различных жизненных ситуациях. В 1705 г. П. А. Толстой доложил в Москву, что «обасурманившийся» подьячий выпил на ночь водку, от чего к утру скончался. В 1712 г. П. П. Шафиров посоветовал польскому посланнику Гольцу выведать секретную информацию у австрийского резидента «на подпивке».

С разрешения Высокой Порты на русском посольском дворе были организованы банкеты в честь тезоименитства Петра Великого и годовщины Полтавской победы, а также в честь за-

ключения Ништадтского мирного договора. В донесениях русских дипломатов сохранились описания этих торжеств, а в расходных книгах — записи о напитках, которые подавались гостям. В 1712 г. во время празднования на посольском дворе, которое было устроено П. П. Шафировым и М. Б. Шереметевым, «для народу пущены были фонтаны с белым и красным вином». Гостям, которых было более ста человек, подавали вина, «каковые могли наилутче в том месте обретены быть». В расходных книгах резидента И. И. Неплюева упоминалось, что для банкета в честь Ништадтского мира было закуплено 29 992 ока вина красного и белого на 285 человек. Приобрели дорогие привозные вина (французское, бургундское, мускаты, токайское, флорентийское, «эдемозель» и др.), а также шесть бочек «олонского вина» и «водок француских разных сортей». Гостям все выпить не удалось. В апреле 1722 г. И. И. Неплюев сообщил, что после банкета осталось вина «ок 800 или 900, которое я после употребил в свой разход… а взято было тогда с ызлишком, того ради дабы в стыд не притти, ежели б не стало».

В апреле 1728 г., когда резидент с разрешения Порты устроил банкет в честь вступления на престол Петра II, на стол для гостей также поставили «вина токайское, шанпанское, бургонское, мушкат кипрский, флорентийское красное, дерено, эдемозель, олонское».

А. В. Барсукова

Торговое движение хлеба как условие развития питейной торговли в Коломне и Коломенском уезде в XVII веке

В исследовании показана взаимосвязь между развитием питейной торговли в Коломне и Коломенском уезде в XVII веке и транзитным положением территории на пути следования торговых потоков зернового хлеба, в том числе ржи — сырьевой основы винокуренного производства.

В XVII веке коломенцы смогли установить и поддерживать торговые связи со значительным количеством рынков — более 40, в бассейнах Оки, Волги, Днепра и Верхнего Дона.

Были выявлены закономерности торгово-закупочной деятельности коломенцев, выступавших посредниками в осуществлении денежно-товарного обмена прикамской соли на хлеб из южных уездов. Функционирование соляных дворов в Коломне включило торговых людей города в интенсивный процесс реализации соли, осуществляемый на приокских рынках в XVII в. Для коломенцев это создавало возможности для выгодного ведения предпринимательских операций: на прибыль от соляной торговли велась оптовая закупка хлеба в южных уездах и его последующая реализация на рынках Москвы и подмосковных городов, в том числе и в виде сырья для производства питейных напитков.

Вектора направления речных и сухопутных дорог через город предопределили места расположения питейных заведений, во многом ориентированных на приезжих деловых людей и наёмных ярыжных работников. Для Коломны XVII в. организованная питейная торговля посредством функционирования нескольких кабацких заведений являлась важным индикатором стабильности и интенсивности активной экономической жизни русского города на протяжении сложного в финансово-податном и социально-политическом плане «бунташного» столетия.

Фактологическим подтверждением развития питейной торговли в Коломне и Коломенском уезде в XVII в. также служат сведения по динамике развития состава городских торговых ря-

дов. Уже в 20-е гг. XVII в. зафиксировано наличие Житного и Солодяного ряда как свидетельства расширения объёмов зерновой розничной торговли в российских городах. Весьма наглядны данные о размерах собираемого налога с городских торговых заведений, которые позволили показать, что именно с этого ряда оброчная доходность была одной из наиболее высоких.

В работе рассмотрены и те питейные заведения, которые находились в Коломенском уезде: в селе Малине боярина князя Ю. А. Долгорукова, в родовой вотчине Д. М. Пожарского — в селе Марчуги (Марчуки), в государевом селе Бронничи.

В ходе исследования был изучен состав строений, набор инвентаря и имущества городского и сельского кабацкого хозяйства. Анализ сумм кабацких сборов, изучение деятельности коломенских солодовен в фокусе товарного солодоращения, выявление фактов интенсивного участия в торговле сырьём на московском рынке для различных питейных заведений свидетельствуют о предпринимательском участии коломенцев в развитии питейной торговли в XVII веке. В работе на источниковых сведениях прослеживается, что торговые операции коломенцев не ограничивались покупкой зерна для прямой перепродажи, а являлись частью мероприятий целого предпринимательского цикла, ориентированного на изготовление и сбыт нового товарного продукта — солода, необходимого для винокуренного производства.

Отдельно представлена организационная роль коломенцев в обеспечении откупной системы функционирования кабацких заведений других территорий в XVII в., например, в Серпухове, в сёлах Каширского уезда.

Изучение темы основано на сведениях материалов таких источников, как акты судебного делопроизводства, ценовные росписи, переписные и оброчные книги.

И. Е. Барыкина

История питейного дела в сочинении гр. Д. А. Толстого «О винной регалии в России до времен Петра Великого»

Д. А. Толстой написал историческое сочинение «О винной регалии в России до времен Петра Великого» накануне выпуска из Царскосельского Лицея, когда ему было девятнадцать лет. Оно было опубликовано в 1842 г. в июльском номере «Отечественных записок» — самого распространенного литературного и общеполитического журнала того времени. Тема выпускного сочинения была весьма актуальной: в правительственных кругах велись дискуссии по поводу целесообразности существования откупной системы, и шел поиск ее альтернатив.

В начале статьи автор объяснил, что стремился выяснить происхождение питейного сбора, приносящего значительный доход правительству. Отметив, что этот источник государственных доходов вошел в Свод законов Российской империи, Толстой занялся изучением предыстории правительственных мер в данном направлении с основания государства до конца XVII в. Основное внимание он сосредоточил на XVI и XVII столетиях. Недавно опубликованные акты Археографической экспедиции позволяли автору утверждать, что винная регалия как статья государственного дохода законодательно оформляется именно в этот период. Толстой выделил учреждения, занимавшиеся сбором дохода от винной регалии в масштабах всего государства («главное управление») и на местах («местное управление»), рассмотрев последние по следующему плану: подведомственность, условия назначения чиновников, отвечающих за этот сбор, наказания их за правонарушения и порядок судопроизводства.

Интересно, что уже в этой юношеской работе можно видеть правоведческий подход, свойственный всем будущим историческим сочинениям Д. А. Толстого. Это неудивительно, поскольку подобное отношение было обусловлено юридическим направ-

лением лицейского курса истории. Автор изучил достаточно широкий (по меркам того времени) круг источников. Не случайно среди них оказались Свод законов Российской империи и речь «доктора прав», профессора Московского университета Федора Морошкина. С этого времени история для Д. А. Толстого — это, прежде всего, история права, история возникновения и развития государственных учреждений и их законодательного оформления. Кроме актов Археографической комиссии, он ссылался на русские летописи, свидетельства иностранцев (Контарини и Маржерета) и общий курс — «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина.

На протяжении четырех лет после окончания Лицея Д. А. Толстой сочетал свои служебные обязанности с учеными занятиями. Результатом стало новое, более объемное историческое сочинение — «История финансовых учреждений в России со времени основания государства до кончины императрицы Екатерины II» — продолжение исследований по истории финансов. Статья о винном откупе полностью вошла в его состав как одна из глав раздела «Регалии». Начав заниматься историей питейного сбора как статьи государственных доходов, Д. А. Толстой пришел к выводу, что история финансов в целом недостаточно изучена и поэтому представляет научный интерес, тем более что четыре года работы с источниками и историографией позволили ему расширить хронологические рамки исследования, включив в него и XVIII в.

Несмотря на то, что сочинение о винной регалии являлось юношеской работой, его автор предстает как сложившийся исследователь. Не случайно рецензенты обратили на это внимание при разборе «Истории финансовых учреждений в России». А. П. Заблоцкий-Десятовский отметил, что история винной регалии разработана Д. А. Толстым более подробно, и этот раздел сочинения представляет собой «как бы особый труд, к которому в последствии автор приделал другие отделы».

Сочинение «О винной регалии в России до времен Петра Великого» Д. А. Толстого представляет интерес не только как его первое историческое исследование, раскрывающее исследовательский потенциал автора, но и как пример методологических принципов, которым он будет следовать в дальнейшем: правоведческий подход, взгляд государственника на исторические проблемы, привлечение недавно открытых источников. Эти принципы будут развиваться в сочинениях Д. А. Толстого, они станут его отличительной чертой как чиновника, сочетавшего в своей деятельности два аспекта: научный и административный.

М. А. Белан

«Глава городской когда распоряжался все время был нетрезв и вряд ли блюл экономию…»: обвинение в пьянстве в практике городского самоуправления и жизни городского общества на рубеже XVIII и XIX вв.

Пьянство традиционно являлось одним из важнейших обвинений в общинной среде, в том числе у городских сословий — купцов и мещан, ремесленников, представителей иных категорий: нетрезвый, «порочный» образ жизни упоминается в связи с самыми разными городскими ситуациями XVII–XIX вв. Источники локального уровня — материалы городских дум и магистратов — позволяют лучше всего увидеть и оценить разнообразие городской жизни и ту роль, которую в ней играли обвинения в пьянстве. Изучение документов из коллекций органов городского самоуправлений пяти городов Санкт-Петербургской губернии в 1780–1820-х гг. позволило выделить определенные закономерности и общие тенденции (использованы приговоры обществ купцов и мещан, журналы дум, переписка с губернским правлением). Данное исследование приобретает большое значение потому, что в конце XVIII — начале XIX в., при воплощении в жизнь городских реформ, городские структуры, практики и традиции общин, городского самоуправления, всего городского общества претерпевали важные изменения: новые пути устройства гражданства, предъявляемые к нему требования (в частности, введение городских выборов и т. п.) зачастую приводили к сложным сочетаниям нового и старого в общественной среде города, повседневной жизни обитателей больших и малых центров.

Предмет данного исследования — использование обвинений в пьянстве обществами мещан и купцов, а также городскими магистратами (почти всегда из купцов). В качестве объекта выбраны пять уездных городов столичной губернии небольшого и среднего размера, некоторые из которых сильно различались экономической составляющей и структурой населения: такой выбор также позволяет увидеть специфику «провинции» на фо-

не Москвы, Санкт-Петербурга и крупнейших центров (для сравнения приводится ряд дел из других городов). Цель работы — выделить типические и нестандартные ситуации, проследить, как изменялось использование обвинений в пьянстве — и как это коррелировало с переменами в законодательстве — и с новыми реалиями городской жизни и традициями самоуправления, постепенно эволюционировавшими в сторону гражданского общества.

В первом разделе доклада рассматривается традиция назначения в армию и флот, а также в ополчения «порочных» членов общества. К концу XVIII в. уездные мещанские общины активно использовали возможность отправки в службу, в том числе вне наборов, по обвинениям в пороках — и пьянство играло ключевую роль в приговорах: проанализированы формулировки, использовавшемся в приговорах общин, соотношение обвинений в пьянстве с иными пороками (неплатеже, отлучки и др.); на ряде примеров показана проблема соотношения законов, теории — и реалий, практики социальных отношений в общине и городе. За обвинениями в пьянстве стояло желание очистить городской коллектив от нежелательных элементов, которое в этот период проявлялось в городской среде, вероятно, в большей степени, чем в деревне. Использование обвинений в пьянстве необходимо рассматривать в контексте изменения государственной политики, претерпевавшей на рубеже веков частые изменения: ограничение/поощрение мобильности, стремление к приписке лиц разного звания к городам (что негативно воспринималось общинами), и т. д. Проблема отправки под видом «порочных» пьяниц и маргиналов нашло выражение в высоком возрасте (к 1790-м-гг. в среднем до 30 лет) рекрутов из городов и их моральных качествах. Но часто под видом «порочных» отправлялись вовсе не пьяницы и должники, а одиночки, малосемейные, недавно записавшиеся. Долгое время эта ситуация, известная губернским и центральным властям, игнорировалась правительством (в том числе так как это сокращало расходы на полицию в городах). Однако значительное увеличение потребностей в людской силе с началом кампаний Александра I привело к столкновению интересов правительства и общин и появлению важных регулирующих установлений (особенно с 1808 г.), направлен-

ных на снижение произвола при назначение приговорами общин именно по «порочным» обвинениям — в пьянстве и т. п.

Во второй части рассматриваются разные варианты использования обвинений в пьянстве в рамках общинного и градского самоуправлением, в контексте изменений политической культуры города. Во-первых, в пьянстве обвинялись должностные лица: это делалось непосредственно для дискредитации главы или магистратов, но и с другими целями (чтобы избежать градского служения и др.). У городской элиты могло иметь место взаимное обвинение в пьянстве, например, при конфликте думы и магистрата. С другой стороны, в пьянстве нередко обвинялись члены городского общества: за появление в присутственных местах «вечно» в нетрезвом виде, при взносе налогов (даже при явке «поутру»). За этими обвинениями, однако, просматриваться важные реалии городской жизни: вся община могла обвиняться, и по многу раз, в явке на общественные и общегородские собрания в нетрезвом виде — и градское начальство просило помощи (штрафов) в борьбе с такими традициями. В маленьких городах собрания общин и градского общества могли носить еще более неформальный характер и проводиться не в общественных зданиях, а в кабаке.

Использование обвинений в пьянстве в контексте социальных и политических реалий города — сложная многогранная тема, требующая дальнейшего изучения. Анализ локальных источников позволяет понять традиции и конкретные практики городской жизни и оценить, как обвинения в пьянстве отражали старые и новые элементы в городской культуре.

А. В. Белов

Создание «непременных винных магазейнов» как часть реформы города Екатерины II: особенности и парадоксы реализации планов преобразований

Вторая половина XVIII столетия отмечена масштабными преобразованиями. Они не только непосредственно затронули город как административный цент, создав иерархически городскую сеть страны, но и сформировали, привычную нам сегодня, городскую среду. В первую очередь в ее функциональном плане.

Получая конкретный административный статус, город приобретал набор функций связанных с исполнением своей роли, а также перечень необходимых для этого институтов и зданий. В терминологии того времени последние наименовались как «обязательнонужные» сооружения. На возведение этой группы построек государством выделялась особая «градоустроительная» сумма.

Перечень городских функциональных сооружений, возводимых в период реформы города Екатерины II, далеко выходил за пределы сугубо управленческих структур — присутственных мест, казенных палат и т. п. объектов. Атрибутом городского статуса (правда, на разных его уровнях) выступали также соборные храмы, места общественного гуляния, театры и «воксалы», учреждения Приказа общественного призрения, а также особенности организации городского пространства (в первую очередь центральной части города) и др. элементов его облика города.

Одним из «обязательнонужных» сооружений выступали питейные дома и склады для хранения казенного вина — «винные магазейны», сооружение которых особым образом прописывалось в планах формирования городской инфраструктуры. Со временем эти объекты стали восприниматься как обязательные атрибуты города, внешние признаки его статуса. Наряду, в частности, с соборными храмами или тюремными острогами. При чем в отличие от последних (присущих преимущественно

губернским центрам), винные «магазины» предполагали изначально «устраивать» во всех городах-уездных центрах.

Если с местами продажи спиртного проблем, как правило, не возникало (в их появлении были заинтересованы торгующие вином откупщики, вкладывающие собственные деньги в строительство), то казенными складскими помещениями занимались исключительно местные государственные власти, которым катастрофически не хватало средств, чтобы за короткий период времени обустроить города своих «новоучрежденных» губерний в соответствии с предъявляемыми требованиями. Выделявшаяся на это строительная сумма была невелика, да и она в период продолжительных и тяжелых войн екатерининского времени, могла поступать с большими задержками и не в полном виде. В итоге коронная администрация на местах постоянно находилась в поисках дополнительных средств, или способов удешевить план строительства. Кроме того в ряде случаев к облику и конструкции сооружений предъявлялись определенные требования. Порой достаточно жесткие.

Выполнение предписаний по возведению «винных магазейнов» было предметом особой заботы генерал-губернаторов, которые лично отчитывались перед Петербургом по вопросу их строительства и наполнения в соответствии с высочайше предписанное «препорцией». Кроме того внимание на наличие построек и их соответствие требованиям всегда обращали самое пристальное внимание члены сенаторских ревизий. Даже в период одного правления таких проверок могло быть несколько.

Изначально «питейные» склады шли в общей группе с двумя другими «непременными» постройками, призванными сохранять казенное имущество — местами хранения соли и казенного хлеба, объединявшиеся под обозначением сооружений «прочаго казенного строения».

Поэтому одно имеющееся в распоряжении властей складское помещение могло принимать в себя и соляные, и винные казенные товары. Хлеб всегда складировались отдельно.

Со временем требования к содержанию стали конкретизироваться. В итоге вино стали хранить отдельно в особо устраиваемых для этой цели «магазинах». Для этого были разработаны типовые архитектурно-инженерные проекты для трех типов

складов, которые отличались площадями, примеряя их к городам с разной степенью «людности» и торговой активности.

По мере того как проходили реформы, в процессе которых выявлялись финансовые возможности (точнее невозможности) местной администрации, вносились поправки. Так первоначально предписывалось возводить «винные» склады, исключительно из камня.

Кроме того процесс «устроения» хранилищ имел особенности, завесившие от конкретного места. Точнее от потенциала, присущего той или иной губернии. А также, отчасти, от административных талантов ее первых руководителей (ее учредителей). В данном случае мы рассмотрим их деятельность в рамках четырех так называемых «коренных» губерний России.

А. В. Белый

Крупник — национальный медовый ликер Белоруссии, Литвы и Польши: история и мифология

Крупник — это знаменитый исторический медовый ликер, производство которого возродилось в Беларуси в 2018 г. и уже много десятилетий не прекращается в Литве и Польше. Сама идея — смешать крепкий алкоголь с мёдом и специями — распространена в мире достаточно широко и выглядит лежащей на поверхности. Однако все знаменитые европейские медовые ликёры с якобы глубокой исторической генеалогией — фактически младше крупника. Например, французский *Bénédictine* производится с 1876 г., хотя по легенде рецепт воссоздан по найденному в 1863 г. старинному манускрипту из аббатства Фекан в Верхней Нормандии, где он якобы производился с 1510 г. Никаких документальных подтверждений этого никогда не было приведено. Шотландский медовый ликёр *Drambuie* известен с 1879 г., но также ссылается на таинственный манускрипт, якобы подаренный клану МакКиннон в 1746 г. разбитым претендентом на шотландский престол Ч. Э. Стюартом, после проигранной битвы при Каллодене. Столь же сомнительна официальная коммерческая генеалогия ирландского ликёра *Irish Mist*.

Белорусско-литовский крупник в смысле документально подтверждённой историчности находится в более выгодном положении. Он известен с 1820-х гг., но до конца XIX в. не был коммерческим продуктом, ориентированным на рынок, а исключительно домашним. Его готовили по различным торжественным семейным и общественным поводам (либо методом фламбирования, либо «запеканием» в печи в плотно запечатанном горшке). И сразу же потребляли на месте — как правило, горячим. Достаточно подробное описание ритуала приготовления и потребления сохранилось в мемуарах Ст. Моравского (см.: *Morawski S.* Szlachta-bracia. Wspomnienia, gawędy, dialogi (1849–1850) / Wydali Adam Czartkowski i Henryk Mościcki. Poznań, 1929). Основным ареалом его бытования была Виленская, а также север Гродненской губ. В 1843 г. в Варшаве уже сущест-

вовало кафе *Krupnik Litewski*, специализировавшееся на приготовлении напитка на месте, с которого его распространение (с романтическим «литовским» образом) начинается в Польше. К концу XIX в. крупник уже широко известен в Литве и Беларуси — как в шляхетской, так и в зажиточной крестьянской среде. Он упоминается в комедии «Пинская шляхта» классика белорусской драматургии В. Дунина-Марцинкевича (1866 г.) и в других произведениях мемуарной и художественной литературы Литвы, Беларуси и Польши. В 1890-х гг. на него, как и на другие традиционные напитки «Северо-Западного края» (зубровку и старку) обратил внимание известный водочный фабрикант Н. Л. Шустов, который, по всей видимости, был пионером широкой поставки крупника на рынок в бутилированном виде и его четкой маркетинговой концептуализации.

В независимой Литве крупник начали производить промышленно с 1939 г. на заводе спиртных напитков М. Вяликиса *Bendrovė M. Velykis* (Spiritinių gėrimų fabrikas). Во второй половине 1940 г. завод был национализирован, а в послевоенное время присоединен к государственному водочному заводу, позднее получившему название Stumbras. Сейчас крупник в Литве производит в основном завод *Stumbras* в Каунасе, а также несколько мелких предприятий (и ряд предприятий общественного питания для потребления на месте). Что касается Беларуси, то производство напитка в советское время не было актуальным, в силу жёстких идеологических фильтров. Не допускавших отсылок к преимущественно шляхетской историко-литературной традиции, в которой крупник был знаковым напитком, своеобразным символом примирения и согласия. В быту традиция его приготовления культивировалась в узких патриотически настроенных кругах, оставаясь неизвестной широким слоям общества. Долгое время не происходило обращения к этой традиции и в независимой Беларуси, несмотря на достаточно яркую библиографию упоминаний крупника в белорусской литературе, а также в творчестве двуязычных (польско-белорусских) и польских литераторов, происходящих с территории Беларуси. Только после выхода в 2017 г. книги автора настоящего сообщения (*Кухмістр Верашчака (А. Белы)*. Сакатала бочачка: праўдзівая гісторыя нашых напояў. Мінск, 2017), посвященной истории

старинных белорусских алкогольных напитков, на забытую традицию обратили внимание белорусские производители алкоголя. В частности, выпуск крупника с 2018 г. осуществляется ООО «Винокурня Нарочь», а также Минским заводом виноградных вин (на производственной площадке в Бресте). Мелкие предприятия, основанные эмигрантами, производят крупник также в США, Израиле и других странах.

Крупник — важная часть «национального алкогольного мифа» Беларуси, Литвы и Польши. Однако существует значительное число заблуждений, касающихся его происхождения, возраста традиции и других вопросов исторической генеалогии напитка, в силу низкой исторической грамотности маркетологов или намеренной мистификации. Главная задача данного исследования — восстановление документально обоснованной истории напитка и объяснение наиболее ярких компонентов его «мифологического» образа.

В. Н. Беляева

Питейное дело на территории Нижегородского Поволжья в конце XVI — XVII веках

В XVII веке Нижегородское Поволжье стало одним из важнейших экономических регионов Московского государства, зоной интенсивного складывания всероссийского рынка. Рост товарного производства и углубление специализации районов на производстве отдельных товаров способствовали более динамичному, нежели ранее, развитию центров торговли и ремесел. Традиционно на торге формировалась соответствующая инфраструктура, в том числе и система кабаков.

В непосредственной близости от Нижнего Новгорода развивались сельские центры ремесленного производства и торговли: села Лысково, Павлово, Большое Мурашкино, Кадницы, Катунки, Василева слобода и многие другие.

Начало XVII века стало для всей России периодом страшных испытаний. За годы Смуты многие села и деревни опустели. Дворы стояли заброшенными, поля зарастали кустарниками, а кое-где и молодой порослью леса. Если в годы Смуты села и деревни края изредка пополнялись преимущественно за счет беженцев из разоренного польско-литовскими интервентами центра России, то в установившихся мирных условиях жизни Поволжья (с 1620-х гг.) начался бурный рост числа жилых дворов за счет естественного прироста населения. Для селений Нижегородского Поволжья XVII века характерно развитие промыслов и торговой деятельности.

Значительные доходы давали государству или владельцам сел питейные заведения. В селах были кабаки двух видов «стройные» (постоянно действующие) и временные (когда на время местных ярмарок приезжали из государевых кабаков кабатские головы или откупщики и продавали питие). Примером может служить действовавшая летом на берегу реки Волги в местечке под названием Исады «пьющая изба», учреждаемая лысковским государевым кабаком.

Кабаки стояли как на государственных землях, так и в вотчинных селах. Вне зависимости от местоположения доходы от

кабаков поступали в государственную казну. Только в случае особого распоряжения вотчинник получал право собирать кабатские доходы на себя. Например, в деревне Старое Ликеево в 1620 году по государевой грамоте доходы с кабака было разрешено собирать на нового владельца, аналогичная ситуация произошла с кабаками сел Сосновское и Григорово.

Точное количество подобных заведений учесть сложно, так как они возникали иногда на год-два, а потом, не оправдав надежд заводчиков, пропадали. Все эти кабаки брались на откуп. Чаще всего, откупщиками были пришлые деловые люди: например, в селе Павлово в разное время кабак был на откупу у крестьян из Ворсмы, Стародуба Вотского (Муромский уезд). В редких случаях откупщиками выступали местные жители: например, в селе Слободском на протяжении многих лет кабак был на откупу «за всеми крестьянами» села.

Кабатское дело развивалось весьма быстрыми темпами, принося немалые доходы. Однако в 1652 году была проведена кабатская реформа, которая подвела итог предшествующим попыткам сосредоточить столь выгодное дело в руках государства. Было предписано иметь в городах и крупных дворцовых селах по одному кружечному двору (эти дворы заменяли кабаки). В иных селах и деревнях кабаки было велено закрыть. Среди других мер следует отметить отмену откупного содержания питейных сборов. Далее правительство запрещало боярам и другим «приказным людям» иметь в своих поместьях и вотчинах кабаки и вести торговлю вином, таким образом, была установлена государственная монополия на продажу вина. Реализация этого предписания привела к значительному сокращению числа пунктов продажи вина в сельской местности. Однако не везде этим предписаниям следовали вопреки запрету в Лысково и Павлово имелись винокурни.

Кабаки, не имевшие «винных поварен», снабжались напитками с государевых винокурен. В 1657 году из нижегородского кружечного двора было поставлено на столбицкий кружечный двор — 25,5 ведер вина, на великовражский — 32 ведра вина, на юринский — 86,5 ведер вина «бес полукружки».

В Нижнем Новгороде кабак отдавался на откуп. Откупное дело было, хотя и выгодным, но рискованным, и нередко конча-

лось разореньем откупщиков. Питейную прибыль выборные собирали по определенному окладу.

Правительство требовало, чтобы люди, избираемые на эти должности, были достаточно состоятельными. Так же требовались люди опытные в государевых делах. Недоимки с них по указу 1681 года должны были взиматься в двойном размере.

До середины XVII века законодательной регламентации деятельности кабаков практически не было, но в 1652 году была проведена кабатская реформа, в результате которой производство и продажа спиртных напитков стали государственной монополией.

Суммы таможенно-кабацких поступлений — основных видов пополнения казны — служат наиболее убедительным доказательством степени участия отдельных городов и регионов страны в экономической жизни всей России, подтверждая одновременно и уровень их торгово-промышленного развития. Так в 1679/80г. из Нижнего Новгорода в Москву поступило 17833 рубля.

Н. А. Беляева

Незаконный оборот алкоголя в Приамурье во второй половине XIX — начале XX в. как государственная проблема

Оборот алкоголя в Приамурском крае был предметом постоянной заботы центральной и местной власти. В докладе обращено особое внимание на подходы к регулированию оборота алкоголя, ввозившегося в край морским путем через порты Приморской области и через сухопутную границу с Китаем.

Выбор способов регулирования ввоза алкоголя через морские порты был во многом предопределен действовавшим в тихоокеанских портах режимом порто-франко. Беспошлинная торговля стимулировала ввоз иностранных товаров, неизменно пользующихся спросом и суливших купцам немалую и стабильную прибыль. К таким товарам относились спиртные напитки, неограниченный ввоз которых превращался в проблему безопасности государства. В 1863 г. военный губернатор Приморской области инициировал вопрос о запрете ввоза иностранного алкоголя «в интересах народного здравия». Однако только через 4 года было введены первые меры в виде обложения иностранных спиртных напитков — сначала пошлиной в размере акциза, а затем и по ставкам российского таможенного тарифа. Эта мера распространялась на порты Приморской области с осторожностью. Сначала она введена только в Николаевске-на-Амуре (1867), затем распространилась и на Владивосток (1872). В 1882 г. этот порядок был закреплен высочайше утвержденным мнением Государственного совета. Согласно закону обложению пошлиной подлежали теперь все иностранные алкогольные напитки, в т. ч. и слабоалкогольные. Контроль над ввозом алкоголя в портах осуществляло акцизное ведомство. С 1899 г., когда в обоих портах был учрежден Временный таможенный надзор, а потом и морские таможни, и эти функции перешли к департаменту таможенных сборов. Пошлины на алкогольные напитки начислялись по ставкам таможенного тарифа, а преследование незаконного ввоза (контрабанда) регламентировалось Таможенным уставом.

Иной способ решения проблемы контроля над ввозом алкоголя был применен на сухопутной русско-китайской границе. Здесь с ввозом алкоголя боролись методами административных запретов.

Необходимо отметить, что сформировавшийся на основе русско-китайских договоров режим регулирования сухопутной торговли был не менее либеральным, чем установленный в тихоокеанских портах режим порто-франко. На протяжении всей границы по обе ее стороны существовала 50-верстная полоса беспошлинной торговли, торговать в которой имели право подданные обоих государств. Кроме того, ст. 1370 российского таможенного устава устанавливала беспошлинный ввоз китайских товаров по сухопутной границе. А уникальные потребительские качества китайского ханшина (70-процентная крепость и крайняя дешевизна) делали его чрезвычайно востребованным приграничным населением.

Инициатором ограничения ввоза алкоголя через сухопутную границу и в этот раз выступили военные губернаторы. Развивавшееся среди заселявшего приграничную полосу казачьего и крестьянского населения пьянство они воспринимали как государственную проблему. В этом случае правительство отреагировало немедленно. Полный запрет на ввоз китайских крепких спиртных напитков был введен уже в 1862 г. и закреплен в ст. 2432 Устава таможенного.

Вопрос о ввозе ханшина в русские пределы стал настоящим камнем преткновения во взаимоотношениях местных властей двух государств. Китайская сторона неоднократно ставила вопрос о снятии запретов. Среди российских чиновников также были те, кто считал более эффективным способом контроля обложение ханшина повышенными пошлинами. Положение усугублялось и тем, что русско-китайская граница огромной протяженности так и не была обустроена по образцу других границ империи. Единственными государственными структурами на границе были появившиеся в 1902 г. после отмены порто-франко таможенные заставы. Но они были столько малочисленны и так удалены друг от друга, что не могли создать заслон потоку незаконного алкоголя.

Подводя итоги, отметим, что история борьбы с незаконным оборотом алкоголя на Востоке страны, говорит нам о том, что эффективность ее во многом зависела от методов осуществления контроля. Свести контрабанду алкоголя до незначительного уровня при морском ввозе позволило использование пошлинного обложения и создание государственных структур (акцизных и таможенных учреждений), на которые и возлагалось с осуществление контроля. Иначе сложилась ситуация на сухопутной границе. Введенный здесь метод административных запретов оказался неэффективным. И если морской ввоз — это легальная торговля с редкими попытками уклонения от уплаты пошлин; то русско-китайская граница — это зона контрабандного, незаконного оборота алкоголя, справиться с которым российской власти так и не удалось.

А. В. Беляков

Темниковский кабак XVI–XVII вв.

В нашем распоряжении имеется несколько документов, по которым можно судить о деятельности темниковского кабака в XVI–XVII вв. При этом их ценность повышается в связи с тем, что наблюдения за функционированием питейных заведений края можно перенести на целый ряд иных регионов, населенных по преимуществу неправославным населением.

Земли, составившие впоследствии территорию Темниковского уезда, вошли в состав Московского княжества на рубеже XIV–XV в. и занимали территории от г. Темникова до р. Сура. С 1630-х гг., в целях оптимизации управления регионом, из территории уезда выделили целый ряд самостоятельных уездов (Инсарский, Керенский и др.). Здесь изначально проживали мордва и пришедшие сюда несколько позднее татары. Заметное русское население (крестьяне и военные гарнизоны) начинают появляться только с 1530-х гг. Мордва находилась на положении близком черносошным крестьянам. Татары же несли военную службу. Первоначально, в основном, пограничную, а после завоевания Казани их стали посылать в государевы полки наряду с русскими служилыми корпорациями. Даже в XVII в. русское (православное) население края было незначительным. При этом, не смотря на большую площадь уезда, из-за приграничного характера территорий, населенные население долгое время селилось компактно вокруг уездного центра. На остальных территориях только велась хозяйственная деятельность (пашня наездом, сенокосы, бортные ухожеи).

Город и уезд до начала XVII в. обладали признаками удельного княжества. Отдельные рудименты этого сохранялись до Петровских преобразований. Во главе региона стояла семья татарских князей Еникеевых. Наряду с темниковской таможней, доходами с посада и судебными пошлинами им принадлежал и городской кабак.

В XVI в. доходы с кабака на некоторое время отнимались у Еникеевых. Это произошло в 1552 г., тогда их пожаловали касимовскому царю Шах-Али б. Шейх-Аулеару. Однако в 1572 г.

вернули Еникеевым. История с изъятием и возращение доходов с кабака выглядит довольно странно. По косвенным данным эти доходы сохранялись за семьей до конца XVII в.

Интересную информацию содержит темниковская явочная книга приходным деньгам с ставления меда и варения пива воеводы кн. Ивана Дмитриевича Болховского 7112 (1603/04) г. Она сохранилась в подлиннике и содержит информацию о разрешении сытить мед и варить пиво с сентября 1603 г. по март 1604 г. За это время рассытили 58 пудов меда, сварили 68 четей пива и выкурили 1 четверть вина. Две записи сохранилась с утратами. Всего было собрано 3 рубля 81 копейки. Зафиксирован 1 случай, когда мед сытили без явки. Тогда у посадского татарина изъяли 1 ¼ ведра меда. За это его оштрафовали на 2 рубля и изъяли приготовленное питье. Рубль штрафа взяли на государя и рубль кабацким откупщикам. Благодаря этому делу нам становится известна государева цена питьевого меда — 60 коп. за ведро. По такой цене изъятое питье было отдано откупщикам. Цены в кабаке были выше. Но их размеры неизвестны. Для сравнения укажем, что в это время пуд меда в Москве стоил 50 коп. В Мещере цена, возможно, была ниже.

В это время кабак находился на откупе. Известны их имена — Фирс Осипов, Семен Игнатьев, Миня Еуфимьев. Кто эти люди настоящее время установить сложно. Как строились взаимоотношения между откупщиками, воеводой и князьями Еникеевыми на настоящий момент до конца не понятно. Точно также неизвестно куда зачитывалось питье которое затрачивали на дипломатические миссии (в основном в Ногайскую Орду), проходившие через город.

Известны поводы, по которым готовились алкогольные напитки: поминки, моленья (моляны) и свадьбы. В некоторых случаях можно с высокой долей уверенности говорить о конкретных праздниках. Декабрьско-январские даты падают на время празднования доисламского праздника нардуган (раштуа, рашства). Это праздник зимнего солнцестояния. По этнографическим сведениям XIX в. он очень сильно напоминал рождественские колядки христиан. По крайней мере, как у православных, так и мусульман по дворам ходили ряженые, а девушки активно гадали. Укажем и на то, что у мусульман поминки несколько отли-

чаются от русских аналогичных обрядов. В частности они менее жестко привязываются к дате смерти конкретного человека, да и проводиться могут одновременно по всем умершим семьи (рода) или же населенного пункта.

В этой связи очень интересным следует признать упоминание в темниковских документах «братцких» старост. При этом они отмечены как у мордвы, так и у служилых татар. Они фигурируют, как лица бравшие разрешение сытить мед или сварить пиво на общественные моления («моляны»). Если у мордвы подобные должности (часто под иными названиями) фиксируются этнографами в более поздний период, то вот у татар они более не встречаются.

Следует обратить внимание еще на один факт — кто брал разрешение на ставление меда и варение пива. По преимуществу это мордва и служилые татары незнатного происхождения. Чаще из уезда, нежели из города. Татарские мурзы отмечены только 3 раза (в том числе 1 раз в связи с тем, что мед сытили без явки), а князья — ни разу. Также только дважды отмечены православные люди (крестьянин и ямщик). Это выглядит несколько странно. В городе проживали стрельцы, в уезде русские крестьяне и бортники. Но в этих документах их имен мы практически не встречаем. Возможно, в регионе имелось несколько кабаков. К тому же нельзя не учитывать сложную территориально-административную структуру документа. Отчасти населенные пункты, ведавшиеся в Темниковском и Кадомском уездах, располагались чересполосно. Так территориальная принадлежность темниковского Пурдышевского монастыря менялась несколько раз. При этом возникала ситуация когда судом он ведался в одном уезде, а налоги платил в другом. Возможно, тюркская знать, пользуясь своим положением, нарушала установленные правила и ставила питьевые меды безъявочно.

Отметим, что комплекс документов Темниковской приказной избы имеет очень хорошую сохранность. Однако, по необъяснимым причинам, на настоящий момент документов связанных с деятельностью местного кабака среди них обнаружено очень мало.

А. А. Бессолицын

Винная монополия и борьба с «нетрезвостью» в России в конце XIX — начале XX в. *

В 2020 г. исполнилось 125 лет началу реализации одной из наиболее противоречивых реформ, осуществленных в России на рубеже XIX–XX вв. — «реформе питей», которая вошла в историю, как винная монополия. Введение монополии связано с деятельностью министра финансов С. Ю. Витте, который в условиях перехода страны к экономической модернизации, развернул активную работу, направленную на создание национальной промышленности, посредством мощного железнодорожного строительства, тарифной и финансовой реформ, развития политехнического и коммерческого образования и т. д.

Для успешной реализации этих планов требовались значительные финансовые ресурсы. Помимо привлечения внешних займов, Витте активно искал возможности для привлечения инвестиций внутри страны. В определенной мере проблему укрепления бюджета решала и «реформа питей» (винная монополия). Введение монополии ставило целью, с одной стороны, увеличить доходы казны, обратив в ее пользу те прибыли, которые раньше поступали торговцам вином, а с другой — устранить вредные стороны питейного дела, в частности, упорядочить потребление, что должно было, по мнению Витте, способствовать предупреждению экономического упадка населения и охране народного здоровья. Говоря о монополии, Витте акцентировал внимание на том, что она «по завету покойного императора Александра III, имела главным образом в виду возможное уменьшение пьянства».

Одним из важных условий решения этой проблемы являлась поддержка реформы в самых широких общественных кругах. В печати активно изучался международный опыт, в частности швейцарский, как пример удачного введения водочной монополии. В этой связи, в Записке Центральной справочной

* Стендовый доклад.

конторы и редакции «Вестника винной, водочной, пивоваренной промышленности и торговли России», отмечалось, что проекты винной монополии возникали во всех странах Западной Европы и Америки и, однако, за исключением одной только Швейцарии, нигде не были применены по разным соображениям.

В чем же заключался швейцарский опыт? В печати объяснялось, что в Швейцарии еще до введения монополии были созданы многочисленные общества для борьбы с пьянством, но их деятельность первоначально оказалась неэффективной «вследствие вредного влияния на низшие слои населения со стороны кабатчиков, не пренебрегавших никакими средствами для спаивания народа». Однако с введением монополии деятельность обществ трезвости существенно активизировалась и «уже в самое короткое время потребление спирта чувствительно сократилось». Поэтому введение попечительств трезвости по образцу Швейцарии признавалось целесообразным и в России, поскольку, как отмечалось, «плодотворная деятельность таких попечительств может развиться лишь на почве монополии, упорядочившей и облагородившей продажу спиртных напитков».

Действительно, после введения монополии общества трезвости начинают повсеместно вводиться и в России. Например, в Петербурге для целей отвлечения народа от пьянства Министерством финансов была учреждена специальная программа, включавшая строительство в ряде парков и садов деревянных и каменных театров, гостиниц для рабочих, устройства помещений для столовых и чайных, эстрады для музыкантов и хоров, электрического освещения и водопровода и т.п. Общий итог расходов на эти цели только в одном 1899 г. составил почти 785 тыс. руб.

Однако эта деятельность подверглась критике, прежде всего, в либеральных кругах. Справедливо отмечалось, что общества трезвости создаются не повсеместно, а средств, выделяемых на эти цели явно недостаточно. Как указывал известный юрист А. Ф. Кони, на деятельность «Обществ борьбы за трезвость» правительством выделялось на всю Россию (кроме Петербурга), всего 4,5 млн руб. в год при питейном доходе в 700 млн руб. в год. Более осторожно высказывался по этому вопросу профессор Военно-медицинской академии Н. А. Вельяминов, который, отмечая малую эффективность деятельности «Комитета народ-

ной трезвости», тем не менее признавал, что при Витте в этом направлении, делалось больше, чем до реформы.

Уже в ходе проведения реформы при Министерстве внутренних дел было создано Особое совещание по подготовке законопроекта о борьбе с пьянством. В рамках работы этого органа был разработан Проект «Закона об организации попечительств о народной трезвости», по которому это попечение передавалось из ведения Министерства финансов в ведение Министерства внутренних дел по Главному управлению по делам местного хозяйства, а борьба с пьянством на местах возлагалась на органы самоуправления, а также на общественные организации. В частности, для борьбы с пьянством предлагалось наподобие Общества Красного креста, образовать «Российское Общество Зеленого Креста». Этот законопроект подписали ряд бывших чиновников, членов Государственной думы, ученых и общественных деятелей. Всего 31 человек. Среди них: А. Кони, А. Куломзин, М. Ковалевский, В. Саблер, Д. Гримм, А. Мануйлов и др.

В 3-й Государственной Думе была сформирована специальная Комиссия по борьбе с пьянством, которая заявила, что «пьянство — одно из величайших зол русской действительности». Поэтому, по мнению членов комиссии, необходимо было разработать и принять ряд мер, которые частично выходили за рамки того, что уже удалось реализовать в ходе проведения реформы, в том числе:

1) Усиление мер уголовной ответственности за преступления, совершенные в состоянии опьянения, и за появление в публичном месте в состоянии опьянения.

2) Понижение крепости водки до 25 градусов с оставлением прежней цены.

3) Уничтожение на этикетках водочной посуды надписи «казенное вино» и изображение государственного герба, с помещением взамен надписи, указывающей на вред потребления водки.

4) Субсидировании из средств казны частных и общественных учреждений, успешно борющихся с проявлениями пьянства и т. д. Всего 9 пунктов.

Свое видение борьбы за трезвость представил и российский бизнес. В Записке одной из наиболее влиятельных представительных организаций буржуазии — Совета съездов представителей промышленности и торговли, были сформулированы предложения для думской «Комиссии по борьбе с пьянством».

Совет съездов предложил разработать механизм подключения общественности к борьбе с «нетрезвостью». Для этого предлагалось в Министерстве внутренних дел образовать под председательством Начальника Главного Управления по делам местного хозяйства Особый комитет, в который вошли бы помимо представителя этого министерства, представители министерства финансов, юстиции, Государственного Контроля, а также общественных организаций, принимающих участие в борьбе с пьянством.

Именно этот Комитет должен был распределять средства, ассигнуемые из Государственного казначейства на поддержание учреждений, деятельность которых направлена к искоренению в народе злоупотребления спиртными напитками. Эти учреждения, получающие от Комитета имущественные или денежные пособия для борьбы с пьянством, обязывались представлять правительству ежегодные отчеты о свой деятельности.

При этом в заключении Совета съездов подчеркивалось, что одни запретительно-карательные меры в борьбе с пьянством не приведут к желательному успеху, поэтому должны быть и меры созидательного порядка. В Записке отмечалось, что не все виды спиртных напитков создают пьянство и имеют одинаково пагубные для народа последствия. Осуждая увеличение продажи водки, предпринимательское сообщество активно отстаивало сохранение в прежних объемах продажи пива и просили Государственную Думу освободить торговлю пивом от правил торговли крепкими напитками, разрешить повсеместное открытие пивоварен, складов и пивных ларьков и не ограничивать торговлю пивом в праздничные дни. Не изъявлять согласия на повышение акциза на пиво.

Что касается деятельности Витте, то его усилия по созданию Обществ трезвости крайне позитивно оценивали сами чиновники Министерства финансов, которые непосредственно занимались этим вопросом. В частности, в письме акцизного

чиновника, адресованному Витте в газете издателя И. Д. Сытина «День» от 21 февраля 1914 г. отмечалось, что все мероприятия, направленные на предупреждение распространения пьянства, активно реализовывались в практике акцизных управлений, однако, с уходом Витте с поста министра финансов «… дух творчества отлетел от нашего ведомства и нравственные задачи реформы отошли на второй план, все сосредоточилось на улучшении хозяйственной стороны дела. Попечительства трезвости погибли не от нас акцизных чиновников, а потому, что это дело было вручено многим и, в частности, никому». Тем не менее, вину за провал реформы либерально настроенная интеллигенция традиционно возложила на Витте. Как отмечала в своих мемуарах княгиня М. К. Тенишева, приветствуя введение сухого закона, «… гениально придуманное пресловутым г. Витте систематическое спаивание русского народа, к счастью запрещено. Вот уж поистине нерукотворный памятник сам себе водрузил».

Помимо копирования иностранного опыта, в борьбе за трезвость в России проявились и совсем неожиданные инициативы, получившие большой общественный резонанс. Недостаток финансирования антиалкогольной политики со стороны государства, в определенной мере компенсировался кинематографом, который, совершенно неожиданно, подключился к пропаганде здорового образа жизни. На кинофабрике А. Ханжонкова, на деньги акционеров был снят научно-популярный фильм «Пьянство и его последствия» (реж. А. Л. Дворецкий). В этом фильме, поставленном при консультации врачей-психиатров, роль алкоголика исполнил знаменитый актер немого кино Иван Мозжухин. Помимо антиалкогольной тематики, фильм был интересен тем, что в нём присутствовали как игровые сцены, так и трюковые, в которых снимались вместе актер и анимированный персонаж. Из полупустой бутылки водки, стоящей на столике перед пьяницей, выползает маленький чертик. Перепрыгивая со стола на рукав пиджака, чертик всячески дразнит пьяного. По замыслу авторов, эта сценка иллюстрировала состояние человека, допившегося «до чертиков» и очень эмоционально действовала на неподготовленного зрителя.

Фильм с невиданным успехом прошел по стране. Его посмотрел даже сам автор реформы питей С. Ю. Витте с супругой

и, по мнению корреспондента «Вестника кинематографии», картина заслужила его одобрение. Материалы для диаграмм, представленных в фильме, были заимствованы из собрания Противоалкогольного Музея при «Московском столичном попечительстве о народной трезвости». Кроме того, эта картина, впервые в истории научно-популярного кино, получила положительные рецензии в прессе. О «Пьянстве и его последствиях» писали не только кинематографические издания, но и крупнейшие газеты «Русское слово», «Новое время», «Петербургская газета» и др. Общественные организации (такие, как «Союз Христиан-трезвенников», «Комитет народной трезвости» и др.) выступили со специальными заявлениями, приветствовавшими появление фильма на экранах. В царской России этот фильм показывали даже во время Великого поста, хотя просмотры фильмов в это время были запрещены. Смотреть его разрешалось даже детям, ведь он обличал грех. Будучи хорошим коммерсантом, А. Ханжонков сумел убедить владельцев кинотеатров, что научное кино тоже может приносить прибыль.

Особый интерес к картине проявили военные: «Главным Управлением Генерального штаба с разрешения военного министерства было сообщено штабам военных округов и главному управлению военно-учебных заведений о желательности демонстрирования в частях войск и военно-учебных заведений картины “Пьянство и его последствия”, как производящую сильное впечатление на зрителя, рисующую в правдивой, с научной точки зрения, форме гибельные последствия злоупотребления алкоголем». Аналогичные рекомендации Морское министерство направило в управления подведомственных ему учреждений. Министерство путей сообщения также сделало специальное циркулярное распоряжение всем управлениям железных дорог приобрести от Акционерного общества «А. Ханжонков и К°» кинематографическую ленту «Пьянство и его последствия» для демонстрации ее железнодорожным служащим одновременно с лекциями о вреде алкоголя.

Подобная активная позиция государства и общества, безусловно, способствовала тому, что проблема алкоголизма начинает активно обсуждаться не только в обществе, но и в Государственном совете и Государственной думе. Выступая в декабре

1913 г. в Государственном Совете на слушаниях по питейному вопросу, С. Ю. Витте переложил ответственность за рост потребления алкоголя в стране на председателя Совета министров В. Н. Коковцова, прямо обвинив его в искажении сути реформы, когда чиновники вместо борьбы с пьянством, наоборот, стали отчитываться за рост потребления, а Министерство финансов — за рост «этих позорных доходов». Кроме того, Витте указал на личную заинтересованность отдельных членов Государственного Совета в росте производства алкогольной продукции. На интересы «алкогольного капитала» также обратил внимание в своем выступлении в Государственной Думе депутат А. Ф. Мейендорф, который прямо заявил, что, по крайней мере 24 члена Государственного совета были владельцами земель, на которых либо были построены винные лавки или владельцами территорий, где во время ярмарки помещались казенные винные лавки, а также являлись владельцами частных винных заводов. По итогам этих слушаний Император, 30 января 1914 г. издал специальный рескрипт, в котором провозглашалась замена питейного дохода подоходным налогом, что означало конец винной монополии и повлекло за собой отставку В. Н. Коковцова.

Таким образом, хотя реформа и не выполнила в целом поставленную задачу, а именно, снижение потребления алкоголя среди населения, однако, накопленный в ходе реализации монополии опыт, как тогда говорили «борьбы с нетрезвостью», представляет не только исторический интерес, но и остается актуальным и в современных условиях. Этот опыт включает как разработку программ создания и финансирования разнообразных обществ, деятельность которых направлена на борьбу за трезвый образ жизни, так и реальное участие бизнеса в формировании негативного отношения общества к потреблению спиртных напитков, что было убедительно продемонстрировано в фильме, снятом на кинофабрике А. Ханжонкова, который был поддержан правительством, церковью и получил большой общественный резонанс.

А. В. Богатырев

Жбан и пан: истоки «питейной» пословицы *

Если мы раскроем весьма внушительный «Большой словарь русских пословиц» (2010 г.) на букве «Ж – Жбан», то увидим прежде всего остроту о любителях обильных возлияний — «Что жбан, то пан». Читаем дальше: высказывание встречалось среди однодворцев, групп селившихся на границах России, оберегавших их покой. Откуда же взята эта информация? Далее указано, что сведения почерпнуты у В. И. Даля. В этот же «Большой словарь» включена еще одна народная мудрость с компонентом «жбан/пан» — «Как бражки жбан, так всяк себе пан». И ее датирование также находится под вопросом, объясняется весьма туманно (она лишь уверенно признается частью «питейного» фольклора, как у Г. Ю. Багриновского или А. В. Никишина).

Нужно принять во внимание, что еще П. К. Симони помещал в «Старинных сборниках… пословиц, поговорок, загадок…» похожую мудрость — «хрестьянин пьян то сам себе пан» (кон. XVII —XVIII вв.). Впрочем, сходство здесь не слишком явное. Итак, не считая означенного случая, дальше времен Даля, когда высказывания с жбан/пан были записаны, корни их не прослеживались.

Ситуация нас немного озадачила. Дело в том, что мы уже сталкивались с изречением о жбане и пане, занимаясь бумагами первого русского резидента в Речи Посполитой В. М. Тяпкина. Миссия им исполнялась с 1673 (1674) по 1677 г., что, естественно, значительно раньше фиксаций в «Большом словаре русских пословиц». Причем, чтобы познакомиться с «жбанами-панами», не нужно отвлекаться на архивные поиски — фраза резидента давно кочует из одного исторического сочинения в другое.

Самым известным примером этого можно считать знаменитый труд С. М. Соловьева «История России с древнейших времен», в одном из томов которого данная острота и представлена. Имея возможность привести ее в аутентичном, так сказать, виде,

* Стендовый доклад.

мы это и сделаем. Итак, распекая польских господ, Тяпкин писал в своем сообщении в Москву: «А здеся что жбан, то пан, не боятца подобно и сотвориша самого, не токмо обранного государя своего, идеже отнюдь не познаешь, где и какого скутку в деле или истиннаго постановления и указу одержать, токмо вси господа полские на лакомствах души свои завесили…».

Приведенный фрагмент позаимствован из «книги» донесений дипломата конца 1675 и начала 1676 гг. Обнаружив его, мы решили обратиться к справочной литературе, дабы уточнить смысл, вкладывавшийся в данное «крылатое» изречение. Тогда и открылось странное положение дел. Нам кажется, «жбан и пан» не стоит однозначно относить к «бахусовой» тематике. Из отрывка наглядно видим, что так Тяпкин стыдил поляков за своеволие, своенравие, неуправляемость, заносчивость — ставят себя выше своего государя. Естественно, здесь отразилась разница в восприятии, отношении к власти в «Московии» и «республиканской» Речи Посполитой. В то же время не нужно полностью устранять и концепт «пиянство» из интерпретации выражения. Шляхта и алкоголь — частые спутники друг друга, московский агент не раз мог наблюдать это воочию (о чем, собственно, докладывал «руководству»).

Относительно времени некоторая ясность здесь появилась. А что же касается «этнического» происхождения «остроумства»? Разные собиратели народного творчества решают данную проблему с разных позиций. Одни причисляют пословицы к фольклору Гомельской области, другие — к прибауткам смолян. Однако в большей степени фразу присовокупляют к русской (великорусской) крестьянской традиции, практически без учета возможной «примеси» иного национального компонента (В. И. Даль, Ф. П. Филин, Д. А. Баранов, В. М. Мокиенко и др.). А как там у Тяпкина? Его инвектива касалась периода пребывания в украинско-польской Жовкве (Жолква, Жулкев), где находился двор польского короля Яна III Собеского. Не стоит полностью отметать версию, что изречение «москаль» позаимствовал у кого-то из местных: тогда пословицу правильнее окрестить «западнорусской», а не чисто польской присказкой.

Но как раз в польской среде соседство «жбана» и «пана» — привычное дело. Примеров использования пол. dzban/pan в уст-

ной народной культуре обитателей Речи Посполитой до нас дошло достаточно (хотя, следует признать, львиная их доля осела в песенных подборках XIX столетия). Между прочим, эмоциональный окрас песен с названными словами довольно близок негативной характеристике Тяпкина — приход пана зачастую связан с хаосом, разрушением, дракой, нарушением чего-либо (см.: «Пришел пан, разбил жбан» etc.). Выявляются и связь с «алкогольным» кейсом, перекличка наименования емкости для жидких тел с пузатым (атрибут не только обжоры, но и пьяницы) паном, любителем пива, бражки — того, что чаще всего вмещал тот самый жбан.

Венчая нашу «конструкцию», остается сказать, что некоторая интрига в истории «питейного» выражения о жбане и пане сохраняется: многое еще предстоит выяснить. Совершенно очевидно, оно существовало в виде изречения «что жбан, то пан» гораздо раньше, чем принято считать ныне — в русском языке пословица была использована уже в 70-х гг. XVII в. Быть может, позднее она каким-то образом трансформировалась в «хрестьянин пьян так сам себе пан» из публикации Симони. Необычен, на наш взгляд, тот факт, что данный «народный» материал в наиболее пока ранней форме обнаружен не в записях деревенского фольклора, а в посольской депеше московского агента. Думается, дипломатические документы прошлого способны в чем-то стать неплохим подспорьем в работе филолога-фольклориста.

А. И. Богомолов

«Перетопка» и «угрюмая трезвость»: черносотенцы против алкоголя (к истории борьбы за трезвость в Мотовилихе)

…Несколько дней в городе возникали стихийные митинги.
Слово «свобода» пьяняще звучало в каждой фразе.
Но в мастерских наступила угрюмая трезвость.
Иванов В. Б. Винтовка и молот (Уфа, 1980. С. 47).

В июле 1912 г. вновь назначенный заводской пристав Пермских пушечных заводов опубликовал специальное обращение к местным жителям. Обстановку в рабочем поселке он характеризовал так: «едва ли где в другом месте есть такое усиленное пьянство и так много семейных разладов, как в Мотовилихинском заводе. Здесь пьют водку и пиво мужчины и подростки-парни, дома, в пивных лавках, на улице, везде, где имеют возможность, были бы деньги, а за неимением денег закладывают свое последнее имущество».

В июле 1911 г. «по уставу, утвержденному правительством», в селении Мотовилиха Пермской губернии была открыта Потребительская лавка для торговли «исключительно бакалейно-съестными припасами». До этого в поселке, около шести тысяч жителей которого работали на пушечном заводе, ни одной потребительской (кооперативной) лавки не было. Поскольку членами потребительского общества состояли члены местного отдела Союза русского народа, событие было политическое. Поскольку и членами названного потребительского общества, и членами местного отдела СРН, учредившими указанное общество, состояли служащие и рабочие Пермских пушечных заводов, событие было, на взгляд революционеров, вопиющее.

На открытие потребительской лавки СРН немедленно откликнулись местные социал-демократы и эсеры. В том же 1911 г. в создании аналогичного потребительского общества в Мотовилихе приняли участие, в частности, большевики В. М. Сивилёв и Н. А. Гребнев. По воспоминаниям Гребнева, общество это создавалось «в противовес открытой местными черносо-

тенцами потребительской лавке, использовавшейся ими для реакционной пропаганды». Деятельность пробольшевистского кооператива находилась под пристальным наблюдением Мотовилихинского районного комитета РСДРП: вопросы участия в кооперативе социал-демократов неоднократно обсуждались на заседаниях райкома. В ноябре 1911 г. устав «левого» потребительского общества был утвержден. Через два года, в декабре 1913 г., в его составе состояло 144 рабочих завода. Для сравнения — в списке подписавшихся под протоколом учредительного собрания и проголосовавших за создание «черносотенной лавки» числилось около полутора тысяч человек, указавших свои имена и цеховую принадлежность.

Помимо конкуренции со стороны политических оппонентов, обществу с самого начала пришлось столкнуться еще с одной, не менее важной проблемой. У рабочих-покупателей и пайщиков лавки не было наличных денег. Денег не было не потому, что рабочие их не зарабатывали: заработок не выдавали на руки. Вместо них рабочие пользовались заборными книжками, что предусматривалось ст. 100 Устава о промышленности. Из заводской лавки по этим книжкам можно было брать товары в кредит, в пределах заработанных рабочими денег. К слову, именно злоупотребления администрации в заводской лавке, по мнению рабочих, были причиной забастовки сентября 1905 г. на Пермских пушечных заводах.

Служащие и рабочие, недовольные качеством товаров в казенной лавке и ценами на товары в частных лавках, предпочли создать свой кооператив. Следующим шагом было ходатайство избранного правления лавки к горному начальнику Пермских пушечных заводов «о разрешении брать из лавки товар по книжкам, заверенным цеховой администрацией». Горный начальник Э. А. Гертум выписку товаров разрешил — с единственным условием. Председателя правления настоятельно просили бороться возможными средствами с так называемой «перетопкой» рабочими товара, т. е. перепродажей товара на сторону со скидкой для того, чтобы вырученные деньги пропить.

Вопрос о том, сильно ли пьянствовали рабочие завода, становился ключевым при решении ряда других: выдавать ли рабо-

чим зарплату на руки, разрешать ли им покупать товары только из казенной лавки при заводе или позволить устройство кооперации, давать ли этой кооперации монопольные права на сбыт товаров в пределах поселка (или допустить существование иных частных лавок, торгующих винно-водочными изделиями), разрешать ли, — или запретить, — продажу спиртных напитков в поселке и т. д., — вплоть до вопроса о степени активности революционных выступлений. Представители полиции, например, в рапортах о ходе забастовки 17–18 сентября 1905 г. в Мотовилихе сообщали о фактах нарушения порядка, связанных с алкогольным опьянением не меньше, чем с воздействием революционной пропаганды: «Вечером же [в первый день забастовки. — *А. Б.*] задержан на улице неизвестный пьяный человек, потом оказавшийся местным рабочим Михаилом Ивановым Павленком; у него при обыске найдена брошюра “Речь тов. Самуила Глуза”, две печатные прокламации “Ко всем русским солдатам” и рукопись на листе писчей бумаги “9 января” на мотив “Вы жертвою пали в борьбе роковой”». Протокол о задержании М. И. Павленко был направлен начальнику губернского жандармского управления; но, как видим, чин фабричной полиции задерживал не революционера, а нарушителя общественного порядка; сам же Павленко находился в состоянии опьянения, вызванном водкою, а не «Речью тов. Самуила Глуза».

Не надо полагать, впрочем, что проблема пьянства играла на руку организаторам революционных выступлений. Утратившие над собой контроль рабочие могли не только выйти из-под контроля организаторов «массовки» и приступить к «погрому» (битью стекол, разгрому конторских помещений, незапланированным дракам с полицией, избиению мастеров и конторских служащих), но и демаскировать организацию. Так, например, в уфимских железнодорожных мастерских в 1905 г. лидер подпольной социал-демократической организации И. С. Якутов был вынужден лично утихомиривать своего подвыпившего единомышленника, который принялся в рабочее время в цехе насвистывать «Марсельезу».

Как поступить с проблемой пьянства, каждая из заинтересованных сторон решала по-своему. Горный начальник Пермского завода предпочитал status quo: это не требовало от него

излишних действий. В частности, повальным пьянством в поселке он объяснял невозможность выдавать рабочим заработок на руки. Неясно, чего в этом объяснении больше, — стремления покончить с пьянством или желания воспользоваться сложившейся ситуацией как поводом для отказа в выплате заработка наличными. Полиция задерживала пьяных, но эти меры были явно недостаточны. Заинтересованный наблюдатель свидетельствовал: «У многих заводских рабочих привычка к пьянству перешла в обязательство: после работы они идут не домой, а непременно заходят в пивную лавку “отдохнуть”, покупают пиво бутылку за бутылкой, пьянеют, иногда бывают не в состоянии дойти до своей квартиры, а если дойдут, то без скандала и драки с домашними не обходится».

Рабочие-черносотенцы предложили свое решение проблемы. В обращениях к вышестоящим инстанциям Рябов подчеркивал коренное, на его взгляд, отличие черносотенной потребительской лавки от всех прочих в Мотовилихе: «у нас нет крепких напитков и не будет». Лавка потребительского общества рабочих-членов отдела СРН не продавала крепких спиртных напитков. В частных лавках мотовилихинские рабочие, не имея на руках достаточного количества наличных денег, купить спиртное не могли. По сути, монархисты намеревались ввести явочным порядком «сухой закон» на заводе и в заводском поселке.

Успех этого предприятия зависел от того, удастся ли решить проблему «перетопки». Если бы рабочие из-за недостатка денег продолжили пропивать собственные вещи, ситуация вернулась бы в исходное положение.

Решение проблемы созрело при непосредственном участии не столько экономических, сколько «морально-экономических» факторов. При поддержке отдела СРН в поселке действовало общество трезвости; многие рабочие-монархисты состояли членами и того, и другого. Вместо пьющих рабочих, по решению собрания монархистов, заборные книжки получили их жены. С мужьями, по жалобам супруг, проводилась воспитательная работа.

В этом мотовилихинские монархисты оказались близки к своим леворадикальным оппонентам, также вынужденным вый-

ти за пределы политических акций. По воспоминаниям большевика С.В. Лихачева, Мотовилихинский Совет рабочих депутатов в 1905–1907 гг. «разбирал и вопросы бытового характера, например, женщины обращались в Совет с жалобой на своих мужей, что их мужья пропивают получку и пьяные избивают жен и детей. Такие дела Совет разбирал публично, с участием рабочих, не входивших в состав Совета депутатов, выносились порицания и делались замечания и предупреждения. Результат получался благоприятный, многие рабочие после этого исправлялись и бросали пьянку, например, Демин Н., Молоков К., Глумов В. и многие другие».

«Сухой закон», введенный в Российской империи в августе 1914 г. в связи с началом первой мировой войны, избавил рабочих-черносотенцев от необходимости собственными силами бороться с торговлею зельем. Как докладывал пермский губернатор департаменту полиции в 1916 г., «со времени прекращения торговли спиртными напитками преступность среди населения сократилась». Впрочем, это не избавило полностью от преступности города и заводские поселки Урала. Как следует из того же доклада, «за последнее время [1915–1916 гг. — *А. Б.*] участились случаи преступлений, совершаемых несовершеннолетними». Такое явление губернатор объяснял тем, что «по случаю призыва родителей и воспитателей на военную службу, масса детей осталась без надлежащего надзора». Наряду с увеличивающейся дороговизной и общим ухудшением социально-экономического положения, добавлялись все новые и новые факторы дестабилизации общественных настроений. В феврале 1917 г. на Урал — по воспоминаниям участника-большевика, буквально «по телеграфу», — пришла революция, и царская администрация лишилась полномочий; были арестованы офицеры жандармских управлений, уволены служащие полиции. Тогда же де-юре перестали существовать отделы черносотенных союзов. Казалось, на том бы «общественному нестроению» и закончиться. Однако уже в марте-апреле 1917 года по Уралу прокатилась волна «пьяных бунтов»…

С. И. Бондаренко

Борьба с пьянством в западносибирской деревне в 1920-е гг. (взгляд снизу)

На пути организации нового досуга советская власть не могла не столкнуться с такими традиционными для деревни антисоциальными явлениями как пьянство и хулиганство. Источники свидетельствуют пьянство, хулиганство, к сожалению, были распространённым явлением в повседневной жизни западносибирских крестьян 1920-х гг. и вели к распаду семейных отношений, установленных норм взаимоотношений, нарушению нравственных устоев. Наиболее острым социальным злом в западносибирской деревне в 1920-е годы было пьянство.

В журнале «Сибирские огни» в 1925 г. была опубликована статья А. Николина «Деревня о себе», написанная на основе заметок селькоров в местную прессу. Обобщая заметки селькоров, Николин писал о пьянстве в Сибири: «Пьют в деревне все: и партийцы, и комсомольцы, и сельские власти. Пьют дома, в учреждениях, по всякому случаю и без случаев. О самогоне и пьянстве пишут часто; чуть ли не в каждом номере газеты есть какое-нибудь селькоровское письмо с сообщением о повальном пьянстве».

Обследование употребления алкоголя в сельских местностях в РСФСР в 1928 г. показало, что в производящих районах, к которым относится и Сибирь, наблюдается колоссальное развитие самогоноварения. Самогон выгоняется в чудовищном количестве, а употребление крепкого хлебного вина ничтожно. Максимальное душевое потребление алкоголя в сибирской деревне в 1927 году составляло 10 литров.

Пили не только мужчины, но и женщины. Однако относительно того, кто пьёт больше — взрослые или молодые — ответы статкоров довольно согласованы: 3/4 показаний указывают на то, что больше пьют взрослые, и это преобладает по всем районам. По Сибирскому краю 1383 статкора считали, что пьют больше взрослые, 303 — молодёжь.

По данным Алтгубстата (январь 1924 г.) среди бедняцких и богатых хозяйств выгонка самогона одинакова.

Как явствует из источников милиция порой не только не пресекала пьянство, но и сами в них участвовала.

Деревенскую жизнь трудно было представить без организации «помочей» — коллективных усилий для выполнения срочных сельскохозяйственных работ. Традиция помочей в западносибирской деревне сохранялась и в 1920-е гг., но по сравнению с деревней XVIII — первой половине XIX вв. они претерпели существенные изменения. Западносибирская пресса в 1920-е гг. отмечала усиление пьянства на помочах.

Сами крестьяне Западной Сибири усиление пьянства объясняли по-разному. Например, в Каменском уезде Новониколаевской губ. (29.01.1923) крестьяне поясняли, что самогонку приходиться гнать для уплаты налогов: вместо того, чтобы выбросить на рынок 10–15 пудов хлеба, на самогон приходится тратить только два пуда. Социальная и экономическая нестабильность беспокоила крестьян.

По мнению исследовательницы повседневности 1920–30-х гг. Н. Б. Лебиной алкоголизм связан с состоянием аномии, при котором особенно ощутимы жёсткие ограничения доступа большей части населения к специфическим символам успеха. Реакцией на подобную общественную ситуацию в большинстве случаев является отклонение от обычных форм поведения и виды этого отклонения различны от откровенного бунта до «ухода» от действительности, который выражается, прежде всего, пьянстве и наркомании. Это подтверждает собранный нами конкретно-исторический материал.

Социальное обследование Старо-Бардинского р-на Алтайской губ. и Муромцевского р-на Омской губ. (1925 г.) выявила крупное недовольство крестьян борьбой с самогоном. Штрафы и обыски раздражали крестьян. В одной из деревень в течение одного дня было произведено 80 обысков.

Таким образом, предполагалось отказаться от карательной политики. Все мероприятия оказывались бессильными в борьбе с самогоноварением. Как сформулировал крестьянин из с. Муромцево Омской губ. «Вы боретесь с самогонкой, но напрасно, хоть пять, хоть десять лет боритесь — всё равно не уничтожите».

По данным Алтайгубстата (1924 г.) менее 1/3 (31,9 %) показаний относилось к разряду протестующих или отрицательных по отношению к самогоноварению. Такое отношение тонуло в прямом сочувствии тайному винокурению (68,1 %). Крестьяне предлагали «Надо удешевить вино и повысить градуса, тогда крестьянин не будет гнать самогон. Оно бы лучше на казенное перейти, но, если водки не будет, будем пить самогонку. С водкой веселей налог платить».

В 1927 г. власти официально не запрещали частное винокурение, хотя уже с 1928 года вновь начинается борьба с самогоноварением.

Дореволюционный исследователь Первушин С. А. считал, что крестьянам свойственен не социальный, а бытовой, обрядовый алкоголизм.

Государство, проводя двойственную политику (с одной стороны ведя борьбу с пьянством, с другой стороны поощряя ее продажу), не могло эффективно бороться с пьянством. Тем не менее, деревня в 1920-е гг. не спилась. Постепенно исчезали специальные «пьян» сводки в газетах. Работа на земле не позволяла крестьянину заменить ее алкоголем. Проблема деревенского алкоголизма в 1920-е гг. до сих пор остается одной из слабо поддающихся изучению сфер крестьянского бытия.

Л. Д. Бондарь

Статистические исследования И. Ф. Германа: питейный промысел в Соликамске в конце XVIII в. (по документам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН)

Иван Филиппович Герман (*Benedict Franz Johann von Herrmann*; 1755–1815), горный инженер австрийского происхождения, в 1782 г. был приглашен на службу в Россию, в тот же год избран в члены-корреспонденты Императорской Академии наук и занялся вопросом статистического изучения производительных сил империи. В 1783 г. И. Ф. Герман был отправлен на Урал, где приступил к исполнению обязанностей директора казенной Пышминской стального дела фабрики. На Урале наряду с практической производственной деятельностью, И. Ф. Герман занимался сбором статистических сведений по казенным предприятиям и наиболее крупным партикулярным заводам. Оценивая заслуги ученого-инженера, Академия наук уже в 1786 г., во время пребывания И. Ф. Германа на Урале, избрала его своим почетным иностранным членом, а в 1790 г. — ординарным академиком по кафедре минералогии. В 1795 г. И. Ф. Герман вернулся в Петербург и занял свое место в Академии, однако уже в конце 1801 г. был вновь отправлен на Урал в качестве начальника Екатеринбургского горного начальства (СПбФ АРАН. Р. V. Оп. 1–Г. Д. 13. Л. 169) (см.: Бондарь Л. Д. Герман Иван Филиппович // Ученые — фондообразователи Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук: Краткий биографический справочник: Г — И / Науч. ред. и сост. Е. Ю. Басаргина, И. В. Тункина. СПб.: Реноме, 2019. С. 26–28).

Перед отъездом на Урал И. Ф. Герман передал в академический архив (сведения об этой передаче зафиксированы в деле фонда № 27 в СПбФ АРАН) весь свой статистический, а также графический материал, собранный во время его предыдущего пребывания на Урале и, очевидно, в период работы в Петербурге (так, в фонде имеются сведения о состоянии Олонецких заводов, куда он был направлен в 1800 г.). Эти документы сформировали личный фонд академика И. Ф. Германа и хранятся сегодня в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (фонд

№ 27). Благодаря этому в академических бумагах можно найти сведения по российской экономической истории конца XVIII в. — о рудодобывающих, железоделательных, медеплавильных предприятиях, о состоянии дорог, о населении и заводских рабочих, о ценах на основные продукты и товары, объемах государственных продаж и т. д. Одним из вопросов, детально изученным И. Ф. Германом, было состояние соляной промышленности и продаж соли.

Соляной промысел в России, как и во многих странах мира, был источником государственного дохода и объектом государственной монополии. Вторым казенным промыслом был винный, а потому, хоть И. Ф. Герман и не занимался целенаправленно изучением состояния винного промысла, но статистические сведения об этих двух промыслах зачастую соседствуют.

Самым крупным поставщиком соли, снабжавшим, в том числе, обе столицы, было в годы Екатерины II Пермское наместничество, которое делилось на две области — Пермскую и Екатеринбургскую. В вопросе соляного промысла И. Ф. Германа интересовала именно Пермская область. Область была разделена на 8 уездов, одним из уездных городов был Соликамск, в то время — Соль Камская. Само название говорит об основном роде занятий города, стоявшего на месте солеварен на берегу реки Усолки. По данным на 1792 г., в самом Соликамске работало 9 частных солеварен, а в уезде 22 казенные и 89 частных. В других уездах Пермской области солеварен не было вообще (СПбФ АРАН. Ф. 27. Оп. 1. Д. 128. Л. 40). Потому именно этот город привлекал внимание И. Ф. Германа и стал объектом сбора статистических данных.

В фонде И. Ф. Германа хранится несколько документов, содержащих интересующие нас данные. Один из них (по данным 1792 г.) — «Краткая ведомость казенных и частных заводов в Пермском наместничестве, численности населения, казенных доходов и т. д.» Из него узнаем, что в 1792 г. в Соликамске было 11 каменных и 609 деревянных домов (для сравнения в Перми — 6 каменных и 681 деревянный дом). В уезде находилось 25 сел и 774 деревни (в Пермском уезде насчитывалось 15 сел и 537 деревень). В городе Соликамске имелось 10 каменных церк-

вей и 1 монастырь (в Перми — 2 каменные церкви и одна деревянная), во всем Соликамском уезде было 14 каменных и 23 деревянных церкви (в Пермском уезде — 3 каменные церкви и 12 деревянных). Соликамск был немалым по тому времени городов.

Данные по питейному промыслу выглядят следующим образом. В 1792 г. имелось 6 питейных домов в самом Соликамске и 27 — в уезде; в них было продано в общей сложности 18 305 6/8 ведер вина, т. е. около 225 151 л. Доход от продаж вина составил 611 119 рублей 50 копеек. В Перми при абсолютно таком же числе питейных домов в городе вина было продано в три раза больше. Для сравнения приведем цифры из того же документа по второму казенному промыслу — соляному. Имевшиеся в уезде 120 солеварен произвели в 1792 г. 5 039 759 пудов соли, т. е. 80 636 144 килограмм. Соляной доход Пермской области составил 194 663 рубля 23 7/8 копеек. Питейный доход значительно превышал соляной (СПбФ АРАН. Ф. 27. Оп. 1. Д. 128. Л. 40).

Другой документ предлагает показатели динамики роста доходов от продажи в Пермском наместничестве вина и соли с 1783 по 1795 г. Это отражено в специальной ведомости, «показующей сколько в Пермской губернии с прошедшего 1783 по 1796 год продано вина и соли каждой год порознь и на какую по продаже в ценах сумму». На самом деле ведомость показателей за 1796 г. не содержит, и на 1795 г. показателей по продаже вина также нет, поскольку, как поясняет документ, «продажа и заготовление онаго оставлено откупщикам, а по заключенным с ними с Сенате контрактам обязаны они платить откупной суммы ежегодно 612 897 [рублей] 85 [копеек]» (СПбФ АРАН. Ф. 27. Оп. 1. Д. 128. Л. 47).

Динамика продаж, говоря современным языком, положительная. Приведем данные по двум крайним годам. В 1783 г. питейный доход Пермского наместничества составил почти 495 миллионов рублей, в 1794 г. — чуть более 695 миллионов рублей. Соляной промысел в 1783 г. принес в казну почти 132 миллиона рублей, в 1795 г. — почти 215 миллионов рублей. Питейный доход регулярно превышал соляной более чем в 3,5 раза (СПбФ АРАН. Ф. 27. Оп. 1. Д. 128. Л. 47).

В бумагах И. Ф. Германа имеются и другие статистические документы по интересующему нас промыслу. Также академик хранил в своих бумагах множество копий императорских указов и официальных распоряжений по Пермскому наместничеству. Все это говорит в пользу объективности собранной информации и возможности использовать ее в качестве полноценного источника по экономической истории Российской империи в последние два десятилетия XVIII в.

Е. В. Бородина

Борьба с пьянством среди канцеляристов Среднего Урала в конце 1720-х — начале 1730-х гг.

Первая четверть XVIII в. века стала переломным периодом в жизни Урала. В это время начинается активное формирование промышленности, становление новых индустриальных центров. Строительство и обеспечение функционирования горнозаводских комплексов было сопряжено с напряженным трудом и мастеровых и работных людей, и канцелярских служителей. Последнее обстоятельство было обусловлено изменениями требований к работе делопроизводителей и ростом значения контрольно-учетной документации, активно внедрявшейся в последние годы правления Петра I.

На Урале ритм работы канцелярий государственных учреждений задавался режимом труда производственных цехов. Ставший во главе горного ведомства в 1723 г. генерал-майор В. де Геннин стремился ввести жесткую дисциплину во всех подведомственных ему заводских корпусах и канцеляриях, продолжительность рабочего дня которых менялась в зависимости от сезона, неизменно начинаясь в четыре часа утра и заканчиваясь в восемь или десять часов вечера.

Тяжелый труд и отсутствие возможностей для разрядки создавали условия для злоупотребления алкоголем еще в период строительства Екатеринбурга. В дальнейшем случаи пьянства в заводе-крепости не были редкостью. Будучи во главе уральских заводов, В. де Геннин неоднократно стремился ограничить употребление вина в Екатеринбурге и других населенных пунктах, подчиненных горному ведомству. Генерал-майор запретил продавать вино в будние дни и ввел ограничения по его продаже на человека. Активное наступление на заводские кабаки началось в конце 1731 г., когда было предписано заводить питейные заведения не ближе, чем в 10 верстах от рудников и в 20 верстах — от заводов. Если в предыдущие годы за злоупотребление вином карались преимущественно мастеровые и работные люди, то с 1732 г. начали наказывать управителей и делопроизводителей. Мастеровых и работных обычно оставляли на работах, за-

кованных «в железа», подвергали телесным наказаниям и уменьшали жалование. Замеченных в непрестанном пьянстве канцелярских служителей предписывалось лишать части жалования и даже временно отстранять от дел. Кроме того, подьячих могли наказать батогами.

Несмотря на предпринимавшиеся действия, пьянство было пороком многих канцелярских служителей, что нашло отражение в журналах учета рабочего времени. Так, например, 17 августа 1731 г. руководитель судного повытья Сибирского обербергамта Иван Кичигин вышел из канцелярии в третьем часу дня и вернулся лишь «по пробитии восми часов в девятом пьяной». В тот день И. Кичигин был дневальным. Под 20 сентября 1731 г. в журнале значится другая запись: «того ж числа оной Иван Аистов по пробитию с полудни семи часов и в том часу вышел из конторы в кабак, с ним же Федор Аистов, в том же часу в восмом в кабак, а из кабака прешел Федор Аистов в восьмом часу в последней четверти». В октябре 1731 г. пьянство не дало исполнять обязанности подканцеляристу счетного повытья Ивану Гуляеву. 25 октября он был пьян, хоть и находился «у дел», а 26 октября подканцелярист не смог выйти на службу, так как весь день мучался от похмелья. Из-за злоупотребления алкоголем 7 декабря этого же года делопроизводитель горного повытья Семен Дерябин не пришел на работу. На его поиски были посланы караульные, от которых он сбежал «за пьянством же».

В тетрадях записных Сибирского обер-бергамта факты прогулов из-за злоупотребления вином встречаются практически каждый месяц. В 16 из 245 случаев нарушений служебной дисциплины (6,5 %), зафиксированных в журнале за майскую треть 1731 г., пьянство указывается основной причиной ненадлежащего исполнения обязанностей или отсутствия на рабочем месте. По данным тетради сентябрьской трети 1731 г. и журнале за февраль-апрель 1733 г., процент указаний на отсутствие на рабочем месте из-за злоупотреблений выпивкой снижается. Из 262 казусов, зафиксированных в тетради сентябрьской трети 1731 г., пьянство стало причиной прогулов в 11 случаях (4,3 %). 220 казусов, зарегистрированных в записной тетради за февраль-апрель 1733 г., содержат лишь одно описание уклонения от службы по причине пьянства (0,45 %).

Приведенные данные позволяют заключить, что меры В. де Геннина по борьбе с пьянством имели положительный результат, но не были достаточными. Делопроизводители, особенно склонные к злоупотреблению алкоголем, карались и в последующие годы. Так, например, 19 марта 1734 г. было принято решение о наказании батогами протоколиста И. Кичигина, к решению о наказании которого была сделана приписка о вынесении предупреждения «с подпискою, ежели он впредь в работные дни усмотритца пьяной, то за оное имеет быть наказан жестоко и ис того чина будет извержен и определен в подканцеляристы». Подобно И. Кичигину, большинство понесших наказание за пьянство получали выговор или наказание не один раз. Ситуацию не удалось изменить и после смены руководителя уральского горного ведомства в 1735 г.

Н. Д. Борщик

Роль общественной инициативы начала XX в. в развитии крымского виноградарства и виноделия (по материалам профильных комитетов и съездов)

Крым — это древнейший винодельческий район. В первой половине XIX века осваивается Южный берег Крыма (ЮБК) и формируется самобытная виноградарско-винодельческая культура, традиции и научные школы Магарача, создается так называемая «южнобережная» технология виноделия, воспитывается не одно поколение выдающихся виноградарей и виноделов.

Первые шаги для поднятия виноделия в Крыму были предприняты князем Г. А. Потемкиным, выписавшим из-за границы виноградные лозы и опытных виноделов. Герцог Ришелье, генерал-губернатор Новороссии и Бессарабии, основал в 1811 г. Императорский Никитский ботанический сад, в составе которого в 1828 г. в урочище Магарач было открыто винодельческое училище, ставшее известной площадкой для разведения адаптированных к крымским условиям виноградных лоз разных сортов. Крымские вина быстро завоевали себе хорошую репутацию благодаря высокому качеству.

В 1892 г. по желанию Министерства государственных имуществ была создана особая комиссия по проведению экспертизы магарачских вин. В нее вошли: заведующий виноградниками Удельного ведомства князь Л. С. Голицын (председатель), директор Никитского ботанического сада П. Г. Анциферов, винодел имения «Ливадия» И. А. Бианки и др.

Но на рубеже XIX–XX вв. картина российского винного рынка была достаточно печальна: повсеместно наблюдался кризис сбыта, в производящих районах подвалы были полны вином, а в потребляющих районах наблюдался недостаток вин. Кроме того, в чудовищных размерах процветала фальсификация, к чему приводила деятельность разного рода мошенников, подделывающих вина и этикетки.

На рубеже XIX–XX вв. активизировали свою деятельность профильные комитеты. В частности, в ряде винодельческих губерний состоялись губернские съезды виноградарей и виноде-

лов. На съездах был поднят и решен ряд важных вопросов: о сбыте черноморских вин, так как эта проблема была не из легких, о борьбе с фальсификацией вин и т. д. В Симферополе подобный съезд состоялся в 1901 г. Был прочитан ряд докладов: о кооперации в виноградарстве и виноделии, о казенной монополии в виноделии, заслушаны материалы по виноградарству Таврической губернии и очерк развития винодельческих хозяйств в Магарач и Массандре. Все доклады впоследствии были изданы в трудах съездов.

Позже подобные съезды получили всероссийский статус и состоялись в 1902 г. в Москве и в 1903 г. в Одессе. Во многом благодаря инициативе известного крымского винодела Л. С. Голицына удалось обозначить проблемы российского виноделия и наметить пути их решения.

Долгая работа правительства с учетом мнений экспертов, производителей и потребителей привела к принятию «Закона Российской империи о виноградном вине от 24 апреля 1914 г.». Закон фактически подводил итог реформам правительства в области виноградарства и виноделия, аккумулируя все прежние постановления, и вводил строгие наказания за подделку вина.

Первая мировая война и последующая Октябрьская революция не дали осуществиться этим начинаниям. Традиции русских вин высокого качества с приходом к власти большевиков были почти уничтожены.

Е. С. Бутрин

«Питейная продажа» на шуйском кружечном дворе в первой половине XVIII в.

Шуйский кружечный двор ко второму десятилетию XVIII в. представлял собой внушительный торгово-производственный комплекс. Согласно ведомости от октября 1718 г., кроме кружечного двора в самом городе, имелись «к нему приписные стойки» в с. Пупки Шуйского уезда и с. Кохма Суздальского уезда, а также в шуйской городовой осыпи. Вино для «питейной продажи» курилось в Шуе на поварне. Для обслуживания этого хозяйства необходима была значительная коллегия земских служителей: в 1718 г. на кружечном дворе работали 12 земских служителей, а в 1722 г. трудились, кроме бурмистра А. М. Ламанова, еще двое ларечных и целых 9 целовальников.

Подробные сведения о структуре торговли алкогольной продукцией, произведенной на кружечном дворе в Шуе, содержит записная книга «продажи всяких питей» выборного кружечного двора Г. А. Ламанова 1747 г. Согласно ей, в городе имелось три пункта продажи алкоголя: «четвертная», «чарочная» и «площадная» стойки, а также «стойка в городовой осыпи». В первой предавалось четвертями вино, а также водка, пиво, мед ставленый и вареный. В остальных вино продавалось только в кружки (стойка в осыпи торговала также пивом). На самом кружечном дворе вино продавалось только в ведра и полуведра. В записной книге 1747 г. упоминается 12 работавших на кружечном дворе целовальников. Каждый из них осуществлял продажу в одном торговом пункте, причем все они ежемесячно меняли участки работы.

В уезде имелось два стационарных пункта для торговли алкоголем: в с. Пупки и с. Ярлыково. В Пупках торговли вином как в ведра, так и в кружки и в четверти, а также пивом и обоими видами меда. В Ярлыкове продажа вина в ведра отмечена лишь в одном месяце (августе). Да и в целом торговля в нем была гораздо более бедной: если в Пупках в год было продано 242 ведра вина, 615,5 ведер пива и 93 ведра меда, то в Ярлыкове — всего 86 ведер вина, 214 ведер пива и 6 ведер меда. Совсем

захирела торговля в с. Щербове Суздальского уезда — за весь год в нем было продано всего 9 ведер вина (в феврале, мае и июне). Значительный доход приносила продажа алкоголя на ярмарках — прежде всего на Николаевской Шартомской ярмарке, ежегодно проводившейся 8–10 мая в селе Пупках (в 1747 г. на ней было продано 154 ведра вина, 860 ведер пива, 180 ведер меда). Две другие «богомольные» ярмарки — Афанасьевская (июнь) и Дорковская (6 августа) принесли в 1747 г. гораздо меньшую прибыль — на них было реализовано всего 25 ведер вина и 72 ведра пива. В Шуе наиболее значительный доход приносила торговля вином «в ведра и полуведра» на кружечном дворе — всего за год таким образом было продано 499,5 ведер вина. В «четверти» было продано 231 ведро, в кружки — 324 ведра. Таким образом, общий объем реализованного в розницу алкоголя лишь на 10 % превосходил годовую продажу вина «в ведра и полуведра».

Наиболее интенсивная продажа вина падала, естественно, на зимние месяцы — в январе, феврале и декабре в 1747 г. было продано 464 ведра вина (36 % всего годового объема, не считая ярмарочной торговли). Значительный доход приносила винная торговля с мая по август — включая ярмарки, за эти месяцы было продано 639 ведер вина (40,7 % всего годового объема). А вот весной и осенью торговля сокращалась: за март и апрель, а также три осенних месяца, было продано 467,5 ведра вина — чуть более трети годового объема, не считая ярмарок (33,6 %). Что касается пива, то его в Шуе в 1747 г. было продано 2601,25 ведра в год. Наибольшей популярностью оно пользовалось в летние месяцы: в мае, даже исключая внушительную продажу на Николаевской ярмарке, была достигнута среднемесячная продажа — 285 ведер. А в течение лета было продано 1142 ведра пива, что составляет ровно треть годовой продажи (исключая ярмарки) — 33,3 %. Впрочем, пивная продажа подчинялась более прихотливым законам, чем винная — в феврале (316 ведер) и октябре (318,5 ведер) она значительно превышала среднемесячные показатели. Вареным медом торговали с января по апрель (остатки были реализованы в июле) — всего за эти месяцы было продано 255 ведер. Ставленый мед продавали с мая по декабрь — всего 252 ведра. Нужно заметить, что Николаевская

ярмарка за три майских дня принесла более четверти всей годовой продажи меда (26,2 %).

Поскольку имена покупателей вина «в ведра и полуведра» обозначены в записной книге 1747 г., можно сделать определенные выводы о социальном составе потребителей алкогольной продукции шуйского кружечного двора. Из 214 покупателей почти половина (98 чел.) относились к посадским людям г. Шуи, еще 4 чел. представляли собой служащих магистрата (бурмистры, старосты), а 5 чел. — воеводской канцелярии (канцеляристы и копиист). Четверть покупателей (54 чел.) относилась к крестьянам окрестных селений, еще 13 чел. представляли вотчинное начальство (приказчики, старосты, служители и дворовые), а 8 чел. являлись «иногородцами» (ярославцы и москвичи). Духовенство белое (26 чел.) и черное (3 чел.) составляло последний значительный сегмент потребителей кружечного двора. Наибольший объем годового потребления вина на человека зафиксирован для членов магистрата — 10,6 вед. и воеводской канцелярии — 4,5 вед. Ниже по «потребительской лестнице» располагались вотчинные служители — 3,73 вед. Довольно высок был уровень потребления вина посадскими людьми — 2,91 вед. на чел., ниже располагались «иногородцы» — 2,43 вед., представители белого духовенства — 2 вед., а последнюю строчку занимали крестьяне — 1,85 вед.

Нельзя не отметить, что потребление вина довольно четко маркирует социальное положение лица: на 64 представителя посада, купивших в течение года менее двух ведер вина, приходится всего четверть «посадского» вина, тогда как более половины вина (146 ведер) приобрели 15 чел., купившие более пяти ведер в год.

Т. В. Воронич

Нарушения Устава о питейном сборе в городах Белоруссии в последней трети XIX — начале XX века

На сегодняшний день история преступности остается в белорусской историографии не только одной из наименее изученных, но и наименее привлекающих внимание историков тем. Однако эта проблема крайне важна для изучения истории повседневности. Судебные дела окружных судов (ставшие главными источниками данного исследования) по словам американской исследовательницы Нэнси Шилдс Коллман, «раскрывают повседневную жизнь людей как никакие другие источники».

Буржуазные реформы второй половины XIX века привели к изменению ценностных ориентаций и стандартов поведения у значительной части населения, а конфликт разных систем ценностей способствовал росту отклоняющегося поведения и преступности. Б. Н. Миронов отмечает, что не бедность, а стремление разбогатеть любыми способами, не исключая и криминальных, часто служило мотивом преступления. Повышение роли богатства в системе ценностей, возможность через богатство сразу и радикально изменить свою жизнь к лучшему вводили многих людей среднего достатка в искушение.

Особую группу преступлений составляли нарушения Устава о питейном сборе. В соответствии с российским законодательством для торговли спиртными напитками необходимо было ежегодно приобретать специальный патент. Стоимость патента, например, на право торговли вином в конце XIX века составляла около 100 рублей. А вместе с затратами, связанными с оформлением документов, расходы достигали 150 рублей. Сумма довольно значительная для того времени. Несмотря на то, что сама торговля водкой и вином была очень прибыльным делом, торговцы предпочитали заниматься тайной беспатентной торговлей. Либо торговали по патенту другого лица.

Нередко судебные дела, в которых рассматривались нарушения Устава о питейном сборе, заканчивались вынесением оправдательных приговоров. Обвиняемые категорически отрицали свою вину и использовали всяческие способы, чтобы оправдать

себя. Торговцы в момент осмотра их заведений уничтожали все улики, оказывали физическое сопротивление сотрудникам полицейских и акцизных учреждений, более того, сами могли применять физическое насилие по отношению к инспектирующим их лицам.

Введение в России «сухого закона» и последовавший запрет на продажу спиртных напитков привел к употреблению денатурированного спирта, политуры, лака, одеколона и других, заменяющих водку и пиво, жидкостей. Алкогольная продукция, которая шла в продажу для пищевых целей, облагалась налогом, акцизом. Спирт, который предназначался для технических целей, от акциза освобождался. Но, чтобы предотвратить его использование в качестве напитка, проводилась денатурация спирта. Даже небольшое количество выпитого денатурированного спирта часто приводило к необратимой слепоте и даже смерти. Несмотря на все тяжелые последствия, народ пил денатурат. И особенно его употребление увеличилось после введения «сухого закона». Появились даже народные названия подобных напитков, такие как «ханжа», «водка-самосидка», «чертова кровь». Потребителем подобных продуктов был «исключительно трудовой, крестьянский, рабочий народ», который в силу своей неграмотности порой просто не знал всех последствий употребления подобного рода суррогатов. При рассмотрении подобных дел суды также нередко выносили оправдательные приговоры, признавая обвиняемых виновными лишь в незаконной торговле денатурированным спиртом, «но без ведома, что денатурат может повлечь за собою смерть или слепоту»…

Стремление к богатству, максимально легкому пути обогащения толкало предпринимателей на путь многочисленных преступлений.

Л. В. Выскочков

Алкогольные напитки при Императорском дворе Николая I

Структура потребления алкогольных напитков при Дворе Николая I в концентрированном виде дает представление об их бытовании в дворянской среде в Пушкинскую и Николаевскую эпохи. Среди многочисленных документов в фондах Министерства императорского двора наиболее репрезентативно она представлена в сохранившейся «Приходно-расходной книге по Петербургскому погребу за 1849 г.», в которой на 247 листах зафиксирован приход и расход напитков (РГИА. Ф. 469. Оп. 14. Д. 511). Это различные вина, крепкие напитки, пиво, меды, квас, минеральная вода.

Остановимся только на винах в бутылках (не считая небольшого количества полубутылок и другой тары). Согласно документу, остаток от 1848 г. составлял 83 766 бутылок, поступило в 1849 г. 47 600, расход (потребление) 42 237, остаток — 89 129. Основным источником поступления вин был прежде всего первый универсальный «Английский магазин» на углу Невского проспекта и Большой Морской (16 850 бутылок). Были поставки также из винных погребов Петергофского (11 078). Царскосельского (10 021) и Гатчинского (2 300) дворцов и небольшие частные поступления.

Первые два места занимали красные сухие бордоские вина, славившиеся как «королевское вино»: Шато Лафит (3750 бутылок 1-го и 2-го сортов) западного винодельческого района Франции, произведенные в департаменте Жиронда из винограда поместья Шато Лафит и Медок (3613), одноименного района по побережью рек Гаронны и Жиронды (до 12° алкоголя). Присутствовало также красное Шато Бран Мутон из Медока. Бордоские вина хорошо хранились, кроме того, они не опьяняли. Недаром А С. Пушкин, сравнивая их со своенравным и коварным, как ветреная любовница, шампанским «Аи». писал: «Но ты, Бордо, подобен другу!». Сухим красным Лафитом начинали обед, а шампанским, заканчивали. В незаконченной главе «Евгения Онегина» будущие декабристы вели разговоры «между Лафитом и Клико».

На третьем месте оказалось крепкое вино Мадера из виноградных лоз португальского острова Мадейра (всего 2401 бутылка 1-го и 2-го сортов). Это вино выдерживалось в условиях тропического климата в дубовых бочках в прогреваемых солнцем складах. К собственно Мадере следует приплюсовать и «Мальвазир Мадеру», то есть, Мадеру Мальвазию, самый сладкий вид Мадеры. Ее было выпито 432 бутылки. Итого: вина типа мадеры 2833 бутылки. На четвертом месте было шампанское, которого было выпито 2054 бутылки, больше всего — в январе. Среди них могли быть прославившиеся благодаря А. С. Пушкину «Аи» и «Вдова Клико». На пятом и шестом местах находились снова бордоские вина, но уже белые. Десертный Го-Сотерн: всего 1 779 бутылок, названный так по деревушке в районе Сотерна в 40 км к югу от Бордо на берегах Гаронны, где культивировались сорта винограда Семильон, Совиньон и Мюскадель. Эти вина производились из завяленных ягод. Далее отдельной графой указано также сотернское белое полусладкое вино Барзак (по городу в 30 км от Бордо на левом берегу Гаронны, популярное среди фрейлин (997 бутылок). Общее количество сотернских вин составляло 2 776 бутылок. На седьмом месте находилось белое вино Вейн де Грав (всего 906 бутылок) из местности к югу от Бордо. Пользовался популярностью Мускат Люнель, мускатное ликерное вино из окрестностей Люнеля департамента Эр.

Присутствовали и различные бургундские вина, в том числе любимое красное сухое вино Наполеона «Шамбертен» (Жевре-Шамбертен) из региона Кот-д'Ор и белое вино «Марсиль» (Мерсо) из субрегиона Кот де Бон. Среди французских вин было и ценившееся еще Петром I красное сухое вино Эрмитаж (с берегов Роны южнее Лиона). Из итальянских вин указано белое полусладкое игристое (D'Oro), из немецких — «Мозельвейн» (Мозельское), а также рейнские вина, в том числе редкий «Рейнвейн Йоганнисберг» (Шлосс Йоганнисберг), получавшийся особым способом (как в Сотерне) из лоз на берегу Рейна между Майнцем и Кобленцем.

Популярны были также испанские вина. По свидетельству сводной ведомости «в расходе» значилось 626 бутылок Пахарате и 593 — Хереса. Пахарате или Малага Крема — разновид-

ность Малаги из восточной части Андалузии, полусухое или полусладкое вино с содержанием спирта 15–23 %. Собственно Малаги было выпито 153 бутылки. Это десертное ликерное вино с содержанием сахара до 20–30 %. К категории крепких вин относилось другое испанское белое вино Херес из области Херес де ла Фронтера, который мог быть как сухим, так и сладким. Особо отмечены бутылки Хереса и Малаги, подаренные испанским послом Паэсом де ла Каденой. Португалия была представлена портвейном, венгерские вина — Токайским. В небольшом количестве было «Кипрское». Проникают в Россию и вина из Южной Африки: «Капское» (Капского полуострова) и «Констанское» (Констанция) из долины на южных склонах Столовой горы.

Среди вин, выдававшихся непосредственно «Их Императорским Величествам» для потребления за императорским столом, преобладали: Медок, Мадера, Шато-Лафит, шампанское, Барзак, Го-Сотерн, Вейн де Грав, Херес, Сен-Жульен (из Медока), Малага.

А вот из отечественных вин в погребе значилось только некое «Кавказское», возможно, из слободы Владимировка Ставропольской губернии, принадлежавшей А. О. Реброву. Его столовые и игристые вина с 30-х гг. XIX в. продавались в Минеральных Водах и представлялись Министерству императорского двора, но на дегустациях получали отрицательные оценки. Время «винного национализма» Александра III, когда получило импульс развития виноделие Крыма, Черноморского побережья, Закавказья и Бессарабии, еще не наступило.

В. К. Ганцев

О производительности и производственных мощностях средневековых скальных виноградодавилен Мангупа, округи Сюйреньской крепости, Кыз-Кермена и Эски-Кермена (по материалам современных археологических исследований) *

При изучении виноградарства и виноделия Крыма средневизантийского времени важным является выяснение экономического характера этой отрасли сельского хозяйства. Являлась ли она экспортной или вино производилось только для домашних нужд? В связи с отсутствием синхронных письменных данных о масштабах винопроизводства единственным источником, которые могут дать ответ на этот вопрос являются памятники археологии — скальные виноградодавильни (тарапаны).

В Юго-Западном Крыму находится около 200 стационарных винодельческих комплексов, разной степени сохранности. Они расположены в границах или в округе так называемых «пещерных городов» Крыма, а также рядом со средневековыми поселениями и монастырями. Для исследования были отобраны 55 скальных виноградодавилен, расположенные в округе Сюйреньской крепости (31 тарапан), на городище Кыз-Кермен (семь тарапанов), Мангуп (13 тарпанов) и Эски-Кермен (четыре тарпана). Для этих памятников в нашем распоряжении есть информация необходимая для подсчета их производительности — показатели длины, ширины, глубины/высоты давильных площадок и суслоприемников (углублений, вырубленных в скалах, соединенных с давильной площадкой каналами, предназначенных для сбора виноградного сока (сусла)). Учитывая сходство конструктивных особенностей отобранных виноградодавилен, их синхронное функционирование в IX–X вв., мы можем суммировать возможные объемы производимого вина на этих памятниках.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-39-90005 «Средневековое виноделие Юго-Западного Крыма по археологическим данным».

Для разовой загрузки 39 давильных площадок могло понадобиться 13 295 кг винограда. Из этого объема винограда можно выдавить 8642 л сусла. Учитывая, что на большинстве памятников первоначальные размеры давильных площадок не сохранились и нами использованы реконструируемые значения, первостепенное место для наших дальнейших подсчетов рентабельности средневекового виноделия имеют данные о количестве винограда необходимого для полного заполнения виноградным соком суслоприемников. Так для единоразового заполнения 54 суслоприемников нужно 38 170 кг винограда, выход сока при этом составляет 24 811 л.

Для бесперебойной работы одной винодельни необходимо как минимум 3 га виноградников, получается, что для работы 55 виноделен понадобилось бы площадь, занятая под виноградники равная 165 га. По подсчетам В. Д. Блаватского, для античного виноделия нормой считалось, что с 1 га виноградника получали 2000–3320 л вина. Если подобные нормы хотя бы отчасти сохранились в эпоху средневековья, то с 165 га виноградников можно было получить от 330 000 до 547 800 л вина. Одна виноградодавильня за сезон могла быть задействована несколько десятков раз, поэтому получаемые результаты вполне приемлемы.

Если представить, что в округе Сюйреньской крепости, на Кыз-Кермене, Мангупе и Эски-Кермене производили как минимум 330–547 тыс. л вина за сезон, а объем употребления одним человеком в год составляло не более 317 л, а скорее гораздо меньше, получается, что произведенной продукции хватило бы для 1 041–1 728 человек.

Учитывая тот факт, что в нашем исследовании использованы данные о производительности и производственных мощностях только 55 виноградодавилен, а их количество в Юго-Западном Крыму намного больше, общий объем получаемой продукции мог составлять как минимум 2 млн л вина за один сезон, полностью удовлетворяя местный рынок.

Таким образом, полученные результаты вполне уверенно позволяют говорить об излишках производимого в Юго-Западном Крыму вина, которое экспортировалось за его пределы. Наиболее вероятным рынком сбыта крымского вина служили донские и приазовские районы Хазарского каганата.

Ю. П. Голицын

Екатерина II о винокурении

Винокурение и питейный сбор, как один из основных государственных налогов, постоянно находились в поле зрения императрицы Екатерины II. В ее повседневных записках можно найти достаточно большое число замечаний по поводу производства и продажи вина.

18 января 1788 г. в разговоре с А. В. Храповицким Екатерина четко сформулировала свое отношение к увлечению помещиков винными поставками: «Винокурение должно быть частию экономии деревенской, а не главным промыслом дворянства».

В другой раз Екатерина делает в черновике запись (без даты): «из купленного хлеба курить не всегда бывает прибыльно, из чего последует, что большие винокуренныя заводы не более суть вообще полезны, как и большие фабрики. Винокурения же из излишнего домашнего хлеба сходственны правилу о рукоделию относительно до фабрик. Следовательно, Казенная палата, подряжая вино той губернии мелкопоместные подрядчики кои из своего излишнего домашнего хлеба, а не из купленного выкуривают вино, наперед пускает и потом просих (опросив. — *Ю. Г.*) буде же цены и кондиции суть одинакие (одинаковые. — *Ю. Г.*), то мелко поместным преимущество дает лишь бы курили из лишнаго (личного. — *Ю. Г.*) своего домашнаго хлеба, а не купленнаго, и для того им мелкопоместным подрядчикам и поставщикам показать, сколько у них десятин пашни, из чего Казенной палате, сличая число ведр с урожаем, легко изчислять».

Когда в 1767 г. в стране обозначился кризис поставки вина в казну, Екатерина II представила в Сенат собственноручный проект о создании в некоторых городах винокуренных компаний. Но императрица укрылась под вымышленным именем Елизара Иванова.

Главным изменением существовавшего порядка в представленном проекте было допущение к производству вина в четырех городах «вольной компании, в которую класть акции всякому того города жителю и дворянам, кто пожелает», т. е.

дворяне лишались одной из основных своих монополий, а право винокурения возвращалось не только купцам, но оно предоставлялось и мещанам. Неслучайно, в проекте много места отведено оправданию такого решения. «Есть ли бы кто сказал, что сие есть противно дворянской привилегии о винокурении, на то ответствую, что Государь властен пожаловать привилегию кому соизволит, и, что для данной дворянству привилегии в случае, где они оною или мало, или вовсе не пользуются, народу не быть без вина и пятимилльоннаго государственнаго дохода не лишиться, который на государственныя нужды употребляется; у дворянства же вина на пять милльонов нету, то что лучше, чтоб народ чувствовал неудовольствие от недостатка в вине и наложен был пятимилльонный налог взамен питейнаго сбора, или чтоб четырем городам была дана привилегия, чрез кою достаток был бы награжден, привилегия дворянская сохранена, и сами дворяне избавятся от новаго налога, взамен виннаго, на часть имения их, и еще сами могут брать участие в новом сем положении». Отметим, как всесторонне обрабатывает Екатерина своих возможных противников, с одной стороны, угрожая введением дополнительного налога (при том, что выгоды от винных поставок имели всего около 200 дворян, а налог были бы вынуждены платить все), а с другой, соблазняя получением высокой прибыли (не менее 6%). В то же время главная задача — «государственного дохода не лишиться». Ради нее императрица была готова ограничить даже дворянские привилегии.

Особое внимание императрица уделяла состоянию казенных винокуренных заводов. Узнав 27 декабря 1787 г. об отдаче Меленских заводов в аренду купцу Устинову, в январе 1788 г., по воспоминаниям ее секретаря, она ругала («мыли голову») генерал-прокурора за раздачу государственных предприятий. Обер-прокурор Сухарев и обер-секретарь Поленов должны были представить объяснения по этому делу. Екатерина II была сторонницей проведения государственного влияния на рынке вина через поставки с казенных заводов. «Винные же заводы всегда останутся в своей силе, понеже служить будут для обуздания цены вину, для чего и заведены; об уничтожении их всегда будет дело неуместное».

С другой стороны, рассуждая в одной из своих записок И. П. Елагину о государственной экономии, императрица полагала, что продажу вина из кабаков необходимо с казны переложить на частных лиц, которые самостоятельно должны искать себе поставщиков вина. В том случае, если они таковых не найдут, к заключению для них подрядов на поставку вина должны подключиться власти, «дабы казна не имела ни единой копейки убытка».

Фактически можно говорить о том, что доходы государственного бюджета, составной частью которых были производство и продажа вина, находились под постоянным контролем Екатерины II.

К. А. Голодяев

От питейного дома до ресторации (общественное питание дореволюционного Ново-Николаевска)

Конечно, пили в Сибири много. Очень много. Население Закаменской части города Ново-Николаевска было значительно беднее, чем в Центральной или Вокзальной, поэтому проблема там стояла наиболее остро.

Администрация посёлка пыталась как-то контролировать процесс пития. Зачинщиком здесь выступила петербургская интеллигенция, составлявшая костяк инженерного корпуса строительства моста. Уже в 1893 году инженер А. С. Конопчинский телеграфирует в губернский Томск: «Разгул и пьянство не только в праздничное, но даже и будничные дни достигает крайних размеров».

В 1897 году в посёлке насчитывалось одно частное питейное заведение, один ренсковый погреб, один трактир и три харчевни. В 1901 году пристав посёлка Гродницкий телеграфирует о наличии в посёлке 21 питейных заведений. В 1904 году на один трактир в городе приходился 1251 житель (21 заведение), а в 1910-м количество горожан на трактир уменьшилось в 2 раза (606 на 87 трактирных заведений).

В 1909 году в Ново-Николаевске было три ресторана: «Берлин», «Луна», и «Яр» в саду «Альгамбра». Ресторан «Луна» располагался в доме Попова, на углу Кузнецкой и Дворцовой. К 1911-му из первой тройки остался только «Берлин», но к нему добавились рестораны «Биржа» и «Россия», «Киев». Только на 1912 год Городская дума предлагала для обложения трактирным сбором 136 (!) заведений. Общая сумма сбора была запланирована в 16 237 рублей (от 20 до 2 тыс. руб. с заведения). В 1914 г. она составляла уже 22 180 руб.

Из наиболее популярных стоит отметить ресторан «Московский» с окладом трактирного сбора в 2 тыс. руб. в доме Зайцева на Тобизеновской, 71. А одним из известных рестораторов Ново-Николаевска был В. И. Пудовкин. В 1912 году его заведение располагался в отремонтированном доме Быковой на Асин-

критовской. Ресторан имел собственный телефон, отдельные кабинеты, номера, биллиарды и «рекомендуется во всех отношениях один из лучших в здешнем городе».

В 1913-м же сообщается об открытии в доме Байера на ул. Асинкритовской гостиницы «Россия», где можно поужинать всяческими холодными и горячими закусками из свежей провизии. Хозяин Пудовкин с почтением сообщает, что «Кухня под личным наблюдением».

Существовало и выездное обслуживание — кейтеринг, как сказали бы сегодня. Так, 31 декабря 1912 года буфет общества приказчиков обслуживал вечер в Городском торговом корпусе, где находилась городская дума (ныне Красный проспект, 23), но что было выдано однодневное свидетельство.

Конечно, и площади города, начиная с самой первой у железнодорожного моста, изобиловали как торговыми лавками, так и ренсковыми погребами, пивными и трактирами, которые открывали преимущественно пивовары. В основном, они имели свидетельства 2 разряда (13 из 20).

«О пивнушке стоит сказать несколько слов. Это явление особого порядка… Пивнушка это — верх безобразия. Это — источник заразы. Это — очаг беспробудного пьянства. Грязь в пивнушке неописуемая. Визжит трехрядка “итальянка”, надрывается скрипчишка. Играют за полтинник «по заказу». Приходит публика — кого только нет! — с бутылкой водки в кармане. И пьют “ерша” — подлую и крепкую смесь: полстакана пива, полстакана водки. Висит в воздухе ругань. Поднимается драка. Впутывается полиция. Это уже падение — пивнушка… Ибо грязь в ней воистину страшная. А публика? А публика — все, начиная с интеллигенции!».

Другое дело — порядок на реке. На всех пассажирских судах Товарищества Западно-Сибирского пароходства и торговли команде вменено в обязанность обеспечивать комфортное пребывание путешествующих. «Имеются первоклассные буфеты, из коих отпускаются пассажирам из безукоризненной провизии кушанья и напитки».

Работали буфеты с 8 утра до 12 ночи местного времени. Дозволялось приносить и своё вино при условии оплаты бутылочного сбора в 50 коп., также можно было предложить буфету

приготовить кушанья из своей провизии при уплате за приготовление и специи по 25 коп. с персоны.

Для скромных в бюджете и для пассажиров 3 класса на палубе устанавливался большой самовар с кипятком: по 3 коп. за чайник, а для переселенцев и нижних воинских чинов при своей посуде бесплатно.

Были и кухонные предпочтения: европейской и азиатской. «Золотой лев» настоятельно рекомендовал свои блины, Пудовкин — московские расстегаи и горячие пирожки, «Московский» — шашлыки. Вот, например, меню ресторана Пудовкина на 29 апреля: 1-е — щи зеленые щевелью, консоме рояль (крепкий мясной бульон). 2-е — рошилье из рыбы (духовое сложное блюдо), шниц по венски, дикие утки. 3-е — миеринг с вареньем (белковый десерт), кашка запеканка.

После революции, в годы гражданской войны, видимо, было не до ресторанов. Хотя, вопрос этот, конечно, требует дальнейшего исследования.

А. А. Голубинский

«Землемер весьма худого поведения был»: пьянство среди служащих Межевой канцелярии в XVIII в.

Характеристика девиантного поведения российского чиновника невозможна без обращения к случаям, связанных с пьянством. Без него сложно, несмотря на многочисленные указания межевого правительства, представить себе и структуру противоправных поступков и российских землемеров XVIII в. В мемуарной литературе и делопроизводственной документации Межевой канцелярии сохранилось немало разнообразных образов пьянства и борьбы с ним. В источниках зафиксированы случаи поддачи пара в бане шампанским наряду с такими упоминаниями землемера: «оказался в крайней неисправности: шпага переломлена, волосы на голове разтреплены и в нетрезвом состоянии».

Основной задачей доклада является выяснить, имело ли пьянство российского землемера середины XVIII в. какие-то специфические черты, либо оно было присуще в равной мере отечественному офицерскому сообществу, чиновничеству, дворянству. Представляется, что специфика межевой повседневности накладывала свой отпечаток на практику питья. В середине XVIII в. в период начала Генерального межевания и появления сравнительно массовой (несколько сотен человек) должности землемера это:

1) постоянная смена места жительства и, как следствие,
2) изменение круга общения;
3) круг обязанностей, связанных с преодоление больших расстояний по неподготовленным дорогам и подверженность превратностям погоды;
4) сравнительно слабая материальная обеспеченность;
5) высокие коррупционные риски служебной деятельности;
6) складывание тесного коллектива межевой партии с системой коллективной ответственности и поруки;
7) относительная общая лояльность к проступкам со стороны начальства и стремление сохранить знающего работника не смотря ни на что;

8) общее происхождение землемеров — их во многом объединяло военное прошлое, часто связанное с ранениями и невозможностью продолжать службу;

9) неорганизованность семейного быта и досуга, слабая вписанность землемеров в местное дворянское или офицерское общество;

10) меры со стороны Межевой Экспедиции Сената, направленные на поощрение достойных и организацию для них карьерного лифта, показательные процессы и увольнения провинившихся.

А. Горак

Правовые и налоговые условия пивоварения в Царстве Польском

История пивоварения в Польше, как не странно, тесно связана с трагическими судьбами государства. Хотя варение пива было широко распространено с древних времен, после разделов Речи Посполитой местные сорта пива были вытеснены импортными. С начала XIX века пришла и господствовала мода на пиво английское и баварское. Спрос на пиво не понижался, а удержание и развитие законных обстоятельств пивоварения способствовали развитию производства. Немаловажным обстоятельством было существование в России, связанной с Царством Польским таможенной унией и либеральным тарифом, откупной системы, серьезно мешающей развитию пивоварения. Конечно, таможенная политика в отношении пива, сырья и устройств нужных к его производству, тоже очень важная тема, но здесь сосредоточимся на местных узаконениях, относящихся к налогообложению пивоварения.

Древний налог — *чоповое* — снесен после разделов Речи Посполитой, но сохранено право городов и помещиков. Право пропинации было важным средством дохода. Государство собирало т. н. *консумпционные* налоги, а города — *консенсовые* сборы, замененные в 1866 г. российским акцизным сбором.

Сразу после учреждения Королевства Польского наместник издал Постановление от 5 июля 1816 г., подтверждающее право городов на взимание пошлины от туземного пива. Города имели право собирать ее в городские кассы не только от пива туземного, но и со всяких иностранных, известных под названиями портеров, пив английских или других. В первой половине XIX века крупнейшим городом и единым в этой категории (потом будет еще г. Лодзь) была Варшава. Одновременно это был большой рынок продажи пива. В 1820-е годы правительство практически дало монополию на торговлю пивом Неваховичу. Это вызвало конфликт с другими игроками на этом рынке.

Быстро прирастал приток пива из провинции, пока власти в 1842 г. не ввели пропинационного сбора на пиво, ввозимое в

Варшаву. Это понизило конкуренцию и в итоге снизило качество пива в столице. В то же время введено различие в налогах между крепкими сортами пива (портеры, английские) и легкими (мартовское, дубельтовое). Кроме того, уже в следующем году крупные пивовары столицы заключили тайное соглашение, установив объем производства и цены.

Забота властей о легких сортах пива была вызвана не только охраной доходов, но и публичного здравия. Быстрый рост продажи мартовского пива вызвал попытки его подделывания. В 1865 г. власти констатировали «упадок выделки в Варшаве обыкновенного пива (мартовского)». «Упадок» произошел от того, что этот напиток приготовляли в недоброкачественном виде, вследствие употребления при этом пережженного солоду — «через что пиво, получая темной цвет, теряет надлежащий вкус, шинкарям же это дает возможность разбавлять пиво водою и подмешивая к нему разные составы, приводит его еще в худшее состояние». Совет Управления Царства Польского постановил запретить варшавским пивоварам употреблять для выделки обыкновенного мартовского пива пережженный солод и этим или иным искусственным образом подкрашивать пиво. Выделываемое впредь обыкновенное пиво должно было быть светлое и прозрачное, а в каждом шинке должна содержаться запечатанная проба пива, отпущенного в шинок с завода.

Традиции, устойчивые налоговые условия и забота властей создали хорошие условия для перехода пивоварения в Царстве Польском от ремесленной продукции к промысловой. В общем можно констатировать, что в Царстве Польском в первой половине XIX века происходили процессы, которые потом (начиная с 1870-х гг.) наблюдаем в России: уменьшение количества пивоварен и увеличение продукции.

Пивоварни в Царстве Польском в первой половине XIX в. постоянно развивались, тогда как в России условия для пивоварения были плохие. На рынок пива влияли разные факторы, среди которых одним из важнейших надо считать налоговую политику властей и распоряжения по этому делу. Власти сначала пытались управлять этой частью, но спустя некоторое время частично изменили свою позицию в духе ограничения прямого вмешательства в рыночные отношения сверху.

Н. Е. Горюшкина

Модернизация алкогольной политики в России в 1863–1894 гг. *

В числе непроработанных историками тем выступает модернизация алкогольной сферы, начавшаяся со вступлением в силу «Положения о питейном сборе».

В данном случае понятие *модернизация* понимается как процесс перехода общества от его традиционного состояния к современному (от фр. *moderniser* — делать современным).

Проводниками (акторами) модернизации в сфере алкоголя выступила небольшая группа государственных чиновников, именуемая в отечественной историографии «либеральными» бюрократами. Они считали отмену откупов, если не главным, то вторым по важности (после отмены крепостного права) условием обновления страны. На путь модернизации в отношении питейного сбора они вступили сознательно, с полным пониманием ее цели и задач. На другом полюсе оказались откупщики и их сторонники, не желавшие терять доступ к денежным ресурсам, которыми они пользовались при старом режиме. К ним присоединилась значительная часть дворян, терявших монопольное право на винокуренное производство, а, следовательно, на получение сверхприбыли.

Купеческое сословие в основе своей выступило за акциз. Но, как показало время, промышленники (владельцы винокуренных, водочных, спиртоочистительных заводов) оказались законодательно ограниченными в проявлении собственной инициативы, тогда как торговцы (владельцы разного рода питейных заведений) получили большую свободу.

Незначительная прослойка населения, которую принято называть «просвещенным обществом», приветствовала отмену откупов, но со временем взгляды на результаты и перспективы акцизной системы сильно поляризовались. Левое крыло сочло, что питейная либерализация была свернута, правое — требовало ограничить свободу оборота алкоголя.

* Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания на 2021 г. «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (№ 0851-2020-0033).

Крестьяне, составлявшие подавляющее большинство населения страны, или проявляли полное безразличие по отношению к акцизу, или радовались открывшейся возможности выпить задешево (спиртное при акцизе заметно подешевело).

Модернизация алкогольной политики в рассматриваемый период представляла собой совокупность инновационных подпроцессов (их перечень приведен в работе И. В. Побережника): бюрократизации, профессионализации, демократизации, индустриализации, рационализации, становления новых ценностей и др.

Модернизация алкогольной отрасли осуществлялась «хирургическим способом» — со вступлением в действие «Положения о питейном сборе» питейные отделения при Казенных палатах распускались, винные приставы увольнялись, создавались акцизные управления, не имевшие ничего общего с прежними контролирующими органами. Учреждалась совершенно новая для России акцизная вертикаль, начиная от министра финансов и заканчивая надсмотрщиком.

Результатом модернизации алкогольной политики России в 1863–1894 гг. в сфере экономики стало усложнение организации алкогольного производства, увеличение стимулов для создания и внедрения технологических и организационных новаций; в социальной области — замена прямого хозяйственного контроля универсальными регуляторами социально-экономической деятельности, сведение к минимуму зависимости профессионального роста от личных связей; в политической области — формирование компетентной бюрократии европейского образца, рост числа каналов участия общественных институтов в алкогольной политике и т. д. Надо признать, что перемен в питейных традициях и ценностных установках так и не произошло. В стране сохранилась традиционная форма потребления крепких напитков, более того, процесс модернизации породил компенсаторный эффект, который выразился в увеличении народного пьянства.

К числу обстоятельств, затруднивших акцизную модернизацию, могут быть отнесены огромные пространства страны, разный уровень развития губерний, малочисленность акцизного персонала, пассивность предпринимательского сообщества, устойчивость питейных традиций и проч.

А. Г. Готовцева

Зарисовка из истории корчемства в Киевской губернии в первой половине 1820-х гг.

2 апреля 1817 г. был утвержден Александром I по представлению министра финансов Д. А. Гурьева новый Устав «О питейном сборе», согласно которому в 29 великороссийских губерниях с 1 января 1819 г. отменялся питейный откуп и вводился вместо акциз. Производство вина и водок, оптовая реализация сборы с продажи оказывались целиком под строгим надзором государства. Было признано, что «образ взимания питейного сбора посредством откупа не только неудобен, но и вреден во многих отношениях», он разорителен как для обывателей, так и для казны (что, впрочем, было опровергнуто дальнейшим развитием событий).

Однако для ряда губерний, так называемых «привилегированных», откупная система была оставлена в силе. Киевская губерния была среди тех 20 губерний (Литовских, Остзейских, Сибирских, Новороссийских, Малороссийских и Западных), в которой действовали прежние правила винного откупа, на который отдавался питейный сбор на каждое четырехлетие. Среди семи Западных губерний была Киевская. Киевский питейный сбор был взят на откуп помещиком Понятовским.

Извечной проблемой, связанной с питейным сбором во всех губерниях, особенно привилегированных, было корчемство — то есть производство и продажа алкогольных напитков в обход официального налогообложения.

Именно по поводу разгула корчемников на вверенной ему территории Понятовский обратился к управляющему конторой киевских питейных сборов коллежскому регистратору Павлу Баранцову, который какое-то время тщетно пытался достучаться до гражданского, полицейского и военного начальства.

Впрочем, корчемство не было удивительным на общем того, что происходило в Киеве. Здесь царил «криминальный разврат», кроме корчемников здесь были и картежники, и так называемые «магнетизеры», которых подозревали в создании масонской ложи.

В центре доклада — история с корчемством в Киеве в начале 1824 г., косвенно также будут затронуты и другие аспекты киевского «разврата», а также то, как со всем этим удалось справиться властям.

А. Н. Гребенкин

Алкоголь в жизни воспитанников военно-учебных заведений Российской империи *

Алкоголь занимал заметное место в социокультурном пространстве русской армии. «Испытание» кандидата на поступление в полк, совместное проведение свободного времени в офицерском собрании, праздники, юбилеи, встречи, проводы, даже повседневная служба — все это предполагало употребление спиртных напитков в соответствии с определенными правилами. Военно-учебные заведения, относительно обособленные от строевых частей, но тем не менее поддерживавшие с ними связь, также стремились внушить своим питомцам мысль о том, что употребление спиртного должно быть облечено в культурную форму. В кадетских корпусах воспитатели говорили своим подопечным, что начинать употреблять алкоголь следует как можно позже, соблюдая при этом умеренность. Юнкера военных училищ должны были покинуть alma mater с твердым убеждением, что пить следует, не выходя за рамки приличия и не приобретая болезненной тяги к спиртному. Развитие у будущих офицеров «культуры пития» было достаточно важной, хотя и не всегда манифестируемой задачей. Вместе с тем не следует сбрасывать со счетов существенное влияние «кутильной» традиции, закреплявшей товарищеские попойки в качестве основной формы проведения досуга. Кроме того, место спиртных напитков в жизни будущих офицеров определялось универсальным для всего юношества демонстративным употреблением спиртного, призванным убедить окружающих в том, что они уже вышли из детского возраста и могут вести себя так же, как взрослые.

Официальных поводов для употребления кадетами алкоголя было не так много. Ослабленным воспитанникам, проходившим курс лечения в лазарете, по назначению врача могли даваться небольшие дозы сладкого красного вина. В дни больших праздников на столе кадет появлялась медовуха. Так, в 1896 г.

* Стендовый доклад.

Главное управление военно-учебных заведений в честь коронации Николая II распорядилось «устроить обед для воспитанников, в присутствии всех служащих лиц, с провозглашением за обедом тостов за здравие: их императорских величеств, наследника цесаревича и всей августейшей фамилии, для тостов же предложить воспитанникам мед». Аналогичным образом ежегодно отмечались корпусные праздники. П. К. Ламздорф-Галаган, учившийся в Пажеском Е. И. В. корпусе в 1880-е гг., вспоминал: «Завтрак этого дня отличался от будничного тем, что перед каждым пажеским прибором была поставлена бутылка шипучего и сладкого фруктового меда». Если медовухи не было, ее заменяли вином. Например, в 1880 г. в Петровском-Полтавском кадетском корпусе при праздновании 25-летнего юбилея царствования императора Александра II кадетам «для тостов дано по рюмке столового вина, так как меду нельзя было достать ни в Полтаве, ни в Харькове».

Местные традиции накладывали на официальное отношение к употреблению кадетами алкоголя определенный отпечаток. В мемуарах выпускника Тифлисского и Пажеского Е. И. В. корпусов Ф. П. Рерберга есть следующий эпизод. Когда во время следования в лагерь строевая рота, в которую входили воспитанники старших классов Тифлисского корпуса, проходила через Коджори, летнюю резиденцию главноначальствующего на Кавказе и командующего войсками Кавказского военного округа князя А. М. Дондукова-Корсакова, тот пригласил их на походный завтрак в его парке. Кроме обильной закуски, «было кахетинское вино белое и красное, и князь приказал нашему начальству не стеснять нас и позволить нам пить вина кто сколько захочет». Однако как только руководство заметило, что кадеты подвыпили, рота была немедленно поднята в ружье и пошла дальше походным маршем.

В неофициальной жизни кадет алкоголь играл гораздо более серьезную роль. Главной причиной этого были изъяны воспитательной политики, приводившие к развитию таких уродливых явлений, как «закальство» («старокадетчина»). «Закалами» именовались великовозрастные воспитанники, бросившие учиться, сидевшие по несколько лет в одном и том же классе, бравировавшие своим пренебрежительным отношением к по-

рядкам заведения и начальству и третировавшие младших и слабейших товарищей. Одной из неотъемлемых черт «закалов» было употребление спиртного, причем они старались выставить себя в глазах окружающих привычными пьяницами. «Старые кадеты» пили водку в помещениях корпуса (как правило, в уборных), принося ее тайком из отпуска либо добывая при содействии корпусных служителей, приходили пьяными из отпусков или самовольных отлучек. Воспитанников, которые не употребляли спиртных напитков, они презрительно именовали «гусями». В конце 1850-х — начале 1860-х гг., когда воспитательная система кадетских корпусов находилась в состоянии глубокого упадка, а дисциплинарный режим был ослаблен, кадеты стали проводить все свое свободное время в трактирах, кабаках и публичных домах. Согласно докладной записке о 1-м Московском кадетском корпусе, «…пьянство и азартные карточные игры между большими воспитанниками начинают принимать свои размеры; кроме того, воспитанники посещают гостиницы и проституционные дома и проч., где, утопая в развратах, напиваются допьяна». Бравирование распущенностью и развращенностью являлось своеобразным спортом, обернувшимся для многих хроническим алкоголизмом: «Из глупого бахвальства… некоторые из кадет притворялись, что водка для них стала необходимостью, и от этого притворства становились затем настоящими пьяницами».

Военный министр Д. А. Милютин, начавший коренную реорганизацию кадетских корпусов, объявил пьянству бой. В 1860-е гг. «кутильная закваска» была почти вытравлена из средней военной школы при помощи умелых воспитательных мер. Однако периодически она все же давала о себе знать. Воспитанники, вышедшие на какое-то время из-под начальственного надзора, зачастую отваживались «вкусить запретный плод», несмотря на угрозу сурового наказания. Так, весной 1868 г. певчие Орловской-Бахтина военной гимназии, хорошо выступившие во время обедни, были поощрены директором, разрешившим им прокатиться на лодках по Оке. Гимназисты, поднявшись вверх по реке на несколько верст, вышли на берег и вскладчину купили в ближайшей деревне водки. Из молодечества пили все, в том числе и те, кто до этого вовсе не пробовал спиртного.

В 1870-е гг., по мере того, как воспитательный режим в военных гимназиях клонился к упадку, проявления «кутильной закваски» становились все более явными. Так, в ноябре 1873 г. 29 воспитанников 6-го и 7-го классов Владимирской-Киевской военной гимназии были отпущены в городской театр в сопровождении двух отделенных воспитателей. Двум шестиклассникам воспитатель разрешил поехать в театр на извозчике. По дороге они купили бутылку белого крымского вина и папиросы. В ложе воспитанники, укрывшись шинелью, распили эту бутылку на семерых. Кроме того, во время антрактов гимназисты выходили на улицу, курили за зданием театра и заходили в распивочную, где пили водку. Из 29 воспитанников, бывших в тот вечер в театре, спиртное употребляли 15 человек, но большая их часть выпила всего по одной рюмке. Однако три гимназиста напились допьяна, причем один из них не мог дойти пешком до гимназии. Расследование показало, что этот кутеж не был единичным случаем. Воспитанники признавались: «…так дело велось уже издавна… в прошлом году на праздниках Рождества Христова, в разное время, довольно сильно выпили Кохановский, Костин и Цитович. Не далее как на прошлой же неделе, 21 ноября, когда в театр ходили 14 воспитанников 7-го и 6-го классов с воспитателем г. Черкавским, было также и курение на дороге и за театром, и посещение кабака, и бутылка Крымского вина в ложе». Некоторые гимназисты говорили, что пили водку с отвращением; для них все удовольствие проступка заключалось не в выпивке, а в том, что они демонстративно нарушали порядки, принятые в заведении.

В пореформенных военно-учебных заведениях употребление спиртного чаще всего происходило в старших классах, когда воспитательский надзор был не так строг. В частности, возможность употребления спиртного предоставлялась тогда, когда шли выпускные экзамены и кадеты считались уже почти покинувшими alma mater. Воспитанники 7-го класса Тифлисского кадетского корпуса в 1880-е гг. после каждого из выпускных экзаменов пили пиво на пивоварне. Ф. П. Рерберг вспоминал: «…сидя на бочках или на кирпичах, мы с аппетитом тянули вкусное, холодное, душистое, пенистое пиво. Я не помню, что-

бы кто-либо когда-нибудь напился пьян; но тянуть в жару холодное пиво было более чем приятно».

К концу 1890-х гг., когда в некоторых кадетских корпусах воспитательная работа пришла в полный упадок, употребление воспитанниками спиртных напитков приняло серьезные размеры. Журналы заседаний Педагогического комитета Орловского-Бахтина кадетского корпуса за 1898–1902 гг. пестрели записями о пьянстве кадет. Генерал-майор А. Н. Острогорский, прибывший в Орел с инспекцией, пришел к выводу, что «…кадеты старших рот вовсе не отказываются выпить при случае: кто дома, когда угощают родные, кто в дороге, кто с товарищами, кто так, при подвернувшемся случае; пьют — кто водку, кто — почему-то излюбленное кадетами церковное вино. Случаи приноса водки в корпус бывали; бывало, что у кадета находили целый запас водки, бутылки две, три, запас, истреблявшийся постепенно». При этом, как и прежде, главной причиной употребления спиртного было мальчишеское бахвальство, желание показать, что кадет пьет водку, «как взрослый». Сами воспитанники говорили, что некоторые из них, выпив всего одну рюмку, прикидывались мертвецки пьяными, так что их приходилось укладывать спать или прятать от начальственных взоров. При появлении офицера-воспитателя такой «пьяница» моментально трезвел. Гораздо опаснее были проявления пьяного молодечества за пределами корпуса. Так, кадеты, подвыпив и показывая себя более пьяными, чем на самом деле, катались на извозчиках и горланили песни. Был случай, когда один из орловских воспитанников устроил скандал в цирковом буфете из-за того, что буфетчик, следуя правилам, отказался продать ему рюмку водки.

Юнкера военных училищ и пажи специальных классов в силу своего более солидного возраста и статуса лиц, состоявших на действительной военной службе, сталкивались с алкоголем значительно чаще. Неофициальная часть празднеств часто сопровождалась обильными возлияниями. Генерал от артиллерии Ф. А. Григорьев, обучавшийся в Михайловском артиллерийском училище в 1870-1871 гг., вспоминал, что на завтраке в честь 50-летнего юбилея училища, праздновавшегося 25 ноября 1870 г., «вино лилось рекою и после отъезда государя со свитой бывшие питомцы пригласили и нас, юнкеров, в зал и напаивали до бес-

чувствия. Я (единственный раз в жизни) был в таком состоянии, что решительно ничего не помнил…»

Подобные эксцессы начальством, разумеется, не поощрялись. С еще большей строгостью руководство относилось к употреблению спиртных напитков в отпуску. Тот же Ф. А. Григорьев отмечал, что в бытность его юнкером воспитанников, явившихся из отпуска с малейшими признаками опьянения, безжалостно отчисляли.

Однако в определенных случаях употребление юнкерами и пажами спиртного, даже в неумеренных количества, допускалось. Наиболее уважительным поводом было представление выпускника командиру и обществу офицеров того полка, в который он намеревался выйти. Церемония представления сопровождалась поглощением огромного количества алкоголя. Так, камер-паж Ф. П. Рерберг, оканчивавший Пажеский корпус в 1887 г. и остановивший свой выбор на Семеновском полку, явился к его командиру во время летних лагерей. Встреча была исключительно радушной: «После первого знакомства пошли на балкон, где на огромном столе были поданы разные водки и закуски. Началось чокание. Я никому не отказывал и пил честно, т.е. всякую рюмку выливал в рот полностью, и в результате — когда мы сели за стол и был подан суп, то, к ужасу своему, я понял, то я уже пьян… после жаркого, после тоста командира полка за будущих семеновцев, старые пажи начали нам присылать бокалы шампанского… получив бокал, я должен встать, повернуться лицом к тому офицеру, который мне прислал бокал, поклониться и залпом выпить все содержимое, после чего сесть. Впоследствии я помнил только восемь выпитых мною бокалов, а что было после того, я вспомнить не мог». По мнению самого Рерберга, этот варварский на вид обычай являлся исключительно полезным: командир полка и все офицеры могли видеть своего будущего сослуживца таким, каким он был на самом деле, свободным от условностей и притворства, и таким образом получали возможность судить о его подлинных качествах.

Пажам специальных классов во время несения придворной службы в императорских резиденциях подавался обед или ужин

с шампанским, причем им, согласно обычаю, не возбранялось немного выпить.

Кроме того, в некоторых заведениях (главным образом в Николаевском кавалерийском училище) была весьма сильно укоренена «кутильная закваска». Корнями она уходила в лермонтовские и давыдовские времена. Суровая муштра, господствовавшая в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, грубые нравы большинства воспитанников и презрительное отношение к умственным занятиям заставляли юнкеров забываться в пьяном разгуле. Один из однокашников Лермонтова, В. В. Бобарыкин, вспоминал: «…маршировка, манежная езда до окровавления некоторых частей тела отбили охоту от всякой литературы; склонности и вкусы направились к запрещенному курению трубки, а в недалеком будущем — к бутылке ликера или доппель-кюммеля и pate-froid, приносимым услужливыми унтер-офицерами». После учреждения в 1865 г. Елисаветградского кавалерийского училища традиция разгула перешла и в него, что нашло отражение в училищном фольклоре. Весьма склонными были к кутежам в 1860–1870-е гг. пажи выпускных классов. Дело дошло до того, что 26 апреля 1872 г. во время высочайшего смотра, «когда было дано вольно, паж Нахичеванский и паж Лишин пили из бутылки водку, причем второй из них напился пьян и обнаружил неоднократное ослушание и даже дерзость». Регулярно фиксировались случаи появления пажей в пьяном виде в общественных местах, возвращения из отпуска в состоянии сильного алкогольного опьянение, распития спиртных напитков во время учебных занятий. Наиболее удобным временем для пьянства было пребывание в летнем лагере.

Традиция демонстративного употребления алкоголя сохранилась в военных училищах и специальных классах Пажеского корпуса до начала XX в. Так, в Чугуевском училище некоторые воспитанники всеми способами пытались копировать манеру поведения юнкеров «старого доброго времени», пускаясь в разврат и кутежи.

Оставалась она в силе и в военно-учебных заведениях русской эмиграции. Бывший питомец Крымского кадетского корпуса В. Бодиско отмечал: «В корпусе никто не пил запоем, а по-

сещение «кафан» и потребление нескольких стаканов вина было просто выявлением своего молодечества. Правда, раз в год бывали традиционные «выпивоны». Происходило это в день Св. Николая, считавшийся праздником первой роты… Обычно выпуски или отделения разных классов собирались в какой-нибудь «кафане» и распивали несколько литров вина. Выпуск принимал все меры предосторожности. Назначались дежурные, обязанные наводить порядок в любом месте и по первому вызову водворять подгулявших в корпус, не допускать появления их на улице. Я не помню случая появления кадет в явно нетрезвом виде в общественных местах. А если бы такой казус и произошел, виновного ожидала вся кара традиционной дисциплины».

Таким образом, алкоголь занимал достаточно заметное место в жизни воспитанников российских военно-учебных заведений. Это было обусловлено главным образом влиянием традиции показного молодечества, которая предполагала демонстративное употребление спиртных напитков как свидетельство пренебрежительного отношения к начальству и порядкам заведения. Эта традиция, в свою очередь, являлась следствием существенных недостатков воспитательной работы и отсутствия средств продуктивного заполнения досуга. Традиция регламентированного и культурного употребления алкоголя, шедшая главным образом из гвардейских частей, затрагивала военную школу относительно незначительно, воздействуя лишь на юнкеров и пажей специальных классов.

А. Л. Грязнов, А. Н. Гуслистова

Вологодские кабацкие головы и целовальники в XVII в.

Монополия государства на продажу алкоголя в XVII в. реализовывалась через откупа и «верную» систему. В Вологде по данным писцовой книги 1627 г. было 7 кабаков, а по сведениям переписной книги 1686 г. — один кружечный двор. Источники позволяют проследить процессы, так или иначе связанные с питейным делом в Вологде в XVII в. (выбор кандидатур на должность кабацких голов и целовальников, технологий изготовления пива и вина, методов увеличения доходов). Наличие нескольких десятков документов, в которых упоминаются кабацкие головы, целовальники и головы кружечного двора, позволяет составить персональный список вологжан, избираемых на данные должности. «Роспись о приеме кружечных дворов вновь выбранными целовальниками» за 1691/92 г. показывает не только наличие пяти питейных заведений в самой Вологде и двух в ее окрестностях (Обнорский и Шуйский кабаки) но и сам процесс сдачи-приемки конкретных кабаков и кружечных дворов. Каждым заведением заведовало 1–2 целовальника, принимавшие имущество кабака, которое разнилось от целого торгово-промышленного комплекса до одной иконы и медного котла.

Помимо целовальников, служивших на конкретном дворе, в Вологде всегда был голова кружечного двора (кабацкий голова) и как минимум два целовальника. В общей сложности за XVII в. у нас есть данные о 16 головах и 13 целовальниках.

Одно из самых ранних упоминаний кабацких целовальников — это документ 1618 г., где упоминаются Богдан Самойлов, Иван Фомин и Фока Паюсов. Первый из названных лиц — один из трех лучших людей Вологды на момент дозора 1616–1617 гг., в 1627 г. возглавлял семейную кампанию после своего отца, владел двумя дворами, тремя лавками и судовой пристанью. Иван Фомин с. Головков, наоборот, происходил из семьи «молодших» (его отец Фома Головков упоминается в дозорной книге 1617 г., а он сам в 1627 г. записан как сапожник), однако три лавки и двор на Мироносицком берегу выдают в нем не простого ремесленника, а торгового человека. Истоки капитала семей-

ной компании «середнего» Фоки Паюсова лежат еще в XVI в. — его отец Богдан Паюсов был оптовым покупателем соли у Соловецкого монастыря, а сам Фока, хотя и был записан кожевником, владел двумя лавками в 1627 г. Еще один кабацкий голова 1619/20 г. — Яков Воробей (Яков Федоров с. Воробьев) «середний» в 1617 г., также владел двумя дворами и двумя амбарами.

Стахей Ильин с. Несеенцов будучи кабацким целовальником в 1623/24 г. вполне возможно, не смог выплатить в казну все положенные деньги, из-за долгов ударился в бега. Однако уже в 1646 г. он был записан проживающим в одном дворе со своей замужней сестрой, породнившись, таким образом, с одной из самых зажиточных торговых вологодских семей — Щелкуновыми.

О кабацких головах 1630–40-х гг. Богдане Юрьеве и Ждане Блинове известно крайне мало, а вот о головах Грязном Комарове (1648/49) и Первом Пузине (1649/50) сведений больше. Несмотря на то, что оба названы домашними именами, по городским кадастрам известны их христианские имена. Первой Пузин был, скорее всего, Петром, сыном Ивана Пузо, в 1627 г. записанный совладельцем двора вместе с Иваном Щелкуновым и братьями Лягушкиными, владельцем одной лавки. С Грязным Комаровым ситуация более интересная. На 1627 г. известны братья бобыли Алексей и Богдан Комаровы, причем Алексей Комаров в 1614/15 г. покинул посад, но к 1627 г. уже вернулся. Сын Алексея — Грязной, известен по кадастру 1646 г., а в переписной 1657 г. он упоминается вместе с племянником Василием на втором месте среди жителей Спасского сорока. Это и наличие в его арсенале пищали выдает в Грязном Комарове состоятельного человека. Сын Василия (и, соответственно, внучатый племянник Грязного Комарова) вологжанин Иван Васильев с. Комаров позднее был зачислен в гостиную сотню.

Благодаря опубликованным городским кадастрам XVII в. можно выяснить примерный социальный статус кабацких голов и целовальников. В головах обычно служили предприниматели средней руки, а целовальниками еще более демократические слои. Среди них обнаруживаем двух бобылей, а остальные — рядовые члены посада, не владевшие лавками и не принадлежащие к зажиточным торговым семьям.

Интересен принцип выбора голов и целовальников, находящий параллели с выборами на другие земские должности и государственные службы. Сменяемость каждый год (процедура передачи имущества кабаков проходила 1 сентября). Должности занимали по очереди представители всех 14 сороков посада и одновременно работавшие всегда должны были представлять разные сорока. Этим обеспечивалось равенство «общественной» нагрузки жителей всех городских районов, а привлечение на должности целовальников «молодших людей» обеспечивало представительство на выборных должностях всех дееспособных социальных категорий посадской общины.

М. Г. Гусаков

О питейных заведениях на Руси: впечатления археолога

История питейных заведений в России весьма замечательна. Впервые мы узнаем о том, как эти заведения выглядели, из сообщений иностранцев, которые приезжали (или приходили) в Москву. Многие из них оставили любопытные мемуары и письменные впечатления о своих путешествиях по России. Наиболее яркие сцены жизни и поведения «московитов» мы можем увидеть в заметках *Джовани Паоло Компани*, который посетил Москву в 1581 г. и *Адама Олеария* «Путешествие в Московию и Персию (Голштинское посольство к русскому царю и шаху Персии), посетивший Москву в 1633–1634 и в 1635–1636 годах». Мы приведем небольшие фрагменты из их рассказов.

Нет сомнений, достоинство письменного источника неоценимо, но археолог имеет дело с предметной историей. Ну что же, мы видим глазами археологов? Естественно, мы застаем только остатки помещения, нижний его уровень и множество битой посуды… Приведу ряд примеров из археологической практике.

Питейные заведения Москвы. Совсем недавно на Театральной площади археологи нашли кабак XVIII века. Там были обнаружены медные монеты, которыми расплачивались клиенты заведения, и битая посуда — черепки керамических кружек и стеклянных бутылок для хмельных напитков. Также среди находок оказались металлические пряжки и пуговицы, которые проваливались в щели пола. Самые ранние из медных монет датированы временем правления императрицы Елизаветы Петровны, а самые поздние относятся к эпохе Павла Первого. Судя по найденным артефактам, питейное заведение существовало более 50 лет — со второй половины XVIII по начало второго десятилетия XIX века. Позднейший период работы кабака относится к правлению императора Александра I, он подтверждён находкой фрагмента импортной стеклянной винной бутылки, на которой стоит дата «1814 год».

Смоленск. Мне, как археологу, можно сказать, повезло. В 2009 г. в августе месяце удалось провести раскопки в г. Смо-

ленске, в Заднепровье, на правом берегу р. Днепр, у перекрестка Колхозной пл. и ул. Беляева — настоящего питейного трактира. Мы начали раскопки в Заднепровье на площадке, которая представляла небольшую парковую зону, которую и хотели отдать для строительства комбината «Макдональдс». Натурным археологическим изысканиям на объекте предшествовала проработка архивных источников, а именно: изучение научной, краеведческой литературы и архивных материалов, касающихся места расположения объекта, изучение (при возможности) фотоархивов, материалов Архива Отдела полевых исследований Института Археологии. Сбор и изучение картографического материала способствует более точной привязке объектов исследования к старым картам. Место это примечательно тем, что оно расположено на выезде на Московский тракт.

В результате проведенных охранных археологических раскопок была собрана внушительная коллекция артефактов. Она насчитывает 4,5 тысячи единиц хранения. Большинство найденных предметов представлено в коллекции во фрагментарном виде. Это и понятно. Посуду били, монеты, оторванные пуговицы и кольца залетали в щели в полу. Подавляющая масса медных монет укладывается в хронологические рамки 1703–1766 годы и найдено в сгоревшем трактире, либо в слое рядом с ним. Среди наиболее часто встречающихся номиналов монет можно назвать: полушки, денги, копейки. Среди найденных нами монет более всего чеканено в 20–40-е годы XVIII века.

Коллекция изделий из стекла, это посуда для хранения напитков и сосуды для питья а также: рюмки, стопки, бокалы. Она насчитывает 187 фрагментов изделий XVIII–XIX вв. Собрана эта коллекция в основном внутри сгоревшей постройки трактира. Многие фрагменты покрыты слоем золотисто-серебристой патины.

Коллекция глиняных изделий самая многочисленная. Она насчитывает около 3,5 тысяч фрагментов находок. Она подразделяется на бытовую посуду, архитектурно-декоративную керамику (печные изразцы) и мелкие керамические изделия. Внутри контура трактира было зафиксировано около половины всего керамического материала. Наиболее характерной посудой, изготовленной в такой технологии, были огромных размеров кув-

шины, емкостью от 3-х до 20 литров. Как правило, это посуда использовалась для содержания и хранения вина, пива и кваса. Нами было обнаружено большое число фрагментов глиняных «чайников», сделанных из красножгущейся глины. Всего было извлечено 379 фрагментов, что дает основание судить о 80 формах. Мелкая глиняная посуда представлена типичной трактирной тарой: кружки, стопки, бокалы, чашки.

Нами была подробно изучена большая жилая постройка первой половины XVIII в. Прослежены её строительные приёмы, система гидроизоляции и утепления жилья. Обнаружены остатки отопительной изразцовой печи, что позволяет установить её размеры и выполнить графическую реконструкцию. Обугленные брёвна построек указывают на то, что они погибли в пожаре, вероятно, в 1747 году (последняя датированная монета).

В Смоленске это была первая археологическая работа, давшая значительный по объему материал для дальнейших исследований городских построек.

О. Н. Гутникова

Ретроспективный анализ развития торгового обслуживания в Крыму: организация дегустации винодельческой продукции

Крымское виноделие, уходящее корнями в те времена, когда полуостров населяли дикие народы — тавры и позднее развитое греческими виноделами, сейчас является одной из ведущих сельскохозяйственных отраслей региона. Именно греки заложили в крымское виноделие новые технологии производства и культуру потребления напитка — винопития, в основу которой легли целебные свойства вин, их приятный вкус и легкое воздействие на нервную систему. Греков также можно считать основоположниками культуры торгового обслуживания при продаже вина. Эллины обратили особое внимание на винную тару, ими были введены правила разбавления вин перед потреблением, с целью снижения крепости и сладости. Именно греками широко применялась дегустация, которая предоставляла собой целое искусство, а дегустатор был экспертом в любой торговой сделке.

Используя вино в качестве денежной единицы, греки обменивали его на другие товары, а эквивалентная стоимость устанавливалась в зависимости от потребительских свойств. Дегустировали вино непосредственно перед покупкой, в качестве оцениваемых параметров были заложены понятия: красное или белое, сухое или сладкое, «нравится» — «не нравится». Однако установление качества вина и его стоимости, зависящее от профессионализма дегустатора, часто становилось причиной конфликтов, в которых пострадавшая сторона могла признавать факты подлога или попытки снизить стоимость продукта. Отмечалось также отсутствие четких правил дегустации, предусматривающих требования к потреблению напитка.

Проводя исторический ракурс развития виноделия в Крыму и организации дегустации напитков следует отметить, что далеко не всегда политическая и экономическая обстановка на полуострове были благоприятны для данного сектора экономики. Значительный упадок виноделия и самой дегустации произошел

во времена правления Османской Империи. Связано это в основном с запретом шариата готовить и потреблять вино. Однако коренное население Крыма все же поддерживало винную промышленность полуострова и смогло внести в особенности производства и потребления напитка некоторые элементы восточной культуры. Например, до наших времен в регионе выращиваются сорта винограда татарско-турецкого происхождения, такие как Кокур, Кефесия, Шабаш и другие.

Внесли свой вклад в особенности пития и дегустации французские виноделы. Самым интересным остается тот факт, что не греки, считавшиеся практически основоположниками виноделия, стали инициаторами создания первой в мире организации, специализирующейся на оценке вин. Пальма первенства принадлежит французам. Еще в 1312 году Филипп Красивый был инициатором образования организации «Courtiers Gourmets Piqueurs de Vins», деятельность которой основывалась на оценке вин, в практике которой были введены такие понятия, как «тестировать» и «пробовать» вино. Но сам термин «дегустация» впервые появляется только в 1813 году, в официальном документе, подписанном Наполеоном.

В Крыму дегустация, как наука оценки качественных характеристик вин, получила свое развитие во времена присоединения полуострова к России. В этот период были созданы крупные виноградо-винодельческие удельные имения, такие как Ливадия, Массандра, Ай-Даниль. Значительное влияние на развитие виноделия оказал герцог Ришелье. Он завел виноградники в Гурзуфе, а также стал основоположником Проекта учреждения в «полуденной части Крыма казенного образцового ботанического сада для разведения полезных деревьев и растений, теплым климатам свойственных». По его проекту в 1828 году был открыт отечественный научный центр — Магарачское казенное заведение в составе Императорского Никитского сада, в функции которого входила, помимо прочих, подготовка виноделов, обучение их основам дегустации напитка.

В конце XIX века крымские вина широко выходят на российский рынок, чему в значительной степени способствует участие в выставочной деятельности, в рамках которой, благодаря организованной дегустации, крымские виноделы получили воз-

можность представить свои напитки широкой публике. Только за период с 1873 по 1911 год Никитским садом и винзаводом «Магарач» на всемирных и международных выставках получено 12 дипломов за высокое качество виноградных вин.

Как элемент торговли и торгового обслуживания потребительская дегустация в Крыму официально начала действовать только в 1981 году, когда в Алупке был открыт первый в СССР дегустационный комплекс, включающий дегустационный зал, по нынешнее время предоставляющий на дегустацию десять наименований виноградных вин.

Постепенно, потребительская дегустация охватила все торговые форматы, специализирующиеся на продаже винодельческой продукции. При магазинах работают винные бары, во многих супермаркетах проводятся бесплатные промо-акции, предлагающие покупателям продегустировать напиток. Сейчас дегустация это элемент фундаментальной науки, а также сектор винного туризма, включающего посещение не только дегустационных залов, но и различных винных фестивалей, выставок и ярмарок, а также часть торгового обслуживания.

Р. А. Давыдов

Перевозка и продажа алкогольных напитков на судах Товарищества Архангельско-Мурманского срочного пароходства в конце XIX — начале XX в.

Созданное в 1875 г. Товарищество Архангельско-Мурманского срочного пароходства (ТАМСП), будучи формально частной компанией, получало ежегодные казенные субсидии и фактически монополизировало во второй половине 1870-х — 1900-х гг. российские грузопассажирские перевозки на пароходах в Белом и Баренцевом морях. Перевозка грузов с содержащей алкоголь продукцией была заметным и стабильным источником дохода Товарищества.

До середины 1890-х гг. крупные партии алкоголя доставались из Архангельска в становища и колонии Мурманского берега по заказам местных колонистов и фактористов. Российское законодательство того времени не препятствовало заказывать алкоголь «для собственного потребления» без ограничений объемов, что давало возможность желающим приторговывать этой востребованной среди рыбаков продукцией.

Стимулирующим фактором к развитию грузоперевозок алкоголя на пароходах ТАМСП с середины 1890-х гг. послужила известная реформа С. Ю. Витте.

В систематизированном виде информация о перевозках алкоголя ТАМСП не публиковалась, но количественные данные содержатся в ежегодных отчетах ТАМСП, по большей части опубликованных, а также в материалах делопроизводства, частично сохранившихся в РГИА (фонд 97 — Товарищество Архангельско-Мурманского срочного пароходства. 1875–1918) и ГААО (фонд 304 — Архангельская контора Правления Товарищества Архангельско-Мурманского срочного пароходства. 1878–1920).

Из сохранившихся в архивах документов, особый интерес представляют те, что связаны с различными форс-мажорными обстоятельствами — полной или частичной потерей груза при авариях и крушениях судов и т. п. В них представлена наиболее подробная информация об объемах и ассортименте перевозимых

грузов, о порядке оплаты грузоперевозок и страховых обязательствах. В качестве одного из примеров можно привести затяжную переписку по поводу крушения у Зимней Золотицы в сентябре 1901 г. парохода «Чижов», совершавшего рейс с Печоры в Архангельск. Во время безрезультатной борьбы за живучесть вставшего на мель судна команда выбросила за борт, среди прочего, и пустую посуду, взятую из казенных винных лавок. Всего за бортом оказалось 8 412 штук бутылок различной емкости — от $^1/_4$ до $^1/_{200}$ ведра на сумму 778 р. 2 к., упакованные в 129 ящиков и 384 корзины. Управляющий акцизными сборами Архангельской губернии полагал, что команда терпящего бедствие парохода была обязана спасти пустые бутылки, поскольку пароход находился всего лишь в 40 саженях от берега и требовал взыскать с ТАМСП полную сумму за потерянное казенное имущество. Представители пароходства возражали, что в условиях ночи и пасмурной погоды, когда берега не было видно вообще, капитан действовал абсолютно правильно, а убытки следует принять на счет казны.

О продаже алкогольных напитков на пароходах ТАМСП сведений в архивах сохранилось мало, зато в периодических изданиях («Известия Архангельского общества изучения Русского Севера», «Архангельск» и др.), а также записках путешественников практика продажи алкоголя в судовых буфетах не только пассажирам, но и всем желающим во время стоянок, неоднократно подвергалась критике. Возмущение авторов вызывало то, что рыбаки, возвращавшиеся с сезонных мурманских промыслов, и получившие полный или частичный расчет от хозяев за свой труд, пропивали значительную часть заработанного в течение двух-трех суток пути с Мурманского берега до Архангельска. Рыбаки щедро выкладывали на прилавок деньги, сопровождая это лаконичной фразой: «Заработал! Нать выпить на дорогу». «Вино лилось рекой и часто случалось, что выручка от каторжного и опасного труда поморов оставлялась благодушному буфетчику».

«Ввиду того, что в становищах на пароход заявляются с берега любители выпить, то нередко общая каюта II класса превращается в какой-то трактир <…>. Да и весь пароход иной раз, особенно на Мурмане, превращается в какое то питейное заве-

дение “распивочно и на вынос”. А между тем по правилам пароходства буфет во время якорных стоянок должен быть закрыт».

«Есть на мурманских пароходах еще и третий класс. <…> Почти во всю длину парохода по обоим бортам тянутся нары в два этажа, на которых и располагаются вперемешку мужчины, женщины и дети. В одном конце здесь пиликают на гармонике, в другом пьяные дерут во всю глотку песни, в третьем пассажиры изъясняются меж собой путем трехэтажной отечественной словесности, в четвертом режутся в карты, в пятом ревут младенцы и т. д.».

«Пьяные до омерзения, неприличные мужики, песни, гармоника, брань сливаются в один гул с плачем детей, а табачный дым синим столбом идет в единственные вход и выход».

В конце XIX — начале XX в. из-за неразвитости сухопутных путей сообщения в Архангельской губернии именно пароходы ТАМСП обеспечивали снабжение алкоголем удаленных от губернского центра приморских городов и селений. Наиболее востребован был алкоголь на сезонных мурманских рыбных промыслах (с конца весны до начала осени), где потребление его купировало физическую усталость рыбопромышленников от изнурительного труда в море и на берегу, их психическое и эмоциональное напряжение. Эта деятельность Товарищества Архангельско-Мурманского срочного пароходства являлась стабильным источником доходов для казны (через акцизные сборы), для правления и пайщиков товарищества, для частных лиц, занимавшихся перепродажей алкоголя оптом и в розницу. Но эта же деятельность способствовала распространению и росту пьянства на Севере России.

А. Н. Долгих

Проблема народного пьянства в воззрениях дворянства дореформенного времени

Данная проблема носит политический характер, так как то или иное ее решение влияет на образ той или иной страны в настоящее время. И здесь важно не то, кто и сколько выпивал, сколько то, какое впечатление он создал у современников. Поэтому стоит посмотреть именно на то, какое общественное мнение насчет народного пьянства имело место в ту или иную эпоху. Возьмем для примера первую половину XIX в. и русскую владельческую деревню. Вспомним известные строки М. Ю. Лермонтова из стихотворения «Родина»:

«И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков».

Понятно, что применительно к лермонтовским стихам речь идет здесь лишь о празднике. Будем считать, что в остальное время русские крестьяне лишь работали, не покладая рук, не пили. Но ведь и без этого количество праздников в России было достаточно велико. В целом, владельческий барщинный крестьянин, по подсчетам Б. Н. Миронова, работал 135 дней в году, т. е. в 2,6 раза меньше, чем рабы в Америке в ту пору. По словам современного исследователя русской повседневности Л. В. Беловинского, «особенно широким разгулом» отличалась в деревне Масленица. «Широкая Масленица была неделей обжорства и гомерического пьянства, отчего случались и смерти…».

Удобным источником для анализа подобных сюжетов является массив дворянских проектов решения крестьянского вопроса. В основном, их создатели исходили из положения о том, что помещики — это отцы, а крестьяне — дети, что помещики существуют в том числе для контроля за народной нравственностью, в том числе и в отношении пьянства. Так, просветитель И. П. Пнин (1804 г.) отмечал, что «трудолюбие без трезвости

есть то же, что тело без души», и нужно, по его мнению, «поселять в земледельцев охоту к трудолюбию и поощрять их к оному, столь не менее того нужно внушать им пользу трезвой жизни и отвращение к пьянству…». А прожектер В. Н. Каразин в одном из уставов для с. Анашкино Московской губернии 1818 г. отмечал, что созданная там под общим его руководством Сельская дума «имеет право наказывать не только виноватых, но и порочных, обращая их к исправлению: как-то, например, пьяниц…», либо денежными штрафами, либо телесными наказаниями, либо работой «на общество». Подобные наказания предполагал и «Проект условий помещика с крестьянином» 1803 г. А. М. Бакунина.

В одной из статей Н. М. Карамзина в «Вестнике Европы» за 1803 г. приводился автобиографический пример, когда помещик, вернувшись со службы в свою деревню, увидел там полный развал дисциплины и упадок землепашества от отсутствия помещичьего присмотра. «Воля, мною им данная, обратилась для них в величайшее зло… Эта язва в здешних, удаленных от столицы, местах есть новое явление… прежде в одни только большие годовые праздники крестьяне веселились и гуляли… Ныне будни сделались для них праздником…». Помещику стоило больших трудов вернуть своих крестьян к состоянию зажиточности с помощью довольно жестких мер и постоянного контроля за их действиями. Заметим, что полтавский помещик С. М. Кочубей в своем проекте для управления имением 1818 г. отмечал, в частности, что даже движимое имущество крестьян не должно быть их собственностью при теперешнем их «необразовании» и «по наклонности их к пьянству». На эти же обстоятельства указывали в 1819 г. В. И. Гечан-Гечевич и маршал М. А. Зенович.

Штабс-капитан лейб-гвардии Егерского полка Н. И. Кутузов, отмечал в 1826 г., что первой и священной обязанностью властей является попечение «о нравственном состоянии народа как об основе благосостояния» страны. Вместо этого государство взяло на себя своеобразную ношу — продажу вина — «источника буйства и развращения». К этому добавляются и злоупотребления чиновников, резкое понижение цены на хлеб, что ведет к тому, что «земледелец или должен отдать хлеб свой за

бесценок или гноить его дома…». Общим местом является упоминания в записках вредного влияния отходничества на крестьянскую нравственность. Наконец, отнюдь не исключением были рассуждения помещиков о том, что грядущее освобождение крестьян будет лишь способствовать развитию в его среде всякого рода «неблагонамеренности и разврата», отворит двери… пьянству.

Итак, не стоит историкам упражняться в доказательстве того, кто тогда в России больше пил. Показательна в этом отношении поэма Н. В. Гоголя «Мертвые души», где в списке пьющих присутствуют и владельческие крестьяне, и дворовые, и мастеровые городов, и господа, что отражало реальную картину повседневного быта России предреформенной поры. Скажем так: в любой среде, любом сословии или группе населения были свои приверженцы и пития, и трезвого образа жизни.

Е. В. Долгих

Правовые особенности харчевного и трактирного дела в России в XVI–XX вв. *

С конца XIX века и до сего дня трактиры воспринимаются как заведения питейные. «“Трактиры” — см. “Водка”», — сказано в ростовском городском справочнике 1897 г. Между тем в первой половине того же века трактир ассоциировался прежде всего с чаепитием. «Два золотых самовара и посреди их стол, нагруженный чайниками и чашками, указывают нам, что это трактир или ресторация», — писал современник о московских вывесках. Более того, в некоторые этапы развития общественного питания трактир противопоставлялся питейным заведениям, прежде всего в правовом отношении. И связано это с общей эволюцией питейной политики.

Регламентация алкоголя существовала до эпохи дистиллятов и соответствовала средневековым представлениям об иерархии привилегий. С появлением продуктов перегонки государственное регулирование общественного пития становилось всё более детальным. В официальной документации — в отличие от разговорной речи и литературы — основной алкогольный продукт именовался «хлебным вином» (в разное время его категории — простое, двойное, полугар, столовое, очищенное). Это название XVI века сохранялось и тогда, когда рожь как продукт перегонки вытеснил картофель (о чем говорилось в специальном разъяснении Сената 1871 г.). Окончательно это наименование исчезло из делопроизводства и с бутылочных этикеток только в 1936 г. Хлебное вино получали путём перегонки зерна или картофеля с добавлением солода, дрожжей и воды, никаких других добавок не допускалось. А водки как раз и были продуктами с добавками — при дополнительной перегонке в куб помещались ягоды или пряности. Кроме того, имелись настойки, наливки, буза, брага, пьяные квасы, привозные крепкие спиртные напитки, разные категории мёда, пива, виноградного и

* Стендовый доклад.

фруктового вина. Для всех этих типов алкоголя за всё время их бытования существовали разные правовые условия продажи.

В течение XVI–-XVII вв. складывались две экономические и правовые системы — общественного питания и общественного потребления алкоголя. Другими словами, к началу XVIII в. не было заведения, где бы легально можно было получить горячую еду и спиртосодержащие напитки. Алкоголь продавался в заведениях питейных. Базовым типом такого заведения с XVI в. по 1885 г. являлся кабак (первое прямое упоминание 1563 г.) — кружечный двор (1652) — питейный дом (1765). За всё это время еда в кабаке либо не предполагалась, либо допускалась на усмотрение откупщика, либо прямо запрещалась. В 1885 г. питейный дом был заменен винной лавкой, торговавшей исключительно навынос. Она становилась основным местом продажи алкоголя (кроме Петербурга с пригородами и Кронштадта, где до 1894–1904 гг. сохранялась прежняя система). Первоначально лавки были частными, но с возобновлением в 1894–1904 гг. государственной монополии винные лавки стали казенными. Естественно, еда в них категорически не допускалась.

Пищевые промыслы гораздо меньше привлекали внимания законодателя. В XVI–XVIII вв. торговавшие съестным «места», «скамьи», «лавки», «прилавки», «шалаши», «анбарцы» «харчевные избы», «харчевни», «блинни» существовали на правах обычного оброчного держания, наряду с кузницами, бочарными местами, местами сенной торговли. Однако Соборное уложение делает для пищевой торговли важнейшее исключение: «А в воскресный день рядов не отпирать и ничем не торговать, опричь съестных товаров и конского корму. А съестные товары и конской корм овес и сено продавать во вся дни и часы невозбранно». Харчевный промысел существовал параллельно питейному делу, не пересекаясь с ним.

Только в начале XVIII в. появляются частные заведения, торговавшие на правах привилегии алкоголем от казны. Это «австерии» («остерии», «овстерии», «аустерии») и «кабачки». Все они — гостиницы. Собственно изначально гостиницей был и учреждённый в 1719 г. первый трактир — Петра Милле на Васильевском острове Петербурга. Это первое заведение, правовой регламент которого сохранился в Полном собрании законов.

Главное внимание петровский указ уделяет формированию механизма продажи в частном заведении напитков, состоящих в казённой монополии. В 1719 г. никаких ограничений на их ассортимент не предусматривалось. Трактир предназначался торговым и служилым людям, тем не менее, указ не вводит санкции за появление в трактире посетителей из непривилегированных сословий.

Ситуация меняется в 1730-е гг. «Вольными домами», в противоположность петровскому законодательству, начинают называться дома питейные. И с этого времени они противопоставляются трактирам. Число трактиров законодательно уменьшается, так как «вольным домам от трактиров чинится помешательство». Более того, как следует из текста указов 1736–1738 гг., трактиры потеряли право продажи основного алкогольного напитка — «простого вина». Таким образом, с 1730-х гг. начинается та специфическая традиция, когда основной алкогольный напиток и возможная горячая еда разделены законодательно по разным заведениям. Тому же правилу подчинялись и созданные в 1746 г. герберги: им разрешалось подавать «кофе, чай, шеколад, биллиард, табак курительный, виноградные вина, Гданскую [пряную] и Французские водки [коньяк], заморский элбирь и полпиво легкое Санкт-Петербургского варения, кое употребляется вместо квасу», и, напротив, «водок, двойного и простого вина, пива и меды, которые продаются с кабаков, в тех гербергах отнюдь не продавать, под опасением за преступление взятья в казну всех их имений». Списки дозволенных и недозволенных напитков детализировались вплоть до реформ питейного и трактирного дела 1861–1863 гг. (формально — до провозглашения условий акцизно-откупного комиссионерства на 1847–1851 гг.).

Не менее важной стороной питейной политики было усиление сословности. Кроме упорядочивания стихийной жизни, законодатель имел и весьма конкретную цель — оберегание интересов казны. «Дабы подлые люди и солдаты между прочими в герберги не ходили и от того бы умаления казенных доходов не последовало» — этот рефрен будет повторятся в разных формулировках опять-таки вплоть до реформ 1861–1863 гг. Иерархия заведений общественного питания создаётся Сенатским указом 1795 г., впервые включившего в неё харчевни как заведения

«низшего звена». «В харчевнях никаких напитков, которые в питейных домах и в трактирах продаются, не держать и не продавать», — это правило также сохранялось до эпохи реформ. Харчевни и трактиры не должны были находится в одном доме, дабы дозволенные трактирные напитки не приносились в харчевни, куда пускались не имеющие доступ в трактиры «низкого же состояния люди, яко солдаты, крестьяне, господские и всякого звания развратные люди».

Единообразие в систему общественного питания было внесено Положениями 1821 г. о заведениях в городах, и Положением 1822 г. об уездных трактирах. Это — первые в истории харчевного и трактирного дела общероссийские уставы. Они были вызваны реформой откупной питейной политики, что потребовало унификации положения всех заведений, торгующих алкоголем. Набор напитков и кушаний, как и состав посетителей, последовательно разделялся. Во всех заведениях запрещалось торговать простым хлебным вином и наливками из него. В харчевнях, куда был открыт доступ всем, разрешалось подавать полпиво и квас, но никакое спиртное. Вместе с тем закон запрещал «впускать простой народ в обыкновенной крестьянской одежде» даже в уездные трактиры. Пункт о недопуске людей в крестьянских серых армяках и нагольных тулупах в различных указах, положениях, уставах повторялся вплоть до 1861 г. Таким образом закреплялась система, по которой большинство населения не могло получить одновременно основной алкогольный напиток и полноценную еду.

В 1863 г. вступили в силу три главных закона, изменивших сферу общественного питания и потребления. Это Положение о питейном сборе 4 июля 1861 г., Положение о трактирных заведениях 4 июля 1861 г., и Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов 1 января 1863 г. Они реформировали эту сферу на началах свободной торговли. Ликвидирована регламентация ассортимента и состава посетителей. Закон предусматривал возможность трактирных заведений без подачи крепких напитков. Владелец должен был с самого начала определить будущий тип трактира. Тем не менее административные меры могли свести на нет достижения законодательства, что подчёр-

кивала петербургская трактирная депутация в своём отчёте за пореформенное четырёхлетие.

Деятельность трактирных заведений определялась общими торгово-промышленными законами и адресным законодательством: Положением о трактирном промысле 1861 и затем 1893 г. Помимо этого, промысел регулировался распоряжениями земств и городских дум, акцизного ведомства, полицейских властей (полицмейстеров, градоначальников, губернаторов). И главным вопросом оставалась регламентация продажи алкоголя, из-за которой трактирные и питейные заведения часто отождествляются. Расположение помещений, дни и часы торговли постоянно уточнялись и детализировались: заведения должны были быть закрыты во время крупных государственных праздников; в Пяток Страстной недели, в первый день Св. Пасхи и в первый день Рождества Христова, во время крестных ходов, а также в воскресные и табельные дни — до окончания Божественной литургии; в местах следования призывников или мобилизованных; в местах народных гуляний на Сырной и Светлой неделях. Вместе с тем от всех этих запретов традиционно, с XVIII в., освобождались заведения, обсуживающие путешественников, — гостиницы и буфеты при станциях, вокзалах, пристанях. Во всех заведениях общественного питания, включая и те, в которых спиртное не подавалось, были запрещены пение, пляски и игра на каких-либо музыкальных инструментах. Это объединяло их с бывшими питейными домами. Отличала же возможность с разрешения администрации (полицеймейстеров, градоначальников, губернаторов) установить бильярд (на каждый стол требовалось отдельное позволение), оркестрион или граммофон, организовать ансамбль музыкантов.

Первая мировая война создала принципиально новые условия законодательного и административного регулирования.

Обычное ограничение на продажу алкоголя во время мобилизации распоряжением императора было продлено до конца военного времени. Оставшееся спиртное следовало опечатать. Вопрос о допустимости и месте его хранения также решался в течение всего военного времени. Возникла сразу же масса вопросов о возвращении уже купленного казённого вина, об уничтожении испорченного виноградного вина и пива и т. д.; о воз-

можности досрочного расторжения договоров об аренде помещений; об уплаченных и будущих налогах. Разрешения на торговлю спиртным от акцизного управления не отменялись, а, напротив, требовались ежегодно. Перед владельцами стоял выбор: либо спешно ходатайствовать в городскую Управу об открытии заведения без крепких напитков, либо ежегодно испрашивать в акцизном ведомстве право на торговлю спиртным на случай изменения ситуации, иначе его заведение в административном порядке причислялось к закрытым.

Дела о некоторых правонарушениях были изъяты из обычного судебного порядка. В мирное время полицейские протоколы о нарушении правил торговли, в том числе торговли спиртным, передавались мировому судье (или съезду мировых). Теперь по полицейским протоколам решение выносил губернатор или градоначальник. По формулировке петроградского градоначальника «всякая посуда с остатком и следами этих [алкогольных] напитков служит доказательством хранения их». Наказанием могли быть заключение в тюрьме на несколько месяцев, штраф (сопоставимый с покупкой чайной), закрытие заведения.

Точку в правовой истории трактирного дела поставили документы июля-сентября 1918 г., принятые в эпоху военной экономики и строго запрета на оборот спиртосодержащих жидкостей. Новый этап питейной политики и развития сферы общественного питания приходится на 1921–1924 гг.

А. А. Дружкин

Распространение винокурения в новообразованных уездах Саратовской губернии в конце XVIII — начале XIX в. *

Изучение винокуренного промысла является одной из важных тем в исследованиях экономики феодальной России. Актуальность проблемы определяется тем, что развитие винокуренной промышленности в эпоху феодализма раньше других отраслей промышленности предопределило переход российской экономики на капиталистические рельсы. Винокурение активно развивалось в первой половине XVIII века, но значительный импульс его развитию был придан в 1755 году, когда дворянство получило исключительное право заниматься этим промыслом.

В отечественной историографии исследования по проблемам питейного дела и винокуренной промышленности появляются уже с середины XIX века. Значительный вклад в исследование истории питейного дела внесли И. Г. Прыжов, Э. Ф. Нольде, винокуренной промышленности в целом — П. Х. Спасский, региональных особенностей развития винокуренного промысла — Н. С. Лесков. В советский период к истории винокурения и питейного дела обращались М. Я. Волков, Е. И. Индова, Н. И. Павленко, С. М. Троицкий, К. И. Юрчук и др. Региональные аспекты развития винокуренного промысла в Поволжье в XVII–XVIII веках, его значения для развития региона, нашли отражение в работах В. Д. Дмитриева, Э. Л. Дубмана. На современном этапе ряд обобщающих исследований по истории предпринимательства, роли различных сословий в экономической жизни русского общества XVIII–XIX вв. отражены в исследованиях М. В. Булычова, А. Г. Иванова, Н. В. Козловой, Т. В. Платоновой и др.

В связи с ростом интереса к этим вопросам закономерно обращение к истории винокурения в новообразованных уездах Саратовской губернии, а именно становлению и развитию винокуренной промышленности в Саратовском Прихоперье (Бала-

* Стендовый доклад.

шовский, Новохоперский и Сердобский уезды) — одном из центров этого промысла в Нижнем Поволжье в конце XVIII — начале XIX века.

Винокуренные предприятия в Саратовской губернии появились в первые десятилетия после её образования в ходе губернской реформы 1775 года. Основным фактором распространения винокуренного промысла была раздача плодородных земель и лесных угодий с их последующим заселением и хозяйственным освоением края придворным вельможам и крупным государственным сановникам. Ещё в конце XVII века Петр I пожаловал дворцовые земли по Вороне, Хопру, Медведице, Терсе и Елани своему родственнику — боярину Л. К. Нарышкину, которые позже вошли в состав Воронежской, Пензенской, Саратовской и Тамбовской губерний и перешли по наследству его потомкам. Екатерина II также делала крупные земельные пожалования влиятельным придворным, гражданским и военным чиновникам. Так до 1797 года земельные пожалования в Саратовской губернии получили граф А. А. Безбородко — 18450 дес., граф Д. А. Зубов — 89802 дес., князь Н. А. Львов — 14505 дес., генерал-поручик П. С. Потемкин — 21070 дес., граф Н. Шереметьев — 38185 дес. и др. В 1797 году обергофмаршалу К. А. Нарышкину возвращены 255454 дес., взятые у него для поселения иностранных колонистов. Вместе с земельными наделами раздавались жившие на этих землях крестьяне. Так, например, только в 1797 году император Павел I раздал в Саратовской губернии более 8 тысяч д. м. п.

Одним из ведущих факторов организации винокуренных заводов в Прихоперье в конце XVIII — начале XIX века стало наличие дешевого сырья на хлебном рынке и рост казенных подрядов на поставку хлебного вина. Важным условием для распространения винокуренной промышленности в Балашовском, Новохоперском и Сердобском уездах Саратовской губернии стало наличие большого количества небольших, но полноводных рек, на которых возводились винокуренные заводы и по которым осуществлялась поставка вина по подрядам и в питейные дома, а также наличие лесов, в которых было дешевое топливо, необходимое для изготовления хлебного вина.

В конце XVIII века шло активное заселение прихоперских уездов Саратовской губернии крестьянами разных категорий, которые стали дешевой рабочей силой на создаваемых винокуренных предприятиях. Вслед за отводами земель помещикам территория Саратовского Прихоперья заселялась крепостными крестьянами, которые переводились владельцами из малоземельных поместий центра и запада страны на целинные земли Прихоперья. Они в основном расселялись в северо-западной части губернии, где производились массовые отводы земель дворянам. М. В. Булычов отмечает, что в этот период в Балашовском, Нвохоперском и Сердобском уездах числилось до 68 % крепостного населения края. Между IV (1782) и V (1795) ревизиями крепостное население губернии возросло на 76099 д. м. п., а его удельный вес по отношению ко всему населению края к 1795 году составил 55,2 %. С V (1795) по VIII (1834) ревизии количество крепостных крестьян увеличилось с 204961 д. м. п. до 320618 д. м. п. и достигло 56 % по отношению ко всему населению края, при чем основная масса крепостных была сосредоточена в прихоперских уездах — Балашовском, Новохоперском и Сердобском. Правительственная колонизация края, идущая параллельно помещичьей, также набирала темпы и давала существенные результаты. Если по IV ревизии в прихоперских уездах числилось 28397 д. м. п казенных крестьян., то к VIII ревизии уже 49242 д. м. п.

Возрастающее население активно занималось земледелием в правобережных уездах Саратовской губернии, в которых преобладали плодородные черноземные почвы. Основной посевной культурой в конце XVIII века была рожь — основной продукт питания крестьян. Она занимала половину всех посевных площадей края. Далее по размерам посевов был овёс, необходимый для корма лошадей — основной тягловой силы в крестьянском хозяйстве. Рост посевов ржи и овса стимулировал развитие винокуренного промысла.

В 80-х годах XVIII столетии в Прихопреье действовал только один винокуренный завод, находившийся в Борисоглебском уезде Тамбовской губернии и заселенном раньше прихоперских уездов Саратовской губернии. Однако в 90-х годах XVIII века количество винокуренных заводов резко увеличилось. Они при-

надлежали дворянам, использовавшим своё монопольное право на винокурение и пытавшихся за счет винокурения повысить доходность своих новопоселенных поместий. П. Г. Любомиров отмечает, что с 1796 года в течение 8–9 лет в Саратовской губернии создано было 17 винокуренных заводов, а их производительность составила 680000 ведер в год, на что уходило более 1 млн четвертей хлеба. В начале XIX столетия в губернии действовало 52 винокуренных завода. Однако П. Г. Любомиров подчеркивает, что в статистические отчеты попали не только крупные заводы, но и домашние винокурни, в которых помещики, используя свою привилегию, производили хлебное вино для домашнего употребления в пределах 90 ведер в год на каждую винокурню. Крупных промышленных предприятий, по подсчету П. Г. Любомирова, было не более 17 в разные годы.

Винокурение было сосредоточено в основном на северо-западе Саратовской губернии, где преобладали посевы ржи и овса, то есть в Прихоперье — Балашовском, Кузнецком, Новохоперском и Сердобском уездах. К концу XVIII века в Кузнецком уезде было 9 заводов, в Балашовском — 3, в Новохоперском — 5, в Сердобском — 1, которые в основном находились в крупных поместьях. Уже в конце XVIII столетия прихоперские винокуренные заводы не только покрывали всё местное потребление водки, но и поставляли её в другие губернии для казенных нужд (Воронежскую, Московскую, Санкт-Петербургскую). Так в сердобской вотчине князя А. Б. Куракина выкуривалось 15 000 ведер в год по 1 руб. 25 коп. за ведро, на трех балашовских заводах (князя Голицына, Нарышкина и Устинова) производилось 72777 ведер, а на пяти новохоперских заводах — 216307 ведер хлебного вина в год.

К 1829 году количество крупных винокуренных заводов в Саратовской губернии не изменилось. Все они принадлежали крупным землевладельцам края (Абазе, Голицыным, Куракиным, Нарышкиным, Устиновым) и были сосредоточены в северо-западной части губернии, из них в Прихоперье находилось 9 заводов. По замечанию Л. Н. Юровского, заводы были ориентированы на выкурку 1887000 ведер в год, но производили продукции только на 1/3 от своих потенциальных возможностей. А. Ф. Леопольдов, описывая наиболее крупные имения края,

указывает, что в сердобском имении князя Б. А. Куракина с. Надеждине винокуренный завод производил уже 100000 ведер водки в год, а в балашовском поместье Зубриловке князей Голицыных-Прозоровских также был устроен винокуренный завод, выкуривалось 100000 ведер хлебного вина за год. Доходы от винокуренного промысла позволили построить владельцам роскошные дворцы, славившиеся далеко за пределами губернии.

Однако мощность саратовских заводов, по мнению П. Г. Любомирова, даже к 30-м годам XIX века была небольшой по сравнению с другими заводами европейской части России и составляла примерно 1,9 млн ведер хлебного вина в год, хотя втрое превысила уровень 90-х годов XVIII века. К середине XIX столетия количество винокуренных заводов в Саратовской губернии, в том числе и Прихоперье, сократилось, но производительность возросла. На территории Балашовского уезда их осталось два. Крупнейший винокуренный завод в с. Аркадак, принадлежавший А. А. Абазе, производил в среднем до 250000 ведер в год на сумму 152,2 тыс. рублей. На нём работало до 30 вольнонаемных и 112 крепостных работников. В 1852 году помещик Л. К. Нарышкин построил в селе Пады винокуренный завод, на котором выкуривалось 20000 ведер в год хлебного вина, что позволило ему быстро вновь отстроить сгоревшую усадьбу и завести образцовое хозяйство. Произведенная продукция этих предприятий частично сбывалась на месте, частично отправлялась в другие города (Санкт-Петербург, Москву) и губернии (Воронежскую, Курскую, Новороссийскую, на Дон и Кавказ).

Таким образом, Саратовская губерния в целом, и прихоперские уезды в частности, в конце XVIII — начале XIX века находились в общероссийском тренде активного развития помещичьего винокуренного производства, но, по мнению ряда исследователей (П. Г. Любомирова, Л. Н. Юровского, К. И. Юрчук), занимали среднее положение среди великорусских губерний России. К середине XIX века произошло сокращение винокуренных заводов в Саратовской губернии, что связано с отменой откупной системы, введением акцизов, снижением цены на хлебное вино. Для Саратовской губернии характерно также снижение количества лесных ресурсов, а, следовательно, уменьшение количества дешевого топлива для винокуренного производства.

Б. Б. Дубенцов

Борьба с пьянством партийных работников и райкомовский инцидент в Петрограде в 1919 г.

Распространение среди членов РСДРП(б) — РКП(б) — ВКП(б) — КПСС социальных пороков, таких как пьянство, алкоголизм, наркомания, было одной из запретных тем для советских историков, поскольку им следовало всемерно укреплять мифологему о полном преобладании среди коммунистов людей с самой высокой нравственностью. Между тем представляется, что изучение данной темы позволит выявить ранее замалчивавшиеся особенности советской партийно-государственной системы.

Пьянство в дореволюционной России было широко распространенным социальным явлением, от которого не был свободным ни один слой населения. Реже всего этот порок наблюдался в среде политически активных людей, к которым в первую очередь принадлежали члены политических партий (исключая, может быть, крайне правых и анархистов). Партия большевиков, и по названию, и по составу являвшаяся рабочей партией, как до взятия власти, так и первое время после превращения в правящую партию, не ставила перед собой задачи бороться с пьянством в своих рядах. И хотя еще в 1918 г. обращали на себя внимание случаи пребывания в нетрезвом виде петроградских высокопоставленных партийно-государственных работников, высшие органы РКП(б), прежде всего Петербургский комитет (далее — ПК), специально не рассматривали подобные инциденты и не формулировали задач по борьбе с пьянством.

Но к началу 1919 года положение изменилось. 3 января на заседании Северного областного комитета РКП(б) одним из последних вопросов повестки стало сообщение Е. Д. Стасовой, в протоколе сведенное к фразе: «<…> отовсюду несется вопль о пьянстве». 5 января было проведено общее собрание петроградских активных работников, решения которого были оформлены постановлением ПК, принятым на заседании 16 января. В постановлении вопрос о пьянстве был соединен с вопросом о бюрократизме и меры, направленные на борьбу с употреблением

спиртного, особо не были выделены. Но провозглашалась необходимость «бичевать порок» в печати.

В конце января 1919 г. на заседаниях райкомов и районных советов постановление ПК было поддержано, но вместе с тем, обсуждение вопроса о пьянстве сопровождалось высказываниями о его распространении в верхах, среди «комиссаров». Общественное неприятие распространившегося употребления алкоголя в городе, где царил голод, было столь велико, что в резолюцию, принятую на заседании одного из райсоветов, было включено предложение расстреливать тех, кто систематически пьянствует.

В 1919 г. шло становление системы партийных судов, включавшей в себя как суды при райкомах, так и Центральный партийный суд при ПК. Материалы районных партийных судов за 1919 г. сохранились выборочно и имеют различную степень информативности. На их основе можно сделать вывод о том, что в начале года члены РКП, уличенные в пьянстве, почти всегда исключались из партии, причем сами дела по таким случаям рассматривались вследствие задержания выпивших в общественных местах милицией. От общего числа исключенных из рядов РКП в отдельных районах исключенные за пьянство составляли примерно 20 %. Вместе с тем, согласно сведениям, имеющимся по Василеостровскому району, такие случаи были единичны. Напрашивается предположение, что общих подходов к суждениям по делам о пьянстве коммунистов в райкомах еще не существовало. Комиссия, созданная ПК для расследования неоднократных и многолюдных попоек, привлекала к партийной ответственности немногих, тех, кого обвиняли в устройстве пирушек; остальных увольняли с ответственных должностей и даже отправляли на фронт в качестве наказания.

С мая 1919 г. упоминания об исключении из рядов РКП уличенных в пьянстве на страницах партийной газеты «Петроградская правда» появлялись все реже. Об инциденте в Смольнинском РК сведения в печать не попали вовсе. В этом райкоме младший персонал обвинил руководителей в систематическом устройстве попоек, на которых использовались вино, предназначенное для раненых красноармейцев, и деликатесы, поступавшие из Смольного. Было проведено весьма обширное рас-

следование, в ходе которого ответственный организатор райкома Василий Калинин дал впечатляющие показания. На общем собрании коммунистов района весьма щадящие наказания для виновных были встречены критически, но комиссия, созданная ПК, навязала райкому свое решение, тем самым продемонстрировав отход от январских партийных постановлений. Случай неоднократного пьянства не был публичным, имел место в стенах райкома, что объясняет сравнительную мягкость наложенных взысканий. Вместе с тем, инцидент в Смольнинском РК обозначает, как представляется, тенденцию к формированию относительно терпимого отношения партийных инстанций к употреблению их работниками алкоголя.

Л. А. Дударь

Контрабандная торговля спиртом на Дальнем Востоке в 1920-е гг.

В 1920-е годы контрабандная торговля на Дальнем Востоке России приобрела угрожающие масштабы. Одним из главных предметов контрабанды в этот период был спирт, в огромных количествах ввозившийся из-за границы. Помимо географических особенностей региона и слабости охраны границ в пограничном и таможенном отношении этому способствовало создание на сопредельной территории Китая целой системы специальных центров для всесторонней помощи промышляющим контрабандой лицам в финансировании, снабжении товарами, страховки на случай поимки, т. е. «все для удобства контрабандистов», как гласила вывеска одной из подобных контор. Там же выросла промышленность, приспособленная главным образом для обслуживания рынка Дальнего Востока России, в том числе и винокуренные заводы, рассчитанные еще с дореволюционного периода отнюдь не на внутри китайское потребление. В 1913 г. из всей задержанной Владивостокской таможней контрабанды на спирт пришлось 90 %.

После советизации Дальнего Востока осенью 1922 г. правительство стремилось переориентировать местный рынок с закупок товаров за границей на союзный рынок. С этой целью в 1923 г. был запрещен импорт большого перечня товаров, в том числе и спирта. Но при этом здесь на 3 года раньше была разрешена государственная торговля алкоголем, которой ведал трест «Дальспирт». В трест перешли все склады на территории края, и сеть винных магазинов. Винокуренные заводы стали заниматься только выпуском спирта. В 1923 г. его было произведено 200 тыс. вёдер, а в 1926 г. — уже 800 тыс. вёдер. С 1925 г. была организована его продажа на Камчатке и Сахалине. К концу 1926 г. количество лавок «Дальспирта» в городах региона достигло 385, в сельской местности — 667. Все это делалось прежде всего в целях борьбы с контрабандной торговлей спиртом.

Дальневосточные власти были убеждены, что самой главной причиной роста контрабанды вообще и спирта в частности

была разница цен легальной и контрабандной торговли. Ведро спирта за границей стоило 6,4 руб., в приграничной полосе на российской стороне уже 10–12 руб., а ведро казенного спирта обходилось в 36 руб. Районами наибольшего распространения контрабандной торговли были Владивостокский, Никольск-Уссурийский, Хабаровский, Спасский и Николаевский. Спирт был наиболее прибыльным товаром, поэтому торговлей им чаще промышляли профессиональные контрабандисты. Среди задержанных в 1920-е годы за контрабанду лиц к этой категории относилось около 5 %. Как правило, они действовали целыми шайками, часто были вооружены, имели целую сеть агентов и неплохо налаженную систему слежки за таможенниками. Нередко крупные партии контрабандных товаров перевозились обозами в 5–9, а то и 15 подвод. Только одна таможня Хабаровского уезда за 3 месяца 1923 г. задержала 13 подвод со спиртом. Государственная виноторговля из-за их деятельности в приграничной полосе не имела перспектив развития. По сообщению приказчика винного магазина одной из амурских деревень, в 1924 г. госвинторговля приходила в упадок, зато в деревне «ежедневное поголовное пьянство от контрабандных напитков». В 1923/24 хоз. г. контрабандный спирт составил почти 2/3 потребленного населением Приморской губернии спирта. В деревне Семеновка Свободненской волости легальный винный магазин в октябре 1925 г. продал только 8 ведер крепких спиртных напитков, а контрабандисты около 25–30 ведер.

Контрабанда спирта представляла большую угрозу для коренных малочисленных народов Дальнего Востока. В 1924 г. председатель Камчатского губревкома М. П. Вольский докладывал о не поддающихся учету масштабах контрабандного промысла иностранных торговцев, беспрепятственно проникавших в пределы Камчатки и вывозивших пушнину в обмен на спирт, «что вело к спаиванию и вымиранию туземного населения». К 1925 г. в Петропавловске была открыта официальная торговля спиртом, что привело к сокращению привоза контрабандного спирта и выгона браги на 90 %, но лишь в самом городе и его окрестностях. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР 9 мая 1927 г. «О запрещении ввоза и продажи спиртных напитков в некоторых местностях северных окраин РСФСР» позволило местным

властям частично или полностью запрещать продажу спиртных напитков в некоторых районах и признавать недействительными все сделки с туземным населением в обмен на спирт, после чего была прекращена продажа алкоголя на всем Охотском побережье и на Камчатке, кроме нескольких населенных пунктов.

Справиться с контрабандой алкоголя можно было только с помощью комплекса региональных и общесоюзных мер административного и экономического порядка. До середины 1920-х годов преобладало мнение, что «борьба должна вестись преимущественно мероприятиями коммерческой конкуренции с контрабандным спиртом». К концу 1920-х годов основной акцент был сделан на силовые методы, что было обусловлено изменениями политической обстановки в стране и международной ситуации в АТР. Контрабандная торговля спиртом начала сокращаться, но была ликвидирована только в 1930-х годах.

А. В. Ерошевич

Роль питейных доходов в формировании бюджетов белорусских губерний Российской империи (30–50-е гг. XIX в.) *

В конце 1850-х гг. Российская империя являлась лидером среди ведущих европейских государств по удельному весу (46 %) питейных денежных поступлений в структуре обыкновенных государственных доходов (в Великобритании, Швеции и Норвегии по 24 %, Австрии — 10 %, Франции — 9 %, Пруссии — 6 %). Реальная средняя сумма государственных доходов от реализации спиртных напитков в перерасчёте на одного жителя в российском государстве составляла приблизительно 2,18 руб. серебром — больше всех западноевропейских государств, кроме Великобритании (3,69 руб. серебром) (почти столько же в Швеции и Норвегии — 2,08 руб. серебром, но значительно меньше в других государствах: во Франции — 1,15 руб. серебром, в Австрии — 49 коп. серебром, в Пруссии — 42 коп. серебром).

Питейный откуп — это отдельная система взыскания косвенного налога, когда на основе публичных торгов часть дохода передавалась за определенный денежный взнос (компенсацию) в исключительное право частному лицу: как правило, на 4 года за установленную на публичных торгах сумму. Система питейного откупа открывала широкие возможности для злоупотреблений и произвола. Питейный сбор — это государственный доход от отдачи во временное акцизно-откупное содержание продажи казённого хлебного спирта и изготавливаемых из него других спиртных напитков. Питейный акциз — это пошлина, взимаемая в счёт государственного дохода с хлебного вина, которое заготавливалось имеющими на то право частными лицами в так называемых привилегированных губерниях, включая белорусские (под белорусскими губерниями понимается территория Виленской, Гродненской, Минской, Могилёвской и Витебской губерний, которая составляет в совокупности Республику Беларусь в её современных административных границах) и в местах роз-

* Стендовый доклад.

ничной продажи горячих напитков. Питейный сбор сдавался в откупное содержание в 1-м департаменте Правящего Сената и был под наблюдением Министерств юстиции и финансов. Откупная сумма переводилась откупщиком в уездное казначейство. Взыскание питейного акциза осуществлялось содержателем питейного сбора с проданной продукции. Его количество определялось откупными условиями и особым тарифом. Питейные, откупные, чарочные и акцизные сборы перечислялись в Департамент разных податей и сборов Министерства финансов.

До 1851 г. в 16 так называемых привилегированных губерниях, включая белорусские, в откупное содержание в городах сдавался акцизный, консумпционный, пропинационный, пошлинный и чоповый сборы. С 1851 г. вместо винокуренных налогов и пошлинных сборов в привилегированных губерниях были введены акцизные сборы с хлебного вина, сдаваемые во временное откупное содержание, а также чарочные откупа в казённых городах и других поселениях, с дополнением патентного сбора с питейных и трактирных учреждений, где не было чарочных откупов, а также платы за ярлыки за перевозку вина из винокуренных заводов в места его продажи. За право реализации спиртных напитков откупщик был обязан вносить в государственную казну объявленную на публичных торгах акцизно-откупную сумму. Введённые в белорусских губерниях новые правила взимания питейных сборов вызвали постоянную борьбу между акцизными и чарочными откупщиками. Акцизные откупщики были заинтересованы в продаже большего количества горячего вина из винокуренных заводов без примесей воды. Временные содержатели чарочных откупов, в свою очередь, намеривались оплатить акцизом меньшее количество спиртных напитков или продавать их разбавленными водой. С 1859 г. в привилегированных губерниях был опять реорганизован порядок взимания акцизных сборов: чарочные откупа были отменены, но только в Витебской, Гродненской, Ковенской, Минской губерниях.

Систематизированные погубернские сведения о размерах поступления питейных государственных доходов имеются с 1828 по 1859 г. До 1851 г. целиком фиксировался денежный

уровень всех питейных государственных доходов, а с 1851 г. — отдельно по акцизному сбору и по чарочным откупам.

Анализ динамики сбора питейных доходов в белорусских губерниях за 1828–1850 гг. (губернии высчитаны по состоянию уездов на 1859 г.) показывает, что в этот период совокупно действительно поступило в государственную казну с Виленской, Гродненской, Минской, Витебской и Могилёвской губерний 12 586 514,32 руб. откупного дохода при 1 255 898,16 руб. недоимки (9,1 % откупных питейных сумм, взятых во временное содержание с публичных торгов). Кроме переборов сумм в 1834 и 1850 г., наблюдалось значительное колебание необходимых до выплаты ежегодных размеров задолженностей: от 0,8 % (1838, 1848 гг.) до 24,6 % (1831 г.). Чистая прибыль по питейным откупам в белорусских губерниях за 1828–1850 гг. составила 12 370 517,95 руб. при незначительности расходов (205 894,06 руб., или 1,6 %) текущего управления питейными сборами. За 1851–1859 гг. за счёт чарочных откупов из белорусских губерний действительно собрали 6 590 935,35 руб. чарочного дохода при довольно значительных недоборах (1 733 650,67 руб., или 20,8 % откупной чарочной суммы, взятой во временное владение с публичных торгов). За это же время акцизно-откупной питейный доход в белорусских губерниях дал возможность пополнить государственную казну суммой в 18 210 564,53 руб. при недоимке сбора в 5 151 278,47 руб. (22 % акцизной суммы, окончательно объявленной на публичных торгах и взятой во временное откупное содержание). За высчетом 1 133 769,46 руб. (6,2 %) бегущих расходов управления акцизными сборами чистая прибыль с них составила 17 076 795,01 руб. В целом, за 1851–1859 гг. в белорусских губерниях собрали 24 801 499,88 руб. чарочного и акцизного доходов (23 667 730,36 руб. чистой прибыли) и, кроме того, 3 316 089,37 руб. денежных средств за патенты и ярлыки, всего 28 117 589,25 руб.

Тем не менее, за 50-е гг. XIX в. достаточно сложно установить общую сумму всех видов питейных доходов. Например, в Гродненской губернии в 1852 г. в государственную казну поступило 745 055,58 руб. питейных доходов, в том числе 504 838,76 руб. (67,7 %) акцизного сбора с откупщиков хлебного вина, 144 652,81 руб. (19,4 %) городских чарочных сборов от

казённых и комиссионерских управлений и откупщиков, 92 223,2 руб. (12,4 %) патентного сбора и 3 340,8 руб. (0,4 %) сбора за ярлыки за провоз вина.

Сбор питейных доходов в белорусских губерниях Российской империи сопровождался ростом накопления недоимок. Так, в Минской губернии в 1845 г. задумали пополнить государственный бюджет 332 647,09 руб. откупных доходов (170 991,1 руб. недоимки и 161 655,99 руб. оклада), однако поступило только 147 745,53 руб. (44,4 %), а 184 901,56 руб. (55,6 %) так и осталось в недоборе. В конце 1860 г. в Минской губернии было необходимо погасить 680 878 руб. недоимок откупных доходов (36,2 % их общей суммы), включая недоборы суммы питейных сборов в 262 221 руб. (38,5 %) с откупщика Воронина (1851–1855 гг.), 150 111 руб. (22 %) — с чарочного откупа 1851–1855 гг., 107 460 руб. (15,8 %) — с откупщика Гинцбурга, 83 381 руб. (12,2 %) — пени, 76 004 руб. (11,2 %) — с откупа 1839–1843 гг., даже 1281 руб. (0,2 %) — с откупа 1815–1819 гг. и 420 руб. (0,06 %) — с откупа 1843–1847 гг. В Гродненской губернии в 1859 г. было необходимо собрать 3 039 430,38 руб. питейного сбора (1 034 462,61 руб. дохода и 2 004 967,77 руб. недоимок), однако поступило только 783 147,53 руб. (751 313,92 руб. дохода и 31 833,6 руб. недоборов прошлых лет), было исключено со счетов 119 260,37 руб. (23 420 руб. дохода и 95 840,37 руб. задолженности), осталось взыскать 2 137 022,48 руб. (259 728,68 руб. дохода и 1 877 293,8 руб. недоимки, или 87,8 %). Тем не менее, невыплаты предыдущих лет по питейным откупам с 1835 по 1859 гг. составлили в целом по белорусским губерниям сумму в 5 104 619,87 руб., в том числе 1 610 716,53 руб. (31,5 %) в Гродненской, 1 039 520,33 руб. (20,4 %) — в Могилёвской, 1 008 228,76 руб. (включая 576 027,37 руб. рассроченных к платежу) (19,7 %) — в Витебской, 887 397,29 руб. (17,4 %) — в Виленской и 558 756,96 руб. (10,9 %) — в Минской губерниях. За 1859 г. по чарочным и акцизным откупам должно было поступить 4 670 768 руб., однако недобор составил 1 134 111 руб. (24,3 %), в том числе в Виленской губернии 420 320 руб. (37,1 %), в Витебской — 275 371 руб. (24,3 %), Гродненской — 259 728 руб. (22,9 %), Минской — 107 459 руб. (9,4 %), Могилёвской — 71 233 руб. (6,3 %).

Если разделить общую сумму казённого винного дохода на количество ревизских душ, то можно определить приблизительный уровень государственного дохода от продажи горячего вина в перерасчёте на одного жителя мужского пола. В 1859 г. на каждого зарегистрированного ревизией мужчину в белорусских губерниях приходилось приблизительно 1,67 руб. питейного дохода.

Отметим, что в официально-статистических материалах Российской империи первой половины XIX века статьи обыкновенных государственных доходов указывались по сметному предназначению или реальному поступлению. В частности, в статистических приложениях к ежегодным отчётам губернаторов отмечались виды сметных казённых доходов (рубрики «питейный откуп», «акцизных за продажу вина»). Эти и другие статистические данные позволяют установить удельный вес питейных сборов в структуре общих губернских доходов. Так, казённый сметный доход питейного откупа на 1847 г. в Виленской губернии в размере 109 900 руб. превышал 9 %, а в 1858 г. в масштабе 572 200 руб. доходил до 36,8 % всей суммы обыкновенных государственных доходов. Согласно смете, составленной Гродненской казённой палатой, в 1833 г. власти желали получить 246 800 руб. ассигнациями откупных, акцизных, сосового и консумпционного сборов, или приблизительно 10,6 %, а в 1845 г. — 122 851,23 руб. с питейного откупа (8,9 %) денежной кассы губернии. В Гродненской губернии в 1859 г. запланировали собрать 3 039 430,38 руб. питейного сбора, или 50,5 % (1 034 462,61 руб. дохода (43 %) и 2 004 967,77 руб. (55,5 %) недоимок) общей суммы государственных доходов. В Минской губернии в 1845 г. намеревались внести в государственную казну 332 647,09 руб. откупных доходов, в том числе 170 991,1 руб. недоимки (18,2 % общегубернского уровня) и 161 655,99 руб. оклада (10,4 % обязательных казённых платежей), что составляло 13,4 % окладных и неокладных общегосударственных доходов в губернии. В 1857 г. в Минской губернии полагали возможным собрать с акцизных и чарочных откупов 704 957 руб. оклада (33,2 % общих губернских доходов), в 1858 г. — 750 424 руб. (34,9 %), в 1859 г. — уже 1 071 423 руб. (45,8 %), в 1860 г. — 1 036 659 руб. (44,2 %). В Витебской гу-

бернии одноимённая казённая палата предложила собрать в 1857 г. 465 000 руб. питейных, откупных, чарочных и акцизных сборов, или 34,8 % обыкновенных государственных доходов губернии. По Могилёвской губернии в 1835 г. финансовые средства питейных откупов (262 050 руб.) составляли 9,3 % прихода государственной казны. Согласно расписанию обыкновенных государственных доходов Могилёвской губернии на 1848 г., в ней считали необходимым взыскать 177 201,91 руб. (17,5 % общей суммы обыкновенных и отдельных доходов) 58-копеечной пошлины за право винокурения с государственных, духовных, помещичьих крестьян и граждан, 102 490 руб. (10,1 %) питейных откупных, 8 628,57 руб. (0,8 %) за право винной продажи в местечке Гомель. В 1859 г. Могилёвская губерния должна была сдать в государственную казну 822 200 руб. акцизных и чарочных сборов (47,2 % суммы общих и особенных губернских доходов) и 8628,57 руб. (0,5 %) за право торговать горячим вином в Гомеле. Таким образом, в 50-е гг. XIX в. проявляется тенденция к значительному увеличению роли питейных сборов как источника постоянных обыкновенных губернских доходов.

В структуре обыкновенных государственных доходов Российской империи в 1828–1859 гг. действительный питейный доход составлял от 25,7 % (1837 г.) до 42,1 % (1859 г.). Вклад финансовых средств белорусских губерний от питейных откупов в общеимперскую казну в 1828–1850 гг. был незначительным: их денежные взносы давали от 0,8 % (1846 г.) до 1,9 % (1834 г.) питейных сборов. Это обстоятельство связано с тем, что в западных губерниях за помещиками было сохранено право пропинации (свободного производства и продажи горячего вина), а с крестьян собирали винокуренную пошлину, которая, как правило, включалась в состав подушной подати и других прямых окладных сборов. Введенная правительством новая система взыскания питейных сборов позволила увеличить приращение государственной казны: в 1851–1859 гг. вклад белорусских губерний в системе государственных доходов за счёт сумм чарочных, акцизно-откупных питейных, за патенты и ярлыки увеличился приблизительно в 1,5 раза и составил от 3,3 % (1855 г.) до 3,9 % (1851 г.).

А. А. Ефимов

Планирование численности и распределения питейных заведений как способ регулирования торговли алкоголем в дворцовых городах в начале XX века

Проблема организации торговли алкогольной продукцией в Российской империи в конце XIX — начале XX в. отнюдь не обойдена вниманием исследователей. В многочисленных публикациях рассматривались разные аспекты этого вопроса. Однако имеются и отдельные «историографические лакуны». Одной из таких является вопрос об организации продажи спиртного в дворцовых городах Царском Селе, Петергофе и Гатчине в начале XX века.

Циркуляром министра финансов от 8 марта 1902 г. за № 860 была установлена плановая система организации торговли спиртными напитками. Этот документ предписывал фиксировать число и распределение казенных винных лавок, а также частных мест торговли алкоголем в рамках составления специальных трехлетних планов. Практическое исполнение этого указания в дворцовых городах началось летом 1903 г. Управление акцизными сборами Санкт-Петербургской губернии в конце июля направило начальникам Дворцовых управлений соответствующие отношения, в которых указывалось на обязательность установления фиксированного числа заведений, осуществлявших продажу спиртного. Письма сопровождались составленными в Акцизном управлении планами, по которым все торговые точки были разделены на несколько групп и подгрупп. При этом для части заведений с самого начала применялись особые условия и их число регулировалось вне общих нормативов; а в дальнейшем также состоялось несколько распоряжений, установивших новые послабления как общегосударственного, так и частного характера.

Введение плановых показателей как единственного и непреложного ориентира поставило барьер промежуточному увеличению числа заведений, подпадавших под регулирующие нормативы. При отклонении ходатайств о разрешении вести торговлю крепкими напитками, в дворцовых управлениях при-

меняли формулировки «открытие подобного заведения в данной местности не предусмотрено планом» и «надобности в таком заведении не представляется», а число предпринимателей, пострадавших от этого нововведения, было сопоставимым с количеством торговцев, получивших разрешения.

В отдельных случаях местная администрация выступала за строгое ограничение числа любых, даже подпадавших под льготные правила, торговых точек, продававших спиртные напитки. Наиболее последовательным в этом вопросе было Петергофское дворцовое управление, которое даже неоднократно вступало в противостояние с управляющим акцизными сборами. При этом в 1906 г., при очередном витке переговоров, чиновники Министерства финансов отмечали, что соответствующие послабления уже были проведены в жизнь в Царском Селе и Гатчине, присовокупляя, что никакого негативного влияния на общественный порядок это нововведение не оказало. Однако местные власти Петергофа продолжали стоять на своей прежней позиции, что для летней резиденции Высочайшего двора и дачной местности для «лучшей части населения Петербурга, желающей найти здесь отдых от городской жизни» увеличение числа питейных заведений любого рода являлось бы крайне нежелательным.

На формирование рассматриваемых планов пытались повлиять и Попечительства о народной трезвости, выступавшие за те или иные ограничения. Эти предложения раз за разом наталкивались на противодействие чиновников Управления акцизными сборами с одной стороны, и получали сдержанную поддержку Дворцовых управления с другой.

В августе 1906 г. на основании положений утвержденного Николаем II мнения Государственного Совета, разрешавшего по решению Городских дум или приравненных к ним органов по согласованию с полицией сформировать для каждого из населенных пунктов дополнительный перечень улиц, на которых «нежелательно допущение открытия пивных лавок с распивочной и выносной продажей», в дворцовых городах были составлены подобные списки. При этом упомянутые перечни со временем могли корректироваться в сторону увеличения «запретной зоны».

В условиях жесткого нормирования плановыми показателями, которые составляли по мнению представителей Акцизного управления необходимый минимум, а для руководителей Дворцовых управлений допустимый максимум, вносить какие-либо непредусмотренные изменения де-факто признавалось нецелесообразным. Поэтому даже при выявлении грубых нарушений питейные заведения, существовавшие в рамках плана, могли продолжать работу как минимум до окончания срока его действия.

Последними для дворцовых городов как территориальных образований, находившихся в ведении Министерства императорского двора, стали планы 1913–1915 гг. При этом фактическое действие этих документов завершилось на половине срока на рубеже июля-августа 1914 г., когда в связи с предстоящей войной начали вводиться ощутимые ограничения в сфере продажи спиртных напитков, за которыми последовало практически полное прекращение на легальном уровне подобной предпринимательской деятельности.

Т. В. Жиброва

Из истории питейного дела в Воронежском уезде в XVII — начале XVIII в.

.

В XVII — начале XVIII в. организация сбора питейных пошлин на местах находилась в руках либо выборных таможенных и кабацких служителей или откупщиков. Деятельность первых представляется своего рода государственной повинностью, сопряженной со строгой отчетностью и риском возможных недоборов. Откупщиков же можно охарактеризовать как предпринимателей, действующих соответственно эпохе, стремившихся, прежде всего, к собственному обогащению, и, следственно, провоцировавших неизбежные конфликты с местным населением.

Приведем в пример материалы, хранящиеся в Государственном архиве Воронежской области, содержащие сведения о деятельности откупщика Л. Елизарьева, чье имя уже упоминалось в исследовательской литературе. В деле на 13 листах содержится информация о противостоянии жителей Воронежского уезда всем «миром», то есть сообща, голове воронежского кружечного кабака и его брату. Рассмотрим изученные документы подробнее.

В 1668 году воронежские стрельцы, казаки, пушкари, затинщики и посадские люди составили и отправили в Москву коллективную челобитную про злоупотребления кадашевца Лазаря Елизарьева. Как указано в грамоте, «им от того откупщика были многие насильства и убытки напрасные». Как следует из изученных документов, Л. Елизарьев по просьбе обиженных воронежцев был смещен, и воронежские таможня и кабак были переданы верному голове Семену Петрову и Феоктисту Струкову и целовальникам. Интересно, что откупщик агрессивно повел себя и в этом случае. Так, читаем: «Лазарко Елизарьев голове и целовальником таможни и кабака и всяких заводов, что у него есть в приеме, не отдал и не росписался».

Суммы, собранные откупщиком, были по тем временам достаточно большими — около 960 рублей. Верные голова и целовальники оказались в недоборе на сумму более 200 рублей. Их ждала постановка на правеж. Именно по этой причине воро-

нежский земский староста Федор Кузнецов и новый таможенный и кабацкий голова Никита Полозов составили и отправили новую челобитную в Москву, обвиняя Л. Елизарьева в том, что тот, «умысля воровски с воронежским пушкарем с Климком Московкиным … грамоту о приеме таможни и кабака с откупу на веру задержали для зимнего пути и больших торгов». Это было сделано именно для того, чтобы после притока торговцев в уезд, получить большие пошлины и оправдаться перед столицей.

Отличился бывший откупщик и тем, что составил в Белгород поддельную, по мнению воронежцев, отписку, по которой теперь многие жители должны были быть поставлены на правеж за неуплату пошлин. Так, читаем: «правит на них пошлинные …деньги по своим книгам и по росписям вдвое и втрое самовольством и бьет на правеже».

Л. Елизарьев не спешил прощаться со своим прибыльным занятием. Как видим по материалам дела, он не передал новым таможенным и кабацким служителям ни амбара, ни овина, в которых по-прежнему хранил свои хлебные запасы и которые голова и целовальники не имели права самостоятельно вынести.

Состояние же самого кабацкого двора оставляло желать лучшего: «старых хором не покрепливал, а погреб, в чем вино ставят обломился, стоит на подпорах, и те де все хоромы ветхи и огнили все …и под гору поклонились». Судя по этому описанию, откупщик действительно думал только о своих доходах, не стремясь вкладываться в ремонт подведомственных ему помещений. Воронежцы в этом же челобитье просят их защитить от самоуправства ненавистного откупщика.

Исход дела по изученным материалам был решен, как бывает не часто, в пользу воронежцев. Л. Елизарьев был от своей должности отстранен и отправлен в Москву для проведения сыска. Воронежцы должны были направить в столицу своих представителей в количестве двух или трех человек, необходимых для проведения очных ставок и подтверждения всех обвинений в сторону Л. Елизарьева. Так, читаем: «выслать к Москве в Розряд вскоре ж да …двум или трем человеком которых они меж себя сами ж выберут с Воронежа быть к Москве в то же время как откупщик Лазарко Елизарьев для очных ставок с Воронежа к Москве выслан будет». Все они должны были пред-

стать перед думными дьяками Д. Башмаковым, Ф. Грибоедовым и В. Семеновым.

Интерес представляют также материалы о попытках воронежцев физически наказать ненавистную семью откупщиков. В документах более позднего времени содержатся сведения о том, как братья Елизарьевы ночью, «воровским обычаем», приходили во дворы к воронежцам с целью доправить с них пошлины, прихватив с собой вооруженных людей. В итоге спасаться от гнева толпы пришлось самому откупщику, который, желая сохранить свою жизнь и имущество, в спешке бежал из Воронежа.

В заключение отметим, что приведенный пример из истории питейного дела в Воронежском уезде не отличается обыденностью. Откупщики в основном находили поддержку в лице государственных чиновников, заинтересованных в финансовых вливаниях в московскую казну. На них нельзя было жаловаться, они не подлежали смещению до истечения срока занимаемой должности. Воронежский случай выбивается из обычной практики взаимоотношений власти и населения на местах.

В. М. Жигалов

Топография кружечных дворов (на примере городов Белгородского полка по данным 1686/87 гг.)

В данном очерке сделана попытка изучения мест размещения таможенных и кружечных дворов (таможенное и кабацкое дело были тесно связаны между собой), анализируется комплекс строений, входящих в их состав, конструктивное устройство отдельных зданий. Рассматриваются так же категории людей, служивших на этих объектах, и обеспечивавших функционирование указанных учреждений и их содержание в должном состоянии. Отметим, что в область наших исследований не входит анализ объемов реализуемой продукции, сбора и движения финансовых средств, связанных с питейными заведениями.

Государственная политика России в XVII в. была направлена на укрепление обороноспособности страны, расширение территории, усиление влияния на международной арене. С середины XVII столетия стали активно формироваться отдельные военно-административные округа, к которым относится Белгородский разряд, сложившийся на территории вокруг городов Белгородской черты. В течение 1650–1660-х гг. территория данного разряда прирастает десятками городов, по терминологии, сложившейся в делопроизводстве того времени, они назывались «городами по черте», «городами в черте» и «городами за чертой», они также делились на «полевые» или «польские» (основанные в конце XVI в.) и новопоставленные (основанные в 30–50-х гг. XVII в.). Основной функцией городов Белгородской черты являлась защита государственной территории от внешней угрозы, этим обуславливалось их местоположение, особенности планировки, присутствие ряда категорий городских строений.

В то же время, наряду с обязательными для городов-крепостей оборонительными сооружениями, неотъемлемой частью этих городов были здания и сооружения, связанные с исполнением торгово-фискальных функций: таможенный и кружечный двор. Данные объекты являлись существенным источником пополнения государственной казны и использова-

лись в качестве эффективного инструмента для обеспечения выплаты жалования местным служилым людям, содержания монастырям и храмам и др.

Истории питейного дела в России XVII в. посвящено довольно много работ, анализирующих социальную принадлежность и персональный состав служащих этих заведений, объемы реализуемой продукции, получаемые доходы. В то же время остается неизученным ряд аспектов, связанных с вопросами размещения таможенных и кружечных дворов, характеристикой комплекса хозяйственных построек данных объектов. В этой связи задача локализации на местности и описание кружечных дворов городов Белгородского полка представляется вполне существенной.

В качестве примера нами были выделены города Белгород, Валуйки и Оскол (Старый Оскол), основанные в конце XVI в., и ряд городов Белгородской черты, поставленных в период с 1637 по 1654 гг.: Болховец, Карпов, Хотмыжск, Нежегольск, Короча, Яблонов, Царев-Алексеев (Новый Оскол), Верхососенск и Усерд. Основной исследовательский материал был собран из сметной книги Белгородского стола 1686-87 гг.

Для определения мест расположения кружечных дворов мы использовали комплексный анализ, основанный на сопоставлении данных письменных источников разных лет, сохранившихся планов и чертежей XVII–XVIII вв., отчетов археологических экспедиций и натурном обследовании территорий бывших городов-крепостей. Такой подход позволил выявить ряд признаков, которые не прослеживаются по архивным источникам, но по ним можно с большой долей вероятности определить месторасположения кружечного двора. Первым признаком является близость к проточной воде (рекам, колодцам) и, как следствие, к башням с проезжими воротами, выходящими к речным водоемам. Вторым важным условием определения местоположения кружечного двора является зависимость от оживленных путей сообщения, располагавшихся в относительно безопасных местах — улицы в городе, дороги между слобод и городов. Третьим признаком является тяготение к хозяйственно-экономическим объектам — лавкам, житницам или амбарам. Отметим, что данные учреждения размещались как в городе, так и за городом.

Кружечные дворы в изучаемый период составляли единый комплекс строений с таможенным двором. Как правило это была изба, либо несколько изб, выполнявших административные функции, с примыкавшими к ним питейной избой, помещениями для хранения продукции — погребом с надстроенным амбаром или без него, часто встречается отдельный погреб с ледником. Иногда кружечные дворы имели ограждения.

Полученные результаты позволяют не только дополнить историю таможенного и кабацкого дела на юге России, но также дают возможность лучше понять архитектурно-планировочную структуру городов Белгородского разряда XVII в.

О. А. Задорожняя

Винокуренные предприятия Западной Сибири в конце XIX — начале XX в.

Развитие товарно-денежных отношений в пореформенный период способствовало увеличению количества предприятий обрабатывающей промышленности, которые были привлекательными для объединенного капитала. В целом в винокуренной промышленности присутствовали как общие тенденции промышленного производства, так и особенные. Так, к концу XIX в. наблюдался процесс становления предприятий капиталистического типа и существование мелко-кустарного производства. Большим шагом к развитию капиталистического производства стало появление не только казенных, но и частных индивидуальных и корпоративных собственников. Именно частный капитал значительно быстрее смог не только приспособится как противоречивым условиям, но и извлекать выгоду.

По данным статистики на винокуренные предприятия Западной Сибири приходилось 0,19 % от общей число заводов в Российский империи. Винокуренные предприятия Западной Сибири размещались неравномерно по губерниям: в Томской губернии было 14 (1904 г.), в Тобольской губернии — 9 (1904 г.). В 1908 г. в Тобольской губернии осталось 9 предприятий, на каждое из которых приходилось в среднем по 115891 ведер произведенной продукции, в Томской губернии на 14 предприятий приходилось по 126268. В соседних Акмолинской и Семипалатинской областях в 1908 г. было по 1 предприятию, в 1914 г. — по два. Соответственно Западной Сибири на 1904 г. было 26 предприятий с общим объемом производства 335228 ведер в год, в 1908 г. 30 заводов — 449496 ведер т. е. наблюдалось увеличение на 34 % за счет новых предприятий. В Тобольской губернии в конце XIX — XX вв. численность винокуренных заводов будет практически стабильным 9 предприятий. Однако количество рабочих увеличивается на 92 %, а общий объём производимой продукции 250 %.

Отметим, что в Западной Сибири в категорию винокуренных предприятий включаются предприятия с производством

разной продукции и разными технологиями. В Тобольской губернии на 1910 г. упоминалось 9 предприятий, среди которых один пиво-медоваренный завод, по два пивоваренных и дрожжево-винокуренных завода, один винокуренно-ректификационный завод и три винокуренных завода. В Томской губернии в 1912 г. упоминалось 22 предприятия: пивоваренных заводов — 9, винокуренных и ректификационных предприятий — 2, винокуренный завод с ректификационным отделением — 1, винокуренно-спиртовой завод — 1, винокуренных заводов — 8.

Большую роль в развитии винокуренной промышленности сыграло государство, которое стремилось внедрить более эффективных технологий. Например, власти настойчиво рекомендовали использовать способ ректификации при обработке сырья; с 1886 г. требовалось размещать производство в специальных или отдельно-стоящих помещений из-за пожарной безопасности. Затем последовало указание производить спирт только «новым» способом. По данным источников: в 1888–1894 гг. на винокуренных заводах Западной Сибири было открыто 7 ректификационных отделений, количество которых будет меняться. В 1910-х гг. в Тобольской и Томской губерниях действовало три винокуренно-ректификационных завода и один винокуренный завод с ректификационным отделением. На трех дрожжево-винокуренных заводах помимо сырого и очищенного спирта производили дрожжи. На Тарском заводе № 10 предпринимателя А. И. Щербакова помимо винокуренного производства размещалась лесопилка, а впоследствии бумагоделательная фабрика.

В соответствии с российским законодательство с 1890-х гг. винокуренные предприятия в зависимости от применяемой технологии могли быть двух категорий: с сельскохозяйственной или промышленной выкуркой. Для предприятий с промышленной выкуркой даже была определена «льгота перекура», но перейти на новые технологии смогли частные предприятия. Еще одна «государственная» рекомендация была связана с переходом от старого сырья (ржаная мука и сухой солод, к использованию нового (зерна). Это привело к тому, что мукомольные предприятия и крупчатые мельницы стали продавать отходы

производства или приобретали винокуренные предприятия. Все это позволило увеличить производство алкогольной продукции за счет повышения производительности труда. В начале XX в. среди предприятий винокуренной промышленности только Николаевский № 10 (Торговый дом Сыромятникова), Федоровский № 3 Торговый дом «И. Д. Смолина наследники») и Иткульский завод № 6 (Торговый дом «И. К. Платонов и наследники В. И. Судовской») в качестве сырья использовали пшеницу и картофель, а остальные — пшеницу.

Для увеличения производительности труда и объемов продукции на частных предприятиях стали использовать паровую силу: в Тобольской губернии на 9 заводах было установлено 10 паровых машин, которые работали 210 дней в году, в Томской губернии на 13 предприятиях — 16 паровых двигателей, которые работали 157 дней.

Таким образом, предприятия винокуренной промышленности активно развивались с конца XIX в. за счет использования новых технологий, новой техники и стремились организовать рентабельное производство. С начала XX в. винокуренные предприятия были отделены от пивоваренных и водочных заводов. Также отдельно стали учитывать предприятия по производству алкоголя расположенные в сельской местности.

Н. Г. Заремба

Трезвенническое движения братца Иоанна (Чурикова) в Санкт-Петербурге в 1907–1914 гг.: особенности развития и методы

В докладе рассматривается активно развивавшееся в столице трезвенническое движение под руководством братца Иоанна Чурикова, особенности его развития, формирование методов, а также общественная реакция на него и отношение к нему духовных властей.

Иван Алексеевич Чуриков (1861 — после 1930) называли «братцем Иоанном», «братцем Иванушкой» или «братцем Иоанном Самарским». Его сторонники создали неофициальную организацию. В народном трезвенническом движении, ориентированном на православие, Чуриков являлся самой яркой фигурой. С конца 1890-х годов Чуриков постоянно находился в центре внимания населения и прессы, а также светских и духовных властей. Его высказывания, проповеди, поступки и сам образ жизни привлекали представителей разных слоев общества. О его способности исцелять от пьянства еще при жизни складывались легенды.

Методы борьбы с пьянством у Чурикова были необычными: «У нас правило: вступающий в наше Трезвое Братство должен дать обет навсегда бросить пить водку, и не на срок только, а в знак того, вместо всяких членских билетов, от меня получает кусочек сахару, — этим новоначальному я говорю, что и его жизнь будет сладкой, когда он бросит пьянство». Беседы — такое название получили духовные собрания у братца Иоанна. Они оказались очень популярны у населения столицы. Представители Православной Церкви считали, что без ее благословения никто не имеет права устраивать такие собрания. В 1910 г. братцу Иоанну пришлось доказывать церковным властям свою верность православию после отлучения в Москве братцев Д. Григорьева и И. Колоскова, которые считали Чурикова своим учителем. В апреле Чуриков подал два прошения на имя митрополита Санкт-Петербургского Антония, подчеркивая свою верность православию. В мае 1910 г. известный толстовец И. М.

Трегубов стал издавать беседы братца Иоанна. Миссионерский совет выразил недовольство этим фактом и потребовал, чтобы после беседы Чурикова выступал миссионер Д. И. Боголюбов, но трезвенники отказались слушать его. После этого собрания чуриковцев были запрещены.

По личному распоряжению министра внутренних дел, появившемуся после его переговоров с обер-прокурором Синода в январе 1911 г. собрания И. Чурикова были вновь открыты. В конце 1911 г. чуриковцы подали прошение об утверждении устава Всероссийского общества трезвости имени братца Иоанна Чурикова, но получили отказ.

В июне 1912 г. во время беседы братца Иоанна произошли беспорядки: его сторонники не захотели выслушать священника Иоанна Колесникова. Беседы запретили. На протяжении 1912–1913 гг. чуриковцы и их лидер неоднократно подавали прошения об открытии бесед министру внутренних дел, императору и императрице, но тщетно. В 1914 г. Чуриков подвергся так называемой «малой епитимии» — отлучению от Святого Причастия.

Заметный результат деятельности братца Иоанна увеличивал число его последователей. Количество их трудно установить. Активный критик Чурикова считал, что число его сторонников не превышало 2000–3000 человек, но приводил и другое мнение о 30 000 его приверженцев. Сторонники братца, которым он помог изменить образ жизни, попадали под его духовное влияние.

В. Н. Захаров

Импорт вина в Россию из зарубежной Европы в начале XVIII в.

Как известно, в XVIII в. Россия заняла довольно прочные позиции на международном рынке в качестве экспортера продукции сельского хозяйства (лен, пенька, юфть, сало, и др.), лесоматериалов, железа. Импорт отличался гораздо большим разнообразием, но состоял, с одной стороны, из материалов, используемых в промышленности и ремесле (краски, химикалии и пр.), с другой стороны, из разнообразных товаров, предназначенных для потребительской элиты. Ко второй группе, без сомнения, относится вино, которое занимало видное место в российском импорте. Наиболее основательно о доставке вина в Россию в начале века из зарубежной Европы можно судить на основании счетных выписей Архангелогородской таможни за 1710 г., где зафиксированы операции всех иностранных купцов, сосредоточивших в своих руках тогда практически полностью внешнюю торговлю Архангельска. Причем именно через порт на Белом море тогда проходило до 100 % морской торговли России на западном направлении, поскольку в разгар Северной торговые контакты на Балтике были практически блокированы. Таким образом, в данном случае мы имеем одномоментный срез по поставкам вина в Россию в течение года в период преобразований Петра I. Этот же срез дает вполне адекватное представление и о потреблении вина в России, поскольку этот продукт в стране тогда практически не производился и поступал главным образом из Западной Европы.

В 1710 г. в Архангельске было продано привезенного из-за моря вина в общей сложности на 74 918 руб., что составило 6 % стоимости всего импорта (1,2 млн. руб.). Исключая металлы и сукно, на долю которых приходится до 60 % импорта, вино наряду с шелковыми материями, галантереей, красками, фруктами и пряностями остается среди важнейших ввозимых товаров. Наиболее активно поставляли в Россию вино купцы из Голландии и Гамбурга, для английских купцов, вышедших уже тогда на первые роли среди торговых иноземцев, поставка вина была

не характерна. В импорте голландских купцов на долю вина приходилось 6 % стоимости, у гамбуржцев — даже 14 %, у англичан — всего 0,6 %. Гамбуржцы поставили в Архангельск вина на 47 567 руб., то есть почти две трети общей стоимости этого товара. Посредническая торговля вином была издавна характерной отраслью коммерческой деятельности купечества северогерманских городов. В окрестностях Гамбурга или Любека не было виноградников. В этих городах издавна существовали торговые компании (чаще всего это были семейные предприятия), которые специализировались на закупке вина в винодельческих районах Германии и Франции для отправки его своим партнерам в другие европейские страны, в том числе и в Россию. Среди них было и любекское семейство Моллво, имевшее французские корни. Знаменитый купец начала XIX в. Яков Моллво, первый председатель комитета Санкт-Петербургской биржи, происходил из этой семьи.

Материалы Архангелогородской таможни и другие аналогичные источники содержат сведения и о названиях вин, поставляемых в Россию. Правда, таких наименований сравнительно немного, поэтому скорее речь идет не о конкретных сортах вина, а о типах или «классах» этого продукта. Тем не менее о структуре импорта вина с точки зрения ассортимента можно судить достаточно определенно. Среди гамбургских купцов больше всех продали вина Иоганн Амон и Пауль Розен, действовавшие совместно. Общая стоимость проданного ими вина составила 7724 рубля, в том числе ренского — на 5116 руб., церковного вина — на 1660 руб. Отмечаются также вино французское (25 руб.), сект (61 руб.), романея (8 руб.). Кроме того, компаньоны, как и другие иноземцы, продавали водки, а именно венгерскую (691 руб.), коричную (130 руб.). Практически тот же ассортимент представлен и в таможенных выписках Ивана Тамеса, наиболее активного торговца вином среди голландских купцов. В его товарообороте ренское преобладает еще в большей степени (3780 руб. из общей суммы в 4611 руб.). Церковное и французское вино представлено, примерно, на равных (237 руб. и 239 руб., соответственно). Имеется также сект (148 руб.) и водки коричная и венгерская. Вино продавалось в больших количествах и в объемной таре (так называемых боч-

ках «полубеременных», «полуямных» и т.п. Водка поступала, как правило, меньшими партиями и в мелкой стеклянной таре (сулейках, склянках), иногда в анкерках.

Сведения о тех, кто числится покупателями вин и водок, позволяют сделать вывод о предназначении этого товара. Примерно, половина приходится на долю крупных московских купцов. И. Елисеев закупил у И. Амона и П. Розена сразу 120 бочек ренского на 2400 руб. Очевидно, это партия предназначалась для реализации в «первопрестольной» столице, где имелись потребители этого элитарного тогда товара. Также около половины вина закупили непосредственно у иноземцев торговые агенты знатных лиц (чаще всего упоминается А. Д. Меншиков, а также Б. П. Шереметев, У. А. Сенявин, П. П. Шафиров и др.), офицеры и чиновники, а также другие иностранные купцы. Кроме того, вином запаслись на ярмарке в Архангельске и британские военные моряки с «опасного» корабля.

Р. В. Зенюк

Традиции изготовления и употребления алкогольных напитков в римско-католических монастырях и семинариях на территории Виленской, Минской и Могилевской епархий в конце XVIII — XIX в.

Традиции изготовления и употребления алкогольных напитков в католической церкви — это тема, получившая достаточно широкое освещение в историографии. Это и монастырское пивоварение, и изобретение шампанского, и, конечно же, виноделие. Однако, продолжают оставаться неисследованными региональные особенности. К ним относятся и традиции приготовления и употребления алкогольных напитков в монастырях и семинариях на территории Беларуси.

После разделов Речи Посполитой и включения белорусско-литовских земель в состав Российской империи, католическая церковь на территории Беларуси имела крепкие традиции. Здесь действовал 21 монашеский орден (доминиканцы, францисканцы, иезуиты, картезианцы, пиары, каноники регулярные и др.), каждому из которых принадлежало от 1 до 44 монастырей. На территории трёх епархий количество духовных семинарий эволюционировало от 3 (в конце XVIII в.) до 8 (в конце 20-х гг.) и до 1 (в 1870 г.).

К традициям монастырского изготовления алкоголя на территории Виленской, Минской и Могилёвской епархий относится наличие при каждом из монастырей (и/или) фольварков, которые им принадлежали броваров (пивоварен). Бровары отличались по обеспечению, что влияло на производительность, как количественную, так и видовую. Бровары действовали для обеспечения внутренних потребностей монастыря. В них изготавливался лёгкий (пиво) и крепкий (водка) алкоголь. Водка могла быть двойной перегонки или только первой. Пиво также могло быть слабым и дубельтовым («двойным», более крепким).

Традиции употребления алкоголя в монастырях отличались в зависимости от вида алкоголя. Пиво, традиционно, алкоголем не считалось. Наоборот, оно входило в список продуктов (напитков), рекомендованных к употреблению, в том числе, во

время поста. Употребление крепкого алкоголя ограничивалось. Наиболее традиционным крепким алкогольным напитком была водка, но употреблялись и привозные, например, ром — который использовался как в чистом виде, так и для приготовления пунша. Вино традиционно находилось на третьей позиции по частоте и объему употребления.

В семинариях традиции употребления алкогольных напитков регламентировались их уставами. Они предписывали ежедневное употребление пива в качестве составного компонента во время приемов пищи (завтраков, обедов и ужинов). В то же время, крепкий алкоголь был запрещён.

На протяжении XIX в. в результате реализации этноконфессиональной политики российских властей деятельность монашеских орденов и их монастырей практически полностью была ликвидирована. Из более чем 200 монастырей в конце XIX в. на территории Беларуси продолжили деятельность только 3. К тому же, с 1842 г. имущество монастырей (денежное и земельные угодья) были забраны в казну. Монастыри потеряли практически все свои функции (образовательную, медицинскую, благотворительную, хозяйственную). Вместе с ними была ликвидирована традиция монастырского пивоварения и изготовления крепких алкогольных напитков.

В. В. Кавецкая

Сведения о производстве и потреблении ханшина в Уссурийском крае в конце XIX — начале XX века в этнографическом наследии В. К. Арсеньева

В общей панораме питейного производства 2-й половины XIX — начала XX в., удовлетворявшего потребности населения в алкогольных напитках, специфику вновь присоединенных дальневосточных земель составляло преобладание на питейном рынке китайской водки шаоцзю, известной в Уссурийском (ныне — Хабаровский и Приморский) крае под названием «сули» или «ханшин».

Это было вызвано, прежде всего, ростом китайского населения в регионе. Превращение Китая в полуколониальную страну в сер. XIX в. вызвало масштабные миграции рабочих. В поисках заработка китайские отходники отправлялись и в дальневосточные земли России, но, не найдя здесь профессиональную занятость в силу удаленности региона, неразвитости его транспортной инфраструктуры и отношения власти к нему как сырьевому источнику, оседали в тайге. Потребность в традиционном напитке определяла его повсеместное производство в каждом китайской хижине. Товарно-денежные отношения с коренными народами региона и русскими переселенцами привели к распространению потребления ханшина и среди них.

Вопросам производства и торговли китайским спиртом уже с 1870-х гг. уделяли внимание первые исследователи Уссурийского края, в военно-прикладных и колонизационных целях (г. Висленев, генерал Барабаш, И. П. Надаров, В. П. Врадий). К этой когорте принадлежит и имя В. К. Арсеньева — выдающегося исследователя Дальнего Востока, оставившего обширное научное и литературное наследие. Записи и зарисовки в его экспедиционных дневниках (1906–1912), глава монографии «Китайцы в Уссурийском крае» (1914) содержат подробные сведения о китайском ханшинном производстве и сбыте в Уссурийском крае, географии распространения, ценах, культуре потребления китайского спирта. Поскольку Арсеньев самостоятельно осваивал этнографию и занимался исследованием наро-

дов региона под руководством Л. Я. Штернберга и тщательно следовал его советам, его тексты снабжены китайскими названиями описываемых им объектов.

Так как первоначально китайская водка производилась на местах, а ханшинные заводы находились в китайских фанзах, интерес представляет и характеристика последних, данная Арсеньевым. Он отмечает, что практически каждая фанза была маленьким ханшинным заводом, поскольку имела заторную яму и примитивное приспособление для перегонки спирта из хлебной закваски. Исследователь скрупулезно описал устройство ямы и перегонного аппарата и оставил его схематичное изображение в экспедиционном дневнике 1906 г. и фотографии в книге.

Он выделил два типа производства спирта. Наряду с сулевыми фанзами в 1880-е гг. возникают настоящие ханшинные заводы (шао-го-дянь), размещение которых Арсеньев подробно перечислил и привел в виде таблицы, опираясь на статистические данные И. П. Надарова. Эти предприятия внешне представляли обычную жилую фанзу, только больших размеров, с множеством служб и рабочих. Самообеспечивались сырьем: поля вокруг них засевались кукурузой, чумизой (буда или черный рис) и пшеницей. Урожай складывали у фанз в высокие зароды — продолговатые стога.

В. К. Арсеньев подробно зафиксировал длительный процесс и перегонки, и заготовки сулевых кирпичей — консервированной спиртовой закваски.

Ханшин производили для себя, продажи русским и кредитования местных инородцев. Он был трех сортов: самый лучший — из пшеницы, затем — из овса и кукурузы. Разнилась и цена. В Уссурийском крае чаще использовали смесь этих злаков. Ханшин транспортировали в деревянных ящиках или плетеных корзинах, обмазанных казеином и оклеенных масляной бумагой. Ящик вмещал 3–4 пуда (49–65 кг) спирта. Из расчета 3–5 рублей за пуд крепостью 50–60 %, ящик стоил 10–20 рублей. Одна квасильная яма давала до 10 ящиков ханшина на сумму от 100 до 200 рублей. Если учесть количество фанз и заводов, то предстает внушительная картина торговли китайским спиртом в крае.

Потребление ханшина в китайской культуре имело свои традиции. В период гонки спирта китайцы зазывали к себе сосе-

дей и путников и угощали их. Пили ханшин подогретым для испарения сивушных дурманящих масел. Употребляли часто, но никто не напивался допьяна, даже в праздничные дни. Пили из маленьких чашечек (шао-цзю-чжун-цзы) величиной в 1/3 русской рюмки. Такие дозы не мешали работе. В. К. Арсеньев сравнивает культуру пития китайцев и русских переселенцев, которые при обилии дешевого спирта часто спивались. И отмечает урон, который ханшин наносил казне и нравственности русского населения.

Исследователь описал и происходящие на его глазах перемены в ханшинной торговле, вследствие увеличения корчемной стражи и вытеснения китайцев с земли русскими крестьянами. Несмотря на то, что спиртовые заводы разрушались, закрывались и перемещались в Манчжурию, количество китайской водки в Уссурийском крае увеличилось вдвое. Перемещение производства за Уссури вполне устраивало производителей спирта, поскольку там не было надзора русских властей, а рынок сбыта оставался прежним: местные китайцы, коренные этносы и русские крестьяне. Противостоять контрабанде спиртом на протяженной и слабо охраняемой границе по реке при пособничестве заинтересованных в ней казаков и переселенцев немногочисленная корчемная стража не могла. Ссылаясь на документы военного губернатора Приморской области, В.К. Арсеньев отмечает главную причину засилия торговли ханшином — его дешевизну в сравнении с русской водкой, и предлагает два пути борьбы с ним: усиление охраны границ и временное понижение акциза на русский спирт.

Таким образом, этнографическое наследие В. К. Арсеньева предоставляет не только описание, но и анализ производства и торговли китайским спиртом в Уссурийском крае и позволяет досконально изучать это явление в контексте общероссийской истории.

Е. А. Калинина

«Поведение учеников плохое, нахально курят и даже пьют»: проблема пьянства в духовно-учебных заведениях России в XIX — начале XX в.

Одной из серьезных проблем в развитии духовно-учебных заведений России в XIX — начале XX в. являлось злоупотребление учащимися спиртных напитков. Это был достаточно распространенный порок среди воспитанников семинарий и духовных уездных училищ. Духовно-учебное начальство к таким нарушениям дисциплины в первой половине XIX в. не проявляло особой строгости. Семинариста или бурсака могли уволить из учебного заведения только за их многочисленные случаи появления в нетрезвом виде. Несомненно, такое снисхождение вносило в жизнь семинаристов вседозволенность и воспитывало в них безответственность за совершенные правонарушения. Строгость в отношении нарушителей касалась только в запрещении с 1843 г. повторного приема в семинарии учеников, исключенных «по неодобрительному поведению». Однако по официальным семинарским отчетам дело в учебных заведениях обстояло благополучно. Ректоры семинарий, как правило, сообщали об исправном состоянии нравственной части и благонравия воспитанников. Многие проступки учащихся оставались незамеченными, так училищное начальство сохраняло контингент учащихся.

Во второй половине XIX в. в духовных школах такие нарушения дисциплины продолжились. Проступки учащихся стали ранжировать по степени грубости нарушения на «простые» и «важные». «Простыми» считались уклонения от правил школьной дисциплины и мелкие шалости, свойственные юному возрасту. «Важные» проступки были присущи воспитанникам старших классов. Одним из них являлась «наклонность к пьянству и проявление неспокойного характера в нетрезвости».

В исправлении таких «важных» проступков в духовных семинариях старались применять метод постепенности усиления карательных мер. Замеченные в нетрезвости в первый раз или в незначительной степени опьянения подвергались карцерному

заключению на день во внеклассное время, получали низкие баллы («2» или «3») по поведению за месяц. Нарушителям в присутствии всех воспитанников делали внушения об исправлении своего поведения с угрозой исключения из семинарии. Замеченных во второй раз в степени сильного опьянения лишали казенного содержания. С одной стороны такое ослабление давало возможность учащимся осознать пагубность своих поступков, исправиться, и в дальнейшем иметь благонравное поведение. С другой — неоднократное пьянство и сопровождавшее с этим пороком буйство влекло за собой неблагоприятные последствия для других юных семинаристов, вынужденных наблюдать такие неблаговидные примеры поведения.

Циркулярный указ Святейшего Синода от 5 сентября 1881 г. предписывал исключать нарушителей дисциплины только после применения всех средств к исправлению учащегося. С этого времени нарушителей дисциплины в течение длительного времени воспитывали, требовали от них извинений и обещаний изменить свое поведение, в специальной книге вели счет количества произведенных нарушений, прощали злостные часто повторяющиеся нарушения. Тем не менее снисходительное отношение к воспитанникам не сокращало количество нарушений: нетрезвость, курение, игра в карты на деньги продолжались.

В 1909 г. вышел в свет указ Святейшего Синода о введении в духовных семинариях преподавания правил борьбы с алкоголизмом, который, по мнению духовно-учебного начальства должен был повлиять на будущих священнослужителей по ограничению в злоупотреблении учащимися спиртных напитков. Однако проблема по-прежнему сохранялась, хотя и наблюдалось некоторое снижение численности случаев нарушения дисциплины среди учащихся.

Л. В. Кальмина

Запрет еврейской винной торговли в Сибири в последней четверти XIX в.: смертельный удар или счастливый случай?

«Вхождение» евреев в сибирскую питейную торговлю началось в 1860-е гг. после Высочайшего разрешения вести ее на общих основаниях. В короткое время они заняли в ней видное место. При всей непрестижности занятия в глазах основной массы населения оно давало быстрый доход, так что городские управы были завалены еврейскими прошениями об открытии «питейного заведения для продажи вина распивочно и на вынос».

Хотя процент евреев, занимающихся выделкой и продажей вина в Азиатской России был существенно ниже такового в Европейской, устойчивые позиции евреев в отрасли напугали власти, которые стали сдерживать их активность. Началось с предписания генерал-губернатора Восточной Сибири Н. П. Синельникова от 8 декабря 1871 г., которым торговля вином в сибирских городах и селениях разрешалась только евреям, прибывшим в Сибирь до 15 мая 1837 г., и их сыновьям, родившимся в Сибири или отправленным сюда вместе с отцами по распоряжению Правительства. (В соответствии с Высочайше утвержденными правилами, приезд евреев в Сибирь после этой даты «решительно и навсегда прекращался»). Вторым шагом стало определение Правительствующего Сената от 14 мая 1874 г., которым предписывалось евреям, даже доказавшим законность своего пребывания в Сибири, торговать вином только в собственных домах. Тем самым от прибыльной торговли отлучались мелкие торговцы, еще не имевшие собственной недвижимости. Указ Правительствующего Сената от 16 мая 1879 г. запрещал питейную торговлю потомкам прибывших в Сибирь до 15 мая 1837 г., т.е. уже взрослым детям нынешних торговцев. Попытка оспорить этот запрет не имела успеха: резолюция Александра III, что «для Сибири это бы не было желательно» решила их участь.

Окончательно крест на этой отрасли еврейской торговли в Сибири поставило решение Правительствующего Сената от 16 марта 1887 г. по делу Раисы Лейбович, закрепленное Высочайше утвержденным мнением Государственного Совета. В соответствии с ним всем сибирским евреям было отказано в праве торговли вином на том основании, что они живут за пределами черты оседлости, а Сибирь — всего лишь место, где им позволено проживать, а значит, под разрешающее законодательство не подпадает. Дело Раисы Лейбович — типичный образец рассмотрения по прецеденту, когда решение Правительствующего Сената по определенному прошению входило в законодательство под именем просителя, и всех последующих просто отсылали к уже однажды принятому решению.

Удар, нанесенный евреям запретом торговли спиртным, ставшим очередным звеном в цепочке бесконечных ограничений в праве на жительство и занятия, был очень ощутимым. Налаженное дело, приносившее стабильный доход, пришлось срочно свернуть. Однако евреи, гибкие в бизнесе и чуткие к потребительскому спросу, мгновенно приспособились к изменившимся условиям. Отлученные от питейной торговли, они сразу нашли новую нишу — торговлю продукцией сельского хозяйства, которую они поставляли на золотые прииски, а позже — на строительство Транссибирской магистрали.

Во время Первой мировой войны запрет еврейской винной торговли стал яркой иллюстрацией русской пословицы «Не было счастья, да несчастье помогло». Переориентировавшись на выпуск всегда необходимой продукции — лесоматериалов, муки, мяса, кожи, которая попала в разряд стратегического сырья, — еврейские предприниматели стали исполнителями всех военных заказов. В годы «сухого» закона, когда были законсервированы заводы, производящие алкогольную продукцию, а их владельцы терпели нешуточные убытки, для принадлежащих евреям предприятий как наилучшим образом приспособленных для нужд военного времени наступил звездный час. Например, в торгово-промышленном центре Забайкалья Верхнеудинске, где русские водочные «короли» разом оказались не у дел, 83,4 % выпускаемой продукции приходилось на предприятия, владельцами которых были евреи.

Запрет еврейской винной торговли стал подарком для историка — как бы парадоксально это ни звучало. После определения Правительствующего Сената, разрешавшего винную торговлю только тем, кто докажет законность своего пребывания в Сибири, еврейские торговцы озаботились поиском информации о своих предках. Расписывая в деталях их грехи, после чего те были сосланы в Сибирь на вполне законных основаниях, виноторговцы тем самым обосновывали свое право на пребывание в регионе и ведение прибыльного бизнеса. Поскольку указанные в каждом прошении данные перепроверялись в полицейских управлениях или Приказе о ссыльных, данный источник имеет высокую степень достоверности. При его использовании автору этих строк удалось восстановить родословную ряда еврейских купеческих семей.

Т. Н. Кандаурова

Питейное дело в округах военных поселений XIX века

Создание военных поселений (далее — ВП) в 1810-х гг. в ряде губерний России сопровождалась изъятием территорий их расположения из гражданского ведомства и управления и передачей их в ведомство военное. Организация их сопровождалась также перераспределением государственных доходов, и в частности, по питейным откупам, в пользу округов ВП. В 1819 г., при поступлении казенных селений в округ военного поселения 4-го Украинского уланского полка, откупная сумма «за продажу питей в оных селениях» обращалась в пользу данного округа. Министр финансов получал распоряжение о передаче откупной суммы с 1820 г. в ведомство начальника 3-й Бугской уланской дивизии (далее — УД) генерал-лейтенанта графа И. О. Витта и должен был сделать распоряжение по своему ведомству в соответствии с раннее полученным рескриптом императора от 12 мая 1818 г. (ПСЗ РИ-1. Т. XXXVI. 1819 г. № 28027). В четырех селениях, отходивших в округа ВП числилось 6 питейных домов, в которых продавалось 3728 ведер и 7 квар. «вин, водок, наливок», и в пользу округа поступало 7065 р. 88 к. В начале 1820 г. последовал указ министру финансов «О обращении откупной суммы за продажу питей в селениях Херсонской губ., поступивших в округа ВП, в пользу тех же округов». Предписывалось при передаче 15 селений, посада Архангельска (8 питейных домов) и города Новомиргорода (19 питейных домов), в которых в численность питейных домов достигала в целом 56, реализовывавших 13003 ведра и 6 квар. «вин, водок, наливок» на сумму 24641 р. 81 к. (ПСЗ РИ-1. Т. XXXVII. 1820–1821 гг. № 28509). В 1821 г. был принят указ о распространении на ВП распоряжений, «кои будут приняты по винным откупам в 1823 г.» в губерниях расквартирования ВП (Херсонской, Слободско-Украинской и Могилевской) и «взнос откупных сумм в капитал ВП за продажу питей» оставался на прежнем основании.

При поступлении в округа ВП четырех полков 3-й Кирасирской дивизии (далее — КД) в конце 1821 г. был издан указ о пе-

редаче откупной суммы в пользу округов ВП этой поселенной дивизии, «поступающей за продажу питей в казенных селениях Херсонской и Екатеринославской губ.». Сумма откупов также обращалась в пользу поселенных полковых округов. Средства передавались в ведомство начальника ВП в этих двух губерниях генерал-лейтенанта графа И. О. Витта с 1 января 1822 г. В двух уездах Херсонской губ. в округах ВП состояло 47 селений, в т. ч. 1 заштатный город Крылов (9 питейных домов) и посад Петриковка (14 питейный домов), где на тот момент насчитывалось 108 питейных домов с объемом продаж 54961 ведро 8 квар., а в пользу округов «причиталось откупной суммы» 110314 р. 98 ½ к. (ПСЗ РИ-1. Т. XXXVII. 1820–1821 гг. № 28509). В селениях в основном располагалось по 1–2 питейных дома. В 1823 г. император, после посещения округов Херсонского ВП (расквартированы две УД и одна КД), утвердил именной указ министру финансов «Об оставлении питейных домов в округах ВП только в тех местах и в таком числе, как означено в прилагаемой ведомости» с 1824 г. Александр I посчитал, «что питейных домов, в округах сих ныне состоящее, не соразмерно велико». Теперь по два питейных дома оставались только в селениях полковых штабов, во всех остальных селениях определялось по одному питейному дому, т. е. произошло сокращение числа питейных заведений в полковых поселенных округах.

Далее последовали ограничения по винному кормчеству в округах ВП. Жителям поселенных округов запрещалась покупка вина для собственного потребления «вне откупной дистанции с ввозом онаго в сии округа», торговля вином в селениях округов, торговля вином вне поселенных округов, «выкурка вина самими жителями округов поселения». За нарушение запретов следовали меры наказания: за торговлю вином в округах — конфискация купленного вне округов вина «в пользу откупщиков», предание суду и наказание «как за обман в законе постановлено». Командиры поселенных рот и эскадронов подвергались «на основании указа 1773 года апреля 9 дня, за слабое смотрение взысканию». Если офицер, зная о кормчестве, не принимал «к отклонению такового надлежащих мер и в том будет изобличен», то он предавался военному суду. В случае питейной торговли

жителями ВП вне округов также следовало взыскание: вина конфисковывались «в пользу казны», торговцы предавались суду и наказывались «как за подлог в законе постановлено»; денежное взыскание налагалось на жителей, в домах которых производилось кормчество, и на тех, кто этому способствовал. За «выкурку вина» жителями ВП, следовала конфискация его в пользу откупщиков, и предание суду вместе с командирами поселенных рот и эскадронов, наказание первых как за подлог, последних денежным штрафом «втрое более цены выкуренного вина». Подобнее меры служили как ограничению кормчества в округах, а, следовательно, и употреблению вино-водочной продукции населением ВП, так и давали определенные выгоды откупщикам, так как они платили питейные откупа в пользу государства, и в частности., они вносились в пользу капиталов ВП. Так, например, в бюджет ВП поступило: в 1837 г. от Минфина «откупной суммы за продажу питей в округах ВП кавалерии и пахотных солдат» в Белоруссии, а также в городах Старой Руссе и Елисаветграде 715 489 р.; в 1838 г. 1 038 989 р.; в 1855 г. поступило «откупных за продажу питей в округах ВП и пахотных солдат» и военных городах Елисаветграде, Ольвиополе и Старой Руссе в сумме 583 545 р. 64 к.

В 1826 г. было конфирмовано Положение комитета министров «Об отдаче в местах ВП питейной продажи на откуп, отдельно от прочих мест гражданского ведомства» в округах поселений кавалерии с 1827 по 1831 г. При этом откупная сумма по-прежнему обращалась в пользу военно-поселенных округов. Начальство ВП получало разрешение на перенос питейных домов в селениях, но с соблюдением порядка продажи питей откупщиками и соблюдением положения о делах по винному кормчеству от 4 ноября 1824 г., число питейных домов не могло увеличиваться при этом, «место ВП в Могилевской губ. из отдачи на откуп» исключалось. В марте 1829 г. последовал указ «О возобновлении продажи питей в округах ВП 2-й Пионерной бригады, расположенной в Могилевской губ.». При расширении в 1827 г. округов ВП еще 11 селений пополнили их состав, и откуп за продажу питей в этих селениях также передавался «по принадлежности в капитал ВП» по истечении срока прежнего контракта с откупщиками. В 1829 г. было подтверждено поло-

жение об отдаче на откуп питейных продаж с торгов в округах ВП отдельно от мест гражданского ведомства. В ведомостях по откупам увеличивалось число питейных домов: в округах Украинского ВП на 38, в Херсонском ВП — на 75. Каждые 4 года по условиям питейные откупа для ВП кавалерии и Пионерной бригады в Могилевской губ. формировались отдельно от селений гражданского ведомства, питейные дома, конторы и четыре ярмарочные выставки в г. Елисаветграде определялись строго по реестру, количество питейных домов нельзя было увеличивать. (ПСЗ РИ-2. Т. V. 1830 г. № 3721).

Условия питейных откупов с 1843 по 1847 гг. помимо ранее обозначенных в реестрах питейных заведений включались в их число штофные и ведерные лавочки. Продажа питей запрещалась в округах ВП «в воскресенье и табельные дни с самого утра и до окончания в приходских церквях божественной литургии, а также во время крестных ходов». Содержание питейных сборов в округах ВП и занятие должностей по откупу не разрешалось представителям еврейского общества. Округа ВП в 1850-х гг. ограждались от влияния и конкуренции питейных заведений соседних помещиков. По Положению о продаже казенного вина и изделий из оного в великороссийских губерниях от 1854 г. в помещичьих имениях «заведения для продажи вина» можно было открывать не ближе 10 верст от границ ВП (§ 111). (ПСЗ РИ-2. Т. XXIX. 1854 г. № 27912). Правительство еще одним положением защищало интересы держателей питейных откупов в ВП и старалось уменьшить «питейное потребление» жителями поселенных округов.

Г. В. Карандашев

Самогоноварение, фальсификаты и шинкарство: нарушения питейного промысла в российской провинции в конце XIX — начале XX в.

В годы действия акцизной системы прибыль виноторговца составляла значительную долю от средств, потраченных на вино покупателем. Различные нарушения, в том числе обмер и беспатентная продажа, давали еще большие барыши. Качество вина являлось приемлемым только в тех местах, где оно продавалось на вынос в опечатанной посуде. Вино, продававшееся из ренсковых погребов и в трактирных заведениях в розлив, почти везде отличалось низкопробностью. В обнаруженных местах беспатентной торговли водка никогда не оказывалась законной крепости, и часто % спирта был снижен до 30°.

Владельцы винных лавок часто нарушали закон в интересах наживы, соединяя торговлю вином со скупкой хлеба и других сельских продуктов, вывозимых крестьянами на продажу, при этом рассчитываясь за товары алкогольными напитками. Нередко вблизи винной лавки у виноторговца или его доверенного лица имелась квартира, где производилось распитие купленного вина. При отсутствии подобных мест спиртное потреблялось на улице.

Нелегальные места реализации алкогольной продукции точному подсчету не поддавались. Кроме тайной торговли вином в частных жилищах, возникали и специализированные заведения. Потребность населения в вине удовлетворялась нелегальным путем.

Во второй половине XIX в. питейное дело монополизировали немногочисленные, часто связанных кровными узами, торговцы, имевшие влияние и связи в государственных учреждениях. Беспатентная торговля алкогольной продукцией была развита настолько сильно, что в акцизных управлениях заявляли о невозможности акцизного надзора и полиции бороться с ней.

В период реализации казенной винной монополии в базарных селах шинкарили почти во всех чайных. Бакалейные лавки также торговали водкой. Достать спиртное можно было в любой

час дня и ночи. Шинкари закупали водку в казенных винных лавках. Их делили на случайных и профессиональных.

В распространении нелегальной торговли вином особых межгубернских различий не наблюдалось. Результатом деятельности шинков было развитие хулиганства, усиление разврата, вовлечение в пьянство женщин и детей и т. п. Особенно вредны они были тем, что в них водку отпускали не только на деньги, но и на вещи, до хлеба и одежды включительно. Тайная торговля вином служила одной из причин обнищания населения и распространения преступности.

После введения «сухого закона» из разных мест страны стали поступать известия о возвращении пьянства. С каждым днем все сильней развивались тайное винокурение и шинкарство. Быстро распространялось потребление денатурированного спирта, одеколона, политуры, древесного спирта и прочих суррогатов спиртных напитков. Власти знали способы и каналы доставки спирта, большинство «оптовиков» и мелких торговцев, так называемых «шакалов», были известны полиции. Многие из них состояли под надзором. Нередко нижние чины полиции получали от «мотористов», промышлявших тайной торговлей денатуратом, взятки.

Ситуация еще более обострилась в 1916–1917 годах. В деревне к этому времени невиданную силу приобрело самогоноварение, продажа браги и пива. К ответственности за производство и реализацию спиртосодержащей продукции привлекались представители всех сословий. С началом революционных потрясений хлебные запасы активно скрывались населением и шли на самогоноварение, которое среди сельского населения особенно усилилось. Примитивный способ производства, к которому прибегали крестьяне, во много раз увеличивал затраты хлеба.

Л. С. Карлов

Винный туризм в Крыму: история становления и современное состояние

Крымский полуостров, в особенности его южная часть, принимая на себя теплое влияние Черного моря и защиту горной грядой от холодных, северных воздушных масс, находится в благоприятных условиях для жизни виноградного растения, как в окультуренном виде, так и в дикой природе.

Помимо этого в Крыму большое количество широких долин ориентированных на юг, подходящие склоны юго-восточной экспозиции отлично подходят для выращивания винограда. Все эти экологические особенности использовались с древних времен.

Если придерживаться общепринятому мнению происхождения культурного вида винограда, то его родиной является Закавказье и Малая Азия и оттуда получил свое распространение на Запад, соответственно Крым всегда был связан с этими районами.

В третичный период, когда появлялось виноградное растение, Крым имел прямую, налаженную связь с малоазийско-балканским районом и дикие предки малоазийского винограда могли попасть на полуостров.

Полагают, что виноделие в Крыму возникает в VII–VI веках до н. э. Основоположниками виноделия на крымском полуострове стали древние греки, которые были колонизаторами Северного Причерноморья. После греков их дело переняли римляне и византийцы. Развитие крымского виноделия проходило волнообразно. Население Тавриды страдало от нашествия печенегов, хазар, то приходила в упадок, то вновь возрождалось.

В XIV в. культура виноделия возрождается с новой силой благодаря генуэзцам, обосновавшихся от Судака до Балаклавы. Генуэзские купцы вели торговлю с южными и центральными районами Древней Руси.

Крым под турецким влиянием, в XIV–XV вв. исповедание ислама привело к снижению производства и потребления вина,

однако население отдельных греческих и армянских деревень продолжало производства вина для собственного потребления.

Крупными винодельческим центрами до и после турецкого владычества были Феодосия, Судак, Инкерман, Балаклава и Гурзуф. К 1542 году производство вина в Феодосии уже насчитывало около 2 млн литров вина.

Постепенное возрождение и развитие крымского виноделия началось после возвращения Крыма в состав Российской Империи. Государственным деятелям выделялись наделы для выращивания винограда и производства вина. Саженцы винограда завозились из Европы, но полностью акклиматизировались в местном климате. Для развития сельскохозяйственного производства Потемкин привлекает переселенцев на пустующие земли.

Положительное влияние на крымское виноделие с научной точки зрения оказал винкомбинат «Массандра». История этого комбината неразрывно связано с историей виноградарства и виноделия полуострова.

Важную роль в преумножении высокого уровня крымского виноградарства сыграл генерал-губернатор М. С. Воронцов. Он закладывал виноградники, культивируя лучшие испанские, французские и греческие лозы. При Воронцове в Ай-Даниле был устроен первый в Крыму винный погреб. Именно граф Воронцов первым основал промышленное виноделие, он занимался не столько для получения личной выгоды, сколько от желания развивать отечественное виноградарство и виноделие.

В Массандре был построен большой винокурный завод, виноделы на который были приглашены из Франции. Именно тут была заложена всемирно известная коллекция крымских вин — Мадеры, Муската, Портвейна и Токая.

Во время Гражданской войны, значительная часть коллекций и значительные площади виноградников были уничтожены. После установления в Крыму в 1922 году советского правительства начинается активное развитие виноградарства как основу для массового производства вина для многомиллионного советского народа.

Создаются сельскохозяйственные колхозы и совхозы для производства винограда. Ведется строительство новых винзаво-

дов. В 1940 году на базе Никитского ботанического сада появляется Всесоюзный научно-исследовательский институт виноградарства и виноделия «Магарач» и становится основной организацией для решения проблем виноградарства и виноделия на всей территории бывшего СССР.

После развала Советского Союза отрасль виноградарства и виноделия пришла в упадок, сельскохозяйственные земли распродавались, приватизировались и активно застраивались, из-за этого непростительного попустительства были безвозвратно утеряны несколько уникальных сортов винограда.

В период пандемии Covid 19 начал активно развиваться внутренний туризм. Туристы активно начали посещать территорию Республики Крым и Севастополь.

Если планировать свой тур самостоятельно, то имеет смысл ориентироваться на мероприятия, которые проходят в разных точках полуострова. Это, к примеру, «Виноградные сезоны» в Алуште, Winefeofest в Феодосии или «Дни Голицына» в Новом Свете.

В последние годы многие частные компании разрабатывают разнообразные программы винных туров, в которые могут входить посещение нескольких винодельческих хозяйств или основных винодельческих заводов или то и другое. Некоторые из предлагаемых туров оформлены в виде комплексного пакета, включая дорогу до Крыма, размещение в гостиницах и питание.

Если интересуют в первую очередь дегустации и производство напитка, а не сельскохозяйственные вопросы, вполне возможно организовать собственный винный тур самостоятельно. Обязательные точки для посещения в ходе такого тура — это Массандра, Новый Свет, Ялта, Алупка и Севастополь.

Последнее время активно распространяется так называемый винный туризм (эно туризм). Под этим подразумевается непосредственное участие туриста во всех технологических операциях при выращивании винограда и производстве вина. Возможно проведение различных косметологических процедур с применением отходов виноделия (кожица, семена и т. д.). Также

существует разновидность медитации и восстановление душевного спокойствия путем наблюдения за пейзажами виноградника.

После вступления Республики Крым и города Севастополь в состав Российской Федерации, началось активное возрождение виноградников, выделяются гранты на перезакладку насаждений, ведется компенсация вложенных средств.

А. П. Керзум

От трезвости к пьянству: переломный 1925-й год

1. Три основных фактора определяют историю питейного дела в нашей стране и не только в нашей. Это желание употреблять горячительные напитки; извлекаемая государством выгода, использующая это желание; и наконец, общественное, а иногда и государственное противодействие употреблению алкоголя как явлению вредному для здоровья граждан и общественной жизни.

2. Государственная власть в течение столетий пыталась регулировать процесс производства и потребления алкоголя, прибегая к различным формам его организации, исходя, прежде всего, из фискальных соображений. При этом монопольная система сменялась откупной, та, в свою очередь, уступал место акцизной, затем вновь приходила монополия и так далее. История питейного дела в России с этой точки зрения достаточно подробно исследована в литературе.

3. История общественного противодействия питейному делу исследована в значительно меньшей степени. До конца XVIII в. такого рода движение было малозаметным. Пьянство и духовенство. Количественные показатели роста трезвенного движения.

4. Отчасти под давлением общественного мнения была введена очередная винная монополия в Российской империи. (Положение о казенной продаже питей 1894 г.). Соотношение общественного движения и фискальный интерес. Случай Белоострова. Резкое усиление трезвенного движения. Цифры. Первый и второй Всероссийские съезды по борьбе с пьянством.

5. Война и антиалкогольные меры. От временных запретов к постоянным. Политика и трезвенное движение (борьба с Коковцовым). Общая картина «сухого закона». Региональное разнообразие. Н. И. Введенский и его работа «Опыт принудительной трезвости» (1915). Поток трезвенной литературы в военный период. Финансовая картина.

6. Народное отношение к трезвой жизни. Плюсы и минусы. Первые погромы. Суррогаты. Петербургская жизнь.

7. Революции Февральская и Октябрьская. Борьба с пьянством как правительственный принцип. Законодательные меры. Административные действия.

8. Народный ответ. Винные погромы 1917–1918 гг. в стране и Петрограде. Контингент участников. Погромы как средство политической борьбы.

9. Гражданская война. Курс советского правительства на трезвость. Постановление СНК от 19 декабря 1919 г. «О воспрещении на территории страны изготовления и продажи спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ». Ликвидация запасов и производств. Алкогольная либерализация у Колчака.

10. Наркотизация населения. Самогоноварение. Виноделие в южных районах страны.

11. Начало алкогольных послаблений. НЭП. Возвращение к товарно-денежному хозяйству.

12. Дальнейшее развитие подпольной алкоголизации и наркотизации страны, в том числе в Петрограде.

13. Комиссия П. Г. Смидовича 1923 г.

14. Постепенное возвращение к производству и продаже сорокаградусной водке. События 1 октября 1925 г.

15. Фискальные результаты возврата к свободной продаже питей и к винной монополии.

16. Антиалкогольная компания конца 1920-х — начала 1930-х гг. Последующие волны питейного дела в России.

С. А. Козлов

О винных откупах и употреблении алкогольных напитков в документальном наследии Андрея Тимофеевича Болотова

Человек энциклопедических знаний тульский помещик Андрей Тимофеевич Болотов (1738–1833) был писателем, переводчиком, художником, паркостроителем, агрономом, основателем первых русских сельскохозяйственных журналов «Сельский житель» (1778–1779) и «Экономический магазин» (1780–1789). Широко известны автобиографические записки А. Т. Болотова, содержащие богатейший материал о культуре и быте России XVIII в.

Документальное наследие А. Т. Болотова (по подсчетам А. Ю. Веселовой) насчитывает в различных архивах 372 единицы хранения общим объемом несколько десятков тысяч листов. Важной его составляющей, безусловно, является историко-публицистическая статья А. Т. Болотова о винных откупах екатерининской эпохи, рукопись которой находится в составе сборника «Современник или записки для потомства» (Ч. 1. 1795. 205 л.) и хранится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в ф. 89 (Болотовы А. Т., П. А. и М. П.), д. 76. Большая часть статьи была опубликована в 1890 г. И. И. Губерти в периодическом издании «Библиограф» (1890. № 11) и отдельным оттиском (СПб., 1891).

Публикация критического очерка А. Т. Болотова о винных откупах екатерининской эпохи совпала с начавшейся по всей стране «неустанной борьбой с пьянством», искоренением «пристрастия в народе к спиртным напиткам» (циркулярный указ Св. Синода от 10 августа 1889 г.) и основанием в 1890 г. Петербургского общества трезвости.

Как известно, А. Т. Болотов с нелюбовью относился не только к пьянству, но и к культуре винопития, не усматривая в этом никакой принципиальной разницы. При этом сам он был заядлым курильщиком и ежедневно за утренним чаем читал любимые «Гамбургские газеты» («Staats- und Gelehrte Zeitung des hamburgischen unparteyischen Correspondenten») и выкуривал трубку табака. В имении Дворяниново он «завел» табачную ма-

нуфактуру и написал о табаке и табаководстве 10 научных статей в «Экономическом магазине». Для сравнения: о «винном деле» известны только две его статьи — «Пятилетние примечания о курении вина и о некоторых сопряженных с этим пользах» (1780) и «О гонке вина из картофеля» (1804), а также небольшая заметка «О спиртах» (1788).

В статье А. Т. Болотова о винных откупах рассмотрены основные последствия появления Манифеста от 1 августа 1765 г. об отдаче питейной продажи с 1767 года на откуп во всем государстве, кроме Сибирской губернии «на каждые четыре года», а также «Устава о вине», утвержденного 17 сентября 1781 г. Винокурение стало во многом «дворянским делом» и даже высшая аристократия не стеснялась заниматься подрядами и откупными операциями. А. Т. Болотов сообщал о ходивших по рукам «едких сатирах» с карикатурами на откупщиков князей Ю. В. Долгорукова и С. С. Гагарина, изображаемых в виде кабацких зазывал.

А. Т. Болотов выделил четыре «пагубных» последствия для государства от действий «корыстолюбивых» дворян-предпринимателей и откупщиков. По его убеждению, во-первых, из-за повсеместной варки вина было «перегублено и переведено превеликое множество не только дровяного, но и самого строельнаго леса»; во-вторых, на вино было «перепариваемо» «по нескольку миллионов четвертей хлеба» ежегодно; в-третьих, происходил «чрезвычайной и непомерной» расход меди, употребляемой для делания котлов, труб, мерников и др.; наконец, дешевая продажа вина имела «плачевное влияние» на «нравственное состояние» деревенских жителей, которые становились «негодяями и пропойцами».

В целом, статья А. Т. Болотова о винных откупах является важным источником по истории питейного дела императорской России XVIII в.

Н. А. Кореева

Трактиры и питейные дома Казанской губернии в первой половине XIX в.: динамика численности, организация деятельности

История питейного дела — важное направление в изучении социально-экономических процессов, до сих пор не получившее должного внимания со стороны ученых. За исключением нескольких дореволюционных очерков и заметок М. С. Рыбушкина, Н. П. Загоскина, Э. Турнерелли, И. Фалька и современных научных статей (например, Р. А. Бушкова), деятельность трактиров и питейных домов Казанской губернии практически не изучалась. Неполные сведения по данному вопросу содержатся в информационных справочниках, составленных директором департамента полиции Штером, офицерами Генерального штаба (М. Лаптевым), в периодической печати (например, «Журнале мануфактур и торговли») и др. Основной массив информации содержится в архивных источниках, еще не введенных в научный оборот.

В Казанской губернии треть населения составляли татары, исповедовавшие ислам, запрещавший продажу и употребление алкогольной продукции, поэтому соответствующие торговые заведения могли открывать лишь представители православного населения, для которых питейное дело стало важным источником предпринимательских доходов.

Деятельность трактиров была подчинена строгим правилам, в основных чертах они определялись Манифестом 1763 г., указом Сената 1770 г., Положением от 14 марта 1821 г. и другими нормативными актами. Количество трактиров в каждом городе зависело от решения губернского начальства. В Казани в 1816 г. было 8, в 1821 г. — 10, в 1825 г. — 20 трактиров, в 1850 г. — 32 (совместно с гостиницами), по всей губернии в 1825 г. насчитывалось 27 трактиров (они располагались в Казани, Лаишеве, Козьмодемьянске, Мамадыше, Чебоксарах, Чистополе и заштатном городе Арске). Лица, желавшие их содержать, должны были участвовать в торгах и заключать с городской думой контракт на 4 года, сразу уплачивать за первую половину года откупную

сумму. Содержателями трактиров в Казани являлись мещане (в 1821 г. — 70 %), купцы (20 %), государственные крестьяне (10 %). Торговля осуществлялась с 9 часов утра до 11 вечера; в воскресные, праздничные дни — только после литургии. Напитки разрешалось продавать исключительно для употребления на месте, без отпуска на дом; был определен ассортимент продукции для реализации в трактирах (например, простое хлебное вино, наливки продавались в казенных питейных домах). Трактиры могли посещать исключительно мужчины в пристойной одежде, за исключением солдат и «людей в ливрее». В них запрещались игры, музыка, пляски, пение, а также шум, крик, пьянство. За нарушение правил содержателя трактира подвергали штрафам, суду, в ряде случаев заведение подлежало уничтожению с конфискацией напитков в пользу казны.

Внутреннее убранство трактира (герберга) состояло из полок с отделкою, «конопеи» (вероятно, мягкая лежанка без спинки, диван), двух дюжин кресел, четырех дюжин стульев, двадцати столов двух разных величин. Кроме этого, для организации деятельности трактира приобретали посуду (медные кастрюли, чайники, фарфоровые чайные чашки, графины, стаканы, подносы), скатерти и салфетки. Для развлечения гостей был предусмотрен бильярд. Украшением помещения являлись люстры. Отметим наличие икон.

По-иному законодательные акты регламентировали деятельность питейных домов. Согласно Уставу о вине 1781 г., в розницу и «подробно» алкогольные напитки разрешалось продавать из питейных домов, которые учреждались Казенной палатой «на вере» или «на откупу». В первом случае в питейном доме торговал по «узаконенным ценам» «казенный сиделец» из купцов или мещан, получая за это либо ежегодную плату, либо некоторую часть прибыли от продажи, во втором — откупщик, который мог здесь продавать продукцию собственных пивоваренных предприятий; запасы алкоголя пополнялись из винных магазинов по распоряжению Казенной палаты. С целью увеличения государственных доходов в питейных домах с 1807 г. предполагалось наличие двух комнат — чтобы в одной продавать пиво и мед, в другой — вино и водку, с разными откупщиками.

Частные питейные дома могли быть учреждены с одобрения Казенной палаты, чтобы исключить возможность ущерба для ее собственных заведений. Они работали в зимнее время с 7 часов утра и до 8 часов вечера, в летнее — от восхождения до заката солнца. Питейная продажа останавливалась во время литургии в храмах и крестных ходов. Никаких украшений, увеселительных игр, забав для привлечения народа здесь не допускалось. Из питейных домов разрешалось отпускать на дом стаканами, кружками, бутылками и ведрами так называемое кабацкое пиво. Другие напитки реализовывались на дом через специальные лавочки, которые также отдавались на откуп. Положение 1821 г. запрещало одновременно содержать питейные дома и трактиры, харчевни, кофейные дома, рестораци.

В Казанской губернии в 1825 г. насчитывалось 72, в 1850 г. — 81 питейный дом. Все содержатели казанских питейных заведений в 1820-е гг. платили акциз (75–100 руб.) и некоторую сумму в пользу города (35–547 руб.). В 1801 г. от продажи простого вина г. Чистополь, например, в котором особенно была развита торговля хлебом, получил доход в сумме 9377,10 руб. Питейное дело, связанное с хлебным рынком, пивоваренными и солодовенными предприятиями, а также рынком сбыта алкогольной продукции через разветвленную сеть трактиров, питейных домов, портерных и штофных лавочек, водочных магазинов, обеспечивая доход казне, городу, являлось важнейшей отраслью предпринимательской деятельности, изучение которой позволит глубже понять особенности экономического развития края.

С. В. Королев

Антиалкогольная кампания 1985–1988 гг. как источник мифов в общественном сознании

Антиалкогольная кампания в СССР 1985–1988 гг. закончилась более 30 лет назад, а некоторые мифы до сих пор будоражат общественность: «резко выросло самогоноварение», «вырубили виноградники», «массовое отравление населения суррогатами», «выросла наркомания».

Один из устойчивых стереотипов о «сухом законе» 1985 г., связан с тем, что из-за ограничительных мер пить меньше не стали, просто началось изготовление алкоголя в домашних условиях. Эти выводы во многом делаются на основании роста потребления сахара — главного источника самогоноварения. Однако факты свидетельствуют об обратном. Так, данные Госкомстата фиксируют, что в Удмуртии потребление сахара населением в 1985 и 1986 гг. в расчете на одного жителя снизилось к 1980 г. с 50 до 45 и 47 килограммов соответственно. В 1987 г. превысило уровень 1980 г. в среднем всего на один килограмм, а затем стало последовательно снижаться. Аналогичные тенденции наблюдались в Уральском регионе и в целом в России. Так потребление сахара в РСФСР сократилось с 1985 по 1990 год с 45,1 до 44,5 кг, в Уральском экономическом районе с 45,0 до 42,8 кг. на душу населения, а по сравнению с 1980 г. снижение было еще более существенным.

В 1990-е г. потребление сахара населением Удмуртии начало стремительно падать: с 1990 г. по 1995 г. с 44,6 до 22 кг. в год. Потребление других продуктов: хлеба, молока, мяса, яиц, хотя и снизилось, но не так значительно. Сокращение продаж сахара в первой половине 1990-х г. подтверждает, что высокий объем потребления в предшествующий период имел самогонную составляющую. В условиях либерализации торговли спиртным, наводнения рынка дешевым алкоголем, производство домашнего алкоголя стало совсем невыгодным. Потому что самогонный аппарат по производительности никогда не станет конкурентом винно-водочного завода, как экономически, так и эстетически. Производство самогона в первую очередь рассчи-

тано на домашнее потребление, поэтому его роль в алкоголизации общества была, есть и будет не существенной. Именно поэтому в 1990-е гг. потребление алкоголя значительно превысило уровень начала 1980-х гг., что катастрофически отразилось на социальных, экономических, но наиболее разрушительно на демографических процессах.

Еще одна устоявшаяся точка зрения связана с тем, что в антиалкогольную кампанию покусились на «святое» и вырубили виноградники. Действительно, площадь виноградных насаждений в СССР с 1984 по 1988 год сократилась на 230 тыс. га, в плодоносящем возрасте на 110 тыс. га. Однако анализ статистики свидетельствует, что площадь виноградных насаждений стала сокращаться еще до кампании, с 1983 г. по 1984 г. — на 39 тыс. га. Сокращение могло происходить, и по другим, не связанным с антиалкогольной кампанией причинам, например площадь плодово-ягодных насаждений с 1984 по 1988 годы сократилась на 478 тыс. га. Противники антиалкогольной кампании редко обращают внимание на тот факт, что «в результате сильнейших морозов зимы 1985–86 гг. в Крыму были признаны непригодными и подлежащими списанию 11 889 гектар виноградников, в Украинской ССР подлежало утилизации 24 433 гектар». Кроме этого, происходила плановая замена винных сортов винограда на столовые, если в 1984 г. площади составили 148 тыс. га., то к 1988 г. они увеличились на 85 тыс. га. Несмотря на определенное сокращение технических сортов винограда, объемы валового сбора винограда оставались стабильными: в 1980 — 6 650 тыс.тонн., в 1986 году, в самый разгар кампании, — 6 489 тыс. тонн. Для сравнения, площадь виноградных насаждений в 1987 г. составила в РСФСР 170 тыс. га, в 2019 г. — 95,92 тыс. га, и это с учетом Крыма.

Вопреки устойчивому общественному мифу количество отравлений в период кампании не только не выросло, а стремительно снизилось. Так число умерших от случайного отравления алкоголем в РСФСР с 1984 по 1988 г. сократилось с 19,6 до 7,8 на 100 000 населения, на Урале с 19,5 до 7,3, еще более впечатляющие результаты в Удмуртии: падение смертельных отравлений с 45,3 до 11,1.

Заболеваемость населения наркоманией и токсикоманией в СССР с 1985 по 1988 год с впервые установленным диагнозом выросла с 9,6 до 17,1 тысяч человек, в РСФСР с 3 до 8,2 тысяч человек. Рост был, однако, для почти 290-миллионной страны он оставался на уровне статистической погрешности. Для сравнения в 2020 г. с учетом анонимности и развития частных клиник в России зарегистрировано около 460 тысяч наркоманов. Эксперты главными факторами распространения наркомании в 1980-е годы называют либеральные веяния, субкультуры, которые стали активно проникать в молодежную среду.

Таким образом, данные статистики свидетельствуют, что уровень самогоноварения уже до антиалкогольной кампании находился на высоком уровне, площади технических сортов винограда несколько сократились, это происходило в рамках замены винных сортов на столовые, однако сборы винограда оставались стабильными, количество смертельных отравлений снизилось почти в 3 раза, заболеваемость населения наркоманией выросла, но по другим, не связанным с кампанией причинам.

Главная причина мифов связана с тем, что в борьбе за власть политические цели стали доминировать, негативные моменты кампании были сильно преувеличены СМИ и запечатлены в общественном сознании, а положительные: снижение смертности, рост рождаемости, повышение экономических показателей — забыты.

И. Корчагина

Пьянство и пьяницы в сказаниях иноземцев XVII века

Изучение «стереотипа о русском пьянстве» остается актуальным уже несколько столетий.

Говоря о стереотипе, стоит понимать под этим словом не умышленно созданный негативный образ, функционирующий в литературе записок иностранцев, но определенную описательную модель — одни авторы приписывают русскому народу трезвость, другие упоминают пьянство в качестве народного несчастья и беды, третьи упрекают русских в умышленном злоупотреблении алкоголем.

В качестве источников для доклада были выбраны работы таких авторов, как Жак Маржере, Конрад Буссов, Иоганн Брамбах, Самуил Маскевич, Георг Паерле, Николай Олесницкий и Александр Корвин-Гонсевский, Исаак Масса, Петр Петрей, Адам Олеарий, Гийом де Боплан, Рейнгоут ван Бредероде, Андреас Роде, Ян Пасек, Павел Алеппский, Якоб Рейтенфельс, Сэмюэль Коллинз, Николаас Витсен, Иоганн Филипп Кильбургер, Иоганн де Родес, Энгельберт Кэмпфер и Фуа де ля Невилль — все они содержат более или менее развернутые описания пития и пьянства. Некоторые из них относятся к формальному общению русских и иностранцев, т. е. питейным ритуалам посольского церемониала, иные содержат описания традиции аристократии и простонародья, связанных с алкоголем.

Главная цель данной работы — анализ особенностей языка и описательного паттерна в наиболее популярных и цитируемых сказаниях, повлиявших на дальнейшее развитие канона «питейной» темы.

Стоит сразу отметить, что сформированный стереотип о русском пьянстве виден на примере не всего корпуса сказаний XVII в. или большинства его источников: можно выделить несколько «ветвей», состоящих из сочинений такого рода. Их авторы последовательно цитируют друг друга — чаще всего это происходит со сказаниями, написанными на одном языке.

Не случайно большая часть упомянутых работ относится ко второй половине XVII в., когда Россия становится более близ-

кой и понятной европейцам. Стереотип о пьянице-соседе, существовавший от начала времен, начинает функционировать применительно к русским именно тогда, когда Россия превращается в «соседа» европейских стран, переставая быть далеким таинственным пространством.

При этом трудно однозначно привязать становление стереотипа к какому-то глобальному процессу политического противостояния России и европейских государств. Здесь стоит обратить внимание на социальный состав авторов сказаний: русское простонародье воспринималось иностранными послами, купцами и учеными негативно, но такого же отношения удостаивались и их соотечественники из «низших» общественных групп. На формирование негативного мнения влияли также дипломатические обстоятельства, в которых происходила миссия, бытовое недопонимание, ссоры с местным населением.

Многие из авторов обличают пьяниц в связи с тем, что те происходят из русского народа и культуры, где пьянство якобы не осуждается; некоторые клеймят пьянство и пьяниц вообще; иные пытаются показать русских в качестве доброго примера трезвости в назидание развращенным соотечественникам. При этом нельзя утверждать, что пьяное состояние на Руси не осуждалось ни при каких обстоятельствах и было повсеместной нормой. Опьянение становилось таким исключительно в том случае, если было частью интеграционного ритуала, в иных же случаях осуждалось и высмеивалось самим же русскими — это прослеживается лучше всего на примере т.н. «дипломатических» сказаний.

Анализ различных практик питейной культуры России в сочинениях иноземцев может многое рассказать о быте русского народа, его развлечениях, его несчастьях, при этом рассказывая не меньше и о самих гостях Российского государства.

Е. С. Кравцова

Влияние пьянства населения на уплату прямых налогов в Российской империи в конце XIX — начале XX в. (на примере отчетов податных инспекторов)

Особенностями налоговой системы России в конце XIX — начале XX столетий были: формирование специальных фискальных органов, постепенный переход от имущественного к подоходному принципу налогообложения (введение специального налога с торговых и промышленных предприятий, а в дальнейшем промыслового, квартирного налога, обсуждение законопроектов о подоходном налогообложении), сохранение сословных принципов (носящие налоговый характер выкупные платежи, мирские сборы) и т. д.

Основными налогоплательщиками являлись крестьяне, которые выплачивали государственные, земские и мирские сборы, накапливая большие недоимки по ним. Обращаясь к причинам недоимок податные инспекторы указывали на архаичные порядок организации работ, устаревшие орудия труда, почти полное отсутствие удобрений, малоземелье и пьянство населения.

В отчетах податных инспекторов и других служащих финансового ведомства разных губерний встречаем упоминания об этом бедствии. Управляющий Курской казенной палаты в отчете в Департамент окладных сборов за 1885 г. указывал, что: «… пришлось знать одного старосту, который со времени избрания перестал жить в своем доме, а перебрался на жительство в ближайший кабак, там он и ночевал, и обедал, обед ему носили в кабак его малолетние дети».

Вообще многие современники отмечали, что крестьяне пользовались любым поводом, для того, чтобы выпить. В известной записке «О причинах разорения дворянства и о мерах к поддержанию дворянского землевладения» П. А Кривицкого Николаю II от 1 ноября 1896 г. отмечается (по поводу продажи свидетельств на штофные заведения (кабаки)): «Крестьяне были и без того в некотором опьянении от полученной ими свободы. Но вследствие открытия на каждом шагу кабаков с дешевой (3 руб. ведро) водкой, они буквально спивались. В продолжение

нескольких лет невозможно было собрать трезвого сельского схода. Все крестьянские средства: и выкупные платежи, и подати, и арендная плата за землю, все шло в “дешевку”, в акцизное ведомство».

Общественность пыталась воздействовать на малограмотное население деревень, но результат был минимален. Кардинальное решение было принято в период, когда министерство финансов возглавил П. Л. Барк, который считал безнравственным увеличивать доходы страны за счет эксплуатации народного порока, «так как наибольшая статья доходов была построена на народном пьянстве», что привело к отмене винной монополии и введении ограничений по продаже алкоголя. Однако данная мера, хоть и была нацелена на улучшение нравственного положения населения, повлекла ухудшение финансового состояния государства. В сложном фискальном состоянии Россия подошла к 1917 г.

А. В. Крайковский

«За покорение Арктики!»: алкогольные напитки в снаряжении промысловых экспедиций на Шпицберген в XVIII в.

В своем небольшом сообщении я представлю и попробую коротко обобщить наблюдения, накопленные при работе над источниками по истории поморских промыслов в Арктике в XVII–XVIII в., уделив особое внимание истории промыслов на Шпицбергене. Упоминания о спиртных напитках в источниках, касающихся снаряжения промысловых экспедиций в северные воды, сравнительно немногочисленны, но, в определенном смысле, довольно характерны. Так, приходо-расходные книги Антониево-Сийского монастыря показывают, что при отправке артелей на Мурман монахи не включали в состав припасов никаких напитков вообще. Монастырские рыбаки принимали на борт хлебные припасы, а в остальном, вероятно, полагались на местный ресурс, в первую очередь на рыбу собственного улова. В то же время на борт обязательно бралась бочка для кваса, который, видимо, делали прямо на промысле.

Однако монастырские старцы, ведавшие отправкой артелей, тем не менее регулярно имели дело со спиртным. Именно горячее вино становилось пропуском для успешного прохода через таможенные заставы. Существенно при этом, что целовальники желали не денег, но именно спиртного, и в приходо-расходных книгах старцы специально помечали, что они сперва покупали горячее вино, а потом поили им должностных лиц. Так, в 1703 г. «Пришед к городу Архангельскому с рыбою, и от гостя из таможни присылан был целовальник с подьячим рыбу записывать, и куплена вина четверть, дано 8 алт. 2 ден., и его, целовальника и подьячего, поил». В 1705 г. вновь «У Архангельского города из таможни приходили 2 целовальника да подьячий рыбы и сала окладывать, куплено вина горячего 1 четв., дано 8 алт. 2 ден. И то вино им, целовальникам, да подьячему выпоено». Таким образом, алкоголь покупался по мере необходимости, и такая необходимость, с точки зрения организаторов промыслов, возникала только при нахождении в тех местах, где имелись кабаки.

Государственные меры по развитию китобойного промысла на Шпицбергене, однако, открывают новую страницу в истории алкоголя в русской Арктике. Служба на судах Кольского китоловства была построена по морскому уставу, и снабжение команды в обязательном порядке включало выдачу вина и пива. Отчеты по снаряжению корабля Грот Фишрей перед его отправкой из Архангельска на Шпицберген весной 1726 года показывают, что шкипер Яков Молвянинов обязан был найти способ заготовить достаточное количество пива, не останавливаясь перед необходимостью варить его силами команды. В 1728 г. командир корабля Валфиш должен был заготовить алкоголь из расчета примерно 90 л. пива и 2 л. водки на человека на месяц. Отметим, что организаторы промысла рассматривали алкоголь, как необходимую часть снабжения матросов, и обеспечивали его закупки даже в нештатных ситуациях. Так, директора Кольского китоловства Соломон Вернизобер и Яков Неклюдов во время стоянки Валфиша в Кристиансанде весной 1726 г., при закупке провизии приобрели значительные объемы водки и вынуждены были вступить за них в судебную тяжбу с местным таможенником Кристианом Фрисом.

Дальнейшие наблюдения показывают, что, видимо, пример казенных китоловов в какой-то мере был воспринят и организаторами поморских экспедиций. Отчеты конца XVIII века уже упоминают среди провизии, завезенной на борт отходящих к Шпицбергену судов, солод. Не исключено, что перед нами указание на попытки производить какие-то варианты алкогольных напитков. Записки Бакстрема также подтверждают, что жизнь поморов на грумантских промыслах в конце века уже не была абсолютно трезвой. Описывая пирушку, устроенную совместно англичанами и русскими в поморском становище, шведский доктор упоминает, что гости принесли с собой «вино, хлеб и сыр, а русский капитан приказал подать отварные копченые оленьи языки, свежий ржаной каравай, хороший бренди и воду». Что именно имел в виду Бакстрем под «хорошим бренди» — вопрос, но, во всяком случае, это крепкий алкоголь. Таким образом, европеизация морских практик относилась не только к новым конструкциям кораблей, но могла, по-видимому, затрагивать и такую деликатную сферу, как употребление алкоголя.

И. Г. Кусова

Винные откупщики Рязани: социокультурный портрет

Предприниматели, занимавшиеся винными откупами на территории Рязанской губернии в первой половине XIX в., за редким исключением остаются безвестными, безымянными. Хорошо знакомы исследователям и широкому кругу интересующихся историей имена винных откупщиков рубежа XVIII–XIX вв. именитых граждан Петра Алексеевича Мальшина и Гаврилы Васильевича Рюмина. Они являли собой цвет рязанского предпринимательства, были известны общественной службой, крупными благотворительными проектами. Оба были выходцами из местного мещано-купеческого сословия, добивались дворянства, и Рюмин добился. В первой четверти XIX в. он считался богатейшим душе- и землевладельцем Рязанской губернии. В 1840–1850 гг. откупными операциями в губернии занимался его старший сын Николай Гаврилович Рюмин, в конце жизни дослужившийся до звания тайного советника, прославившийся, как и отец, масштабной благотворительностью, а также широко известный своим активным участием в железнодорожном строительстве.

Помимо этих деятелей, все остальные практически остаются в тени, хотя среди них есть имена довольно известные, но не в качестве откупщиков, а как те же благотворители, например, Денис Осипович Немцов, подаривший Рязани театр, или один из лидеров славянофилов, издатель журналов «Русская беседа» и «Сельское благоустройство», земский общественный деятель помещик Александр Иванович Кошелев, который, кстати, не только поставлял вино по казенным контрактам, но и производил его на двух своих винокуренных заводах.

Еще одна небезызвестная личность в среде рязанских откупщиков — общественный финансовый деятель, участвовавший, как и Кошелев, в подготовке крестьянской реформы 1861 г., действительный статский советник Александр Иванович Колемин. В последние годы в рязанской литературе его имя прочно увязывается с семьей Циолковских. Чета Колеминых

была близка с родителями первооткрывателя космоса, выступала восприемниками их детей, А. И. Колемин способствовал включению Э. И. Циолковского в губернскую комиссию по подготовке крестьянской реформы и, наконец, большую часть своего рязанского периода семья Циолковских прожила в доме Колеминых, где снимала квартиры.

На сегодняшний день не предоставляется возможности восстановить полный перечень местных откупщиков. В Государственном архиве Рязанской области, среди документов питейного отделения фонда Рязанской губернской казенной палаты сохранились материалы разных лет периода 1794–1871 гг., которые содержат обрывочные сведения об интересующих нас персоналиях. Информация большей частью весьма краткая, нередко указаны только фамилия и уезд, где взят откуп. Однако в некоторых случаях приводятся и более пространные данные, такие как сословная принадлежность и место проживания предпринимателей или внесенные ими залоги, дающие представление и о владениях самих откупщиков, и о круге их деловых партнеров, предоставлявших им свое имущество в залог по доверенности.

В числе наиболее содержательных документов отметим ведомости о недоимках, включающие почти все вышеперечисленные сведения. Менее информативными являются приходно-расходные книги представляемых залогов. Изредка попадаются дела, где подробно расписываются конкретные откупа — с объемами и местами поставок, к примеру, имеется такое дело по А. И. Кошелеву, поставлявшему в 1840-е гг. полугарное вино в петербургские магазины.

В целом, изучение архивных дел питейного отделения губернской казенной палаты позволило расширить имеющиеся в историографии сведения о персональном составе рязанских откупщиков и отчасти раскрыть их социальные характеристики, предпринимательские и владельческие истории.

Е. В. Латышева

«Если говорят о товаре — это отличная реклама»: к истории оформления крымских вин *

В настоящее время возрос интерес исследователей к истории крымского виноделия, что закономерно обусловлено целым рядом причин. Во-первых, крымское винодельческое производство, его функционирование и эффективность всегда являлись объектами повышенного внимания как со стороны отдыхающих, так и государственных структур. Во-вторых, в условиях восприятия крымского вина как неотъемлемого культурно-исторического атрибута полуострова, а компании занимающиеся производством и реализацией данной продукции представляют себя исключительно приемниками исторических брендов, значимую роль приобретает этикетка, которую по праву можно назвать «метрикой вина» или «винным паспортом».

Несмотря на солидную историографию изучения истории становления и развития крымского виноделия, в специальной литературе крымским винным этикеткам совершенно не уделено достойное внимание. Хотя широкое применение этикеток в России началось в 80-х гг. XIX века, а 25 февраля 1896 г. в России обнародован закон о товарном знаке, действовавший на территории государства вплоть до 1917 г. Первая статья закона гласила: «Товарными знаками признаются всякого рода знаки, выставляемые промышленниками и торговцами на товарах или на упаковке и на посуде, в коих они хранятся, как отличия оных от товаров других промышленников и торговцев, как, например, клейма, пломбы, печати, тавра, вытканные и вышитые мешки, этикетки, виньетки, девизы, ярлыки, обложки, рисунки, упаковки оригинальных видов». Кроме этого, указанный закон содержал требования к оригинальности товарного знака, что систематизировало рынок продукции официально закрепив понятие этикетка-товарный знак, авторская работа.

---

* Стендовый доклад.

И цветистые названия, на которые ранее обращали внимание покупатели, ко второй половине XX века незаметно разделились на два относительно самостоятельных потребительских класса — вина для знатоков (предназначенные для розничной продажи в дорогих ресторанах) (рис. 1) и вина для широкой продажи (рис. 2). Такое разделение произошло в Крыму главным образом в послевоенное время и было обусловлено выходом на рынок очень качественных вин «Нового Света», которые во многом не уступали традиционным западноевропейским.

Винная этикетка это всегда творческая авторская работа, однако массовое распространение виноградников по полуострову привело к необходимости выпуска маркеров в достаточно серьезных масштабах, и винные этикетки уже содержали информацию об изготовителе с обязательным указанием «крымское или крымское южнобережное вино» (рис. 4), свойствах напитка — белое столовое, сладкое или даже лечебное (рис. 2), и даже адрес поставщика — Крым Гурзуф или г. Симферополь. Они создавались художниками и выполняли не только техническую, описательную, но и рекламную роль. Этикетки еще мало говорили о качествах напитка, а много о его производителе, и кроме названия имели номер. Модно было указывать количество полученных медалей, украшать гербами хозяев винных плантаций и символами торговых домов, а дополнительным декораторским приемом служило использование многочисленных виньеток, вензелей и рамочек.

Рис. 1.

Рис. 2.

Еще одна особенность винного маркера полуострова — это использование гравюры уникальной крымской природы как доминирующего элемента этикетки (рис. 3), который столетия разрабатывался профессиональными художниками вручную.

Рис. 3.

Принятие 24 апреля 1914 г. «Закона о виноградном вине» способствовало увеличению защищенности отрасли на законодательном уровне от фальсификации, завершая длительный период разработки и обсуждения законопроекта. Во-вторых, устанавливалось обязательное требование для виноградных вин,

поступающих в продажу в бутылках или в бочках, наличия на них надписи, соответствующей роду вина, а на этикетах бутылок, кроме того, и указание фирмы или виноторговца.

Также хранение в торговом или промышленном помещении и продажа плодовых и ягодных вин, полученных брожением свежих плодов и ягод, допускалось при условии обозначения на посуде наименования плодов и ягод, из которых такие вина были приготовлены.

В 1921 г. Крым окончательно становится советским, наступили «пролетарские времена», когда предпочтение отдавалось не вину — водке, а советская символика напрочь вытеснила имперское искусство. Но и здесь не обошлось без заимствований. См. рис. 4: сверху — этикетка Удельного ведомства, а снизу — Крымского государственного виноградно-винодельческого треста. Обратите внимание: они поражают сходством, такое оформление сохранится в дальнейшем у «Массандры».

Рис. 4.

С созданием Наркомпищепрома СССР (1936–1946 гг.) этикеточное искусство постепенно возрождаться, развивая свою главную особенность: изображение графических объектов, среди которых можно встретить и крымский пейзаж, например, крымскую крепость в Судаке, Карадаг, замок «Ласточкино гнездо», в этикетки вернулись всеми узнаваемые крымские пейзажи привычные для покупателя и по сей день (рис. 5)

Рис. 5.

С 1936 г. был разработан стандарт на этикетки к разным маркам вина. Они должны были быть прямоугольные, для шампанских и марочных вин — передняя, задняя и на горлышко (рис. 6). Указывалась марка вина, его крепость, награды — ведь уже в то время многие советские вина были победителями международных конкурсов. Также обязательным было указание объема, производителя и даты изготовления. По дизайну особых требований не выдвигалось. Только для шампанских вин было оговорено, что этикетки могут быть только с черным или золотым фоном. Уже в 50-ые годы добавили также изумрудный фон.

Рис. 6.

Постепенно виноградарские совхозы и колхозы появляются во всех административных районах Крымской области. Большие площади были сосредоточены в Джанкойском, Красногвардейском, Бахчисарайском и других районах. Если наиболее качественные вина исторически связывают с южной частью полуострова, то основное количество вина производилось именно в его северной части (рис. 7).

Рис. 7.

Также производили на полуострове фруктовые вина (рис. 8), которые в данный момент составляют большую редкость в Крыму.

Рис. 8.

Тенденция нарастающей информативности винных этикеток особенно четко стала прослеживаться с 50-х годов прошлого столетия, зачастую благодаря все более расширяющимся законодательным требованиям как стран-производителей, так и стран-потребителей.

В 1954 г. состоялась передача Крымской области из состава РСФСР в административное подчинение УССР, и хотя в то время изменение статуса полуострова не представлялось чем-то значимым, на оформлении этикеток данное событие отразилось появлением украинского языка в названии вин (рис. 9).

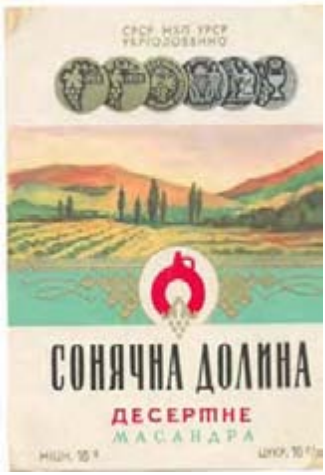


Рис. 9.

Хотя в целом на этикетки уже не так активно наносятся различные символы социализма и СССР, как это было в довоенный период. Примечательно, что производители старались выделиться среди конкурентов дизайном и нанесением на этикетку изображений полученных наград, данная традиция становится неотъемлемой частью характеристики вина, и по сей день является важным элементом крымской винной продукции, свидетельствующей о ее качестве. В качестве примера можно привести одно из лучших крымских вин — Мускат белый Красного Камня винкомбината «Массандра» (рис. 10).

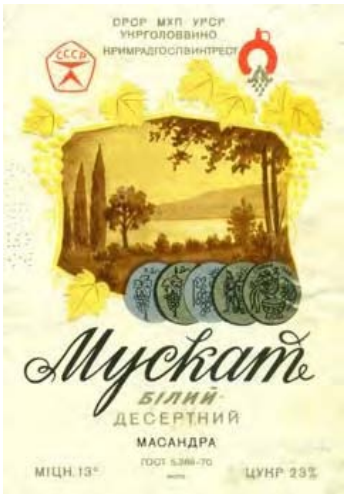


Рис. 10.

Многообразие вин, выпускаемых в Советском Союзе, стало причиной огромного количества красивых и порой очень оригинальных этикеток. С середины 70-х годов в США и Западной Европе начинают производить первые самоклеющиеся этикетки, в СССР они появляются лишь во второй половине 80-х гг. С конца 90-х годов они начинают преобладать во всем мире над т. н. «сухими» этикетками.

Вино всегда отражало суть времени, дух происходящих в обществе перемен. Поэтому российские виноделы просто не

могли обойти вниманием строительство моста между Таманью и Крымом. Два винодельческих завода Крыма («Новый Свет» и «Массандра») и три с Кубани («Кубань-Вино», «Саук-Дере», «Фанагория») еще в 2015 г. решили создать вино «Крымский мост», посвящая его старту этого грандиозного проекта. В 2017 г. в Крыму и на Тамани начали разливать по бутылкам вино «Крымский мост». Тираж коллекционной серии ограничен: каждое из трех краснодарских предприятий выпустит по 19 тысяч бутылок, а два крымских — 19 тысяч на двоих (рис. 11).

Рис. 11.

Безусловно винную этикетку можно сравнить с такими формами прикладного дизайна как почтовая марка или поздравительная открытка. Этикетка совершенствовалась вместе с распространением и развитием вина, играя немалую роль в его популяризации. Пройдя долгий путь эволюции, она со временем превратилась из клочка обычной бумаги в целое направление культуры и искусства, отражая все основные исторические вехи развития государства и общества. По ее сохранившимся образцам можно изучать ассортимент, количество и особенности винодельческого производства в Крымском регионе, особенно если речь идет о марочном или коллекционном вине.

М. Ю. Лачаева

Тема алкоголя в переписке Антона Павловича Чехова в конце 1870-х — 1880-е годы

Тема алкоголя была знакома Антону Павловичу не понаслышке, она имела для него и социальное, и личное семейное значение. Наиболее откровенно о ней он высказывал свои эмоции старшему брату Александру (1855–1913). Антон Павлович был третьим сыном в семье неудачливого провинциального предпринимателя Павла Егоровича Чехова (1825–1898). В письмах Антон Павлович иногда называл себя «Чехов-3-й». Он очень трогательно заботился о втором брате — «Николке» — талантливом художнике, иллюстраторе, карикатуристе Николае (1858–1889). После ранней смерти Николая, Антон Павлович больше всего доверял младшему брату Ивану (1861–1922), выбравшему путь учителя. Живые воспоминания об Антоне Павловиче и окружавших его людях написал младший брат Михаил (1865–1936). Исключительно бережно Антон Павлович относился к единственной и младшей сестре Марии (1863–1957), ставшей после окончания Высших женских курсов Герье (от которых ведет свою историю современный МПГУ) учительницей. Она обладала художественными способностями.

В возрасте 16–17 лет Антон Павлович стал опорой семьи, сам терпя лишения. Оставшись один, без семьи, посылал в Москву родителям, братьям и сестре деньги, настойчиво требуемые от него в письмах отцом. В мае 1876 г. П. Е. Чехов наставлял сына в письме, адресованном тому в Таганрог: «Для меня приятно, что ты еще третий урок нашел. Старайся, сынок, умей добывать деньги да с умом их расход вести». В июне того же года отец упрекнул 16-ти летнего Антона: «Из последнего письма видно, что ты, Антоша, торопился в гимназию, и мало мне написал». В августе 1876 г., когда еще в Таганроге оставались Антон и Иван, Павел Егорович писал: «Вы пишите, что у вас денег нет, а мы писали, чтобы выслать нам денег в Москву, пока определюся к месту… постарайся что-нибудь продать и нам денег вышли», — это уже он обращался к Антону. Частотность темы денег и одновременно письменных отцовских наставлений зака-

лили характер Антона Павловича. Он был исключительно щепетилен и не позволял никому, в том числе «матери, сестре и женщине» сказать ему «лишнее слово». Не допускал он оскорбления и от человека в пьяном виде. В феврале-марте 1881 г. в семье разразился скандал. Антон Павлович, «находясь в трезвом виде, обладая полным сознанием и хладнокровием», написал жесткое письмо брату Александру. Он не принял попытку брата смягчить ситуацию, прибегнувшего «к уловке», т. е. попытке «свалить всю вину на невменяемость». «Чехов-3-й» отчитал «Чехова-1-го»: «…то знай, что я отлично знаю, что “быть пьяным” не значит иметь право <…> другому на голову. <…> Пишу это все, по всей вероятности, для того, чтобы гарантировать и обезопасить себя будущего от весьма многого и, может быть, даже от пощечины, которую ты в состоянии дать кому бы то ни было и где бы то ни было в силу своего прелестнейшего “но”…». Характер у Александра был непростой, но Антон Павлович не отказывался от воспитательного процесса по отношению к брату. Несмотря на непонимание со стороны старшего брата, Чехов старался объяснять свою позицию, как например, в февральском письме 1883 года: «Любезный друг Сашинькех! Письмо твое поганое получил и оное читал с упреком в нерадении…»

К брату Николке отношение у Антона Павловича было иным — бережным, щепетильным. «Чехов 3-й» заботился и опекал замечательный русский талант «Чехова 2-го». Тот был исключительно мягким человеком. Если Александру Антон мог, хоть и шуточно, написать «ты выпивоха», то Николая он от Александра защищал и защищал жестко. В февральском письме 1883 г., отрывки из которого нередко цитируют, Антон Павлович упрекает Александра: «Николка (ты это отлично знаешь) шалаберничает, гибнет хороший, сильный, русский талант, гибнет ни за грош… Еще год-два и песня нашего художника спета <…> Если бы вместо того, чтобы слезоточить, ты потолковал с ним о его живописи, он наверное ответил бы тебе. Ты знаешь, как можно влиять на него…». Умер Николай Павлович Чехов от туберкулеза легких.

Антон в отличие от Александра в каждом члене семьи «не отрицал человека, с которым следует обязательно говорить».

«Педагогику» брата Антон Павлович принципиально и по-человечески не принимал.

Повседневность быта московских «газетчиков», к которым себя относил и Антон Павлович в первой половине 1880-х гг., в его письмах тому же брату Александру дан сочно, красочно и в деталях. О посещении поэта и переводчика, сотрудничавшего, как и Чехов, в московских и петербургских юмористических журналах «Будильник», «Осколки», «Стрекоза», а также в журнале «Русская мысль» Лиодора (Илиодора) Ивановича Пальмина (1841–1891), Чехов писал: «…был в Богородском у Пальмина. Под столом четверть… На столе огурчики… Выпил у него три рюмки водки. Был у него с дамами… И дам он угостил водкою…».

О другом собрании Антон Павлович сообщил: «Хорош бы я был, если бы надел на Зембулатова дурацкий колпак за то, что он незнаком с Дарвиным! Он, воспитанный на крепостном праве, враг крепостничества — за одно это я люблю его!» Василий Иванович Зембулатов (1858–1908) был товарищем А. П. Чехова по таганрогской гимназии и Московскому университету. Унижение человека было для А. П. Чехова недопустимо ни в каких обстоятельствах.

В октябрьском письме Александру 1883 г. Антон Павлович сообщил несколько московских новостей, связанных с последствиями приема спиртного. Первая трагическая. Обратившись к брату: «Брат наш, мерзавец Александр Павлович!», «Чехов-3-й» написал о смерти своего «друга и приятеля», литературного московского старожила, журналиста Федора Федосеевича Попудогло (1846–1883), которому Чехов посвятил рассказ «Живой товар». «Как тать ночной, тайком, хаживал я к нему в Кудрино, и он изливал мне свою душу», поделился с братом Антон Павлович. Умер же Попудогло «от воспаления твердой оболочки мозга», «от алкоголя и добрый приятелей…». Причину этой смерти 37-летнего журналиста доктор Чехов видел в «неразумии», «небрежности», «халатном отношении к жизни своей и чужой».

И в том же письме содержится другой рассказ об отношениях живых, писательских, о посещении Москвы петербуржцев: Н. А. Лейкина, издателя и редактора петербургского журнала

«Осколки», с которым сотрудничал А. П. Чехов, и «любимого писаки» Антона Павловича — Н. С. Лескова. Чехов называл Лескова «Человечина». Последний бывал у Чеховых, «ходил» с ним, по словам самого Чехова «в Salon, в Соболевские вертепы», то есть в Салон де варьете — одно из канканно-увеселительных мест в Москве и дома терпимости в Соболевском переулке. Лесков подарил Чехову свои сочинения с факсимиле. Общение с писателем было дорого Антону Павловичу, и он подробно рассказал брату, как однажды ехал с ним ночью. «Обращается ко мне полупьяный и спрашивает: — “Знаешь, кто я такой?” — “Знаю”. — “Нет, не знаешь… Я мистик…” — “И это знаю”…». И в конце, Лесков благословил Чехова: «Помазую тебя елеем, как Самуил помазал Давида… Пиши». Так, философская мысль «Истина в вине» порой проявляла себя в литературе.

П. В. Лизунов

Питейный откуп в России и его отмена

Возникновение откупной системы в России связано с появлением таможенных в XV в., а затем винных откупов в конце XVI в. Уже в XVII в. винные откупа составляли существенную часть поступлений в казну. Откупная система питейного сбора, видоизменяясь несколько раз, сохранялась в России до 1863 г.

С питейными откупами в обществе прочно ассоциировались всевозможные злоупотребления и обманы. Бывший откупщик помещик А. И. Кошелев в записке с предложениями об усовершенствовании питейных сборов, представленной министру финансов Ф. П. Вронченко в январе 1853 г., утверждал, что «питейный откуп без злоупотреблений… вещь невозможная», что «в откупах всё, с начала до конца, основано на обмане».

Питейные откупа являлись весьма выгодными и доходным занятием. Профессор Ф. С. Илиш полагал, что ежегодный доход откупщиков колебался от 500 до 600 млн. руб. Сколько на самом деле наживали откупщики точно определить невозможно. Значительную часть своих барышей они всячески скрывали.

Однако откупа не только обогащали, но и разоряли многих комиссионеров. Огромные недоимки, которые числились за многими откупщиками. Даже за крупнейшим из откупщиков Д. Е. Бенардаки числились откупные недоимки в размере 193 тыс. руб. Значительные недоимки по содержанию откупов числились и за другими откупщиками.

В августе 1858 г. по высочайшему повелению при Министерстве финансов был образован особый Комитет для обсуждения вопроса «на каких началах должен быть установлен питейный сбор». Комитет, признавая неудобства разнообразных откупов, предложил взамен их ввести общую акцизную систему.

Когда в 1858 г. стали распространяться слухи о готовящейся отмене откупов, многие из комиссионеров не хотели в это верить и старались их опровергнуть. Их уверенность основывалась на том, что, во-первых, действующие способы взимания питейного сбора составляли один из главных источников государственного дохода. А во-вторых, слишком было много чинов-

ников, заинтересованных в сохранении откупной питейной системы, получавших от откупов жалованье, которое не считалось взяткой, а «безгрешным» подношением.

Правовед и историк Г. А. Джаншиев в своей книге «Эпоха великих реформ» писал: «Если продажность составляла обычное явление в старой чиновничьей среде сверху донизу, то чиновники, оставшиеся от откупа… отличались особою виртуозностью и бесстыдством». Чиновники, «не бравшие взяток» представляли исключительное явление и казались весьма подозрительными.

Уверенность откупщиков в сохранении откупного комиссионерства оправдалась. В 1859 г. откупа были продлены еще на 4 года. По утверждению И. Г. Прыжова, последние откупа 1859–1862 гг. ознаменовались «бешеной азартной игрой». Экономист В. А. Лебедев назвал эти последние торги на 1859–1862 гг. «лебединою песнью откупа».

Несмотря на продление откупов 26 октября 1860 г. Государственный совет при рассмотрении представления министра финансов признал, что сохранение откупной системы в любом ее виде невозможно, и постановил ввести акцизную систему с 1 января 1863 г. Когда достоверно стало известно об окончательном уничтожении откупной системы, журнал «Вестник промышленности» высказал распространенное мнение, что «1863 год будет отмечен… как эпоха избавления России от откупщиков, в сравнении с которыми подчас и татарские баскаки кажутся невинными и человеколюбивыми смертными».

Дальнейшая разработка вопроса об условиях и порядке введения акцизной системы была возложена на особую высочайше учрежденную в ноябре 1860 г. комиссию для составления проекта «Положения об акцизе с питей», председателем которой был назначен тайный советник А. П. Заблоцкий-Десятовский. Комиссия состояла из должностных лиц разных ведомств. В качестве экспертов были приглашены ученые, владельцы винокуренных заводов и помещики. Деятельное участие в ее работе принял К. К. Грот, получивший 1 января 1861 г. назначение на должность директора Департамента разных податей и сборов.

Но и тогда комиссионеры продолжали убеждать, что откупа сохранятся. Даже когда 4 июля 1861 г. было высочайше утвер-

ждено «Положение о питейном сборе», они еще надеялись, что откупную систему не отменят. По уверению Грота, он постоянно «встречал на каждом шагу противодействие и затруднение». Только в 1862 г., когда Княжевича сменил М. Х. Рейтерн, изменилось отношение к акцизной реформе.

Однако никакие ухищрения откупщиков не могли сохранить прежнюю организацию взимания налога с питейной торговли. Газета «Северная пчела» констатировала, что, наконец, произошло «совершенное устранение вполне ненавистной и торжественно правительством и обществом осужденной откупной системы!». Начавшие реформы 1860–1870 гг. в России требовали кардинального изменения устаревшей и малоэффективной системы винных откупов. В результате ее реформирования была проведена успешная реорганизация важного источника государственного дохода — налогов с питейной торговли. Не случайно многие современники считали, что уничтожение откупной системы представляет «лучшую страницу» царствования Александра II.

Д. В. Лисейцев

Крестьяне боярина Ивана Никитича Романова в кабацком откупном деле

Высокая прибыльность торговли алкоголем в Московском государстве XVII в. превратила кабацкое дело в одну из самых перспективных сфер вложения капитала и применения предпринимательских способностей. Условно говоря, для коммерсанта XVII в. винные трубы были столь же привлекательны, как трубы нефтегазовые для предпринимателя современного. Откуп кабаков был официально запрещен служилым людям по отечеству, которые обходили запрет, оформляя откупа на своих людей и крестьян, что также неоднократно вызывало запретительные постановления правительства. Запреты эти, однако, игнорировались в постоянном режиме, особенно если откуп брали на себя крестьяне наиболее близких к царскому двору и лично к монарху людей. Заметными фигурами в области кабацких откупов были крестьяне боярина И. Н. Романова.

Материалы приказного делопроизводства первой половины XVII в. (преимущественно документы Новгородской и Устюжской четвертей, а также Разрядного и Печатного приказа) позволили выявить имена примерно 40 крестьян Ивана Никитича Романова и его сына Никиты Ивановича, промышлявших кабацкими откупами с 1617 до 1647 г. Прослеженная на протяжении трёх десятилетий деловая активность этих откупщиков напоминает собою фабулу пушкинской «Сказки о рыбаке и рыбке». Начало было весьма скромным — недорогие откупа в городах, расположенных недалеко от рязанских и калужских вотчин боярина, совокупная стоимость эксплуатации этих объектов составляла лишь нескольких сотен рублей. На рубеже 1620–1630-х последовал неожиданный взлёт, когда люди влиятельного боярина за счёт взятых откупов стали приносить казне Московского государства от 11 до 20 тыс. руб. в год, эксплуатируя кабаки в широчайшем географическом ареале. В конце 1630-х гг. последовало столь же внезапное падение и возвращение к своего рода «разбитому корыту» — откупам недорогих

кабаков на юго-западе страны с суммарной стоимостью откупов в несколько сотен рублей.

Безусловно, своим успехом в откупном деле крестьяне И. Н. Романова были обязаны положению и влиянию своего боярина. Но, тем не менее, сложно объяснить столь резкий взлёт их доходов в конце 1620-х гг.: близким родственником царя и патриарха Иван Никитич был и ранее, а падение временщиков салтыковской группировки пришлось ещё на начало десятилетия. Не меньше удивления вызывает стремительное сокращение числа и стоимости откупов, доставáвшихся крестьянам боярина Романова, с 1637/38 г., т. е. ещё при жизни Ивана Никитича.

Ключ к ответу на эти вопросы можно обнаружить, изучив перечень городов, в которых крестьяне Ивана Романова откупали кабаки. До определённого момента это были небольшие города, лежавшие относительно недалеко от вотчин боярина. Но на рубеже 1620–1630-х гг. люди Романова неожиданно начали проявлять и реализовывать интерес к кабакам достаточно далеких, но богатых и крупных городов: сначала в круг их деятельности попали Арзамас и Псков, затем к ним присоединился Великий Новгород, а к середине 1630-х гг. — Каргополь, Вологда и Нижний Новгород, цена откупов в каждом из которых начиналась от 2,5 тыс. руб. и доходила до 8 тыс. руб. Помимо перспективности и богатства питейных рынков, их роднит ещё одно обстоятельство — все они в административном отношении подчинялись одному приказу — Новгородской четверти, где и оформлялись откупа кабаков и таможен в подведомственных ей городах. Это ведомство до конца 1626 г. было подчинено судье Посольского приказа — думному дьяку Ивану Тарасьевичу Грамотину, которого историки считают одним из предводителей оппозиции правительственному кружку патриарха Филарета Никитича. С опалой Грамотина Новгородскую четверть возглавил дьяк Дементий Образцов, который противостоять натиску царского дяди не мог, и вплоть до середины 1630-х гг. самые богатые откупа в Новгородской четверти доставáлись крестьянам Ивана Никитича Романова. Возвращение из опалы низвергнутых Филаретом Никитичем думных дьяков Ивана Грамотина и Фёдора Лихачёва, стоявших один за другим во главе Новгородской четверти, постепенно перекрыли людям Ивана Романо-

ва доступ к богатейшим откупам, распределявшимся в этом приказе.

Ослаблению позиций боярина Ивана Никитича Романова могли способствовать и иные обстоятельства, например, укрепление положения при дворе боярина Фёдора Ивановича Шереметева, наряду с Грамотиным стоявшего в оппозиции к внешнеполитической линии патриарха Филарета. Думается, что успехи и неудачи откупщиков-крестьян Ивана Никитича Романова являются отражением перипетий борьбы за власть и влияние в окружении царя Михаила Фёдоровича, о которых мы пока, увы, знаем гораздо меньше, чем о тонкостях противостояния политических группировок при дворе его современника — короля Франции Людовика XIII.

И. В. Лукоянов

«…Обеспечить нижних чинов… доброкачественным продуктом, продаваемым в умеренном количестве»: русская водка на Восточной окраине (конец XIX — начало XX в.)

Само проникновение водки в регион связано с русским переселением, начавшемся во второй половине XIX в. Сформировавшееся к началу 1890-х гг. желание Петербурга покорить китайский рынок русскими товарами (начало 1890-х гг.) столкнулось с низкой покупательной способностью китайцев. То, что удавалось продать, приобреталось в большей части самими русскими. Из всего перечня русских товаров (спиртное, табак, консервы и мануфактура) устойчивым спросом в Маньчжурии пользовалась лишь смирновская водка. Русские, с презрением относясь к слабому градусу и качеству китайской водки (ханшина), предпочитали покупать смирновскую водку, которая экспортировалась из европейской части России. Так, по строящейся КВЖД за первый год перевозок было перевезено всего 196 вагонов и платформ с коммерческим грузом, 70 % его составляла водка. да и её перспективы выглядели сомнительно из-за быстро растущего производства дешёвого местного спирта, а также из-за фальсификации её японцами и китайцами. «Японская подделка водки Смирнова… легко узнается по безграмотности этикета. При измерении этой водки в ней оказалось лишь 26 % спирта, крайне плохо ректификованного и содержащего много сивушного масла. Поддельная смирновская водка продается в Маньчжурии вдвое дешевле настоящей». Можно себе представить выгодность такого бизнеса, когда продажа настоящей смирновской водки приносила торговцам прибыть свыше 100 %. Основным её потребителем оказались военнослужащие, а не переселенцы. Спаивание солдат пытались пресечь, запретив ввоз спиртного, но из-за контрабанды распространение ханшина удалось лишь уменьшить. Российские власти надеялись, что туземное население перейдёт на употребление смирновской водки, но этого не случилось.

Одна из причин этого — разница в цене. К 1910 г. диспропорция достигла угрожающего размера: ведро казённой водки на Дальнем Востоке стоило 9 руб. 40 коп., тогда как маньчжурской — 50 коп. Конечно, она легко проникала и на российские территории, вызывая повальное пьянство (например, на строительстве Амурской железной дороги). Речь зашла уже о повсеместном спаивании местного населения из-за развития контрабанды китайского спирта. Таможенные барьеры не остановили ханшин, алкогольный рынок распался на сегменты в зависимости от платёжеспособности покупателей.

Р. С. Лунёв

Историко-правовые аспекты нелегального винокурения и контрабанды алкогольной продукции в России

Принцип свободной торговли вином постоянно нарушался тайной арендой, которую платили содержатели питейных заведений сельским обществам, чтобы те не допускали открытия других мест продажи алкогольных напитков на своей территории. Свободная торговля вином превратилась в «тайную монополию» кабатчиков. Развитию тайной виноторговли, по нашему мнению, способствовали затруднения в открытии законной питейной торговли: получение патента, различных свидетельств, дозволение городских или сельских общественных организаций, наем помещения. Корчемство давало возможность обойти закон, и в нравственном отношении было более вредным для крестьян, чем кабак, куда не решались заходить женщины и малолетние. В Российской империи были распространены шинки, где продавали алкоголь домашнего производства — самосидку. Тайный шинкарь удовлетворял потребность в приобретении спиртного, когда казённая лавка отсутствовала или была закрыта. С шинкарём были возможны соглашения о покупке алкоголя в кредит с залогом движимости или по личному доверию, чего в казённой лавке не допускалось.

С 1890-х гг. торговля спиртом в России тесно была связана с торговлей зерном. Хорошие урожаи в Манчжурии и Приморье приводили к тому, что излишки пшеницы использовались китайцами и россиянами в производстве спирта. Об этом говорит тот факт, что за вторую половину XIX в. объем ввоза манчжурской пшеницы в Россию увеличился на 25 % (с 1,2 млн до 1,6 млн пудов) при росте товарной потребности (военное министерство, городское население) к тому времени (1897 г.) только на 10 % . Российские власти не могли спокойно взирать на такое развитие событий. Так, уже в 1862 г. последовало решение Государственного Совета, запрещавшее ввоз и производство китайской водки. Арестованный напиток подлежала уничтожению. Однако в законе не предусматривались меры об уголовной наказания в отношении нарушителей этого нормативного акта.

У контрабандистов всего лишь конфисковывался товар и уничтожался. Нарушители отделывались небольшим штрафом за несоблюдение правил торговли подакцизными товарами. Это сыграло в свою очередь не последнюю роль в существовании контрабанды дешевого китайского спирта практически до «сухого закона» 1914 г.

Экономический кризис в РФ в 2008 г. привел к росту производства контрабандной алкогольной продукции. В то же время после политических событий, связанных с Украиной, и введением санкций Западноевропейскими странами против РФ в 2014 году, можно наблюдать возрастание числа возбужденных уголовных дел, связанных с выявленной проблемой. Рассматривать проблему контрабанды алкогольной продукции с позиции исторического развития государств, можно видеть, что Российское государство с давних пор сталкивается с контрабандой алкоголя. Так, историки выделяют 4 основных этапа контроля алкогольной продукции. Первый этап происходил с начала возникновения водки и до 1861 года. Он характеризовался тем, что изначально Иван Грозный боролся против незаконной продажи водки (1552 г. запрет в Москве продажи водки). Затем последующие цари Российского государства брали монополию на некоторые виды алкогольной продукции (например, Екатерина II 1765 г. принятие царского манифеста о винной монополии). Второй этап — 1861 г. до Октябрьской революции 1917 г. После увеличения случаев алкогольного опьянения граждан России государи начали бороться против алкоголя, вводя запреты на производство алкогольной продукции. Третий этап — времена существования СССР. Был принят закон о запрете производства алкоголя отдельной личностью, а допускалось только государственная монополия на алкогольную продукцию. Однако в результате данной меры произошло значительное увеличение доли незаконного производства алкогольной продукции. В то же время стоит рассмотреть и «сухой» закон М. С. Горбачева. Во времена перестроечной политики, 7 мая 1985 года был принят антиалкогольный закон, который стал мерой, предпринятой по причине увеличения смертности от алкогольной продукции в период с 1960-х по 1980-е гг. до 47 %. В ходе борьбы с антиалкогольной зависимостью в СССР закрылось 2/3 алкогольных

магазинов, массово закрывались ликероводочные заводы, а также вырубались виноградники. Однако результаты не оправдали ожиданий, поскольку население начало потреблять контрафактную продукцию (лаки, одеколоны, тормозную жидкость), что привело к еще большему увеличению смертности. В то же время государство лишилось значительной части своих доходов. Четвертый этап — ситуация в России после 1991 года. Произошла отмена монополии государства на производство алкогольной продукции, но в условиях интеграции государств на мировой арене возникли риски появления контрабанды алкогольной продукции.

На территории современной России оборот алкогольной продукции регулируется Федеральной службой по регулированию алкогольного рынка, которая ведет учет и наблюдение за соблюдением законов в данной сфере. Одним из методов контрабанды алкогольной продукции, с которым борется государство, в современной России является использование дипломатических каналов. А именно в связи с тем, что согласно международному праву, дипломатические грузы и почтовые отправления не досматриваются и не облагаются какими-либо пошлинами, налогами и сборами, поэтому контрабандистов привлекает данная сторона действия. Федеральная таможенная служба совместно со службой экономической безопасности ФСБ стараются предотвращать данный вид контрабанды путем анализа данных о таможенных пошлинах, знакомствах с представителями государственной власти.

В настоящее время на территории РФ действует Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 530-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления мер противодействия обороту контрафактной продукции и контрабанде алкогольной продукции и табачных изделий», Уголовный кодекс дополнен статьёй 200.2 «Контрабанда алкогольной продукции и (или) табачных изделий», который устанавливает уголовную ответственность за распространение алкогольной и табачной продукции в крупном размере. За нарушение закона налагается штраф размером до 1 000 000 рублей, либо пять лет принудительных работ или лишения свободы. А преступная группировка может быть наказана отбыванием

наказания с лишением свободы до двенадцати лет и штрафом до двух миллионов рублей. При этом происходит конфискация контрабандной продукции. На сегодняшний день данное действие, с нашей точки зрения, закона является самой действенной мерой по борьбе с контрабандой алкоголя на территории РФ.

К. Лятавец

Акцизная администрация в Царстве Польском в 1866–1915 гг.

Ликвидация политической обособленности Царства Польского с 1864 года совпала с модернизацией империи, осуществленной царем Александром II. Конкретная политика в отношении Конгресса Польши, направленная на устранение уникальности этой части территории Российской империи, стала одной из приоритетных задач, поставленных центральными властями в Санкт-Петербурга. Одним из первых шагов в этом направлении стало введение в действие закона о государственном акцизном налоге в Царстве Польском. Указ, подписанный царем 7/19 июня 1866 г., определил порядок действия новых правил акцизного налога.

В России в Министерстве финансов действовал Департамент неокладных сборов, который осуществлял основное управление местными органами акцизной администрации. Однако в Царстве Польском было решено ввести административный орган который действовал как посредник между губернскими акцизными управлениями и Департаментом неокладных сборов. Варшаве был создан отдел Департамента неокладных сборов Министерства финансов под названием Центрального управления акцизных сборов Царства Польского.

15/27 июля 1866 года официально начали действовать структуры управления акцизных сборов в Королевстве Польском. Порядок приема на службу чиновников в созданные акцизные учреждения регулировали инструкциями Министерства финансов. На их основании передано все должности управляющих и ревизоров лицам русского происхождения, которые в последних годах работали в акцизной администрации в центральной России. Территории губернии были разделенные на участки, в которых работали акцизные надзиратели. Количество участков в каждой губернии колебалось от 14 до 22. Руководители губернских акцизных управлений имели право выбирать людей на должности. Поэтому, эти должности были заполнены

людьми, которые не всегда были знакомы с секретами работы в администрации акцизных сборов.

Основанная в 1866 году структура управления акцизными сборами не менялась в течение 3 лет. В 1869 году было решено реорганизовать распределение управлений акцизных сборов и их местных властей. Эти меры были направлены на ужесточение надзора и более эффективное применение косвенных налогов. Одним из факторов, побудившим к такому шагу, стало желание централизовать систему управления.

14/26 мая 1869 года был издан указ на основании которого с 1/13 июля вместо 10 губернских акцизных управлений начались действовать — 4 управления акцизными сборами непосредственно подчиняющиеся Департаменту неокладных сборов в Санкт-Петербурге. Это были Управление акцизными сборами в: Ломже (для Ломжинской, Сувалкской и Плоцкой губерний), Варшаве (для Варшавской и Седлецкой губерний), Калише (для Калишской и Петроковской губерний) и Люблине (для Люблинской, Келецкой и Радомской губерний). В состав каждого управления входили: управляющий, 2 младших ревизора, бухгалтер, помощник бухгалтера, секретарь и несколько канцелярских чиновников.

Организованная таким образом акцизная администрация в Царстве Польском просуществовала до 1914 года, хотя введено незначительные изменения в их структуре. Самое серьезное изменение произошло незадолго до начала Первой мировой войны и было связано с отделением Хомской губернии.

Управление акцизными сборами в Королевстве Польском сыграло значительную роль в обеспечении доходов российской государственной казны. Заметная была озабоченность об развитие структуры местных акцизных учреждений, особенно в экономически и демографически развитых регионах. Существование акцизной администрации в Царстве Польском имело влияние на развитие российского бюрократической аппарата на территории Царства Польского и усиление русского элемента среди чиновников.

А. В. Малов, О. С. Смирнова

Алкоголь в русско-польской дипломатической практике первых лет царствования Михаила Федоровича: по материалам архива Посольского приказа

Настоящий доклад посвящен исследованию роли и места алкоголя в российско-польских отношениях от избрания на царство Михаила Романова в 1613 г. до возвращения из плена его отца митрополита Филарета и воспоследовавшего избрания его в патриархи «всеа Русии» в 1619 г. После того, как патриарх Филарет фактически возглавил правительство России, дипотношения двух стран на государственном уровне по сути не осуществлялись (de facto были разорваны) вплоть возобновления войны с Речью Посполитой осенью 1632 г. (Смоленская война 1632–34 гг.).

Источниками нашего исследования стали книги (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 29, 30, 34, 38; РНБ. ОР. Ф. 550. 4701 F IV-101), первая из которых опубликована (СИРИО. Т. 142), и столбцы (РГАДА Ф. 79. Оп. 1. Стб. 1615 г. № 4, 5, 6; 1616 г. № 1, 2, 3; 1617 г. № 2; 1618 г. № 1; 1619 г. № 3, 4) «литовских» дел Посольского приказа. По сути источниковой базой стали отчетные документы диппредставителей и воевод на переговорах под Смоленском в 1615–1616 гг., сохранившиеся фрагменты документации о переговорах 1618 г. и сохранившаяся по большей части в поздней копии XVIII в. отчетная документация 1619 г. Ограниченные рамки доклада не позволили привлечь польско-литовский нарратив, давно введенный в научный оборот и в основном опубликованный, открывающий большие возможности для развития заявленной темы. В нашем докладе мы сконцентрировали внимание на той информации, которую отразила российская посольская документация.

Царские приемы иностранных диппредставителей разного уровня, выделение им «посольских кормов», царские пожалования, получение от иностранных подданных информации политического, военного, экономического и иного характера и ряд других аспектов международных отношений России в XVI–XVII вв. не обходились без алкоголя, который был неотъемле-

мым элементом дипломатических практик российской власти и дипломатии в отношениях не только с христианскими, но и с мусульманскими государствами и народами. Однако, это не означает, что алкоголь во всех случаях целенаправленно использовался в дипломатических (включая разведку) целях, составляя неотъемлемую часть культуры питания не только московского общества, но и всей христианской ойкумены.

В Средние века и раннее Новое время алкоголь выполнял три важнейших общественных функции: во-первых, санитарная (биологическая) — в качестве дезинфектора в условиях антисанитарии и низкого уровня развития медицины. Во-вторых, алкоголь являлся традиционным антидепрессантом («веселие в питии» — психологическая функция) в условиях практически перманентного вооруженного насилия и жестокости общества, эпидемий и природных катаклизмов, сопровождавшихся массовой гибелью людей. Третье место занимает коммуникативная функция алкоголя (социально-политическая), угощение, пожалование и совместное употребление которого маркировало благорасположение и мирные намерения от отдельных людей и семей, различных социальных, территориальных и духовных объединений до государств в лице их правителей и правительств.

Помимо того в средневековом и раннемодерновом обществе европейских стран и народов алкоголь являлся важным элементом социальной маркировки и стратификации иерархизированного общества. Несвободными от этого оказались и соседние мусульманские общества Крымского ханства и Османской империи, где употребление табуированного в исламе алкоголя приобрело характер не только “запретного плода”, но и признака высокого социального статуса.

Определение цели и места алкоголя в дипломатической практике русско-польских отношений за период 1613–1619 гг. в докладе достигается посредством решения двух задач: во-первых, мы попытались проследить вопросы количества и качества алкоголя, использовавшегося на перечисленных переговорах с 1615 по 1619 гг. и его соответствия статусу («чести») дип-представителей. Второй задачей стало исследование практики использования алкоголя в разведывательных целях: получения

информации и дезинформирования обеими сторонами друг друга (включая и распространение выгодной одной из сторон более или менее достоверной информации) с привлечением как официальных диппредставителей, так и лазутчиков, купцов и иных пересекавших границу российских и польско-литовских подданных.

В. М. Марасанова

Алкоголь и жители Ярославской губернии в начале XX в.: производство и культура потребления

Питейное дело в Ярославской губернии, опиравшееся на местное сырье и имевшее гарантированный сбыт, показывало многочисленные примеры успешного предпринимательства. Одновременно чрезмерное употребление алкоголя заставляло задумываться об ограничениях и альтернативных видах досуга, т. е. решать проблему поиска баланса между доходом производителей и здоровьем потребителей.

Ярославские историки предложили комплексное рассмотрение питейного дела в региональном измерении. В работах К. И. Юрчук, Г. В. Карандашева и др. приведены статистические данные о масштабах производства, продажи и потребления алкоголя в Ярославской губернии с конца XVIII до начала XX в., выделены основные тенденции в развитии питейного дела и связанные с этим социальные аспекты.

Учитывая устойчивый научный интерес к теме и значительное количество публикаций, актуальной является задача интерпретации введенных в научный оборот материалов, а также привлечения новых исторических источников для анализа производства и потребления алкоголя как экономического и социального явления. Такие данные содержатся в архивных документах, статистических источниках, периодической печати, мемуарах. Так, в контексте употребления алкоголя и взаимодействия в этом вопросе между властью, предпринимателями и общественностью важны мемуары ярославского журналиста Сергея Степановича Каныгина.

До отмены крепостного права винокурение было полностью сосредоточено в руках казны и помещиков. Первыми мануфактурами в винокурении можно считать казенные винокурни в Ростове и Угличе. С 1864 г. помещичья монополия на винокурение закончилась, и этим прибыльным делом активно занялись купцы.

На рубеже XIX–XX вв. присутствовало осознание того, что пьянство — и медицинская, и социальная проблема, и решать ее

необходимо за счет расширения культурно-просветительной работы, привлечения населения к театрам и библиотекам.

Помощник тюремного инспектора Александр Петрович Аксаков стал инициатором создания Ярославского общества поощрения труда и разумного отдыха «Парус». В его задачи входила поддержка членов общества, предоставление им «здоровых и дешевых жилищ, разумных и дешевых развлечений». Довольно быстро число членов общества превысило 700 человек, в нем участвовали профессора Демидовского юридического лицея, преподаватели учебных заведений, государственные служащие. Общество устраивало спектакли и концерты, искало дешевые квартиры для своих членов, устраивало экскурсии и т. д. Однако к 1901 г. общество потеряло почти все свои капиталы и участников. Общественные инициативы плохо сочетались с бюрократической системой.

Ситуация в сельской местности может реконструироваться на основе материалов местной подцензурной периодической печати. К примеру, ярославская газета «Северный край» в декабре 1904 г. поместила материал о том, что крестьяне в селе Брейтове Мологского уезда «пьют вёдрами… и поют песни»; в качестве причин пьянства автор назвал социально-экономические причины.

В апреле 1901 г. было открыто Ярославское губернское попечительство о народной трезвости, и с 1 июля 1901 г. производилась только казенная продажа вина. Губернатор Б. В. Штюрмер на словах оказывал поддержку трезвенному движению, но из правил бывают исключения. При введении винной монополии закон требовал, чтобы трактиры и гостиницы находились бы на некотором расстоянии от церквей, однако в самом центре Ярославля, рядом с церковью св. Власия находились две гостиницы — Кокуевская и «Европа». Владельцы гостиниц успешно «похлопотали» перед губернатором об оставлении их заведений, внеся значительные суммы по подписным листам лично губернатору Штюрмеру. Расходование данных сумм было «непрозрачным» и бесконтрольным. Аналогичный случай был связан с гостиницами и трактирами близ Московского вокзала в Ярославле, которые торговали спиртным на два часа дольше положенного времени. Владельцы передали значительные суммы

губернатору, и его личная заинтересованность позволила весьма гибко трактовать законодательные положения.

Ситуация кардинально изменилась с началом Первой мировой войны. В России устанавливались ограничения на продажу спиртного. Ярославский губернатор Татищев подписал постановление об упорядочении торговли спиртными напитками, их продажа допускалась только при наличии специальных разрешений, а виновные в нарушении этого постановления наказывались трехмесячным арестом или штрафом в размере 3 тыс. руб. Понятно, что такие постановления было легче принять, чем выполнить. В 1916 г. в некоторых местностях Ярославской губернии наблюдалось полное отсутствие хлебных продуктов, при этом росла спекуляция продуктами питания и спиртом. Спекуляция и широкое распространение самогоноварения подтверждали, что запреты не были эффективны без просветительской работы и решения огромного клубка социально-экономических проблем.

А. Н. Маюров

Слом сухого закона в Советской России

Октябрьская революция взяла в союзники ограничения на алкоголь, которые были введены в Российской империи в 1914 году. Что любопытно, в ноябре 1917 года было сломано все: государственная машина, государственный аппарат, государственный строй, уничтожены судебные и прокурорские органы, полиция…, а трезвость была оставлена как преемница старых нормальных человеческих отношений и традиций, было продолжено формирование у населения культуры трезвости.

19 декабря 1919 года СНК РСФСР принял постановление за подписью В.И. Ленина — «О воспрещении на территории страны изготовления и продажи спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ», предусматривающее строгие меры: не менее 5 лет тюремного заключения с конфискацией имущества.

Некоторые авторы данное постановление СНК относят к началу отступления от трезвой жизни и сухого закона, но это не совсем так. Первые послабления в отношении алкоголя произошли в самом начале января 1920 года. За подписью С. Бричкиной, секретаря Совнаркома, было внесено изменение в постановление от 19 декабря 1919 года, и было разрешено производить и продавать вино виноградное крепостью до 12 градусов. В самом же постановлении от 19 декабря 1919 года никаких послаблений не было.

22 декабря 1920 года проходил VIII Всероссийский съезд Советов, на котором выступил председатель ГОЭЛРО Г. М. Кржижановский. Отдельным тезисом в плане выражалась уверенность в том, что «запрещение потребления алкоголя должно быть проведено и далее в жизнь как, безусловно, вредного для здоровья населения». В то же время у разработчиков плана ГОЭЛРО были и серьезные заблуждения относительно пива. В плане прямо так и утверждалось, что «с целью представить населению напиток, менее вредный для здоровья, чем контрабандная самогонка, по мере восстановления сельского хозяйства и получения достаточного количества ячменя следует восстано-

вить пивоваренное производство с допущением ограниченного содержания алкоголя, причем существующих пивоваренных заводов будет достаточно для снабжения пивом населения в умеренном размере». Как говорится, здесь любые комментарии будут излишни.

В то же время чуть ранее, а точнее 13 апреля 1918 года, В. И. Ленин подписал декрет «Об акцизе на спирт, вино, дрожжи, папиросные гильзы, бумагу и спички». Именно этот декрет положил начало развития производства и торговли спиртным уже в советское время, началось попятное движение. Дальнейшая деятельность Высшего Совета народного хозяйства была направлена на национализацию винокуренных и спиртоочистительных заводов с целью пополнения государственных запасов спиртных изделий. Закономерный вопрос задает доктор исторических наук А. Н. Якушев в одной из своих многочисленных работ: «Зачем пополнять то, с чем только так активно недавно боролись. Не лучше ли эти заводы перепрофилировать для выпуска соков, уксуса, соусов, джемов, наконец, вкусной мандариновой и апельсиновой карамели?» А затем в июле 1918 года правительство молодой Советской Республики еще раз приняло постановление о запрете производства самогона и торговле водкой на период Гражданской войны и международной интервенции.

Профессор А. В. Николаев в своей работе «Антиалкогольные кампании XX века в России» сообщает на страницах журнала «Вопросы истории» любопытные факты. Оказывается, 20 мая 1921 года Политбюро РКП(б) обсуждало вопрос о налогообложении виноградников; была создана комиссия по вопросу «О разрешении употребления вина». 7 июля 1921 года на очередном заседании Политбюро РКП(б) обсуждалось предложение «Об использовании вина для товарообмена». Учитывая такие контрреволюционные поползновения против страны Советов, В. И. Ленин, выступая в конце мая 1921 года на X Всероссийской конференции РКП(б) (26–28 мая), указал: «…в отличие от капиталистических стран, которые пускают в ход такие вещи, как водку и прочий дурман, мы этого не допустим, потому что как бы они ни были выгодны для торговли, но они поведут нас назад к капитализму, а не вперед к коммунизму…».

К сожалению, далее процесс по отступлению от трезвости пошел во «все лопатки». 9 августа 1921 года была разрешена продажа виноградного вина крепостью до 14 % спирта. Именно «ослабление антиалкогольных мер, — пишет кандидат юридических наук Ф. Н. Петрова, — вызвало резкий всплеск самогоноварения». Об этом в 1926 году говорил и писал нарком здравоохранения Н. А. Семашко. Профессора А. Н. Насыров, Н. Г. Загоруйко и другие в своей книге «Стратегия отрезвления» цитировали наркома по этому вопросу. Выступая перед рабочими-пищевиками 22 февраля 1926 года, Семашко на вопрос рабочего: «Пиво относится к вредным вещам?» — отвечал: «…Оно призывает к употреблению более крепких напитков. От пива хочется вина, от вина хочется водки».

За подписями Председателя СНК РСФСР А. Цюрупы, Управляющего делами СНК РСФСР Н. Горбунова и секретаря СНК РСФСР Л. Фотиевой был утвержден декрет от 8 декабря 1921 года «О продаже виноградных вин», согласно которому разрешили продавать вино крепостью до 20 процентов спирта.

5 января 1922 года А.М. Калинин подписал декрет ВЦИК «Положение об управлении государственным виноградарством и виноделием», согласно которому при Народном комиссариате земледелия РСФСР было учреждено Правление государственного виноградарства и виноделия. А далее пошло-поехало. Советское государство постепенно стало втягиваться в алкогольную вакханалию. Затем все пошло ускоренными темпами, постановлением ВЦИК и СНК от 3 февраля 1922 года разрешили продажу пива. 20 апреля 1922 года декретом ВЦИК и СНК СССР разрешили торговать вином на всей территории СССР. В результате, страна окунулась в безумное бражничанье.

В конце марта 1922 года проходил XI съезд РКП(б), где В. И. Ленин выступил с заключительным словом по политическому отчету ЦК РКП(б), где, в частности, подчеркнул: «Если крестьянину необходима свободная торговля в современных условиях и в известных пределах, то мы должны ее дать, но это не значит, что мы позволим торговать сивухой. За это мы будем карать». Что примечательно, карать планировали только за частное производство сивухи, но не за государственное производство алкогольной отравы. Так постепенно уничтожались те ог-

раничения в производстве алкоголя, которые были приняты ранее.

20 апреля 1922 года за подписью М. И. Калинина и А. И. Рыкова вышел в свет декрет ВЦИК и СНК «О распространении на всю территорию РСФСР и на все союзные с ней Советские Республики декретов о продаже вин». А 27 июля 1922 года декретом ВЦИК и СНК предусматривалась организация Государственного виноградарства и виноделия в РСФСР и союзных советских республиках. В журнале «Экономист» за 1922 год появились провокационные статьи профессора И. Х. Озерова «О регулировании денежного обращения» и «Злой рок нашего бюджета», в которых автор призывал расширить продажу алкогольных изделий в стране, что даст в бюджет дополнительных 250 млн руб. золотом. Газета «Правда» на первой полосе поместила редакционную статью «Это не пройдет», где аргументированно доказывала обратное: «…Бедствия от открытия в настоящих условиях продажи водки не выявятся полностью на другой же день, но они неисчислимы… Но одно мы можем сказать с уверенностью: чтобы ни предпринимали крепостники и биржевики, какие бы мины они ни подкладывали под эту нашу позицию — позицию трезвости, — им ее не взорвать. Наше отступление в целом закончено… Но прорыва, который повлек бы за собой сдачу такой командной высоты, какой является для нас народная трезвость, вы нам не устроите… Это не пройдет!»

Устроили, к сожалению, и прошло… К сожалению, ошибся главный редактор газеты «Правда» Н. И. Бухарин, победила позиция алкогольной мафии. Уже 29 декабря 1922 года была опубликована «Инструкция о продаже виноградных, плодово-ягодных и изюмных вин распивочно в ресторанах и столовых».

В целом неэффективной, а то и провокационной оказалась деятельность созданной по инициативе президиума ВЦИК и утвержденной решением политбюро ЦК РКП(б) 27 сентября 1923 года постоянной комиссии для борьбы с самогоном, кокаином, пивными и азартными играми под руководством П. Г. Смидовича. В рекомендациях комиссии, наряду с мерами административного воздействия и культурно-просветительной работой, ставился также «вопрос о вине и пиве как возможном отвлекающем от самогона». Но вытеснить самогон с помощью про-

дажи пива и виноградных вин никак не получалось. Это все равно, что пожар тушить бензином и керосином. Совершенным головотяпством, как говорили тогда, оказались попытки завоевать деревенский рынок посредством 30-градусных наливок. Именно 30 января 1923 года за подписью заместителя председателя СНК Л. Каменева был подписан декрет «О разрешении выделки и продажи наливок и настоек» с содержанием алкоголя до 30 градусов.

В 1923 году на июньском пленуме ЦК РКП(б) был поставлен вопрос о государственной монополии на продажу водки. Вокруг принятия соответствующего закона развернулась горячая дискуссия между И. В. Сталиным и Л. Д. Троцким, который выступал против монополии и считал недопустимым «построить бюджет на продаже водки». Победила позиция Сталина и его приверженцев. 26 августа 1923 года ЦИК СССР и СНК СССР издали постановление о возобновлении производства и торговли спиртными изделиями в СССР. После этого по имени Председателя СНК СССР А. И. Рыкова в народе за водкой на некоторое время закрепилось название «рыковка». По подсчетам доктора исторических наук А. Н. Якушева, за 1923 год СНК было принято свыше 20 декретов, направленных на повышение твердых акцизных ставок со спиртных изделий, что отражает устойчивую тенденцию расширения объемов производства алкогольных изделий, повышения их крепости, расширения мест и объемов продажи их населению. По данным академика Станислава Густавовича Струмилина, собранным в 1923–1924 годах, самой распространенной формой досуга всех слоев городского населения Советской России являлись визиты, которые чаще всего сопровождались выпивкой.

3 декабря 1924 года постановлением ЦИК и СНК были допущены к производству и продаже наливки крепостью до 30 градусов, получившие название «Русская горькая». В конечном итоге, И. В. Сталин во главе семерки в Политбюро ЦК ВКП(б) «продавил» алкогольный вопрос. Несмотря на сопротивление значительного числа членов ЦК партии, И. В. Сталину удалось на Октябрьском (1924) пленуме ЦК РКП(б) протащить решение о государственном производстве и торговле водкой, правда, как «вынужденную», «грязную» и «временную» меру.

Декретом от 28 августа 1925 года была допущена продажа 40-градусной водки с 1 октября 1925 года.

Таким образом, сделаем некоторые выводы. Во-первых, сухой закон в России был ликвидирован не народом, а тогдашними чиновниками от ВКП(б) и Советской власти. Во-вторых, в ликвидации сухого закона была заинтересована внешняя и внутренняя алкогольная мафия. В-третьих, сухой закон в нашем Отечестве был отменен как «мера временная, необычного свойства». В-четвертых, сухой закон, конечно же, не решал коренным образом алкогольную проблему, но он системно влиял на одну из двух причин алкоголизации народа, резко сокращая алкогольный прилавок в стране. В-пятых, для бесповоротного решения алкогольной проблемы в стране гармонично должен применяться как сухой закон, так и повсеместное применение массового перепрограммирования всего населения с так называемой «культуры пития» на культуру трезвости, то есть применение «системы пресса». В-шестых, именно сухой закон является залогом решения такой наболевшей проблемы, как самогоноварение, брагоизготовление, варение домашнего пива, наливок и прочих гадостей, потому как при сухом законе нарушителей его видно сразу. В-седьмых, в 1914–1920 гг. как такового сухого закона не было, а были те или иные серьезные ограничения в торговле алкоголем. В-восьмых, трезвенническое движение России в 1914 году не прекратило свою работу, как склонны писать некоторые авторы, оно продолжило свою деятельность вплоть до 1917 года, а некоторые трезвеннические организации были закрыты только в 1918 году. В-девятых, первое отступление от трезвости началось не в 1925 году, как пишут некоторые авторы, и даже не в 1920 году, а попятное движение началось весной 1918 года. И наконец, в-десятых, опыт истории нашего Отечества показал, что без введения настоящего сухого закона, наряду с воспитанием у населения культуры трезвости, алкогольную проблему в стране решить невозможно.

Е. В. Мезенцев

Из истории винной порции в русской армии (от Петра I до 1917 года) *

С древнейших времен военнослужащие, также как и гражданское население, употребляли при определенных обстоятельствах алкоголь: по праздникам (включая сюда военные победы, рождение детей, получение большого наследства, успешное продвижение по службе и пр.) и в траурных случаях (поминки по умершим и погибшим). Кроме того спиртные напитки употреблялись в экстремальных случаях, когда надо было быстро взбодрить организм и поддержать его силы (при длительном пребывании на холоде, особенно при сильном морозе, после тяжелых физических нагрузок и долгих изнурительных маршей и т. д.).

При этом разные народы имели свои пристрастия и предпочтения в алкогольных напитках. Так в романских странах Европы (Испания, Италия, Франция), а также на Балканах, где был теплый климат и издревле рос виноград, предпочитали пить различные вина, особенно красное. Пиво знали, но почти не употребляли. В более же холодных европейских странах (Англия, Голландия, Германия, Польша, Скандинавские страны, Прибалтика) население предпочитало пить крепкие спиртные напитки (ром, джин, водку, позднее — виски и т. д.), поскольку они лучше согревали при холодах. И кроме этого любили пить пиво, особенно немцы, потреблявшие его в огромных количествах.

А так как рядовой состав армий и флотов европейских стран, а позднее и США комплектовался, как правило, из гражданского населения, то все его алкогольные предпочтения и привычки проявлялись и в военной среде.

Русские воины со времен Древней Руси, конечно, тоже употребляли алкоголь, в указанных выше случаях, но в гораздо меньших дозах по сравнению с более пьяной зарубежной Евро-

* Стендовый доклад.

пой. Это объяснялось тем, что у восточных славян издавна была разработана культура пития. Пили довольно мало, с промежутками и, как правило, немного поев перед выпивкой и обильно закусывая после. Кроме того до середины XVII века русский народ не знал крепких спиртных напитков, употребляя лишь национальные хмельные напитки крепости не более 20º (сбитень, медовуха, хмельной квас и т. д.).

Правда, в конце XIV века в Новгород и Московское княжество ганзейские купцы завезли из Германии и Польши первые партии водки («Данцигская вудка»). Но она была очень дорога, также как и заморские вина, и была по карману только богатым людям. Положение изменилось в 60-е годы XVII века, когда в России научились из хлебного сырья (сначала ржи, а потом и пшеницы) перегонять собственную водку, после чего она сильно подешевела и стала доступна и простому народу. Изготовлению «горячего хлебного вина» (так тогда официально называли водку) русских научили в ходе польско-русской войны 1654–1667 гг. союзные запорожские казаки, давно употреблявшие «горилку», а также украинские евреи и те польские шляхтичи, что перешли на сторону России.

После этого в русской армии в экстремальных, необходимых случаях (крепкий мороз, сильное утомление и пр.) кроме небольших доз сбитня, медовухи и хмельного кваса стали выдавать порой и водку.

Ситуация изменилась после заграничной поездки Петра I в Европу в 1697–1698 гг. Там царь увидел, что в европейских армиях и флотах уже давно (по меньшей мере с середины XVII века) введена постоянная винная порция для солдат и матросов, выдаваемая им, как в военное время (почти ежедневно), так и в мирное (в определенные дни). Петру I, который сам любил крепко выпить и для забавы спаивал и своих придворных, даже дам, эта затея понравилась, и он решил ввести ее и в России. Видимо, Петр I хотел подтянуть «отсталую» в алкогольном вопросе и довольно трезвую Россию до уровня «передовой» и «цивилизованной» пьяной Европы. На наш взгляд, это была крупная ошибка, и слепо копировать все европейские обычаи в данном вопросе не следовало. Но никто из царского окружения

не осмелился возразить, поскольку все знали, что если упрямый Петр загорелся какой-то идеей, то перечить ему опасно.

Поэтому по возвращении в Россию в 1698 г. из заграничного путешествия царь тут же ввел постоянную винную порцию в русском флоте, а в следующем 1699 году — и в русской армии. Поскольку в России климат зимой был холодным, да и летом было не так тепло, как в Средиземноморье, Петр I решил, что в качестве постоянной винной порции для русских солдат и матросов лучше подойдут крепкие спиртные напитки. Однако, покупать для этой цели за границей довольно дорогие ром и джин для российской казны было накладно. Поэтому Петр I решил заменить эти напитки дешевым русским водочным эквивалентом.

Размер винной порции был определен в одну чарку объемом в 123 мл (1/100 часть ведра или 1/10 кружки). Доза, конечно, умеренная, но все же довольно великоватая. Как отметили знатоки, лучше было уменьшить винную порцию вдвое (получарка или шкалик объемом в 61,5 мл), но Петр I в данном вопросе, видимо, слепо ориентировался на зарубежную Европу с ее более пьяными нормами.

Размер винной порции был определен одинаковый и для армии, и для флота, хотя в армии служба была не такая тяжелая, как во флоте и в принципе армейская чарка должна была быть меньше флотской. Но это могло вызвать зависть к морякам и недовольство определенной части армии и, особенно гвардии, склонной к выпивке. А Петр I, видимо, не хотел никого обижать, тем более своих любимых гвардейцев. В итоге одинаковая винная порция и для солдат, и для матросов.

Винная чарка изготавливалась из меди и покрывалась внутри оловом. С 1897 года ее стали делать из алюминия, а перед Первой мировой войной опять из меди. С конца XVIII — начала XIX века винная чарка была приспособлена к тому, чтобы навинчиваться, как крышечка, на горловину солдатской фляги. Чарки были поначалу круглые, но к началу XX века их стали делать часто овальной, более продолговатой формы. Тогда же к винным чаркам стали приделывать и ручки. Мерные или образцовые чарки орлили, т. е. на них изображалось клеймо в виде российского герба — двуглавого орла.

По воинскому уставу 1716 года во время войны русский солдат должен был получать чарку 4 раза в неделю (обычно в среду, пятницу, субботу и воскресенье), а при заграничном походе — ежедневно! При таких походах союзные России зарубежные монахи часто жаловали русских солдат еще по одной ежедневной винной чарке за свой счет. Позднее по винной чарке ежедневно стали выдавать в военное время везде, даже при боевых действиях на своей территории.

В мирное же время и в глубоком тылу в ходе войны при Петре I русский солдат получал 4 винных чарки в неделю, что сохранялось и в начале XIX века. Но в 1851 эта мирная порция снизилась до двух чарок в неделю, при этом на практике часто выдавали получарку, а не чарку.

Вообще Петр I был большой оригинал. С одной стороны в целях увеличения прибылей казны он всеми мерами, нередко насильно, приучал гражданских лиц и военных к выпивке и курению. Ведь кроме бесплатной казенной винной порции солдатам и матросам не возбранялось за свои деньги пить спиртные напитки еще и в кабаках и трактирах. А с другой стороны жестоко наказывал за пьянство и алкоголизм, которые он сам и провоцировал. Солдат пороли плетьми, матросов — линьками, а за пьянство в бою полагалась смертная казнь. Послабления делались только для любимых Петром гвардейцев-преображенцев и семеновцев. В их слободах первые в мире вытрезвители были устроены царем прямо при кабаках, чтобы далеко не носить бесчувственных служивых.

Кабацкие головы и целовальники в городах, где имелись военные гарнизоны, должны были наблюдать, «чтобы никто из солдат через силу не пил и от безмерного пития до смерти не опился». В случае же гибели солдата от перепоя недоглядевшего кабатчика или трактирщика штрафовали на крупную сумму в пользу жены и детей упившегося до смерти, а если их не было, деньги отдавали родителям или другим родственникам солдата. Даже больным солдатам в госпиталях Петр I вместо увеличения мясной порции велел выдавать по *кружке водки* и чарке виноградного вина в день. Понятно, что от такого «лечения» солдаты чаще умирали, чем выздоравливали.

Нередко были случаи, когда нижние чины пропивали в кабаках мундир и штаны, оставаясь в одном исподнем, а некоторые даже закладывали кабатчикам свое оружие: ружья и сабли. Петру I пришлось даже издавать специальный указ, запрещавший хозяевам кабаков и трактиров принимать от нижних чинов в заклад казенные вещи: униформу и оружие. Тем не менее на практике этот указ не всегда выполняли, и Куприн в конце XIX века описывал, как пьяный поручик заложил в трактире полковое знамя! Правда этот рассказ художественный и сатирический, и данный эпизод скорее выдумка. Но то, что заклад казенных вещей солдатами подвергался высмеиванию и в конце XIX века, показывает, что данное явление продолжало существовать.

Вообще, Петр I словно задался целью споить всю Россию, в том числе армию и флот. Ведь кроме водочной чарки (123 мл) русскому солдату полагалось ежедневно бесплатно сначала 6,4 литра пива, а потом 3,2 литра. Если предположить, что пиво было самым слабым, в 4°, то в пересчете на водочный эквивалент это дает 0,64 литра водки и 0,32 литра водки. Если приплюсовать сюда водочную чарку в 0,123 литра, то в сумме это дает округленно 0,76 литра, а позднее 0,44 литра водки в день. То есть каждый день царь предлагал выпивать русскому солдату за казенный счет около бутылки водки. Многовато даже при обильной и сытной закуске, а поскольку солдатский паек не отличался особой калорийностью, то тем более.

Кроме того Петр совершенно не продумал культуру пития. Известно, что перед распитием следует чего-нибудь съесть, хотя бы немного, чтобы сделать смягчающую прослойку в животе, а после выпивки сразу же закусить. Но по петровским правилам выдаваемую перед обедом водочную чарку надо было пить *натощак*, что вредно для организма, ничем немедленно не закусывать и идти обедать. Т.е. после опрокидывания чарки происходила по меньшей мере еще одна минута, прежде чем солдат приступал к еде. В итоге получался сильный опьяняющий эффект даже от 123 мл водки.

Конечно, винную чарку и пиво пить было не обязательно, и можно было отказаться и получить денежную компенсацию в несколько копеек за каждую невыпитую чарку. В конце месяца набежавшая сумма прибавлялась к месячному жалованью и вы-

давалась на руки солдату. Но поскольку за несколько лет службы многие нижние чины втягивались в пьянство, то эти сэкономленные деньги они затем нередко пропивали в увольнении в кабаках.

Поэтому позднее, ближе к концу XIX века, когда была уже введена всеобщая воинская повинность и срок солдатской службы сократился до 7 лет, начальство стало выдавать служивому накопившиеся деньги за невыпитые винные чарки лишь при окончании службы, когда счастливец получал сразу на руки обычно не менее 150 рублей. Сумма для русского села того времени огромная, позволявшая серьезно поправить свое материальное благополучие. Некоторые бывшие солдаты покупали на эти деньги себе дом в деревне с земельным участком и домашней скотиной.

За невыпитое же пиво денег казна не выплачивала. Вероятно, потому, что солдат не смог сказать заранее: выпьет ли он все 3,2 литра или только 1,5–2 литра. Поэтому невыпитое казенное пиво солдаты, скорее всего, продавали гражданским лицам, обычно тем, у кого стояли на постое.

Процедура распития винной порции обставлялась торжественно, перед строем, и происходила, что в армии, что на флоте в принципе одинаково. Ротный фельдфебель и артельщик (выборный из солдат глава солдатской артели) выносили водку в бочонке или другой таре и ставили на табурет, покрытый чистой скатертью. Затем подавалась команда: «К чарке и обеду!» После чего нижние чины выстраивались в очередь по старшинству. Фельдфебель выкликал по воинским званиям, а внутри этих категорий по алфавиту фамилии и имена, и нижние чины подходили по очереди. Перед тем как выпить казенную чарку солдаты обычно снимали головной убор, а некоторые и крестились, подставляя при этом под чарку ладонь левой руки, чтобы ни одна капля водки не упала на землю. Артельщик же записывал в специальной учетной книге кто выпил чарку, а кто отказался и должен получить ее денежный эквивалент. После чего, как выпившие, так и невыпившие шли обедать.

До конца XIX века винная порция по петровскому завету выпивалась вся в один прием: перед обедом в 12 часов дня. Но с начала XX века под давлением передовой общественности, тре-

бовавшей улучшить культуру пития, винная чарка стала выпиваться в два приема: 2/3 ее в обед и 1/3 — в ужин в 19 часов вечера. Таким образом солдат стал меньше пьянеть.

Перед Отечественной войной с Наполеоном в марте 1812 г. винная чарка была увеличена до 150–160 мл, а с началом боевых действий солдатам стали выдавать ежедневно по 2 таких чарки. Но по окончании войн с Наполеоном приказом по военному министерству за № 1747 от 1 августа 1817 г. объем чарки был опять уменьшен до 123 мл и таких винных чарок в связи с наступлением мирного времени стали выдавать всего 4 раза в неделю, а после 1851 года — по 2 чарки в неделю.

Суворов, Багратион, Милорадович и другие генералы суворовской школы уже в конце XVIII — начале XIX в. не давали солдатам пить натощак, предлагая прежде съесть сухарь и закусить другим сухарем сразу после выпивки чарки. Кроме того, по собственной инициативе, эти передовые генералы уже тогда выдавали солдатам казенную винную чарку в два приема: в обед и ужин, сберегая здоровье солдата.

Любопытно, что Павел I в свое короткое царствование ввел в армии фактически сухой закон, перестав выдавать винную чарку вообще, даже в госпиталях. Но после его смерти все вернулось на круги своя.

К концу XIX века, однако, в связи с развитием военной медицины и повышения квалификации военных врачей, стало ясно, что от винной порции в войсках больше вреда, чем пользы, и в ряде иностранных армий и флотов винная порция была резко сокращена или вовсе отменена. Только царское правительство долго не хотело идти в ногу со временем. Введя в свое время без особой нужды винную чарку в армии, российское правительство долго не решалось с ней расстаться. Лишь в декабре 1908 г. специальным приказом по военному ведомству винная чарка была, наконец, отменена в русской армии, а к 1914 г. была запрещена и продажа водки в солдатских буфетах и лавках, и самим нижним чинам было запрещено посещать питейные заведения в городе. Таким образом в армии был введен сухой закон, который с началом Первой мировой войны был распространен и на гражданское население России. Лишь в русском флоте, в подражание англичанам, винная чарка была сохранена до октября 1917 года.

Резкий переход от довольно развитого пьянства, особенно среди гражданского населения, к сухому закону вызвал раздражение и недовольство у многих. Толпы призванных по мобилизации новобранцев, желая погулять напоследок, разгромили в ряде городов винные склады и питейные заведения и устроили пьяные погромы. Особенно в Барнауле, где город на сутки перешел в фактическую власть призывников. Для подавления алкогольных волнений пришлось вызывать кроме полиции кадровые войска. При этом они потеряли в стычках более 120 чел. убитыми, а пьяные призывники около 500 чел. погибшими. Подобные дикие сцены повторились и во время мобилизаций 1915 и 1916 годов.

После Февральской революции 1917 года сухой закон был отменен и значительная часть народа, опьяненная свободой и демократией и, понимая их как вседозволенность и анархию, ударилась в пьяный разгул. Лишь с окончанием Гражданской войны советской власти удалось навести порядок и ввести потребление алкоголя в определенные рамки. В Красной армии же и советском флоте с самого начала употребление спиртных напитков было запрещено, и это лишь повысило боеспособность советских бойцов.

Ю. А. Мизис

Организация винокурения на юге России в XVII — первой половине XVIII в.

Южные уезды России в XVII в. были образованы после строительства городов-крепостей Белгородской и Тамбовской черт. В них, как и во многих других городах страны возникли торги, таможенные избы и кабацкие избы.

Практически во всех уездных городах имелись казенные питейные заведения, в которых шла продажа спиртных напитков. К спиртным напиткам относились хлебное вино, пиво, кислый мёд, пьяные браги и квас. Продажа спиртных напитков в XVII в. являлась государственной монополией и должна была осуществляться через казённые питейные заведения. Наиболее продаваемыми являлись хлебное вино и «кислый мёд», так как у них был достаточно большой срок хранения. Пиво, пьяная брага и квас продолжали оставаться распространенными напитками на Руси, однако сроки их хранения были небольшими. Поэтому объёмы производства и их продаж оставались небольшими.

Объем торговых сделок и суммы торговых сборов в южнорусских городах были на порядок ниже, чем в старинных центральных и северных уездах, так как посадское население имелось только в нескольких городах, а жалование местных служилых людей оставалось сравнительно небольшим, да и выдавалось нерегулярно. Поэтому в большинстве городов таможенные и кабацкие избы возглавлялись одним и тем же выборным головой. Структура сбора налогов в южнорусских городах и ведение документации оставалась проще, чем в старых торговых центрах. Кабацкие головы записывали «винные курения», «пивные вари», «медовые ставки» во «все дни» в специальные тетради за подписью воеводы, на которых лежал контроль за ведением таможенных и кабацких книг. Тетради выдавались за подписями дьяков местным головам и целовальникам, сборы кабацкого питья записывались помесячно, а помимо данных тетрадей больше ничего «держать не велено», затем их в конце года переписывали, вычищали от

ошибок и неточностей и высылали в Разрядный приказ для отчета.

Кружечный двор оставался местом приготовления спиртных напитков и меда для кабака или их покупки у подрядчиков. По кабацкой реформе 1652 г. патриарха Никона отменялись откупа, ликвидировались кабаки, и в каждом городе оставался лишь кабацкий двор. Запрещалось продавать вино в Великий пост, на руки одному человеку отпускали только по одной чарке вина, запрещалось распивать спиртные напитки вблизи кабацких дворов, вводился запрет на выдачу спиртного в кредит и лицам духовного звания.

Вино головы оценивали по настоящей закупной и продажной цене. Закупная цена — это сумма уплаченная за приобретенное у подрядчиков вино. Продажная цена, естественно, оставалась значительно выше и включала налоги и «государев» доход. При продаже вина учитывались объёмы его реализации. Дешевле продавали вино в вёдра и полувёдра, это считалась формой, близкой к оптовой торговле. Вино в чарки и ковши реализовывалось по более дорогой цене, как форма розничной продажи. Пиво изготавливалось из хмеля и им торговали в ведрах. Во всех южнорусских кружечных дворах шел процесс приготовления кислого мёда. У местного населения головы приобретали мёд-сырец, хмель и дрова для разогрева чанов. Затем из ставок мёда сливали кислый мёд, выдерживали и продавали его в вёдрах или полувёдрах. Процесс приготовления кислого мёда был связан с получением побочного продукта — воска. Иногда мёд покупался чистый, без вощин.

Во многих южнорусских городах, особенно расположенных недалеко от Слободской Украины, на кружечные дворы предпочитали покупать вино у черкас, как наиболее качественное и дешевое. Таким образом, доходы от продажи вина в разных городах колебались: в Коротояке — 50 %, Карпове — 55 %, Усерде — 57,5 %, в Верхососенске — 68 %, что было связано с закупкой самого дешевого вина у приезжих черкас по цене 10 алт. за ведро. Продажа вина на кружечных дворах приносила значительный доход и позволяла местным

чиновникам манипулировать ценами, получая незаконную прибыль.

Наряду с казенной монополией на продажу вина, существовало его частное производство. На Юге России в XVII в. достаточно распространенным явлением являлось выкуривание вина и приготовление пива домашним способом с его последующей сдачей на продажу в казенную торговлю. Наличие кабаков способствовало появлению корчемства, т.е. производству и продаже вина частными лицами, не имевшими права на торговлю спиртными напитками. Правительство с той или иной долей успеха пыталось бороться с этим явлением, но полностью изжить его не смогло. Корчемство на юге России просуществовало на протяжении всего XVII в.

На Юге России существовала практика приготовления хлебного вина и пива к праздникам и на поминки по разрешению воеводских канцелярий. Недостаток наличных средств у местных служилых людей давал им привилегию изготовления спиртного для своих нужд. С этой целью один или несколько челобитчиков подавали на имя воеводы просьбу о приготовлении вина и пива, оговаривая их объём. После получения разрешения местные жители курили домашнее вино или варили пиво. Естественно, в сельской местности установить количество приготовленных напитков было невозможно, и это приводило к изготовлению лишнего объёма. Существовал официальный запрет на торговлю остатками спиртного, чтобы не создавать конкуренцию казенным питейным заведениям. Однако с учётом постоянной продажи на рынках южнорусских городов винных, бражных и пивных котлов и кубов можно говорить о значительном распространении самовольного приготовления спиртного местными служилыми людьми на протяжении всего XVII в.

В некоторых городах Юга России, особенно расположенных вдоль границы, на кружечных дворах покупали вино для выезда и продажи его на Дон. Кроме того, вино входило в состав ежегодного царского «спуска» донским казакам.

В. П. Микитюк

Картель винокуренных заводчиков Пермской губернии *

4 июля 1861 г. было принято Положение о питейном сборе (Питейный устав), введенное в действие 1 января 1863 г. Новый закон декларировал переход к акцизной системе, призванной дать широкий простор частному предпринимательству в виноторговле и винокурении. Эта декларация нашла отклик в предпринимательском сообществе Пермской губернии, проявившем интерес к инвестированию в виноторговлю и в сооружение водочных заводов. Интерес к вложению средств в винокуренное производство был более умеренным.

После введения в действие Положения о питейном сборе количество питейных заведений в Пермской губернии стало расти быстрыми темпами. Львиную долю их владельцев составили представители непривилегированных сословий, не обладавшие солидными капиталами. Как правило, эта категория коммерсантов была способна на открытие одного-двух питейных заведений. Уже в 1863 г. многие предприниматели подали прошения с просьбой выдать разрешение на открытие питейных заведений. Например, Екатеринбургская городская дума ежемесячно рассматривала по несколько заявок, поступивших от представителей непривилегированных слоев. Одним из первых в думу поступило заявление жены унтер-офицера 8-го Оренбургского линейного батальона П. А. Антоновой, пожелавшей открыть «заезжий дом для продажи вина и питей». Аналогичные заявления подали екатеринбургские мещане А. К. Суставов, В. А. Алексеев, Ф. Н. Филатов, К. С. Фадеев, В. В. Пшеничников, И. П. Бабиков, С. П. Алферов, И. А. Андрусов, ирбитская мещанская дочь Н. И. Рудакова, солдатские жены А. В. Лопатина, А. К. Королева, жена мастерового А. В. Алферова и многие другие. Почти все новоявленные виноторговцы принадлежали к числу мелких инвесторов. Исключение составили лишь трое коммерсантов — коллежский секретарь П. Д. Дягилев (владелец винокурни), купцы М. П. Коновалов и А. С. Попов.

---

* Стендовый доклад.

Дума, принимая прошения, почти никому не отказывала. Результатом этой покладистости стал рост оптовых и розничных питейных заведений. К январю 1867 г. в Екатеринбурге было открыто 5 оптовых складов и 160 розничных заведений. В число последних входило 2 буфета, 8 гостиниц, 9 штофных лавок, 9 ренсковых погребов и 134 питейных дома. В 1868 г. число оптовых складов осталось неизменным, а количество розничных заведений возросло до 174. Стоит отметить, что в Пермской губернии Екатеринбург был одним из ведущих центров по продаже спиртных напитков, поэтому развитие виноторговли в нем не всегда совпадало с обще-губернской картиной.

Так, в 1863 г. в Пермской губернии было открыто 4564 питейных заведения, в следующем году их число выросло до 6183 (самый крупный показатель за весь период действия акцизной системы). В последующие годы количество розничных питейных заведений неизменно сокращалось, хотя в отдельные годы имел место рост их численности. В 1865 г. в Пермской губернии было открыто 5432 заведения, но в 1869 г. их осталось только 3509. В 1870 г. число кабаков выросло до 3734, а затем вновь началось их сокращение: в 1871 г. было открыто 3341 питейное заведение, в 1873 г. их насчитывалось всего 2421.

Со временем схожие процессы стали наблюдаться в сфере водочного и винокуренного производства. К моменту введения акцизной системы в губернии действовало 10 частных винокурен, которые были собственностью 7 заводчиков. Отставным чиновникам П. Д. Дягилеву, А. Ф. Поклевскому-Козелл и наследникам отставного чиновника М. Г. Сведомского принадлежало по 2 предприятия, в собственности отставного чиновника Н. И. Севастьянова, потомственных дворян В. П. Голубцова, А. Г. Клепинина и наследников И. М. Ярцова было по одной винокурне. Кроме того, в губернии было 2 водочных предприятия, одно из которых было частным, а другое принадлежало акцизно-откупному комиссионерству. Оба завода были на грани закрытия.

Открытие водочных предприятий не требовало больших затрат, поэтому немало предпринимателей пожелало вложить средство в их сооружение. В 1863 г. в Пермской губернии действовало уже 11 водочных заводов, а к концу 1860-х гг. их число

увеличилось до 53. В 1872 г. численность водочных предприятий достигла рекордного показателя: одновременно действовало 62 завода. В этот же период шел рост численности винокурен, особенно мелких. В 1860-е гг. было сооружено 7 новых винокурен, благодаря чему их общее количество возросло до 17. Среди их владельцев были потомственные дворяне А. Н. и А. А. Зубовы, А. Ф. Поклевский-Козелл, купцы Ф. П. Чердынцев, Т. С. Комаров, В. И. Отрожденский и А. Г. Ушков. К концу 1880-х гг. численность винокуренных заводов возросла до 32.

Рост количества кабаков, водочных и винокуренных заводов привел к резкому обострению конкурентной борьбы, а также к снижению стоимости продаваемой продукции и одновременно к ухудшению ее качества. Последнее было особенно характерно для мелких торговцев. Не имея запаса прочности и стараясь сохранить свое дело, они вынужденно стали торговать низкопробным вином, т. е. сильно разбавленной водкой. Подобное преследовалось по закону, в т. ч. лишением права виноторговли: «От Красноуфимского уездного суда объявляется, что по решению оного, состоявшемуся 3 июля 1868 года, крестьянке Иргинского завода Аполиксене Шевелиной за продажу низкопробного вина более 3-х раз согласно 374 ст. Устава о питейном сборе изд. 1867 г., воспрещается производство торговли напитками». Благодаря таким мерам удалось закрыть много кабаков, но всю остроту проблемы это не сняло.

Уже в 1860-е гг. к ее решению подключились крупные производители спиртных напитков, которые в тоже время были и владельцами мощных и разветвленных торговых сетей. Они вступили в конкурентную борьбу, стараясь вытеснить с рынка как можно больше виноторговцев, владельцев водочных заводов и винокурен. До середины 1870-х гг. действия крупных производителей не координировались: каждый действовал в одиночку, применяя однотипные методы давления на конкурентов. Основным способом разорения мелких торговцев была так называемая игра на понижение цен. Крупный торговец открывал около кабака соперника собственное заведение и снижал цену, переманивая таким образом клиентов и вынуждая противника ликвидировать торговлю. В производственной сфере применялись несколько иные способы, прежде всего, аренда винокурен

конкурентов, после чего объем производства на них либо сокращался, либо прекращался полностью. Иногда крупные заводчики платили конкурентам за прекращение производства так называемые отступные.

Действия крупных производителей и торговцев дали определенный результат, но отсутствие координации сильно снижало эффективность их борьбы с конкурентами. В конце первой половины 1870-х гг. к решению этой проблемы приступил Альфонс Фомич Поклевский-Козелл, владелец большой группы винокуренных и водочных заводов, и множества питейных заведений. Он убедил большую часть винокуров Пермской губернии в необходимости созыва регулярных съездов винокуров для принятия коллективных мер против нежелательного размаха конкуренции.

Первый съезд винокуренных заводчиков Пермской губернии состоялся в 1875 г. Сведения о съезде и принятых им решениях просочились в прессу: «В 1875 году винокуренные заводчики и крупные виноторговцы здешнего края (всего Зауралья и Челябинского уезда) составили замечательный конгресс, на котором постановлено следующее: 1) О точном исчислении пропорции вина, потребной для означенного края, принять возможные меры против конкуренции, устранив возможность ввоза вина из других местностей; 2) Из всех оптовых складов вино отпускать по одной условленной цене и только тем покупателям, которые имелись у заводчиков в данное время, а вновь желающим покупателям (оптовым) или не отпускать вовсе вина или отпускать по такой высокой цене, чтобы смельчаку отбить охоту к питейной торговле и 3) Все населенные и более или менее значительные в торговом отношении местности разделить между собой, приняв также меры к недопущению новых торговцев, и возвысив также цену на вино в раздробительной продаже. Для наблюдения за исполнением сего назначен общий служащий, обязанный ежедневно по екатеринбургским складам записывать количество выпущенных напитков и имена покупателей». Суммируя все вышесказанное, можно с уверенностью констатировать: в 1875 г. частью винокуренных заводчиков был создан картель, который постепенно распространил свое влия-

ние на всю Пермскую губернию, а также на ряд уездов Оренбургской, Тобольской и Уфимской губерний.

Первым съездом винокуров были определены главные задачи, стоящие перед ведущими винокуренными заводчиками и торговцами. Так как ситуация на рынке менялась довольно часто, то винокуры были вынуждены почти ежегодно собираться на новые съезды, которые чаще всего проходили в Екатеринбурге, в доме А. Ф. Поклевского-Козелл. Большинство этих съездов имели место в ноябре, и поэтому вошли в историю под именем «ноябрьских соглашений».

Съезды винокуренных заводчиков проходили вполне открыто: ничего незаконного в их проведении не было, так как они были замаскированы под собрания частных лиц. Иначе обстояло дело с решениями, принимаемыми на съездах. Законодательство строго запрещало создание тайных объединений предпринимателей, целями которых был раздел территорий на сферы влияния и скоординированная деятельность в области производства и сбыта готовой продукции. Иными словами, сговор предпринимателей, именуемый в законодательстве «стачкой», был запрещен и преследовался законом.

Несмотря на это, винокуренные заводчики продолжали собираться на свои съезды. «Исчислив пропорцию вина, потребную для означенного края», они ежегодно устанавливали объем производства для каждого винокуренного завода, а также делили губернию на сферы влияния. Кроме того, участники «ноябрьских соглашений», прозванные «стачечниками», взяли планомерный курс на сокращение числа винокуренных и водочных предприятий, для чего использовали разные меры давления на конкурентов, опробованные ранее. Так, они стали практиковать аренду винокурен конкурентов с последующей остановкой на них производства. Пример показал сам организатор «стачки», который в 1875 г. прекратил винокурение на Александровском заводе, арендованном им у Голубцовых. Как только срок аренды этой винокурни окончился, то ее арендовал другой «стачечник — П. Д. Дягилев, которого позднее вновь сменил А. Ф. Поклевский-Козелл. Благодаря такой аренде завод не действовал вплоть до введения винной монополии в 1895 г.

«Стачечники», стараясь остановить заводы конкурентов, не всегда шли на их аренду. С владельцами мелких предприятий участники «ноябрьских соглашений» поступали без церемоний. Сначала они оказывали на владельца мелкой винокурни экономическое давление, постепенно подводя его к грани разорения, а затем предлагали остановить производство, обещая за это денежную компенсацию, т. е. «отступное». Многие заводовладельцы, испытав давление «стачечников», принимали их условия и останавливали свои заводы. В 1880 г. в Пермской губернии имелось 23 винокурни, из которых действовали лишь 12 предприятий. Таким образом, почти половина винокуренных заводов (11) простаивала. Схожая ситуация сохранялась и в последующем: в 1888 г. в губернии насчитывалось уже 32 винокуренных предприятия, из которых 17 являлись недействующими.

Многие предприятия простаивали десятки лет. Так, Синаро-Уральский завод, основанный купцом М. Г. Белиньковым в 1876 г., действовал только 2 года, а затем встал. «Причиною остановки действия завода, — объяснял его владелец, — послужили разные неблагоприятные обстоятельства по продаже спирта, и главным образом конкуренция с крупными заводчиками». Н. С. Волков, хозяин завода, построенного в 1884 г. в Нижнем Тагиле и простаивавшего по 1894 г., заявлял, что прекратил винокурение «благодаря непосильной борьбе с монополией крупных заводчиков».

Владельцам водочных заводов пришлось еще хуже, так как их вытесняли с рынка, не предлагая никакого отступного. В 1875 г. в Пермской губернии действовал 51 водочный завод, в 1880 г. их число сократилось до 23 предприятий, т. е. более чем вдвое. Позднее их стало еще меньше: иногда в губернии работало 12, иногда 15 заводов, причем большая часть из них была собственностью участников картеля. В сфере виноторговли ситуация была схожей. Число питейных заведений в зависимости от состояния рынка то уменьшалось, то росло. В 1875 г. в губернии функционировало 2694 кабака, в 1877 г. их число снизилось до 2420. В 1885 г. на всю губернию имелось всего 2284 кабака. После 1888 г. число кабаков несколько увеличилось, но немалая их часть была собственностью участников картеля.

Наличие в Пермской губернии картеля винокуренных заводчиков ни для кого не было секретом. В 1883 г. некий путешественник свидетельствовал: «Есть еще в Ирбите два винокуренных завода, но они не действуют в силу соглашения винокуренных заводчиков Пермской губернии. Соглашение, которое происходит ежегодно, и которым достигаются те же цели, что преследовались и откупщиками, т. е. монополия».

Несмотря на это, никаких серьезных мер против «стачечников» не предпринималось. Лишь в 1887 г. властные структуры пригрозили введением в Пермской губернии казенного производства спиртных напитков и даже открыли в Перми казенный винный склад. «Стачечники» на очередном съезде выработали единую линию поведения и направили в Министерство финансов ходатайство, в котором гарантировали понижение цен на спиртные напитки. При этом участники картеля недвусмысленно заявили, что понижение ими цен возможно лишь в случае отказа от организации казенного винокурения в Пермской губернии. Демарш винокуров возымел действие: казна отказалась от своей идеи. Некоторое время спустя цены на спиртные изделия в Пермской губернии вновь выросли.

За время существования картеля его организаторам удалось добиться весьма существенных результатов. Наибольшую выгоду от его существования получили такие винокуры как Поклевские-Козелл, Андреевы, Злоказовы, М. Ф. Рожнов, Чердынцевы и некоторые другие. Им удалось за счет за счет снижения потерь от конкуренции и увеличения стоимости готовой продукции получить весьма значительную прибыль. Немалая ее часть была вложена ими в разные отрасли урало-сибирской промышленности, в т. ч. в мукомольную, металлургическую, пивоваренную, стекольную, текстильную, химическую и т. д., а также в благотворительность.

Картель винокуренных заводчиков Пермской губернии, действовавший с некоторыми перерывами, начиная с 1875 г. по начало 1890-х гг., был одним из первых монополистических объединений в негорнозаводской сфере уральской экономики.

Т. С. Минаева

Питейные традиции Соловецкого монастыря (XVI–XIX вв.)

Соловецкий монастырь был основан в первой трети XV в. и основы общежития монашествующих содержались в монастырском уставе, составленном по преданию одним из его основателей Зосимой. В этом кратком уставе, подтвержденном позднее в 1765 г. указом Священного Синода, содержалось положение об обязательной общей трапезе и запрете выносить еду и питье из трапезной. Первоначально, как указывал архимандрит Досифей, Зосимой запрещалось употребление горячительных напитков. При игумене Филиппе, в середине XVI в. в монастыре построили каменную Успенскую церковь с трапезной палатой и келарской. В погребах трапезной устроили квасной погреб для приготовления и хранения кваса. Варка и употребление кваса со временем превратились в традицию. Доктор медицины П. В. Федоров, посетивший монастырь в конце XIX в., оставил подробное описание приготовления монастырского кваса. Квас пили ежедневно во время трапезы с холодными блюдами. Кроме того, в коридоре каждого здания стояли ушат или ведро с этим народным напитком, пить его можно было в неограниченном количестве. Всем квасоваренным производством заведовали в конце XIX в. 2 монаха, с которыми работали 7–9 даровых трудников.

В 1550 г. Стоглавый собор запретил готовить в монастырях хмельные квасы и держать горячее вино, но это правило часто нарушалось. Так, в XVI–XVII вв. некоторые соловецкие иноки, вопреки древнему уставу монастыря, имели обыкновение выносить из трапезной сыченый (приготовленный с медом) квас и в кельях доквашивать. В XVI–XVII вв. русские цари неоднократно направляли в монастырь грамоты с требованием прекратить изготовление хмельных напитков монахами в кельях, пьянство и неукоснительно соблюдать устав.

В тоже время по примеру других крупных монастырей (например, Кирилло-Белозерского) в Соловецком монастыре было введено употребление заздравной чаши при царских тезоименитствах и других торжествах. В этих случаях после трапезы

обыкновенно употреблялся пресный мед (медовый напиток без добавления каких-либо соков или отваров) или сычной квас, но нередко и виноградное вино.

Об употреблении спиртного в монастыре в XVIII в., как явно, так и тайно, можно узнать из различных распоряжений, которые отдавались архимандритами при их отъездах из монастыря. Случаи пьянства и возникавших на его основе ссор и драк оставались типичными в жизни обители в это время.

П. В. Федоров, рассказавший подробно о питании и приемах пищи в монастыре в конце XIX столетия, сообщал и иные подробности об употреблении водки монахами и официальной и тайной закупке горячительных напитков братией.

Таким образом, традиционным напитком, изготовлявшимся и употреблявшимся в монастыре, был квас. Официальные документы подтверждают, что употребление разного рода хмельных напитков практиковалось в монастыре уже с XVI в. С этого же времени, вероятно, существовал обычай совместной заздравной чаши не только со слабоалкогольным медовым питьем, но и виноградными винами сразу после окончания трапезы. В XIX в. постепенное обмирщение монастыря привело к появлению традиции употребления водки с разрешения и благословления настоятеля. На протяжение всей истории обители XVI–XIX вв. тайное употребление спиртных напитков братией в кельях и покупка спиртного были характерны для жизни монастыря, несмотря на все попытки их искоренить.

Г. Н. Мокшин

Борьба с пьянством в городе Землянске в конце 1880-х — начале 1900-х гг.

Землянск — небольшой уездный город Воронежской губернии, расположенный в 45 верстах к северо-западу от Воронежа. На рубеже XIX–XX вв. в Землянске проживало около 6 тыс. чел. Крупных промышленных предприятий в городе никогда не было. Население занималось в основном торговым птицеводством и огородничеством. Тем не менее, в пореформенные годы в Землянске успешно развивалась ярмарочная торговля.

Увеличение проходящих через Землянск денежных потоков способствовало бурному развитию местной индустрии развлечений — трактиров и питейных домов. До отмены крепостного права в городе был всего один трактир, три питейных дома и столько же погребов с винами. На рубеже 1880–1890-х гг. в Землянске уже 4 трактира и 9 ренсковых погребов с продажей спиртных напитков исключительно на вынос.

К концу 1880-х гг. пьянство землянцев превратилось в практически неразрешимую проблему, перед которой пасовало не только местное духовенство, но и «отцы города». Например, в ноябре 1889 г. было рассмотрено прошение владельцев лавок в Гостином ряду о закрытии трактира мещанки А. Я. Глуховой, который имел в Землянске самую скандальную репутацию. По свидетельству просителей, «напившийся в этом заведении люд выходит наружу и оправляет свои естественные надобности тут же, против дверей… Кроме того (этот «пьяный» люд. — *Г. М.*), производит разные действия, в особенности в сумерках, когда в заведение собираются развратные женщины, так что в это время не только детям, но и взрослым нельзя пройти». Однако городская дума оставила это прошение без обсуждения, сославшись на отсутствие у нее права закрывать питейные заведения.

И все-таки первые серьезные шаги по борьбе с пьянством среди местного населения начались в конце 1880-х гг.

В августе 1889 г. городским головой Землянска избирается сын местного купца — 26-летний выпускник юридического фа-

культета Петербургского университета П. Я. Ростовцев. По его предложению 15 октября 1890 г. городская дума запретила открытие в г. Землянске торговых заведений, включая трактиры, в воскресные и праздничные дни до 9 часов утра.

12 ноября 1893 г. Землянская городская дума принимает специальное постановление о трактирных заведениях. Их запрещалось открывать на базарной площади. Заведения должны были иметь не менее трех комнат (одна для буфета, две других для посетителей) и содержатся «в возможной» чистоте и опрятности. Особый пункт постановления включал требование наблюдения за посетителями. Последним предписывалось держать себя прилично и снимать шапки при входе в помещение.

В тот же день по предложению П. Я. Ростовцева общий сбор с трактиров г. Землянска был увеличен с 300 до 1000 руб. в год.

Землянским купцам и мещанам попытка молодого Ростовцева одним выстрелом убить двух зайцев: пополнить городской бюджет и ограничить торговлю горячительными напитками, явно не понравилась. В конце концов, его вынудили оставить занимаемую должность. При новом же городском старосте А. И. Новоскольцеве торговцам удалось потихоньку восстановить свои позиции.

Однако праздник землянских трактирщиков продолжался недолго. Следующий состав собрания уполномоченных во главе с Г. Н. Болдыревым в октябре 1898 г. постановил увеличить сбор с заведений трактирного промысла до 1100 руб. А ходатайство содержателей трактиров об его уменьшении было отклонено под предлогом острого недостатка средств в городском бюджете.

В августе 1900 воронежский губернатор утвердил постановление собрания городских уполномоченных города Землянска от 16 мая о запрете всякого публичного распития крепких напитков. Кстати, сами жители предлагали распространить этот запрет и на трактиры, дабы больше не лицезреть пьяные буйства их клиентов.

В 1901 г. в Землянске по примеру других городов создается местный комитет попечительства о народной трезвости под председательством уездного предводителя дворянства В. И.

Алехина. Стараниями «комитетчиков» открылась чайная, где за 4 коп. можно было купить ползолотника чая и два куска сахара. Там же была устроена библиотека-читальня, где лежала литература о видных исторических деятелях, путешествиях, житии святых, романы и повести.

К 1902 г. в Землянске остался всего один трактир — купца А. В. Подвигина. Причем сбор с него в пользу города, с учетом «весьма выгодных и благоприятных» торгово-оборотных условий, был увеличен до 500 руб.

Итак, на рубеже XIX–XX вв. городское самоуправление Землянска казалось сделало все возможное для ограничения пьянства среди местного населения. Каковы же итоги? Увы и ах! В 1902 г. потребление вина и спирта в Землянске с пригородами составило 6911 ведер (по 1,11 ведра или 13,7 литра на душу). Всего на 110 ведер меньше, чем в 1901 г. Пропитая землянцами в 1902 г. сумма равнялась 53043 руб. (по 8 руб. 53 коп. на душу). Это почти в 4 раза больше доходов городского бюджета на тот же год!

Очевидно, что наличие алкоголя не являлось главной причиной пьянства городского населения, и решить эту проблему одними запретами было невозможно.

О. В. Морозов

Экспорт винокуренной продукции правобережных губерний юго-западной России (вторая половина XIX — начало XX в.)

Исторически сложилось так, что в хозяйственном организме юго-западных губерний производство водки составляло одну из главных статей дохода помещичьих имений. Винокуренные заводики давала прибыль в 2–4 раза больше, чем реализация зерна. Несмотря на падение мировых цен на зерно, производство спирта все же гарантировало помещикам стабильную прибыль. Подольский генерал-губернатор в «Рапорте в статистическом положении губернии» за 1837 г. отмечал, что главная промышленность Подольской губернии — земледелие и винокурение. Несмотря на прибыльность последнего, многие помещики перерабатывали не только свой хлеб, но и докупали его как в своих крестьян, так и на ближайших рынках. В 1799 г. владельцы 108 винокурен Подольской губернии докупили хлеб на сумму около 200 тыс. руб. В 1819 г. помещики Киевской губернии для переработки на водку закупили зерна на сумму 170 тыс. руб., а в Черкасском уезде граф Потоцкий закупил хлеба для своих винокурен на 67793 руб.

В связи с кардинальными изменениями на мировом рынке зерна и с целью поддержки помещичьих хозяйств, в 1825 г. министр финансов Е. Ф. Канкрин поддержал инициативу — «позволить вывоз за границу хлебного вина, спирта, водки, ликеров и бальзамов, но и предоставить этим отраслям торговли определенные преимущества».

Следует отметить, что в 1820-х гг. появляются первые паровые винокурни, что свидетельствовало о распространении признаков промышленного переворота даже в помещичьих хозяйствах. Царское правительство экономически поддерживал дворянские винокурни. Предоставлялись привилегии на сбыт и производство водки. Конечно, казна имела выгоду от этого производства. Так, 1811 г. введен специальный сбор в размере 60 коп. за ведро водки. Сбор распространялся на помещиков, исходя из расчета по 1 ведру на ревизионную душу. По подсче-

там Е. Б. Сташевского, винокурение и продажа спиртных напитков в 1846 г. только по Киевской губернии составляли около 29 % в структуре доходов помещичьих хозяйств. Например, по данным того же 1846 г., общая стоимость товаров, произведенных на всех помещичьих предприятиях Правобережной Украины, равнялась 2161367 руб. серебром, из них стоимость водки, произведенной на 118 винокурнях, — 1001796 руб. серебром, то есть 87 % от общей суммы всей выпущенной продукции. На втором месте было производство сахара, на третьем — сукна, на четвертом — кирпича.

В 1880-х гг. на территории Юго-западных губерний работало более 550 винокуренных заводов, то есть 27 % от общего количества в европейской части Российской империй. В начале XX в. около 80 % спирта и изделий из него вывозилось на рынки Ближнего Востока и прежде всего в Турцию через Одесский порт. Российским экспортерам приходилось конкурировать здесь с австрийскими коммерсантами. Несмотря на некоторые сложности, российский спирт доминировал на турецком рынке и в ряде стран Балканского полуострова. Сербия потребляла исключительно российский спирт. Кроме того, спирт из юго-западных губерний вывозился в Грецию, а также Египет.

Водочная промышленность была важной статьей экспорта Волынской губернии. Например, в 1911 г. спиртовые заводы Волынской губернии поставили за рубеж 281818º спирта. В среднем за десятилетие вывоз спирта за границу из Волынской губернии составлял 19 % общего российского экспорта. Подольская губерния за этот период отправила 39 % спирта, Киевская — 16%. Вся юго-западная часть империи экспортировала 74 % общего вывоза. Таким образом, Волынская губерния заняла второе место среди западных губерний, которые принимали участие в экспорте спирта за границу. Вывозился в основном спирт произведенный из патоки и реализовывался на турецком рынке.

Основными таможнями, которые обслуживали экспорт спирта из юго-западных губерний были Волочисская и Одесская таможни. Так согласно данным Одесской таможни Короставский винокуренный завод № 15 Волынской губернии за 1911 г. поставил за рубеж 281818º спирта на сумму 155000 руб. Осуществлял такие торговые операции доверенный Исаак Адольфович

Найдич, который имел специальное разрешение № 467 от владельца завода — Льва Ледоховского, но спирт с завода отпускался только в присутствии чиновника акцизного надзора.

«Варшавское общество очистки и продажи спирта» 6 сентября 1911 г. отправило из Варшавы 90900º спирта на сумму 5 тыс. руб. 31 октября 1911 г. через Одесскую таможню с данного предприятия вывезено 187664º спирта на сумму акциза 20643 руб., а в декабре 1911 г., через Одесскую таможню прошло еще 200000º на сумму 11000 руб. Ежегодно услугами Одесского порта для экспорта спирта пользовался и Червонский винокуренный завод Ф. Терещенко.

Таким образом, среди товаров, экспортируемых из юго-западных губерний России передовые позиции занимал ректификационной спирт и спиртные напитки. В тоже время, несмотря на большие объемы производимой и экспортируемой спиртовой продукции постоянно росли и валовые показатели контрабанды зарубежного спирта. Как правило, с территории Австро-Венгерской и Германской империй. Согласно таможенной статистике по Исаковецкой таможне (граница с Австро-Венгрией), за май 1904 г. общее количество случаев открытия контрабанды составило 230, из них контрабандный спирт — 213. В январе 1908 г. по той же таможне общее количество выявленной контрабанды — 553 случая, из них спиртовая контрабанда — 269.

Н. В. Обнорская

«Заграничные вина ярославского производства»: винный бизнес ярославского купечества в XIX веке

Каждый город может чем-то гордиться, в чем-то он особо себя проявил, в чем-то стал первым. Ярославль — не исключение. Именно здесь открыли первый русский профессиональный театр, начали издавать первый провинциальный журнал и первую провинциальную газету, здесь появилась первая провинциальная аптека, построили первый в мире завод синтетического каучука…

Однако, есть у Ярославля и такие «достижения», о которых не часто упоминают местные экскурсоводы.

В XIX веке Ярославль — крупный торговый, а с середины века и промышленный центр. А еще — одна из «столиц» производства фальшивых иностранных вин. В свое время многие об этом знали, но как-то все ограничивалось досужими разговорами и упоминаниями в художественных произведениях. Например, в «Бесприданнице» А. Н. Островского: «Паратов: Чтобы напоить хозяина, надо самому пить с ним вместе; а есть ли возможность глотать эту микстуру, которую он вином величает. А Робинзон — натура, выдержанная на *заграничных винах ярославского производства* (выделено мной. — *Н. О.*), ему нипочем» (Действие 3). А вот официальные документы об этом молчат.

Как сообщает «Военно-статистическое обозрение Российской империи» (т. XIV, ч. 2 по Ярославской губернии), ежегодно в Ярославль привозится иностранных, крымских, донских, кизлярских и т. д. вин на 400 тыс. руб., из этого числа примерно половина расходится в городе, своей и соседних губерниях. А все остальное продается «на Нижегородской ярмарке купцам восточного края и Сибири». Причем, вывоз вин осуществляли по преимуществу купцы Соболевы, погреба которых на ярмарке представляли собой «целый квартал, где можно заблудиться и прийти в изнеможение от пересчитывания сортов продаваемых ими вин».

Из вышесказанного можно сделать вывод, что, раз у Ярославля появилась слава производителя поддельных иностранных вин, а основной вывоз вин осуществляли купцы Соболевы, то именно они и способствовали появлению у города сомнительной славы.

Коммерцию в сфере виноторговли, по воспоминаниям потомков, семейство начало еще в середине XVIII века, когда его представитель, будучи еще крепостным крестьянином графов Салтыковых, во время Семилетней войны, находясь в обозе хозяина, «познакомился» с заграницей, а впоследствии стал ездить на «немецкую» ярмарку.

Выкупившись на рубеже XVIII–XIX вв. на волю, Соболевы начали вести широкую торговлю, в первую очередь, иностранными винами. Росли обороты, расширялись торговые связи, увеличивался рынок сбыта. Постепенно они становятся одними из основных торговцев иностранными винами для центральных и восточных регионов России, снабжаемых через Нижегородскую ярмарку.

Устройство «завода или фабрики для подделки иностранных или составления искусственных вин» было уголовно наказуемым деянием, однако ничего подобного официально у Соболевых не находили. Изготавливавшееся в России вино было запрещено «выдавать за иностранное, но называть по месту происхождения, прибавляя, что оно выделано на манер такого-то иностранного». Ярославль среди производителей вин не значился. Однако, в репортажах в прессе подчас проскальзывают некоторые неоднозначные словечки. Например, в «Вестнике промышленности» за 1860 год о пяти рыбинских винных погребах писалось, что «господствующая торговля… идет фабрикованными винами из погреба ярославского купца Соболева, известного своим искусством в целой России».

Понятно, что, видимо, часть вина «на манер» иностранных действительно изготавливалась официально, иначе бы на ярославской выставке 1837 года Соболевы не выставляли бы в качестве экспоната «приготовленный ими бишоф» (напиток из вина и померанцев). И все же, именно к дешевым сортам иностранных вин, привозимых Соболевыми на Нижегородскую ярмарку, а также продававшихся в их многочисленных лавках в

разных городах и селах, можно отнести слова педагога К. Д. Ушинского: «Говорят также, что в Ярославле выделывают очень много иностранных вин из астраханского и кизлярского чихиря…, которыми этот хорошенький городок отравляет всю Россию».

Еще одним центром, подозрительным с точки зрения производства поддельных вин и конкурировавшим в этом с Ярославлем, был город Кашин Тверской губернии, о чем писал, например, Салтыков-Щедрин. Причем, крупнейшим виноторговцем здесь был… зять Соболевых.

Е. А. Орехова, Р. А. Давыдов

Норвежский ром на Русском Севере во второй половине XIX в. *

Во второй половине XIX в. норвежские предприниматели нашли для себя выгодный, но рискованный бизнес — поставку спиртного на Мурманский берег. В удаленных от губернского города сезонных рыбацких становищах спиртное всегда было в дефиците, а холодный климат, тяжелые условия труда и быта поддерживали постоянный спрос на него. Но поставки рома были нелегальными; ром был основным видом поставляемого на Мурман контрабандного товара.

С началом официально объявленной колонизации Мурманского берега в 1860-х гг. увеличились и объемы реализации там норвежского рома. Высочайше утвержденным 22 ноября 1868 г. положением Комитета министров для русских и иностранных поселенцев был разрешен беспошлинный привоз «для собственного своего употребления и для продажи в колониях мануфактурных и других товаров». Поскольку в данном документе ни слова не было о запрещении поселенцам ввозить спиртное, оно автоматически попадало в категорию т.н. «и других» товаров, разрешенных к беспошлинному ввозу и продаже.

Три года спустя архангельский губернатор Н. П. Игнатьев в записке на имя министра финансов выразил беспокойство возросшим пьянством на Мурмане. Он писал: «Пагубное влияние торговли норвежским ромом часто тормозит лучшие начинания переселенцев и подрывает их благосостояние, обогащая соседние округи Норвегии». Но его тревога была проигнорированы в столице. Напротив, 14 мая 1876 г. вышло высочайше утвержденное положение о льготах, предоставляемых переселенцам на Мурманский берег. В отличие от аналогичного документа 1868 г. условия «торговли крепкими напитками» оговаривались особо. «Впредь до иного распоряжения» их разрешалось привозить из-за границы беспошлинно и продавать на Мурмане без

* Стендовый доклад.

платежа акциза. Таким образом, в 1876 г. продажа норвежского рома на Севере России была полностью легализована.

Реакция норвежских предпринимателей и на это нововведение, фактически узаконившее торговлю, бывшую ранее контрабандной, не заставила себя ждать.

Посетивший в те годы Мурман В. И. Немирович-Данченко в своей книге «Страна холода» составил именной список наиболее известных ромоторговцев, среди которых был упомянут даже российский консул в Вадсе — норвежский подданный, совмещавший дипломатическую и коммерческую деятельность.

По разным данным, торговлей ромом занималось более 40 небольших норвежских фирм и торговых домов из Варде, Вадсе, Тромсе и Хаммерфеста.

Отсутствие необходимости уплаты за ром пошлины в России и добровольный отказ российских властей от взимания акцизного сбора с ввозимого на Мурман спиртного обусловили его низкую цену: 16–18 копеек за бутылку или 2 р.50 к. — 2 р. 60 к. за ведро.

Поставщики рома отправляли его своим представителям — колонистам на Мурмане, хотя номинально и имевшим подданство России, но плохо или вообще не говорившим по-русски. Те, в свою очередь, пользуясь правом «свободной торговли», распродавали ром по всему Мурману непосредственным потребителям и русским торговцам.

Не довольствуясь таким способом распространения рома, предприимчивые норвежцы предлагали его «в нагрузку» к основному товару. В записках современника сохранилось такое наблюдение: «Промышленники, судохозяева и купцы, приезжающие в Норвегию, не могут взять за свою муку или сало чистые деньги или тот товар, который им нужен исключительно. Если они не желают брать на обмен хотя $^{1}/_{3}$ рома, то с ними не одна фирма не станет иметь дела. Скупщики норвежской рыбы — русские поморы — говорили, что ежели они берут на 2000 р. товару, то на 1000 р. непременно придется взять рому».

В конце 1870-х начале 1880-х гг. пьянство, существовавшее на Мурмане и ранее, приобрело почти поголовный характер. Целые поселения, по отзывам современников, в результате тор-

говли ромом погрузились в «непотребное состояние» и «разорились в лоск» из-за долгов перед ромоторговцами.

Недовольство норвежской ромовой экспансией в первую очередь стали высказывать русские купцы и предприниматели. Из-за пьянства рабочих их доходы ощутимо сократились. В то же время они, понимая, что пьянство, хотя и может быть уменьшено, в принципе неистребимо, хотели сами завладеть мурманским рынком спиртных напитков. Но до тех пор, пока существовал дешевый норвежский ром, российский алкоголь не мог с ним конкурировать.

В январе 1881 г. к министру внутренних дел графу М. Т. Лорис-Меликову явилась депутация, состоящая из кемского купца Н. Судовикова, сумского — И. Воронина, вольного шкипера Кононова и «известного ходатая о Севере России» М. Сидорова. Отдельным пунктом в требованиях депутации значилось: «Ограничить права норвежских колонистов и запретить привоз рому из Норвегии на Мурманский берег». Там же было написано: «Все норвежские колонисты привозят из Норвегии ром, продают русским и берут за него промыслом рыбным; а за неимением на промыслах хозяев, берут от рабочих рыбопромышленников рыболовными снастями. А поэтому желательно бы было воспретить привоз рому из Норвегии на Мурманский берег; а дозволить вывоз вина в равном виде из г. Архангельска и продажу оного на Мурмане открыто из заведений по патентам, которые должны быть первое время по умеренной цене, ограничить время торговли вином. Только такой конкуренцией возможно будет вытеснить привоз норвежского рому и может уменьшиться самое пьянство. Затрачиваемый русскими капитал от 40 до 50 т. рублей в каждый год на покупку норвежского рому будет оставаться у нас в России».

Созданная в том же, 1881 г. в Архангельске по инициативе губернатора Н. М. Баранова Комиссия для изыскания мер к поднятию северного края отметила, что одной из главных причин, препятствующих развитию промыслов на Мурмане является всеобщее пьянство промышленников. «Рыбопромышленники, втягиваемые в пьянство фактористами (они же и продавцы рома), приносили им в обмен на ром уловленную рыбу, а нередко даже и хозяйские рыболовные снасти; напиваясь пьяными, про-

пускали благоприятное для промысла время, или теряли в океане рыболовные снаряды и с большим трудом собранную наживку». Мнение комиссии было категоричным: запретить ввоз на Мурман «не только норвежского рома, но и всяких спиртных напитков, не исключая пиво».

То, что продавалось на Мурмане под гордым названием «ямайского» или «ямацкого» рома, по сути таковым не являлось. Напиток изготовлялся из низкосортного спирта, ароматизаторов и красителей растительного происхождения. Суррогат, который, как отмечалось в российских источниках, был запрещен в Норвегии для внутренней продажи, предназначался исключительно для экспорта в Россию.

Посетивший в 1880 г. Мурманский берег в сопровождении врачебного инспектора архангельский губернатор М. М. Кониар обратил внимание на повсеместное пьянство поморов. Отметив изобилие дешевого норвежского рома, наслушавшись жалоб на качество его и, видимо, даже попробовав его, он писал: «Уже один вкус рома неприятен — жгучий, кроме того, при отстое дает какой-то осадок». Губернатор потребовал проведения экспертизы и присовокупил к письму полдюжины бутылок. И получил официальный ответ: «Хотя ром этот не заключает в себе ничего ядовитого <…>, тем не менее употребление его должно быть признано вредным, потому что это не натуральный ром, а искусственный, т. е. произведенный из дурного спирта с разными приправами, например, эфирами <…>, пищевыми соками и прочими веществами. Подобные искусственные ромы все имеют одинаковое вредное действие для здоровья и производят разные расстройства (головную боль, общую слабость, жажду, усталость и др.)».

«Положительно известно, — указывал врач В. Р. Гулевич, неоднократно посещавший Мурман в 80-е годы XIX века в составе санитарного отряда, что если к рому прибавить несколько капель полуторохлористого железа, то получаются чернила, следовательно, в нем содержится какое-то дубильное основание».

Архангельские губернские власти неоднократно получали информацию о жутковатой по своим масштабам ромовой торговле. Но ни они, ни местная администрация на Мурмане ника-

ким образом не могли остановить двух навстречу идущих потоков — норвежского рома в Россию и русского капитала в Норвегию. Разного рода рапорты и прошения оставались без рассмотрения.

Летом 1885 г. ставший скандально знаменитым на Русском Севере ром из Норвегии попробовал великий князь Владимир Александрович. Можно предположить, что последовавшее менее чем через полгода запрещение привозить на Мурман спиртные напитки иностранного производства стало результатом этой дегустации.

Мнения о путях решения проблемы были противоречивы. Сторонники жестких мер предлагали полностью запретить ввоз спиртных напитков на Мурман в промысловый период. Им возражали, что без алкоголя «на Севере рабочему немыслимо жить», рекомендуя ограничить и регламентировать его продажу путем устройства общественных кабаков. Передача прав торговли спиртным исключительно судохозяевам также представлялась выходом из положения, поскольку считалось, что ни один хозяин не будет бездумно спаивать своих рабочих.

Правительство выбрало один из компромиссных вариантов, но, как показала практика, далеко не самый удачный. Согласно Высочайше утвержденному 6 января 1886 г. мнению Государственного Совета привоз иностранных крепких напитков на Мурман воспрещался; на приходящих к Мурманскому берегу судах не возбранялось «иметь спиртные напитки для продовольствия экипажей, в количестве, по морским правилам в числе шкиперской провизии дозволенном». Соответствующие правила были утверждены министерством финансов по согласованию с министерством внутренних дел. После этого интенсивность торговли норвежским ромом снизилась, но размеры пьянства не уменьшились. В середине 1890-х гг. после известной реформы С. Ю. Витте норвежский ром с Русского Севера вытеснила русская водка.

А. С. Орлов

Евреи и питейное дело в Российской империи во второй половине XIX века *

Национальный вопрос и истории России имеет важное значение. Россия является многонациональным государством, в котором проживает более 190 народов и народностей, говорящих на разных языках, имеющих свои традиции и обычаи, различную культуру. На протяжении веков Россия складывалась как многонациональное государство. В ее состав постепенно входили территории преимущественно с нерусским населением. Стоит отметить, что в отличии от колониальных стран Европы, которые проводили истребление коренных народов, в России присоединение территорий происходило в основном на основании мирных договоров. Существовали случаи, когда присоединенные территории пользовались правами широкой автономии и имели свою конституцию.

Однако эти события не исключали и возникновения противоречий между народами. Российское государство пыталось решать национальный вопрос с помощью законодательного регулирования, но это не смогло предотвратить межнациональных конфликтов. До XIX века национального вопроса как такового в Российской империи не существовало. Он стал возникать с присоединением территорий.

Наиболее проблематичным в решении являлся еврейский вопрос. После разделов Польши к Российской империи были присоединены территории с преимущественно еврейским населением. Политика Российского правительства в отношении евреев порождала их недовольство, что сильно отражалось на международном авторитете страны и вызывало межнациональные конфликты евреев и русского населения. В России с 1649 года, с момента принятия Соборного уложения в отношении еврейского населения было принято порядка 600 особых постановлений. В Российской империи была установлена «черта оседлости», в которую вошли Ковенская, Сувалкская, Виленская, Витебская,

* Стендовый доклад.

Могилевская, Черниговская, Таврическая, Херсонская, Бессарабская губернии и 9 губерний Царства Польского. Необходимость решения еврейского вопросы была очевидной. Одни политические деятели высказывались за то чтобы одна часть евреев эмигрировала, вторая переменила веру, третья вообще погибла. Другие считали, что нет другого пути, как уравнять в правах евреев с другими народами России. Третьи же считали, что «по справе в архивах, его вовсе и не находится, до того он у нас оказывается малолетним. Да в этом и сомневаться нельзя. Еврейскому вопросу только с лишком тридцать лет от роду на Руси. Его создали мы же, русские, либералы эпохи реформ, отличающиеся почти все космополитизмом, с одной стороны, и религиозным индифферентизмом — с другой…до этой эпохи еврейского вопроса не существовало…в историческом отношении никакой сложности и мудрености для еврейского вопроса в России не имеется. Стоит только немного поразобраться в делах за эти 30 лет и проверить, что евреям дал закон, в виде нового права, и что они себе присвоили, в виде обхода закона и в виде противозаконных захватов».

История появления еврейского населения на территории России уходит своими корнями в глубь веков. Евреи появились достаточно давно в пределах России. Племя хазар, жившее по нижнему течению Волги исповедовало иудаизм. Представители его являлись к князю Владимиру, который выбирал будущую веру для Руси. Князь Владимир Мономах изгнал всех евреев из пределов Руси. Они были главными распространителями ереси жидовствующих в конце XV века. По свидетельству иностранного писателя Иович русские времен Василия III ненавидели евреев, не впускали их по мере возможности в пределы отечества.

Иоанн IV Грозный, отвечал послам польского короля Сигизмунда, приехавших в Россию с просьбой о разрешении евреям торговать в стране: «Жидам ездить в Россию не пригоже, для того, что отравные зелья привозили в Россию и россиян от христианства отводили, и он бы, король, в предь о них, жидах, не писал». Однако, это показывает, что до середины XVII столетия евреев, как постоянного элемента в России не существовало. С присоединением территории Малороссии евреев стали изго-

нять оттуда. В начале XVII столетия, по ходатайству гетмана Апостола, евреям позволено было приезжать в Малороссию и торговать на ярмарках, но было запрещено иметь им постоянное место жительства. Евреи незамедлительно решили воспользоваться этой льготой и стали расселяться по территории Малороссии, и это вызвало указ о высылке всех евреев за границу в 1739 году. В 1742 году были приняты меры по выселению евреев с их имуществом, и запрещено было пускать их в Россию, а пускали только тех, которые желали принять христианство. Когда была присоединена Польша, то еврейское население стало постоянным элементом среди русского. В 1785, 1804, 1814 годах положение еврейского населения пытались урегулировать, но они всегда ловко умели обходить нормы закона. Евреи прибирали к своим рукам те отрасли народного хозяйства, которые были наиболее выгодными.

Одной из таких отраслей была питейная торговля. Масштабы питейной торговли, которая находилась в руках преимущественно еврейских мы можем видеть из статистического временника Российской Империи: «из числа 139150 всех обследованных пунктов выделки и продажи питей в Европейской и Азиатской России, евреями содержится 27,5 %, т. е. более четверти всего числа. В черте еврейской оседлости, в числе обследованных пунктов выделки и продажи питей, пункты, содержимые евреями, составляют 60 %, т. е. менее двух третей всего числа. Наибольший размер еврейской питейной торговли в губерниях Гродненской (94,6 %), Могилевской (93,3 %).

Из 162 уездов, входящих в черту еврейской оседлости, в 80 уездах евреями содержится 100 % всего числа оптовых спиртовых складов и в 27, более 90 %. В 33 уездах из означенных 162, евреями содержится 100 % всего числа трактиров и харчевен и т. д.».

В 1881 году Санкт-Петербургские ведомости передавали новость, что правительством решен вопрос о правах евреев-купцов 1-й гильдии, на повсеместное содержание и аренду винокуренных заводов, и производство питейной торговли. Как считала газета Биржевые ведомости: «право на владение и содержание винокуренных заводов и питейных заведений — первый шаг к землевладению вообще, потому что вместе с заводом

приобретается евреем в собственность и принадлежащий заводу участок земли». Евреи, построив завод, старались снять все кабаки и питейные заведения уезда, в котором находились, для того чтобы преградить ввоз водки из других местностей, тем самым обеспечив себе свободный сбыт своей продукции.

Обладая таким заводом, еврей-заводчик всегда имел возможность закупать хлеб в наиболее выгодное время для него, часто пользуясь нуждой хлебопашца в деньгах. Таким образом, еврей быстро обогащался и возвращал все свои затраченные деньги на строительство завода. Однако такая ситуация, очень быстро истощала экономические силы края, где находился еврей, землепашцы разорялись, население спивалось: «поэтому, чем шире раскидывалась сеть еврейства, чем более подпадет под экономическое иго и его население, тем более опустошится земля, забросятся хозяйства и пойдет по миру народ. Притом, вследствие неспособности евреев к производительному труду, они лично винокурением не займутся, а предоставят эту работу за ничтожную плату, да и то, уплачиваемую водкой, закабаленному ими населению». Поэтому периодическая печать высказывала мнение, что для сохранения благосостояния крестьянина, нужно запретить владеть землей еврею, винокуренными заводами и питейными заведениями, так как это приводило к разорению, некогда зажиточных селений. Такая ситуация очень часто приводила к еврейским погрома в различных местностях Российской империи. Также владение винокуренными заводами и питейными заведениями евреями шла в разрез с политикой государства, когда оно было озабочено вопросом пьянства в народе.

Таким образом, решение еврейского вопроса в Российской империи вызывало сложности. Государство пыталось законодательно регулировать его, но способность еврейского населения обходить законы, сводило эти попытки на нет. Владение еврейским населением винокуренными заводами и питейными заведениями подрывало устои общества в экономическом плане. Где появлялся еврей-заводчик население постепенно беднело и спивалось и некогда богатые уезды превращались в экономически отсталые районы.

Т. В. Павлина

Питейное дело в таможнях Коми края в XVII — первой половине XVIII в.

Воеводские инструкции XVII–XVIII вв. обязывали таможенных служащих «во всём… государственную пользу тщательно остерегать». «Всеприлежное радение» требовалось от них не только при выполнении таможенных функций, но и в питейном деле. В нашем докладе мы охарактеризуем эту специфическую сферу таможенной деятельности на материалах Пустозерского и Яренского уездов.

Основу питейного дела составляла продажа алкогольных напитков, относящаяся в описываемое время к монополии казны, и сбор сопровождавших её пошлин. Предусмотренные для этих целей кружечные дворы и кабацкие избы, как и таможни, начали массово открываться на территории края в первые годы правления Михаила Романова. К концу первой четверти XVII века питейные заведения функционировали во всех крупных населенных пунктах: Яренске, Пустозерске, Усть-Сысольске, Ижме, Усть-Цильме. Перед таможенными и кабацкими учреждениями ставилась единая цель — пополнение расстроенной в годы Смуты государевой казны.

С момента открытия первых кабаков и до упразднения внутренних таможен в ходе реформы 1753–1754 гг. два дела, таможенное и питейное, были объединены в описываемом регионе под таможенным началом. Единство это отражалось в названиях должностей служащих: «таможенный и кружечного двора бурмистр», «таможенный и кабацкий целовальник» и др.

Обороты местных кружечных дворов исчислялись тысячами ведер. При продаже взимались особые пошлины: «истинные» и «прибыльные» — с цены напитков, «поведерные» и «накладные» — с их объема и количества. Поступающие суммы учитывались в специальной документации.

Суммы питейной прибыли превышали таможенные сборы в несколько раз. Продажная цена вина была вдвое дороже подрядной при реализации напитков ведрами, «гривною дороже» — при разливе вина «в кружки и чарки». Кабацкие сборы поступа-

ли в казну более регулярно, чем таможенные пошлины от торговли, имевшей на территории края сезонный характер.

Выгодное для казны питейное дело для таможенников было занятием чрезвычайно хлопотным. Помимо реализации напитков, они организовывали их изготовление, доставку и хранение, а также пресекали незаконный алкооборот на подведомственной территории.

В обязанности таможенных служащих входило также должное «смотрение» за помещениями для питейной продажи. Представление об условиях и технологических особенностях питейной деятельности дают «росписные списки» кружечных дворов.

За надлежащее расходование питей, припасов и казенных денег служащие несли такую же ответственность, как и за сбор пошлин. Каждый недочёт был предметом разбирательства в воеводских канцеляриях и основанием для применения штрафных санкций в отношении виновных лиц. Список таких лиц внушителен, однако, не всегда перерасход и недостачи были их виной. Часто их причиной был воеводский произвол.

Не удивительно, что избрание на «верную» службу к питейному делу воспринималась местным населением как тяжелая повинность. Да и сами кабаки были встречены на территории Коми края неодобрительно. Отмечалось их самовольное закрытие и изгнание целовальников.

Неоднократно жаловался на кабак, открытый близ Серёговского соляного промысла, приказчик А. И. Шергин, сообщая владельцу промысла И. Д. Панкратьеву о пьянстве работников и «многих пакостях от кабака». Тем не менее, хозяин со временем стал винным подрядчиком в Яренской таможне.

Питейное дело не только обеспечивало возможности для реализации фискальных интересов государства, но и создавало определенный стимул для развития экономической жизни на территории края.

Помимо иногородних купцов, винными подрядами, а также поставкой необходимых припасов, дров, писчей бумаги, постройкой питейных помещений и их обслуживанием, «варкой» пива и вина на кружечных дворах занимались и местные жители, зарабатывая таким образом себе на пропитание.

В значительно удаленных от центра местах, какими являлись населенные пункты Коми края, питейные заведения играли коммуникативную роль. Здесь приезжие и местные предприниматели могли ожидать деловых партнеров и выгодной рыночной конъюнктуры, заводили полезные знакомства, обсуждали новости, проблемы и планы, заключали сделки.

Широкие возможности для проявления частной инициативы и накопления капиталов давали кабацкие откупы, которые применялись наряду с «верной» системой.

Не только купцам, но и крестьянам, привлекавшимся к питейной «верной» службе, эта деятельность давала сплав разнообразных знаний, умений и навыков в области налогов и права, бухгалтерского учета и делопроизводства, предпринимательства и торговли, который позволял в дальнейшей жизни более грамотно планировать свои расходы и доходы, вести торговые операции и хозяйство в целом.

Деятельность эта также давала понимание причастности к делу государственной важности, поскольку из кабацких доходов местных таможен преимущественно оплачивались расходы на казенные и общественные нужды. Эта выполняемая таможенными учреждениями функция для Коми края с учетом его специфики (удаленность от центра, место ссылки, суровый климат) представляется исключительно важной.

И. П. Павлова

Движение за трезвость в Российской и Германской империях: попытка сравнительного анализа

Движение против пьянства за трезвость развивалось в XIX веке в большинстве европейских государств. Задача работы — выявление общего и отличного в развитии антиалкогольного движения в Российской и Германской империях, пространственно-хронологических вариаций. Различные термины «антиалкогольное движение», «трезвенническое движение», абсентеизм (как общественное движение) рассматриваются как синонимичные. Трудности сравнительной лингвистики определяются необходимостью соотнесения понятий, используемых в современных языках, с устойчивыми дефинициями XIX — начала XX веков.

Общим для обеих стран было то, что в трезвенническом движении выделились два крыла: за ограничение потребления и за полный отказ от алкоголя. Движение проявлялось в неформальных протестах и общественных объединениях, имевших структуру, уставные документы. Главными характеристиками и тенденциями в развитии движения были зависимость от налоговой и экономической политики государств, от культуры (буржуазных или религиозных идеалов), ориентация на объединение разрозненных усилий в борьбе за трезвость, тенденция к превентивности в борьбе с алкоголизацией.

В Германии движение началось 1840-е гг., когда с распространением картофеля и технизацией сельское производство крепкого алкоголя (Branntwein) стало чрезвычайно рентабельным, алкоголизм стал проблемой. Стали возникать первые союзы людей, дававших публичную клятву о воздержании от алкоголя. Большинство из 1200 групп образовалось в северных и восточных регионах Германии с центром в Познани. Эти движения «растаяли» в период революции 1848 г.

Начало движения в России — стихийное, когда в 1858–59 гг. проявилось крестьянское трезвенническое движение более чем в 30-ти губерниях как протест против «плохого алкоголя».

Второй период в Германии начался в 1880-е гг. Трезвенническое движение сразу возникало как сеть. В 1883 г. зародилась «Немецкая ассоциация против злоупотребления спиртными напитками» (DVMG). Она стремилась на законодательном уровне ограничить доступность алкоголя, но потерпела поражение. К 1913 г. союз насчитывал 41 тыс. членов. В 1889 г. врач В. Боде в Дрездене основал Немецкий союз противников алкоголя (DAGB), который состоял в основном из академических кругов. С 1896 г. возникали многочисленные ассоциации учительниц, священников, почтовых служащих, студентов. Они создавали безалкогольные рестораны, устанавливали мобильные тележки для кофе, продавали «здоровые» напитки: минеральную воду, кофе, молоко, лимонад, осенний сидр.

Активным религиозным союзом был Орден Добрых Тамплиеров (Храмовников) (Guttemplerorden). Он возник в Штате Нью-Йорк в Америке (I.O.G.T.) как масонское сообщество. В Германии первые ложи появились на севере в 1883, 1889 гг. Члены движения отказывались полностью от табака и алкоголя, проводили танцевальные вечера, устраивали игры, фестивали и др. Борьбу с алкоголизацией в Германии вели также религиозные союзы: Голубого Креста (Blaukreuz) — евангелической церкви Германии и Католический Союз Креста.

«Алкогольный вопрос» не поднимался революционными партиями в России. В Германии Социал-демократическая партия на съездах поставила вопрос о пьянстве, как препятствии на пути к цели партии. В 1903 г. в Бремене был основан Немецкий союз рабочих «отказников» (DAAB). В статьях говорилось об альянсе против рабочих трех «К»: «Kapital, Kirche, Kneipe» (капитала, церкви, пивной). Пропагандировалась спортивная активность, осмысленное проведение свободного времени.

В России второй период начался с создания обществ по частной инициативе в 1870–80-е гг. Роль православной церкви в движении была центральной. Указом Святейшего Синода 1889 г. «О содействии возникновению обществ трезвости» духовенству рекомендовалось создавать общества при приходах. Руководящей была и роль государства: создание обществ трезвости инициировалось С. Ю. Витте одновременно с введением казенной винной монополии. Для облегчения создания обществ

были подготовлены типовые анкеты и «обетные расписки»-клятвы об обещали воздерживаться от спиртных напитков. Попечительства проводили нравственно-религиозные чтения, открывали библиотеки, воскресные школы, организовывали «трезвые» праздники. К 1911 г. в России насчитывалось около полумиллиона членов таких обществ.

В обеих странах на рубеже веков выходили десятки печатных органов. В России выходили листки и газеты, переводная литература. В Германии в университете прикладных наук в Магдебурге-Стендале собрано 16 тыс. изданий по вопросу вреда алкоголя, большинство которых вышло в период 1880–1914 гг.

Особенности в развитии трезвеннического движения:

1. В России господствовала идея полного отказа от потребления спиртных напитков. Первый Всероссийский съезд 1910 г. единогласно принял резолюцию за полное воздержание от потребления алкоголя. В Германии первоначально побеждали «отказники», но затем идея сознательно регулируемого потребления. Акцент делался на региональные особенности (в Баварии на базе пива низового хранения (Lagerbier).

2. В Германии делались вполне результативные попытки общегерманских объединений в борьбе за трезвость. Общероссийских формирований трезвеннического движения не сложилось. Съезды (Санкт-Петербург, 1909 — начало 1910 г.) и (Москва, 1912 г.) не привели к единству. В 1911 г. В Петербурге был создан «сверху» Всероссийский трудовой союз христиан-трезвенников, который был принят под покровительство императорской семьи.

3. В Германии инициатива по созданию трезвеннических объединений переходила от религиозных структур к обществам, наблюдалось разнообразие общественных движений. В России основу составило государственно-церковное взаимодействие, административный ресурс. Организации были однотипного характера при приходах.

4. Теория вопроса строились на разных основаниях. В Германии Г. Бунге и А. Форель выдвигали в 1890-е гг. «теорию дегенерации» (алкоголь меняет тело, лица, стигматизирует). Некоторые исследователи говорят о связи этого движения с началами расовой гигиены. Психиатр и евгеник Э. Рюдин предложил тер-

мин «алкогольные сорняки» («Alkohol-Ausjäte»). В России акцент делался на греховности пьянства, на религиозных основаниях трезвости.

Таким образом, при общих тенденциях в развитии трезвеннического движения в двух империях выявлены различия в области инициативы, структурирования и теории движений.

Л. Р. Париева

Борьба с пьянством в Белой армии в период Гражданской войны (по материалам Российского государственного военного архива)

Невоздержанное употребление спиртных напитков во все времена в России создавало огромные проблемы. Не явился исключением и период Гражданской войны. В офицерской среде, по воспоминаниям служивших в армии адмирала Колчака, проявлялась непочтительность к старшему руководству, пьянство, мародерство, распространилась карточная игра. Верховным Главнокомандующим предпринимались попытки прекратить такого рода явления и наладить дисциплину в армии: «…в то время, когда враги наши пользуются нашими временными неудачами … ко мне поступают сведения об усиливающемся пьянстве среди военных», для устранения которого принимались соответствующие меры.

Например, приказом Колчака 1919 г. поручик 8-го Тюменского полка был разжалован в рядовые и отправлен на фронт за следующие деяния: «Николай Виноградов, подвергнутый в дисциплинарном порядке содержанию на гауптвахте за пьянство и неприличное поведение в общественном месте, 27 ноября, будучи уволен с гауптвахты в баню, вновь напился пьяным и в таком виде был задержан чинами городской милиции».

О наложении дисциплинарных взысканий на военнослужащих, совершивших проступки в нетрезвом виде, свидетельствуют и приказы военачальников ВСЮР. Например, приказ по казачьему войску 1918 г. гласил: «За бесчинство и буйство, а равно за нарушение правил благочиния в публичном месте при обстоятельствах, особенно увеличивающих вину, как-то в нетрезвом виде, с обнажением оружия, стрельбой в воздух в присутствии толпы и т.п. назначить виновных в том офицерам и военным чиновникам разжалование в рядовые». Или приговором суда корнет Виктор Вейхерт в июне 1919 г. был разжалован в рядовые на срок до 3 месяцев за то, что, находясь на пароходе «Константин» в сильно нетрезвом состоянии, «не обращая вни-

мания на присутствовавших там штаб-офицеров, производил шум и беспорядок, крича на пассажиров: “Прочь с дороги, дайте дорогу офицеру, мерзавцы!”».

Главнокомандующим ВСЮР Деникиным издано множество приказов с приговорами судов за нахождение в нетрезвом виде и совершение тяжких проступков, за которые на основании Свода военных постановлений присуждалось содержание на гауптвахте в течение 4–6 месяцев с ограничением некоторых прав и преимуществ по службе. Например, такое наказание заслужил подъесаул 1-го Кубанского стрелкового полка Василий Головко за то, что «в гор. Новороссийске в кафе «Палас», будучи в нетрезвом виде, ругал площадной бранью в присутствии посторонней публики находившихся там капитана Гамазова и прапорщика Вальтера, причем первому нанес удар, а второго пытался ударить по лицу», угрожал капитану Гамазову «убить его за то, что тот не соглашался простить его за нанесенное ему оскорбленье». Или прапорщик Александр Никифоров был осужден за то, что «в нетрезвом виде в парикмахерской Акопянца потребовал направить ему кинжал и, получив отказ, потребовал щипцы, сломал их, собирался бить зеркала, кричал, что всех перережет».

О совершении неподобающих званию «белого» офицера поступков свидетельствуют и оперативные сводки, например, перехваченная «красными» секретная сводка о состоянии белогвардейских войск на Дону в 1918 г.: «Женщин насилуют, командный состав не борется с бандитизмом, а иногда и сам принимает участие в нем. Офицеры вообще разлагаются, спекулируют, играют в карты на громадные суммы, занимаются грабежом. В большинстве полков отмечается дикое пьянство. Например, в Донском конном полку… офицеры устроили праздник, отправившись в дом священника, где учинили такой дебош с диким ревом, с взвизгиванием, оглушительным стуком и т. д., что хозяин дома, священник, принужден был стоять всю ночь у забора своего дома, боясь войти в него».

Непрекращающееся пьянство офицеров и солдат, находящихся в тылу, заставило Деникина в декабре 1919 г. издать приказ о «воспрещении посещения и пребывания посетителей в заведениях позже 11 часов вечера, а равно и употребления в них

всяких спиртных напитков». Однако, это не возымело действия, если даже комендант города Грозного полковник Чернявский был застигнут с музыкантами в ресторане «Буфф» в пьяном виде и после 11 вечера, за что был отстранен от занимаемой должности.

За распитие спиртных напитков и нахождение в ресторанах после 11 воинские чины арестовывались и предавались суду за неисполнение распоряжений начальства. Так, офицеры Одесского гарнизона, позволившие «поведение, недостойное звания офицера возрождающейся Русской армии», были приговорены к нахождению в течение 30 суток на гауптвахте и отправлению в действующие части, за то, что в ресторане гостиницы «будучи в состоянии опьянения, побили стаканы, учинили явное издевательство над личностью некоторых служащих и вообще вели себя крайне непристойно».

Таким образом, в Белой армии борьба с пьянством, принявшим угрожающие, судя по количеству приказов белых военачальников, масштабы, велась повсеместно и целенаправленно, однако, должного действия она не возымела.

В. Б. Перхавко

Об импорте и употреблении виноградного вина в средневековой Руси

С виноградным вином купцы, воины и дипломаты из Руси познакомились еще во второй половине IX — X вв., во время походов и поездок в Византию и ее столицу. Помимо оливкового масла в глиняных амфорах-корчагах транспортировалось заморское красное вино, использовавшееся для причащения в великие церковные праздники и входившее в рацион питания монашества. Анализ форм амфор и клейм керамических мастерских позволил установить, что вино на Русь в X–XIII вв. доставлялось купцам как из самого Константинополя, так и из Крыма и Нижнего Подунавья. Основная масса привозного дорогостоящего вина, несомненно, потреблялась княжескими и боярскими дворами, но определенная его часть шла и на нужды церкви, с которой иногда делилась феодальная верхушка.

Из жития Феодосия известен случай, когда в Киево-Печерской обители в эпоху правления великого киевского князя Всеволода Ярославича (1078–1093) почти не оставалось вина для литургии, туда «привезоша три возы, плнии суще корчаг с вином, их же посла жена некаа, яже бе предражащи вся в дому благовернаго князя Всеволода».Тем не менее, древнерусским храмам и монастырям приходилось делать и собственные закупки вина. Отвечая на вопросы священнослужителя Кирика, новгородский епископ Нифонт (1131–1156 гг.) напутствовал его: «А вино свое держи, купив корчагу, тако же темьян…».

Приведенные выше письменные свидетельства подтверждаются и археологическими материалами. На территории Киево-Печерской лавры обнаружена большая глиняная амфора с надписью «корчага доброго вина». В значительном количестве фрагменты амфор открыты и при раскопках усадьбы новгородского священника и иконописца конца XII — начала XIII в. Олисея Гречина. Общаясь с ганзейским купечеством в Новгороде и Пскове, выезжая в страны Балтики, местные торговые люди почувствовали вкус немецкого пива и рейнского вина.

Далеко не все категории древнерусского населения имели возможность отведывать импортные алкогольные напитки. Купцы, торговавшие с Византией, надо думать, ранее других слоев городского населения приобщились к заморским виноградным винам. Как полагают С. Франклин и Дж. Шепард, гости-залозники XII в. привозили в Киев вино из Крыма, о чем свидетельствуют находки фрагментов крымских и причерноморских в целом амфор, встречающиеся при раскопках во многих городах Руси (Белоозеро, Волковыск, Гродно, Киев, Москва и др.).

В 1948 г. экспедицией под руководством А. Л. Монгайта на северном городище Старой Рязани был обнаружен фрагмент глиняной корчаги с ручкой, на котором хорошо читается надпись в четыре строки, прочерченная после обжига: «Новое вино добрило послал князю Богунка». Слово «добрило», скорее всего, означает «доброе, улучшенное» вино. А. Л. Монгайт первоначально датировал эту надпись, сделанную, по всей видимости, купцом-поставщиком вина, концом XI — первой половиной XII в., но, проанализировав более внимательно палеографические особенности надписи и форму тарного сосуда, А. А. Медынцева посчитала более правильным отнести находку ко второй половине XII в. либо даже к рубежу XII–XIII вв.

В литературе бытуют представления о ввозе красного вина в Московскую Русь гостями-сурожанами и генуэзцами из Северного Причерноморья, однако в самих итальянских торговых факториях Крыма в XIV–XV вв. не хватало виноградного вина, которое приходилось ввозить из других мест.

Митрополит Фотий около 1416 г. направил в Псков в ответ на запрос местного духовенства послание, в котором, в частности, рекомендовал употреблять импортные продукты («вино или хлеб, или овощь»), привозившиеся из «Немечские земли» после соответствующего ритуала: «очистив то молитвою от иерея, подобает ясти и пити».Посол Георг Перкамота информировал в 1486 г. миланского герцога Джана Галеаццо о том, что вино московскому государю Ивану III привозят «из некоторых близлежащих стран, в которых оно водится, в первую очередь от немцев».

Как засвидетельствовал Сигизмунд Герберштейн, посещавший Россию в 1517 и 1526 гг., членов австрийского посольства, угощали на великокняжеском приеме и у смоленского наместника мальвазией и греческим вином. На пирах у московской знати подавались импортные вина: аликант, бастр, белое, мармазея (мальвазия), мушкатель, ренское, романея, «францовское». В главе 54 Забелинской редакции Домостроя (список ОИДР, 60-е гг. XVI в.) рекомендовалось хранить в отдельном погребе под замком «вина фрясские и меды всякие, и сыченая перевара, и всякое лутчее питье». Издатели переводят словосочетание «фрязские вина» как «сухие вина». В Стоглаве (глава 52) монахам и монахиням разрешалось употреблять, наряду с квасом, только «фряжьские вина, где обрящутся, да испивают якоже устав повелевает славу божию, а не в пиянство». В 1567 г. Кирилло-Белозерский монастырь приобрел в Холопьем городке, наряду с другими импортными товарами, церковное вино. Церковным могло быть только красное сухое вино, символизирующее во время причастия кровь Христа. Иезуит Джованни Паоло Компани, посетивший в 1581 г. Москву в составе папской миссии Антонио Поссевино, с определенным преувеличением писал, что импортное вино («романия») хранилось только у царя, который сам распределял его «среди епископатов по всей Московии для святого причастия».

В конце XVI в. виноградные вина ввозили в Москву английские коммерсанты. Согласно информации, полученной в 60-х гг. XVI в. венецианцем Франческо Тьеполо (1509–1580), вино на Русь привозилось в небольшом объеме по Черному морю, Днепру и Балтике и стоило довольно дорого. В русской Торговой книге конца XVI — начала XVII в. приведены закупочные цены на 8 сортов импортного вина. Большая бочка аликанта и мушкатели стоила 12 рублей, конарского вина — 10 рублей, бастра, романеи — 8 рублей, испанского, красного, рейнского — 6 рублей.

На протяжении всего изучаемого периода X–XVI вв. виноградное вино ввозилось на Русь не для широкого потребления. Этот алкогольный напиток можно было отведать главным образом на княжеских и царском дворах, на столе феодальной знати, богатого купечества. Использовалось оно также в церковных целях.

И. Д. Петришина

Проблема борьбы с алкоголизмом в конце 1920-х гг. (на примере Центрального Черноземья) *

Актуальность темы обусловлена необходимостью определения наиболее эффективных путей борьбы с алкоголизмом. В работе показаны факторы роста потребления спиртных напитков в 1920-е гг. в Центрально-Черноземной области (ЦЧО) и меры борьбы с алкоголизмом. В центре внимания исследования мероприятия административного и репрессивного характера, которые разрабатывались руководством ЦЧО для борьбы с алкоголизмом в конце 1920-х гг., когда власти приступили к коренному переустройству общества путем создания мобилизационной модели экономики. Предлагаемое исследование основано на материалах государственного архива общественно-политической истории Воронежской области.

В течение 1920-х гг. наблюдалось распространение производства и продажи алкогольных напитков и либерализация антиалкогольного законодательства и уголовного наказания в отношении рабочих и крестьян, не преследовавших цели извлечения выгоды из незаконного производства и продажи самогона.

Пьянство имело широкое распространение не только в различных слоях советского общества, но и среди членов партии. Наряду с социально-экономической предопределенностью причин возрастания пьянства в 1920-х гг., местные власти стремились выявить факторы, способствовавшие росту этого «общественного зла». 27 сентября 1928 г. состоялось специально созванное Центрально-Черноземным областным административным отделом совещание всех начальников окружных административных отделов и их помощников по уголовному розыску по вопросу состояния преступности и мерах борьбы с ней. Важнейшим вопросом повестки дня был поставлен вопрос о разработке административных мер для борьбы с алкоголизмом. Эта проблема требовала особого внимания властей, поскольку усилившееся пьянство, особенно в городах ЦЧО, привело к росту

* Стендовый доклад.

административных правонарушений и уголовных преступлений таких как хулиганство, драки.

Власти рассматривали законные возможности для сокращения торговли спиртными напитками в соответствии с постановлением СНК РСФСР от 4 марта 1927 г. и изданной НКВД инструкцией от 24 мая 1927 г. № 194. Работники административного отдела изучили положение в окружных городах ЦЧО с точки зрения распространения пьянства и одновременно с этим запросили необходимые статистические данные из Центроспирта. Полученные сведения указывали на то, что наряду с целым рядом причин, увеличивающих потребление алкоголя рабочими в городах, огромное значение имели факты «насыщения» рабочих районов винными лавками и пивными, расположение таких лавок вблизи крупных предприятий. Если сеть расположения таких торговых заведений, включая все заведения, торгующие в городах спиртоводочными изделиями, представить в виде таблицы 1, то получится, что 40 % всех питейных заведений было расположено либо вблизи фабрик и заводов, либо на окраинах, заселенных рабочими.

Таблица 1. Расположение заведений, торгующих спиртоводочными изделиями, в городах ЦЧО в 1927 г.

Место расположения заведения	Количество: всего 100 %
На центральных улицах	20 %
На окраинах, заселенных рабочими	30 %
На базарных площадях	40 %
Вблизи фабрично-заводских предприятий	10 %

Другим, не менее важным фактором, способствующим увеличению пьянства в городах, являлась торговля алкогольными напитками и в праздничные, и в предпраздничные, и в дни выдачи зарплаты на предприятиях, и в лавках, расположенных на базарных площадях, где основными покупателями были крестьяне, особенно в базарные дни. Нижеприводимые данные достаточно точно указывают на то, как резко повышался спрос в эти дни по сравнению с будничным днем середины недели. Если в средний день недели, будничный и не базарный, принять тор-

говлю за 100 %, то в предпраздничный день она составляла 200 %, в дни получек — 300 %, в базарные дни — 250 %, в праздничные дни — 200 %. Эти торговые заведения главным образом были расположены на базарных площадях и окраинах города, повсеместно заселенных рабочими, поэтому вполне определенно, что с одной стороны — получка, с другой стороны — близость лавки, создавали благоприятную почву для увеличения спроса на водку. Что же касается базарных площадей, сплошь и рядом оснащенных спиртоводочными лавками и пивными, то это создавало не только благоприятные условия для пьянства крестьян, покупающих и продающих на базарах, но и определенно стимулировало их к этому.

Что касается состояния алкогольного рынка, то в годы нэпа наблюдалась твердая тенденция к его росту, Центроспирт увеличивал план производства спиртного. Это также создавало благоприятную обстановку для увеличения спроса на водку в городе. Показательно то, что в 1926/27 г. государство «втягивало» кооперацию в торговлю алкогольными напитками, а в 1928/29 г., несмотря на поднятую общественными организациями кампанию против торговли кооперацией водкой, такая торговля возрастала, и Центроспирт пытался увеличить ее сбыт. Особенно значительный рост сети Центроспирта происходил в 1927–1929 гг., что отражено в таблице 2.

Таблица 2. Продажа спиртоводочных изделий Центроспиртом в ЦЧО в 1926/27 и 1928/29 гг.

Год	Количество (ведер)
1926/27	1988140
1927/28	1811726
1928/29	3577400

В городах в 1926/27 г. сбыт составил 602301 ведер, в 1928/29 г. — 737600 ведер, в селах за 1926/27 г. — 138583 ведер, в 1928/29 г. — 2825400 ведер.

Если в 1926/27 г. в торговой сети ЦЧО было 1178 торговых единиц, торгующих водкой, то в 1928/29 г. — 1930.

Ситуация с ростом потребления спиртного была опасна не только сама по себе, на этом фоне росло количество преступлений. Власти считали необходимым применить «срочные и энергичные мероприятия» по борьбе с ростом употребления спиртных напитков. Все материалы по этой проблеме были тщательно проработаны на специально созванном совещании начальников окружных административных отделов ЦЧО 8 октября 1928 г., на которое были привлечены заинтересованные областные общественно-политические организации. Совещание вынесло специальную резолюцию, предлагавшую целый ряд конкретных административных мероприятий с учетом бюджетных возможностей области. Тем более, что по мнению начальника ЦЧО областного административного отдела Мазурова, города области не являлись серьезной статьей дохода в бюджете.

Были определены первостепенные меры в борьбе с алкоголизмом в ЦЧО. В рамках постановления СНК от 4 марта 1927 г., которое предоставляло право местным органам власти ограничивать продажу спиртных напитков, предлагалось запретить открытие новых мест продажи водки, виноградного вина и пива, прекратить кооперативную торговлю вином в городах Орел, Воронеж, Тамбов и Курск, основной сетью оставить только лавки Центроспирта; запретить продажу спиртных напитков в дни получек зарплаты по предприятиям, продажу в одни руки более одной бутылки водки в городах и поселках городского типа, продажу всяких алкогольных напитков в столовых, буфетах, ресторанах, клубах и на вокзалах, продажу всяких алкогольных напитков в дни отдыха и праздники, а также сократить часы торговли в предпраздничные дни с тем, чтобы по окончании работ на предприятиях и заводах продажа уже была прекращена, запретить продажу алкогольных напитков в районах, заселенных специально рабочими, перенести все спиртоводочные лавки и пивные с базарных площадей окружных городов. Запреты распространялись и на рекламу алкогольных напитков в общей печати и справочниках, уличную — на зданиях, трамваях, витринах, кроме надписей на лавках Центроспирта, пивных и специальных магазинах виноградных вин.

С целью достижения непосредственной связи административно-милицейского аппарата с трудящимися массами в прове-

дении принятых административных мероприятий по борьбе с алкоголизмом, совещание предлагало периодически проводить отчетные доклады о ходе этой работы в рабочих клубах, на рабочих конференциях и собраниях крупных предприятий.

Планировалось также более тесное сотрудничество властей с обществом борьбы с алкоголизмом в отношении выявления конкретных случаев шинкарства и лиц, неоднократно задержанных в нетрезвом виде, для сообщения в профсоюзные организации.

Принимая конкретные предложения административного порядка по борьбе с алкоголизмом, совещание считало необходимым одновременно принятие мер для развертывания сети наркокабинетов и вытрезвителей, чайных и закусочных с устройством в них культурных развлечений: шахматы, шашки, эстрадные выступления, проведение массовой культурно-просветительной работы среди населения, используя прессу и радиовещание.

Власти предполагали, что такая государственная политика по ограничению употребления спиртных напитков приведет к всплеску шинкарства и самогоноварения. В таких условиях планировалось усиление работы административного и милицейского аппарата на местах, надзора за выполнением закона о недопущении отпуска спиртных напитков малолетним и лицам, находящимся в нетрезвом состоянии.

Эти меры соответствовали более масштабным планам, указанным в проекте постановления СНК СССР по вопросам алкоголизма от 22 июня 1928 г., где намечалось ограничение производства алкогольных напитков и пива ежегодно не менее, чем на 10 %, начиная с 1928/29 г., полное прекращение в десятилетний срок в СССР производства и продажи водки, водочных изделий и пива, развитие заменяющих производств, ограничения продажи и потребления спиртного, усиление антиалкогольной пропаганды, бытовое отвлечение от алкоголизма и лечение, а также репрессивные меры

Власти понимали, что запланированные антиалкогольные меры приведут к снижению бюджетных поступлений, поэтому рассматривались пути замены этих доходов в госбюджете другими доходами в перспективе до 1937/38 г. Такая государствен-

ная антиалкогольная политика охватывала законодательные советские органы всех уровней, СНК, Госплан, ВСНХ, Наркомфин, Наркомторг, Наркомтруд, Наркомпрос, Наркомат рабоче-крестьянской инспекции, ЦСУ СССР, Центральный коммерческий банк, Центросоюз, Центроспирт, Совкино, правительства всех союзных республик, руководителей всех уровней.

Таким образом, в СССР в конце 1920-х гг. для борьбы с алкоголизмом прорабатывалась система мер административного, экономического, финансового, культурно-массового, оздоровительного, пропагандистского и репрессивного характера. Рассмотрение этих мер приводит к выводу о том, что в конце 1920-х гг. планировалась масштабная антиалкогольная общественно-политическая кампания.

П. С. Покидько

Пивная культура в СССР в 1950–1970-е гг. (на примере Ленинграда и Ленинградской области) *

В 1950–1970-е гг. в СССР сформировались новые практики потребления пива, ставшие важной частью жизни позднесоветского общества. Потребление пива обрастало ритуальными формами и маршрутами, становившимися популярным способом проведения досуга и своеобразной формой социальной коммуникации советских граждан. Бесперебойная работа и многочисленность ларьков, к концу советской эпохи ставших своего рода ее символом, были возможны благодаря активной поддержке пивного производства государством, а также удержанию низких цен на пиво. Решение проблемы нехватки зерна и других компонентов, необходимых для производства слабоалкогольных напитков, в первую очередь за счет импорта, начиная с хрущевского времени, позволило производить пиво в большом объеме в крупных промышленных центрах, включая Ленинград. В целом, развитие пивной культуры вписывалось в процесс структурных изменений, направленных на повышение качества жизни граждан, происходивший в СССР на рубеже 1950–1960-х гг.

По мнению историка Ю. Аксютина, задачей социальной политики в этот период было уравнение привилегий номенклатуры и передовиков производства и превращение дефицитных продуктов питания и товаров для дома в доступные для широких масс населения. При этом товары должны были использоваться для удовлетворения текущих потребностей граждан. Нормы культурного потребления пива были описаны в известной «Книге о вкусной и здоровой пище» 1954 г., где пиво описывалось как напиток, употребление которого способствовало улучшению настроения и функционированию организма человека. С помощью развития пивной культуры советские власти стремились решить проблему чрезмерного потребления алкого-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10017).The research was supported by the Russian Science Foundation (project № 19-78-10017)

ля. При этом напрямую ограничить производство водки советские власти не решались, так как это было важной статьей дохода в бюджет. Несмотря на то, что значительная часть населения крайне негативно относилась к потреблению алкоголя и воспринимала это как недоработку советской системы, власти расширяли продажу алкогольных напитков как одной из ключевых доходных статей . Однако среди главных причин начать борьбу с алкоголизмом было увеличение количества правонарушений и преступлений. Пьянство советских граждан негативно отражалось на экономических показателях, снижало продуктивность труда и увеличивало количество травм и смертей на производстве. Решить эти проблемы власти стремились, в том числе, за счет увеличения производства и реализации слабоалкогольных напитков.

В докладе на основе архивных материалов и устных интервью показано, как с помощью развития пивной культуры власти стремились уменьшить потребление водки и других алкогольных напитков. Материалы из центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПБ) содержатся протоколы Ленинградского городского совета, освещающие проблемы производства пива и его реализации в городе и области. Материалы Ленинградского областного государственного архива (ЛОГАВ) и фонды «Объединенного музея заповедника Выборгский замок» за 1950–1970-е г. описывают региональные практики потребления напитка в Выборгском районе. Статьи в местных газетах «Ленинградская правда» и «Выборгский большевик» рассказывают об изменениях в закусках к пиву в зависимости от особенности развития экономики СССР.

Е. М. Попова

«Поп пьян ходит во дворе»: частные случаи девиантного поведения в Новгороде в начале XVII в.

В начале XVII в. в России начался затяжной период Смуты, который характеризуется децентрализацией, появлением самостоятельных центров, фактически вышедших из-под контроля Москвы. Таким примером может служить Великий Новгород, оказавшийся в 1611 г. под контролем шведского военачальника Якоба Делагарди. Многие исследователи обращают внимание на тот факт, что Смутное время стало периодом кризисных явлений, в том числе и в духовной сфере. Как отмечает А. Смирнов, еще до прихода в Новгород шведов, город был фактически разорен, скопление бедноты и нищеты привело к «повышению криминальной ситуации в городе и бесконтрольному пьянству среди горожан». На наш взгляд подобная ситуация должна привести к проявлению девиантного поведения, ввиду чего мы обратились к источникам, чтобы выяснить сохранились ли сведения о непристойном поведении среди особой ячейки общества — представителей русского православного духовенства.

Новгородская история данного периода ярко представлена в документах Новгородского оккупационного архива, хранящихся в Государственном архиве Швеции, а также в Коллекции С. В. Соловьева и в Коллекции актов до 1613 г., хранящихся в Архиве СПбИИ РАН. Изучив обширный пласт источников, нам удалось обнаружить два любопытных случая, связанных с «пьяным» поведением представителей русской православной церкви.

Первый случай датируется 1610 г., т. е. еще до прихода шведов в Новгород. К приставу Федьке Линеву пришел посадский человек Афанасий Суконник, который поведал ему леденящую душу историю: «у попа Дорофея чинитца головщина», т. е. совершается уголовное преступление — убийство, виновником которого был сам поп Дорофей, оказавшийся смертельно пьяным.

Вторая ситуация произошла в период шведской оккупации Новгорода в 1616 г. Так как кабаки не переставали работать в

Новгороде, они оставались часто посещаемыми общественными заведениями, о чем свидетельствуют данные кабацких книг Новгородского оккупационного архива. «Пьяные драки» происходили, однако узнать об этом можно лишь косвенно, например, изучая описание испорченного инвентаря. Так, например, одна кружка была разбита об голову посетителя «злачного местечка». Однако нам удалось обнаружить один документ, повествующий об участии новгородского попа Саввы в кабацких драках. Повествование в документе ведется от лица пострадавшей стороны — плавильщик монетного двора Лучка Офонасьев жалуется на то, что он был избит и ограблен в кабаке по наводке попа, и просит властей разобраться в случившемся, а также вернуть ему, Лучке, украденное имущество.

Таким образом, можно сделать вывод, что в документах зафиксированы факты проявления девиантного поведения на почве употребления алкоголя представителями новгородского духовенства. В целом, из числа общей документации, количество таких дел крайне мало. Безусловно, не стоит забывать о том, что многие следственные дела могли не сохраниться, поэтому часть информации могла быть утеряна. Однако мы склонны считать, что представленные нами частные случаи в Новгороде начала XVII в. являлись больше исключением, нежели нормой.

Н. В. Пронина

Формирование стандартов и требований к питейным заведениям в России XVII — первой половины XIX в.

Повышение государственного контроля за алкогольной отраслью во второй половине XVII столетия привело к формированию и закреплению в нормативных актах первых требований к продаже пития. Постепенно законодателем были установлены стандарты территориального размещения и устройства питейных заведений; введены требования к качеству реализуемой продукции и уровню розничных цен на хлебное вино, водку и другие напитки; прописано время работы кабаков и многое другое.

Фискальные интересы государства, необходимость соблюдения мер пожарной и санитарной безопасности определили введение с XVII века первых *стандартов территориального размещения* кабаков. Первые территориальные ограничения касались установления требования продавать питие только в городах и полного запрета розничной продажи алкогольной продукции на отдельных территориях. Эти запреты носили временный характер и отменялись как только питейные доходы казны начинали снижаться. Начиная с XVIII века устанавливаются нормативы расположения питейных заведений относительно отдельных объектов: монастырей, церквей и кладбищ, а также на землях, принадлежащих церкви; казарм, военных госпиталей, пажеских и кадетских корпусов. Полный запрет на реализацию алкогольной продукции вводится в зданиях народных училищ, на кораблях и мелких судах (запрет действовал до начала XIX в.). Для городского благоустройства и соблюдения чистоты, начина с XVIII века, кабаки с больших улиц переводятся на малые; а с XIX века в целях защиты жилых домов и строений от пожаров питейные дома следовало учреждать на безопасном расстоянии от пороховых заводов и фабрик на которых, производились взрывчатые вещества.

В зависимости от необходимости снизить или увеличить объемы потребляемого в стране пития, власти XVII–XVIII сто-

летий то вводили *четкую регламентацию количества мест торговли алкоголем*, то позволяли винным продавцам открывать кружечные дворы без ограничений. Первые количественные ограничения были введены в 1651 году, а позднее право на содержание определенного количества питейных заведений, а также правила учреждения новых мест розничной торговли алкоголем устанавливались откупными условиями и договорами.

Устройство питейного заведения тоже регламентировалось законодателем. В XVII веке эти требования носили общий характер и касались, прежде всего, предписаний — иметь при кабаках места для хранения пития. В соответствии с требованиями XVIII века кабак должен был состоять уже, как минимум, из двух строений: места продажи пития — непосредственно кабака, а также ледника или погреба — места хранения алкогольных напитков. *«Для лучшей безопасности от огня»* сначала в столицах, а затем и в других города, вводится требование строить только каменные кабаки.

Питейные заведения могли работать только в *установленное законом время*. Торговля алкогольными напитками в XVII — первой половине XIX столетии во всех питейных заведениях была запрещена во время божественных служб в церквях (до ее окончания), во время крестных ходов, в воскресенье и в табельные праздничные дни.

Законодателем предписывалось, что реализуемое в кабаках питие должно было быть надлежащего качества без примесей и дурных запахов, без добавления трав и одурманивающих веществ. Крепость производимых и реализуемых алкогольных напитков должна была быть не менее установленной для конкретного вида продукции.

Установление в XVII веке *требований для субъектов алкогольного рынка реализовывать питие только установленными объемами* — «*мерами*», стало одним из важнейшим нововведений, позволивших власти контролировать производство и оборот алкоголя в стране.

Еще одним важным нововведением, позволяющим контролировать питейный доход, установленным властями в середине XVII столетия, стало *закрепление фиксированного уровня цен на алкогольную продукцию* (и прежде всего на хлебное вино), реа-

лизуемое в кабаках. Постепенно ценовое регулирование распространялось не только на реализацию хлебного вина, правила ценообразования касались и продажи водок, пива, меда и т. д. В разные периоды времени власти либо законодательно фиксировали цены, либо прописывали их в откупных договорах, либо розничные цены на алкогольные напитки определялась винными продавцами самостоятельно.

Дополнительные требования, которые предъявлялись к работе питейных, устанавливались, прежде всего, для охраны народного благочестия и нравственности. В XVII веке были введены первые запреты на допуск в кабаки отдельных категорий лиц: монахов и лиц «*священнического и иноческого чина*»; позднее, Камер-Пажей и служилых людей, принадлежащих к низшим воинским чинам. В питейных заведениях всякие увеселения и игры (игра в карты, кости и проч.) не дозволялись.

К. В. Проничева

Пивоваренный завод «Новая Бавария» в Петрограде в 1922–1924 гг.: опыт концессии в пивоваренной промышленности

После революции 1917 г., в условиях Гражданской войны и иностранной интервенции, промышленное производство пришло в упадок: к 1920 г. объем выпускаемой в стране продукции составлял 18 % от уровня довоенной. Наиболее эффективным способом восстановления производства новая власть посчитала концессии — сдачу предприятий в аренду западным дельцам на определенный срок с целью привлечения иностранного капитала и техники. Первые концессионные договоры были заключены уже в 1921 г. В пивоваренной промышленности такой концессией стал завод «Новая Бавария» в Петрограде (ныне — ЗАО «Игристые вина»). В декабре 1921 г. эстонско-русское торгово-промышленное акционерное общество «ЭВКАТ» в лице И. И. Окмана, Я. Г. Кирша и А. И. Янсона подало заявку на аренду завода «Новая Бавария» с целью восстановления пивоварения. 3 февраля 1922 г. вышло постановление «Об акцизе с пива, меда, кваса и фруктовых и искусственных минеральных вод», возобновлявшее фактически запрещенное на тот момент производство пива и его продажу населению, а три дня спустя, 6 февраля 1922 г., Петроградский совет народного хозяйства заключил с Окманом, Киршем и Янсоном договор аренды на завод «Новая Бавария» сроком на 6 лет. Производственная программа, предусмотренная договором, составляла не менее 12 тыс. ведер в месяц в течение первого года аренды, с доведением ее до не менее 50 тыс. ведер в месяц к окончанию срока договора. Таким образом, к 1928 г. ПСНХ рассчитывал выйти на довоенный уровень производительности завода (670,8 тыс. ведер в 1906 г.).

Первое пиво выпускается арендаторами уже в апреле 1922 г. Налаживается производство довоенных видов продукции: портера английского, пива баварского светлого и темного, экспортного пива, черного пива, меда фруктового и фруктового высший сорт. Однако 1 июля 1922 г. выходит постановление

Петроградского Губисполкома, запрещающее открывать пивные лавки в Петрограде. Как следствие в ходатайстве об открытии собственных пивных лавок заводу «Новая Бавария» было отказано, что фактически означало лишение завода петроградского рынка сбыта. В своих жалобах на действия Петроградского Губисполкома арендаторы указывали, что на деле запрет на открытие пивных лавок в Петрограде не распространяется на ПЕПО (Петроградское единое потребительское общество), арендовавшее заводы «Стенька Разин» и «Красная Бавария» и имевшее свои пункты сбыта в Петрограде. Пытаясь решить проблему сбыта, арендаторы открывают сеть пивных складов и лавок по всему Северо-Западу (Псков, Старая Русса, Кронштадт и т. д.), в сентябре 1922 г. заработал склад в Москве. Одновременно предпринимались попытки наладить сбыт в Полоцке, Твери, Вологде, Череповце, Владимире, Ярославле и др.

Уже в марте 1923 г., то есть год спустя после заключения концессионного договора, арендаторы подают прошение о пересмотре условий договора аренды (уменьшение производственной программы, понижение арендной платы и др.), с мая задерживают арендную плату, а за декабрь 1923 г. и январь 1924 г. и вовсе ее не вносят. 31 января 1924 г. Северо-западное промышленное бюро, в ведении которого в это время находился завод, подало иск о расторжении договора аренды на завод «Новая Бавария». 10 апреля 1924 г. концессионный договор был расторгнут «по вине арендаторов» («…ответчики-арендаторы являются представителями иностранного капитала и своими действиями по исполнению арендного договора выявили хищническую политику мировой буржуазии по отношению к Пролетарскому Советскому Государству»), а несколько дней спустя завод «Новая Бавария» передан в ведение Государственного пищевого треста Северо-Западной области. В докладе рассматривается история пивоваренного завода «Новая Бавария» в 1922–1924 гг., когда он был сдан в аренду иностранным предпринимателям на правах концессии, и те трудности, с которыми столкнулись как иностранные предприниматели, так и советская власть, попытавшись внедрить в пивоваренной промышленности опыт концессии.

Д. А. Прохоров

«Приносят явный вред коренным жителям, допуская в питейных заведениях развращение…»: еврейская питейная торговля в Таврической губернии в XIX — начале XX в. и общественное мнение

22 августа 1881 г. императором Александром III было опубликовано «Высочайшее повеление», в котором говорилось о «ненормальном отношении между коренным населением некоторых губерний и евреями». Документом предписывалось создать в губерниях «черты оседлости» особые комиссии из представителей местных сословий и обществ под председательством губернаторов для изучения экономической деятельности евреев. В начале 1880-х гг. в ряде губерний (Бессарабской, Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Екатеринославской, Киевской, Ковенской, Минской, Могилевской, Подольской, Полтавской, Таврической, Херсонской, Харьковской, Черниговской и в Одесском градоначальстве) были созданы Комиссии по еврейскому вопросу, организацию которых инициировали в рамках деятельности «Высшей Комиссии для пересмотра действующих о евреях в империи законах», созданной в феврале 1883 г.

Одной из задач комиссий являлся сбор сведений о «нравственной и экономической деятельности евреев, вредно влияющей на быт коренного населения». Членами комиссий также были собраны статистические сведения о еврейском населении страны. Например, в Симферополе согласно данных, представленных симферопольским городским головой для Таврической комиссии по еврейскому вопросу, в 1880 г. в городах губернии проживало 15 787 мужчин и женщин еврейской национальности: в Перекопе и Армянском Базаре их насчитывалось 602 чел., в Керчи — 3136, в Симферополе — 2709; в Мелитополе — 2021, в Карасубазаре — 1618, в Орехове — 1058, в Феодосии — 541, в Бердянске — 1725; в остальных городах их число составляло от 13 до 786 чел. При этом т. н. «иностранных евреев» (тех, кто имел иное, не российское подданство) насчитывалось 443 чел. Всего же в Таврической губернии проживало 25 083 еврея, из которых 7590 чел. имели определённые занятия, а остальные

17 493 чел., «исключая детей и неспособных к деятельности, помогали своим соплеменникам эксплуатировать коренное население» — среди основных занятий упоминалось ростовщичество, содержание публичных домов и питейная торговля (из 970 шинков и кабаков евреям принадлежало 690). Среди евреев комиссия насчитала 776 кабатчиков, «подставных и находящихся в услужении при питейных заведениях» — 472, владельцев оптовых складов — 65, а торговцев, приказчиков, кулаков или факторов — 3294 чел.

Члены комиссии констатировали, что «евреи являются распространителями непотребства <…> Евреи-шинкари промышляют в явный вред коренным жителям, допуская в питейных заведениях развращение, непотребство, потерю заработков и иное зло. В селениях берут с евреев деньги за право открытая кабаков не только должностным лица крестьянского управления, но и общества, увлекаемые подкупами, подпаиванием и т. п.».

Тем не менее, выявить более серьёзные «преступления» евреев против русских жителей комиссии так и не смогли — при том, что члены Таврической по еврейскому вопросу комиссии признавали факт недовольства населения экономической деятельностью евреев, однако даже ростовщичество, каким бы разорительным оно не являлось для населения губернии, не было признано самостоятельным видом эксплуатации ни в городах, ни в сёлах; «религия и нравственность не нарушается евреями через услужение [христиан]», а «пьянству и распутству евреи на научат», — констатировали в заключении члены комиссии. В декабре 1888 г. Таврическая комиссия по еврейскому вопросу, выполнив свои функции, была распущена.

Авторы публицистических материалов, размещавшихся в периодической печати, справедливо замечали, что обвинять одних только евреев в эксплуатации и содержании питейных заведений нельзя. «Если содержание кабаков так безнравственно и опасно», — замечал один из корреспондентов “Тавриды”, — то при этой возможности, не чуждой никакой нации, является необходимость уничтожения кабаков повсеместно», а за отдельные недобросовестные поступки единиц обвинять всю нацию — по меньше мере несправедливо. «Оглядитесь вокруг себя — во-

прошал другой автор. — Что вы видите? В самых коренных русских местностях, в восточной полосе России, где евреев нет, эксплуатация идёт тем же порядком, если не хуже: те же кабаки, с тем же спаиванием русского мужика». То же касалось обвинений евреев в хищениях в сферах промышленности и торговли, а в качестве примера приводилась ситуация в российской провинции. «Припомните хорошенько обыкновенного нашего провинциального купчика: каков он собою? <…> Теория у него одна: как-нибудь сбыть все скверное, негодное, пользуясь незнанием покупателя, его доверием или просто наглым обманом».

Негативное отношение к евреям было вызвано, по мнению корреспондентов крымских газет, прежде всего, невежеством, этнической и религиозной нетерпимостью: «наибольшее презрение [к евреям] встречаешь в тех местностях, в тех обществах и, наконец, в тех субъектах, которые наименее знают еврея»; неуважение и неприязнь к этой нации, доходившие до крайних проявлений жестокости и злобы, основывалось на «предрассудках, дикой лжи и безобразных россказнях».

И. В. Пугач

Кабацкая прибыль на Русском Севере во второй половине XVII века *

1. Основным фактором определившим состояние и развитие кабацкого дела на Русском Севере, как впрочем и во всем Московском государстве, во второй половине XVII в. стала кабацкая реформа 1652 г. Она определила новые принципы и основные параметры, как организации кабацкого дела, так и обустройства кружечных дворов, которые пришли на смену кабаков, режим их работы и т. д. Все это оказало существенную роль не только на организационную, но и, в первую очередь, на финансовую эффективность их деятельности, так как кабацкая прибыль была одной из важнейших статей дохода государственного бюджета.

История кабацкого дела XVII в., в том числе и на Русском Севере, основное содержание и ход кабацкой реформы 1652 г., мотивы ее принятия, итоги и последствия, которые подробно рассмотрены в работах И. Г. Прыжова (История кабаков в России в связи с историей русского народа), И. И. Дитятина (Царский кабак Московского государства), С. Б. Веселовского (Кабацкая реформа 1652 года), М. И. Смирнова (Нижегородские казенные кабаки и кружечные дворы XVII столетия). М. Б. Булгакова (Вологодские винокуры в XVII в.), А. И. Копанева (О кабаках на Севере в XVII веке) и др., обстоятельный историографический обзор исследований по данной темы А. И. Раздорского (Русский кабак XVII — первой половины XVIII в. в отечественной и зарубежной историографии), избавляют нас от необходимости подробно останавливаться на их характеристике и анализе.

2. Основными источниками для характеристики кабацкого дела на Русском Севере во второй половине XVII в., выявления ее административной структуры, основных параметров финансовой деятельности служат приходные книги и сметные списки Новгородской и Устюжской четвертей. Кроме того, важные обстоятельства функционирования кабацкой системы содержат

* Стендовый доклад.

материалы сыска по кабацким доходам отдельных городов — «расспросные речи» и челобитные должностных лиц, которые допустили «недоимки».

Особенностью источниковой базы для изучаемого периода является значительный количественный, территориальный и хронологический разброс по отдельным регионам городам Русского Севера. Это затрудняет проведение сравнительного анализа на уровне всего региона и усложняет определение, как общей динамики, так и основных процессов на протяжении второй половины XVII в. для отдельных городов. В этих условиях трудно выстроить приемлемую синхронизацию источников между собой, поэтому в тексте тезисов ограничимся определением основных тенденций и их иллюстрации на конкретных примерах отдельных городов и уездов, источниковая база по которым позволяет это сделать более менее равномерно на протяжении длительного времени.

3. Русский Север в административно-финансовом отношении находился под управлением двух территориальных приказов, в которые соответственно поступала и кабацкая прибыль. В ведении Новгородской четверти были Вологда, Вятка, Двина, Каргополь, Кольский острог, Кеврола и Мезень, Пермь Великая, Пустозерский острог и Яренск, а в Устюжской четверти — Великий Устюг, Соль Вычегодская, Тотьма, Устьянские волости и Чаронда.

К середине XVII в. все доминанты административной и торгово-промышленной инфраструктуры Русского Севера были покрыты разветвленной сетью кабаков, что позволяло государству извлекать максимальную бюджетную выгоду от монополии на производство и продажу спиртных напитков. По нашим подсчетам к началу кабацкой реформы на Русском Севере было 14 административно-финансовых округов, в которых насчитывается не менее 56 отдельных автономных подразделений с соответствующей производственной и управленческой инфраструктурой центром которых был один или несколько кабаков.

Кабацкая сеть на Русском Севере после проведения реформы 1652 г. практически осталась такой же, только теперь на месте кабаков были организованы кружечные дворы. В ряде случаев — в крупных городах, они заменяли несколько кабаков,

а при наличии только одного кабака просто меняли название. Так в Вологде, где к середине XVII в. было 7 кабаков, каждый из которых представлял из себя территориально обособленный комплекс производственных, складских и торговых зданий и помещений, был организован один кружечный двор, а Шуйский и Обнорский кабаки поменяли только название и режим работы.

Аналогичная ситуация практически наблюдается повсеместно, а кружечные дворы, судя по сметным спискам городов Русского Севера и приходным книгам Новгородской и Устюжской четверти, сохраняются во всех населенных пунктах, где ранее находились кабаки и собиралась кабацкая прибыль. Более того, со временем появлялись и новые кабацкие заведения. Так, под Вологдой, в дворцовом селе Турундаево, в начале 70-х годов появился новый кабак, который, по мнению головы кружечного двора, «подрывал питейную продажу в Вологде». Основная причина недовольства, изложенная в челобитной, заключалась в том, что многие вологжане ездили в соседний кабак, так как там водка продавалась дешевле чем в самой Вологде.

4. Кабацкая прибыль — один из основных видов косвенных окладных доходов, на протяжении всего XVII в., составляла важнейшую статью в формировании государственного бюджета. Статистика размеров кабацкой прибыли и ее динамика за отдельные годы второй половины XVII в. по ряду самых крупных поморских городов выглядит следующим образом:

Город	Год	Кабацкая прибыль (руб.)			
		Оклад	Сбор	Прибыль	Недобор
Вологда	1652/53	7100,3025	6337,085	—	763,2175
	1660/61	10336,3125	11595,895	1259,5825	—
	1670-е	нет данных			
	1680-е	нет данных			
	1690/91	5495,2825	6035, 0925	539,81	—
Вятка	1652/53	2500,5825	2551,4475	50,865	—
	1667/68	7388,5875	6288,18	—	1100,4075
	1673/74	5905,415	5185,005	—	720,365
	1689/90	5521,725	5411,79	—	109,935
	1692/93	4443,875	4768,285	324,41	—

Город	Год	Кабацкая прибыль (руб.)			
		Оклад	Сбор	Прибыль	Недобор
Двина	1652/53	6560,575	—	—	—
	1666/67	7443,955	—	—	—
	1679/80	6166,6025	5581,23	—	585,3725
	1680-е	нет данных			
	1692/93	нет данных			
Каргополь	1652/53	4245,27	2403,2975	—	1841,9725
	1667/68	4160,0825	4047,165	—	112,9175
	1679/80	3475,83	3312,4725	—	163,3575
	1685/86	4257,7475	4239,0875	—	18,66
	1690-е	нет данных			

За этими статистическими данными просматриваются определенные закономерности. Во-первых, сохраняется определенная иерархия между городами Русского Севера, которая сложилась к середине века, по размерам кабацкой прибыли собираемой в государеву казну. Как и прежде первые позиции занимают Вологда, Двина, Вятка, Каргополь и Устюг Великий. Сохраняется так же примерно и соотношение кабацкой прибыли и общей суммы доходов, ее доля составляет не менее трети, а в ряде случаев приближается к половине — Вологда, Каргополь.

Во-вторых, не смотря на сокращение количества кабаков, особенно в крупных городах, значительные ограничения работы кружечных дворов по времени в течении суток и календарного года, резкого снижения размеров собираемой кабацкой прибыли с началом реформы не произошло. Замечательным в этом отношении, хотя и не вполне типичным, является пример Вологды. Городовые сметные списки, сохранившиеся за все годы с 1652/53 по 1660/61 гг. позволяют точно определить время, которое ушло на адаптацию и выработку новых механизмов работы кружечного двора, его взаимоотношений и потребителями.

Кабацкая прибыль в Вологде (руб.)				
Год	Оклад	Сбор	Прибыль	Недобор
1652/53	7100,3025	6337,085	—	763,2175
1653/54	6557,325	5923,0775	—	634,2475
1654/55	5716,245	5514,3125	—	201,9325

Кабацкая прибыль в Вологде (руб.)				
Год	Оклад	Сбор	Прибыль	Недобор
1655/56	5514,3125	5827,7525	313,44	—
1656/57	5827,7525	7919,71	2091,9575	—
1657/58	7920,71	8108,4475	187,7375	—
1658/59	8108,4475	9734,2275	1625,78	—
1659/60	9734,2275	10336,3125	602,085	—
1660/61	10336,3125	11595,895	1259,5825	—

Только в первые два года наблюдаются значительные недоимки, которые составляют чуть более 10 %, но и их размер постоянно уменьшается. Начиная с 1655/56 г. уже идет постоянный рост размера кабацкой прибыли, при этом оклад не только собирается в полном объеме, но и всегда перевыполняется со значительной прибылью, особенно в 1656/57 и 1660/61 гг..

5. К сожалению, такая положительная динамика наблюдается далеко не во всех городах и уездах Русского Севера. Довольно значительные проблемы по сбору кабацкой прибыли источники второй половины XVII в. фиксируют в вятских городах и, особенно, в Каргополе. Причины хронических кабацких недоимок постоянно звучат в сыскных делах и челобитных кабацких голов и целовальников.

Исчисление оклада на каждый календарный год определялось результатами сбора кабацкой прибыли предыдущего года. Если были значительные недоимки, всегда проводился «сыск», то есть следствие, в ходе которое выяснялись его причины. Как правило, чтобы избежать санкций — правежа недоимок, нужны были веские аргументы. В первые годы кабацкой реформы аргументация должностных лиц кружечных дворов о причинах недоимок сводилась ко всем понятным обстоятельствам — новым условиям работы. Причем, во всех расспросных и сыскных речах кабацких голов и целовальников, в разных городах, как под копирку, звучат одни и те же причины. Так в 1652/53 г. на кружечных дворах в Каргополе, Турчасове и Усть-Моше кабацкие недоимки составили огромную сумму — 1841,9725 руб., 43,4 % от общей суммы оклада.

Наиболее полно причины столь провального результата изложили в своей «скаске» голова турчасовского кружечного дво-

ра Федор Анцыфоров «с товарыщи». В допросе они сказали следующее. «Во 161-м году государеву турчасовскому кружечному збору перед прошлым кабацким збором 160-м годом учинился недобор, для того в нынешнем во 161-м году по государеву указу кружечного двора питье они продавали в указные дни и часы, а по ночам и в воскресные дни во весь год, и в Великой и в Успенской посты питья не продавали, а в Филипов и в Петров посты, в среды и в пятки, питья не продавали ж, и от того на кружечном дворе и недобор учинился. А в прошлых де годех, как по государеву указу были кабаки, и питье продавали по вся дни и ночи и в воскресные дни, и в посты, и в отъездных стойках в Мехренской и в Селецкой волостях, и в Хачеле, и под Порогом у Лодейной пристани, и в Нименской и в Талицкой волостех, и в долги давали, и от того в прошлых годех кабацкая прибыль збиралась, а во 161-м году по государеву указу те стойки сняты и питья не продавали, потому и недобор учинился».

Еще одной важной причиной, которая всегда учитывалась властями при списании недоимок, были неблагоприятные природно-климатические условия с серьезными социально-экономическими последствиями. В 1660/61 году в Шуйском городке и Обнорской волости (Вологодский уезд) на кружечных дворах были зафиксированы значительные недоимки — при кабацком окладе соответственно в 233,3125 руб. и 332,44 руб. недоимки составили 162,02 руб. (69,4 %) и 238,315 руб. (73,9 %). Причина — «хлебный недород». По государевым грамотам оба кружечных двора были с 1 января 1661 года закрыты, а недоимки списаны.

Таким образом, относительная стабильность и сохранение кабацкой сети на Севере во второй половине XVII века, не взирая на последствия реформы 1652 года, на наш взгляд, является свидетельством устойчивого социально-экономического положения черносошных уездов Русского Севера. Кабацкая прибыль, занимавшая ведущую роль в формировании государевой казны, гибкая политика правительства способствовали исправному и своевременному пополнению бюджета, что подчеркивает относительно высокую эффективность функционирования всей системы кружечных дворов Поморья.

А. И. Раздорский

Кабацкие книги XVII–XVIII вв.: состав, исследования и публикации

Кабацкие книги представляют собой приходо-расходные отчетные документы «верных» голов (в XVI–XVII в.) и бурмистров (в XVIII в.) и подчиненных им целовальников, выбиравшихся (обычно сроком на один год) местными тяглыми общинами к «государеву питейному сбору» (в тех случаях, когда он не сдавался в аренду откупщикам). Названные выборные должностные лица отвечали за казенное производство или закупку у частных подрядчиков спиртных напитков (триаду русского алкогольного рынка в XVI–XVIII вв. составляли хлебное вино, пиво и кислый мед), их реализацию населению и поступление денежных доходов с питейной торговли в данном населенном пункте в пользу государства. По окончании срока службы отредактированные, систематизированные и переписанные набело кабацкие книги представлялись кабацкими головами (бурмистрами) вместе с собранными денежными суммами в центральные правительственные инстанции, ведавшие получением косвенных казенных доходов с данной территории. В большинстве случаев сбор питейной прибыли осуществлялся одновременно с взиманием таможенных пошлин под контролем одних и тех же голов (бурмистров). Поэтому многие кабацкие книги образуют единые комплексы отчетной приходо-расходной документации с синхронными таможенными книгами по одному и тому же городу. Иногда кабацкие и таможенные книги составляют отдельные документы, иногда кабацкие записи присутствуют вместе с таможенными в составе одного документа (сведения о поступлении питейных и таможенных доходов собраны в таких документах в особые годовые или месячные разделы, именуемые «книгами»).

Кабацкие книги включают информацию об ассортименте, объемах и оборотах казенной питейной торговли, начальных и отпускных ценах на алкогольные напитки, величине питейной прибыли, размерах поставок и стоимости сырья для производст-

ва питей (в том числе хлеба, солода, меда, хмеля), а также об организации кабацкого дела на местах.

Надо полагать, что кабацкие книги возникли одновременно с возникновением государевых кабаков и складыванием системы службы «верных» кабацких голов и целовальников, то есть примерно во второй половине XVI столетия. Однако источников рассматриваемого типа, относящихся к XVI в., не выявлено. Наиболее ранние дошедшие до нас кабацкие книги, хранящиеся в Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского института истории РАН, относятся ко времени царствования Василия Шуйского. В Государственном архиве Швеции в собрании документов Новгородского оккупационного архива имеются семь винных и пивных книг Великого Новгорода за 1611–1617 гг. К числу наиболее ранних кабацких книг относятся «Книги курскому кабацкому пойлу, вину и меду», входящие в состав отчетных документов курских таможенных и кабацких голов за 1619 г.

После проведения кабацкой реформы 1652 г. кабаки были ликвидированы и вместо них учреждены кружечные дворы (по одному на каждый город). Однако термин «кабацкая книга» наряду с термином «книга кружечного двора» по-прежнему продолжал использоваться в официальной документации. Поэтому полагаем возможным распространить условным образом понятие «кабацкая книга» на весь комплекс приходо-расходных документов XVII–XVIII вв., содержащих сведения о сборе питейной прибыли на местах.

В середине 60-х гг. XVIII в. кабацкие книги выбывают из официального документооборота. Прекращение их составления связано с реформированием государственной политики в области питейного дела, предпринятым в первые годы царствования Екатерины II. В частности, в 1765 г. был принят «Устав о винокурении», а также издан указ о передаче с 1767 г. питейной продажи во всем государстве (кроме Сибирской губернии) на откуп. Откупщики же от представления в правительственные учреждения каких-либо приходо-расходных документов были освобождены.

Точного учета кабацких книг до сих пор не произведено. Основной корпус дошедших до нашего времени источников

данного типа находится в Российском государственном архиве древних актов в Москве.

В изданной в 1972 г. межфондовской описи «Книги московских приказов в фондах ЦГАДА», в которой отражены документы из пяти фондов архива (№ 137, 138, 141, 144, 145), учтено 297 кабацких книг. Наиболее ранняя из них (книга о сборе квасной и сусляной прибыли по Белоозеру) относится к 1615/16 г., наиболее поздняя (миропольского кружечного двора) — к 1692/93 г. Большинство кабацких книг, учтенных в данной описи, хранится в фонде 137 и относится к городам Поморья (129 книг) и Замосковного края (105).

В «Обозрении столбцов и книг Сибирского приказа», составленном еще в конце 1890-х гг. Н. Н. Оглоблиным, числится 155 кабацких книг разных типов за период с 1652/53 по 1714 г. Ныне эти документы входят в состав 214-го фонда РГАДА.

Большая часть имеющихся в РГАДА кабацких книг XVIII столетия находится в фонде 829 («Таможни и кружечные дворы»). Всего в этом фонде зафиксировано 558 источников рассматриваемого типа (28 из них образуют единые комплексы приходо-расходной документации с таможенными книгами). Большая часть имеющихся в фонде 829 кабацких книг относятся к середине XVIII в. (75 % документов датированы 1740–1760-ми гг.).

Значительный массив кабацких и таможенных книг (преимущественно по южнорусским городам) сконцентрирован в фонде Разрядного приказа. Эти документы находятся главным образом среди книг Денежного стола, представляющих собой в основном конволюты. Их перечень отражен в десятой книге «Описания документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции». Однако сведения о составе конволютов приведены в «Описании» в обобщенном виде, отчего далеко не всегда можно понять, имеется ли по тому или иному городу за тот или иной год и кабацкая, и таможенная книга или же наличествует только кабацкая или только таможенная. Всего по «Описанию» выявлено 48 кабацких книг, 50 документов включают как таможенные, так и кабацкие записи. Типологическая характеристика 341 книги требует уточнения de visu (большинство из них составляют, по всей видимости, совмещенные таможенно-кабацкие книги). Подавляющее большинст-

во кабацких и таможенных книг, имеющихся среди книг Денежного стола, относится к 1650–1670-м гг.

Кабацкие книги присутствуют и в других фондах РГАДА, например, в фонде 396 («Оружейная палата»), где хранятся уникальные книги 1610–1620-х гг. по Переславлю-Рязанскому, Твери и Ярославлю), а также в фондах местных таможен и кружечных дворов. Обширное собрание кабацких книг XVIII в. имеется, например, в составе фонда 1408 («Вятская таможня»). Встречаются источники рассматриваемого типа и в других хранилищах. Работа выявлению и уточнению состава сохранившихся кабацких книг пока далека от завершения и требует продолжения.

Несмотря на свою очевидную источниковую ценность, причем не только для изучения истории питейного дела, но и экономической истории страны в целом (например, для исследования движения хлебных цен), кабацкие книги остаются по сию пору весьма слабо изученными (историографический обзор работ, основанных на этих документах, см. в нашей статье: Раздорский А. И. Русский кабак XVII — первой половины XVIII в. в отечественной и зарубежной историографии // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. 2018. Т. 4 (70). № 4. С. 124–139; 2019. Т. 5 (71). № 1. С. 136–157).

К настоящему времени опубликовано 13 кабацких книг различных типов по десяти городам, относящихся к периоду с 1609 по 1720 г. Из них четыре книги образуют единый комплекс приходо-расходной документации с синхронными таможенными записями и опубликованы вместе с ними.

Массовая публикация полных текстов кабацких книг, на наш взгляд, едва ли целесообразна. Этим источникам присущ в значительной степени «шаблонный» характер, причем в гораздо большей степени, чем, например, родственным им таможенным книгам. Более продуктивным представляется публикация соответствующим образом обработанного и систематизированного статистического и фактологического материала, содержащегося в кабацких книгах, в форме документальных таблиц (именно таблиц, а не регестов). О целесообразности именно такого способа передачи имеющейся в кабацких книгах информации заду-

мывались еще в начале XX в. первые исследователи этих источников М. И. Смирнов и Н. Полонская. Подобный опыт применительно к 22 кабацким книгам Вязьмы XVII в. предпринят автором настоящей публикации. Издавать же в полнотекстовом виде следует только те кабацкие книги, которые представляют особый интерес для истории питейного дела с точки зрения своей древности, оригинальности формуляра или каких-либо иных уникальных особенностей.

Р. В. Реброва

Проблемы атрибуции винной стеклянной тары первой четверти XVIII века в археологических материалах Санкт-Петербурга (на примере коллекции Сектора архитектурной археологии Государственного Эрмитажа)

В слоях раннего Петербурга начала XVIII в. среди разнообразных находок массово встречается бой стеклянной тарной посуды. Основным поставщиком винных бутылок в Россию на протяжении XVII века была Англия, затем в первой четверти XVIII века бутылочное производство начинает развиваться во Франции, Нидерландах, Германии и Польше. В это же время начинается широкий импорт бутылок из Европы, как с вином, так и для вторичного использования.

Археологические раскопки раннего Петербурга удивляют огромным количеством стеклянных бутылок всех видов в найденном материале. Земля ими буквально усеяна. Один из ключевых вопросов атрибуции бутылочных осколков — их происхождение, ответ на который дополняет историю торговых отношений в первой половине XVIII столетия, виноторговли, виноделия и является дополнительным аргументом к принадлежности зданий, и времени их строительства.

Археологические исследования, производившиеся на территории Эрмитажа в 1999 году (Большой Двор) и в Главном Штабе, раскопки 2010–2011, годов дали обширный комплекс находок из хорошо сохранившихся мощных (~1,5 м) культурных отложений первой половины — середины XVIII в.

Среди находок были бутылки целых форм, характеризующиеся рядом параметров, таких как: цвет стекла, форма и диаметр венчика; диаметр и форма горлышка; форма и толщина пояса; форма, ширина и высота плечиков; форма, толщина и диаметр донца, след от понтии. По этим данным можно с большой долей вероятности определить страну производства бутылки. Также по целым формам хорошо определяется происхождение французских бутылок из региона Бордо и Бургундия, а также бутылок для водок.

Больше всего встречается английских, и немецких бутылок, но среди них попадаются редкой формы образцы, так называемые «pot de fleurs», считающейся единственной бутылкой, точно французского происхождения. Французские бутылки, производившиеся в конце XVII, начале XVIII века не имели устоявшихся форм, но начиная с 1720-х годов форма «pot de fleurs» прочно завоёвывает французский рынок и становится практически единственной на протяжении XVIII века.

Но подавляющее число находок состоит из бутылочного боя, характеристики которого (толщина и цвет) не позволяют достоверно атрибутировать предмет. Как правило сохраняются только горлышки с небольшой частью тулова и донышки. Для атрибуции подобного типа находок стали разрабатываться методы химико-технологического отбора. Небольшие партии стекла бутылочного боя анализировались методом РСМА и были замечены некоторые тенденции в изменении химического состава стекла разных стран.

В этой связи следует подчеркнуть необходимость комплексного подхода в исследовании. Так, содержание рубидия в стекле лежит ниже предела его обнаружения методом РСМА, однако, условия проведения РФлА позволяют зарегистрировать уверенный сигнал Rb, который оказывается информативен. В координатах отношений интенсивностей РФл-излучения кальций/калий (Int Ca/Int K) и стронций/рубидий (Int Sr/Int Rb выделяются два крупных кластера. Образцы, уверенно отнесенные на основе визуальной атрибуции к английским сосредоточились в верхнем «высоко-стронциевом» кластере. Предметы же, отнесенные к немецкому, французскому, восточно-европейскому и русскому происхождению, находятся в кластере относительно низкого содержания стронция.

Расположение серии, уверенно атрибутированной как английская, в области «высоко-стронциевого» кластера — не случайно. Одно из возможных объяснений, связано с возрастающей долей использования в изготовлении английских бутылок водорослей вместо древесной золы (ламинария является дополнительным источником стронция). Данное наблюдение является свидетельством правильности предварительной атрибуции английских стекол.

Таким образом проблему атрибуции боя археологических бутылок может со временем уверенно разрешать химико-технологической экспертизой при сопоставлении данных с эталонными, в том случае, когда визуальной атрибуции недостаточно и она вызывает сомнения.

Б. В. Родионов

«Макроистория» российского винокурения. Факты, даты, термины

Масса исследователей занимаются изучением различных исторических аспектов, касающихся питейного дела в Российской империи. Само наличие нашей конференции и число ее участников непреложно это подтверждает. И это прекрасно. Но одно обстоятельство настораживает — практическое отсутствие публикаций и научных дискуссий об обобщающем видении картины данного процесса. Это может говорить о существовании в научном сообществе полного консенсуса в данном вопросе и тогда, вроде, нечего обсуждать. Но мне кажется, что дело в другом. Просто большинство исследователей изучают узкие вопросы, и для этого совершенно не обязательно представлять себе общую историческую картину. Тем более, что у каждого из них в голове существует полное понимание этого вопроса. А, если ты уверен в правильности своего понимания, то что тогда обсуждать. И я не удивлюсь, что существуют еще исследователи, считающие похлебкинскую «Историю водки» научным трудом и до сих пор верящие в то, что русских познакомили с крепким напитком какие-то генуэзцы, что русское винокурение и производство водки началось в период 1448–1478 гг., что первым винокуром был монах Исидор в Чудовом монастыре, что хлебное вино и водка одно и то же, что современную водку создал Д. И. Менделеев и много еще чего, напридуманного В. В. Похлебкиным, включая полную чушь о некоем международном суде с поляками, который якобы закрепил за Россией право первородства водки.

Не знаю, насколько эти легенды распространены в научной среде, но в умах населения они явно занимают приоритетные места, оттеснив доказательную науку куда-то на периферию.

В связи с таким положением дел мне представляется целесообразным сформулировать и обсудить ключевые вопросы, ответы на которые должны лечь в основу общепринятого понимания истории в столь значимом фрагменте нашей материальной культуры.

Вот, как выглядят эти вопросы в моем представлении:

1. Когда на Руси возникло винокурение и, соответственно, появились крепкие напитки, дополнившие традиционный ассортимент слабоалкогольных напитков естественного брожения — пиво, мед, брага.

2. Каким было оборудование и технология на первоначальном этапе, и как шло их дальнейшее развитие.

3. Как назывались первоначально крепкие напитки, как хронологически расширялся их ассортимент и терминология.

4. Когда сформировалось отношение власти к производству крепких напитков и торговле ими и история развития этих отношений.

5. Была ли царская монополия на торговлю спиртными напитками непрерывной вплоть до введения в 1863 году акцизной системы, или в определенные периоды она прерывалась.

6. Надо ли выделять современную водку в отдельную категорию и отдельно рассматривать историю ее появления.

Конечно, у меня есть свои ответы на все эти вопросы, и для того, чтобы их максимально аргументировать, я написал отдельную книгу «История русских крепких питей», в которой доказательная база целиком и полностью базируется на законодательных актах Руси, а затем Российской империи. Такой подход, на мой взгляд, является единственно правильным, так как летописи, письма, книги и другие «литературные» источники зачастую пишутся спустя столетия после интересующего нас периода времени, и никогда нельзя быть уверенным в объективности автора. В то же время законодательные акты всегда сиюминутны, точны и не допускают толкования.

Мне пришлось потратить несколько лет для того, чтобы прочитать все 136000 законов, содержащиеся в полном собрании законов Российской империи и десятки тысяч документов более раннего периода, чтобы выделить из них все, что относится к винокурению и найти там ответы на большинство поставленных вопросов. В результате в полном собрании оказалось 3229 законов и еще 394 документа, относящихся к более раннему периоду, имеющих отношение к алкогольной тематике. И их оказалось вполне достаточно, чтобы четко и ясно ответить практически на все выше поставленные вопросы.

1. Первое упоминание о крепком напитке «горячее вино» упоминается в документе, у которого нет точной даты, но он не мог быть написан позже 1515 г.

2. Оборудование (перегонные кубы) и технология ничем не отличались от общепринятых в то время мировых практик и развивались вместе с ними вплоть до 1895 года, когда Россия, единственная в мире, перешла на изготовление напитков исключительно на основе чистого этилового спирта.

3. Основной массовый напиток имел обобщающее название «горячее вино», в случае зерновой основы — «хлебное вино». Со временем появились названия по возрастающей крепости — «полугар» (38 %), «пенное вино» (44 %) и «трехпробное вино» (47,4 %). Примерно через 100 лет после упоминания горячего вина в начале XVII века появляется новый напиток «водка». Для него использовалась специальная рецептура и технология, и до самого конца Российской империи производство водки составляло не более 5 % от общего объема алкогольной продукции.

4. Примерно с середины XVI века на крепкий алкоголь была распространена царская регалия.

5. Царская регалия (монополия) осуществлялась попеременно двумя способами — откуп и продажа на вере и продолжалась без каких-либо перерывов вплоть до 1863 г, а затем была возобновлена в 1895 г.

6. Современная водка появилась и заняла доминирующее положение только в 1895 г. и поэтому вся ее история должна рассматриваться начиная с этого периода.

М. И. Роднов

Роль дворян-помещиков в винокуренном производстве на рубеже XIX–XX вв. (на примере Уфимской губернии)

В Российской империи длительное время винокурение (производство спирта) являлось монополией привилегированного дворянского сословия. В 1861 г. на Южном Урале действовало 27 винокуренных заводов. После отмены откупной системы в 1863 г. в торговлю и производство крепкого спиртного устремился купеческий капитал. В Уфе на 1863 г. имелись 4 купеческих водочных завода, один принадлежал мещанину, за дворянами числился один, но не работавший водочный завод.

На 1873 г. в Уфимской губернии действовало 27 винокуренных и 12 водочных заводов. Дворяне оставались основными владельцами винокуренных предприятий (18), ещё 6 дворянских заводов были сданы в аренду купцам, недворянам принадлежало лишь 3 винокуренных завода. Зато среди водочных заводов имелось всего 2 дворянских, все остальные были у купцов.

Именно на 1870-е гг. пришёлся крах дворянской винокуренной промышленности. От крепостной эпохи остались маломощные с примитивным оборудованием небольшие заводики в сельских имениях. Стремительное разорение уфимского дворянства, не приспособленность к новым условиям свободного рынка спиртного привели к тому, что на 1882 г. в Уфимской губернии осталось лишь 14 винокуренных заводов.

Из них 5 находились в собственности и управлении дворян (включая жену ротмистра Н. И. Биберштейн), 3 сдавали в аренду купцам, недворянам принадлежало 6 винокуренных предприятий. Дворяне утратили монополию, а все 6 водочных заводов находились в собственности купцов.

Материалы фабричной инспекции показывают ситуацию на 1912 г., когда в Уфимской губернии действовало 22 винокуренных завода. Из них купцам (недворянам) принадлежало 12 предприятий, но остальные 10 оставались в собственности дворян. Из них сразу 6 дворянских винокуренных заводов находились рядом с губернским центром в Уфимском уезде.

Это были передовые для того времени предприятия, где стояли ректификационные аппараты колоннового типа французского изобретателя Саваля (1867 г.), принцип до сих пор используемый в нефтехимической, пивоваренной и другой промышленности (ректификационная колонна). Аппарат Саваля очищал спирт-сырец, что позволяло сдавать в казну более дорогой продукт и получать больше прибыли.

Все 6 дворянских винокуренных заводов Уфимского уезда лежали к югу от Уфы в недальнем расстоянии, а винокурение у многих началось примерно с 1900 г. Расцвет дворянского винокурения в начале XX в. напрямую связан с введением в 1895 г. казённой монополии на торговлю крепким спиртным, Уфимская губерния была в числе первых, где начали действовать новые правила.

Теперь исчезают частные водочные заводы. Весь спирт сдавался в казну, затем на государственных ректификационных складах (был в Уфе) он очищался, фасовался и поступал в казённые винные лавки. Государство гарантированно покупало спирт-сырец, а за очищенный платило ещё больше. Получив стабильный рынок сбыта наиболее предприимчивые дворяне-помещики вкладывают капиталы в винокурение, открывают заводы, покупают новейшее оборудование, перестраивают структуру посевов, увеличивая площади под картофелем. А близость к Уфе, куда отправлялся весь спирт, повышала рентабельность производства.

Причём среди успешных дворян-винокуров был только один представитель старого (дореформенного) уфимского дворянства (Н. В. Ляхов). Три завода принадлежали родственникам князьям Кугушевым и Раллям, основоположник приехал с Тамбовщины и выгодно женился (управляющим в одном из имений был известный большевик А. Д. Цюрупа, успешно гнавший спирт). Ещё 2 винокуренных завода принадлежали Н. Ф. Ляуданскому, врачу-католику, также удачно женившемуся на богатой дворянской дочери.

Казённая винная монополия вдохнула жизнь в дворянское винокурение. В Уфимском уезде из 8 винокуренных заводов, шесть были дворянскими. Но в остальных уездах доминировали купцы: Белебеевский — 3 купеческих винокуренных завода,

Бирский — всего 2 (один дворянский), Стерлитамакский — 5 (два дворянских), Златоустовский — 1 купеческий, Мензелинский — 3 (1 дворянский, 2 принадлежали известным купеческим фирмам Стахеевых).

Вплоть до конца эпохи Империи дворянство сохранило существенную роль в винокуренном производстве в Уфимской губернии, а в начале XX в. введение казённой монополии на крепкое спиртное даже стимулировало рост дворянской винокуренной промышленности.

П. К. Романов

«Удобнейший питейный сбор»: монетизация питейных сборов при министре финансов Д.А. Гурьеве

Период управления Министерством финансов графом Д. А. Гурьевым (1810–1823) по сей день не освещается столь ярко в истории российских финансов, как, например, периоды Е. Ф. Канкрина (1823–1844) или С. Ю. Витте (1892–1903). Однако министерство Д. А. Гурьева наполнено контрастными и феноменальными событиями и явлениями в истории российского денежного обращения.

Встав во главе финансового ведомства в 1810 году — во время реализации «Плана финансов» под редакцией М. М. Сперанского, предполагавшего введение в России серебряного монометаллизма, Д. А. Гурьев в 1812 году стал инициатором установления диаметрально противоположной серебряному монометаллизму ассигнационной системы денежного обращения, когда все казенные операции производились исключительно бумажными деньгами. Однако после окончания Наполеоновских войн в России все отчетливее наблюдалась тенденция преобладания в обращении звонкой монеты. Пытаясь совместить букву закона с современными веяниями в денежном обращении, Д. А. Гурьев в 1818 году предложил Департаменту экономии и законов Государственного Совета записку «О расширении обращения звонкой монеты». В данном проекте велись рассуждения о стремительном умножении с начала 10-х годов XIX века звонкой монеты, чему способствовали возрастающие добыча благородных металлов и активное его поступление от частных лиц, из чего делался вывод о существенном усилении изготовления звонкой монеты. Противиться данной тенденции Д. А. Гурьев не собирался, наоборот, видел в этом оздоровление российских финансов, и укрепление отечественного кредита. «У нас дальнейшее умножение звонкой монеты в

обращении необходимо». Однако недопущение монеты к государственным финансовым операциям являлось катализатором для развития главных недостатков ассигнационной системы — простонародных курсов и лажа. В рамках эксперимента Д. А. Гурьев предложил частично допустить монету в прием податей по курсу 3 рубля 60 копеек ассигнациями за монетный рубль. «К сему представляется удобнейшим питейный сбор». Питейный сбор являлся существенной частью государственных доходов. Поступление звонкой монеты по питейной части открывало широкое пространство для апробации ее «поведения» в рамках существовавшей ассигнационной системы. Предполагалось допустить прием не только серебряной, но и золотой монеты, что было одной из первых попыток ее привлечения в официальные денежные операции. Обсуждение записки Д. А. Гурьева в общем собрании Государственного Совета вылилось в оживленную дискуссию. Некоторые члены Государственного Совета предлагали повысить курс монеты до 3 рублей 75 копеек ассигнациями, другие предлагали не ограничиваться питейным сбором. Также было высказано особое мнение А. А. Аракчеева, предлагавшего установить размер допустимой части приема звонкой монеты по питейному сбору. Были и категоричные отрицательные оценки записки Д. А. Гурьева. Государственный контролер Б. Б. Кампенгаузен и заседавший в Департаменте экономии Ю. П. Литта считали подобные эксперименты необоснованными и подрывающими кредит ассигнаций. В итоге решение было принято в пользу проекта Д. А. Гурьева и утверждено императором Александром I. Однако сам министр финансов опасался подобных экспериментов. Уже в 1819 году он отказывается от своей идеи, возлагая надежды на кампанию по изъятию ассигнаций, как главное средство оздоровления российских финансов. Новая инициатива Д. А. Гурьева не допускать монету в прием податей не дала возможности показать оправданность меры 1818 года в условиях нового устройства питейного сбора — казенной продажи вина.

Таким образом, проект монетизации питейного сбора в 1818 году представляет интерес не только для истории денежного обращения первой половины XIX века, но и показывает значимость алкогольного налога в отечественной экономике и повышенного интереса к нему со стороны финансового управления Российской империи.

Т. В. Сазонова

«…К Москве на гостинцы вина купили»: вино в обиходе небольших монастырей Белозерского края XVI–XVII вв.

В сообщении рассматривается использование вина в обиходе небольших монастырей Белозерского края на примере Кирилло-Новоезерского и Горицкого Воскресенского женского монастырей.

В приходо-расходных книгах этих монастырей упоминаются вино церковное и просто вино, а также пиво.

Церковное вино использовалось при совершении таинства евхаристии. Так как государство материально поддерживало небольшие монастыри в виде руги — денежной компенсации за жизненно важные для функционирования обители товары, то Горицкий монастырь в середине XVII в. добился включения в состав государевой руги денежной компенсации за церковное вино. Кирилло-Новоезерский монастырь не получал компенсации за вино в составе руги, однако, добиваясь от государства права сбора торговых пошлин с ярмарки, устраивавшейся у стен монастыря, мотивировал эту просьбу тем, что собранные деньги пойдут на покупку воска, фимиама и церковного вина. Эта просьба была удовлетворена.

Церковное вино старцы Кирилло-Новоезерского монастыря покупали в конце XVI — начале XVII в. обычно в Белоозере несколько раз в год в небольшом объеме, чаще всего на 1–2 алтына, вероятно, из-за малого количества братии; в 20–50-е гг. XVII в. в среднем на 6 алтын 4 деньги, помимо Белоозера, также на ярмарке Кириилло-Белозерского монастыря на «Введеньев день». В 60–80-е гг. XVII в. церковное вино покупали на более крупные суммы — 1 рубль и больше.

Старицы Горицкого монастыря во второй половине XVII в. покупали церковное вино несколько раз в год в Вологде, обычно одно-полтора ведра в год.

Отдельно покупали тару для перевозки — «боченочки» (Горицкий) или «бочечки» (Новоезерский), также упоминается

«судно под вино». Объем тары в монастырских документах не указывался.

Вино (не церковное) наряду с пивом использовалось при расчетах за оказанные услуги (проводнику, за лечение) и как угощение для почетных гостей, в том числе вкладчиков, в Белоозере, Ярославле, Ростове, Москве. В расходной книге Новоезерского монастыря упоминается случай, когда игумен отправился в Белоозеро с «кормом» и два дня на подворье «потчевал» приказных, воеводу, дьяка, рыбного боярина, издержав 2 ведра вина по 40 алтын.

Вино наряду с рыбой, пирогами, ложками использовалось для поднесения «в почесть» представителям светской или церковной администрации на праздники. При уплате церковной дани в Белоозере приобретали вино и пиво «на церковных десятильников». Как правило, при поднесении «рождественской почести» митрополиту подношений удостаивался и причт ростовского кафедрального собора, для которого покупалось вино.

Вино наряду с другими товарами подносилось «в почесть» при решении важных дел — при описи монастыря, при межевании, при получении грамот в белозерской администрации, при разборе судебных дел, при подаче челобитных и оформлении грамот в Москве.

В приходо-расходных книгах Горицкого монастыря покупка нецерковного вина встречается единственный раз в связи с потчеванием подьячих при оформлении грамоты в Москве.

Судя по сохранившимся жалобам монахов государю, в XVII в. сложилась практика, когда белозерские кабацкие целовальники «приезжали с хмельным питьем» и устраивали его продажу у стен монастыря. И Новоезерский, и Горицкий монастыри жаловались государям Михаилу Федоровичу и Алексею Михайловичу на бесчинства, которые возникали из-за временных кабаков. По их просьбе государство запретило кабацким целовальникам устраивать кабаки у стен монастырей на праздники, однако эти запреты нередко нарушались.

Я. В. Сарычев

Трезвенническое движение в религиозно-философских раскладах начала XX в.

Трезвенническая проблематика и активизм соответствующего рода крайне плохо стыковались с потребностями модернистского сознания, откровенно тяготевшего к «духовному» опьянению «дионисийскими», мистико-эротическими, гностическими теориями и подобающими им практиками преображения естества. Понятно, что в подобном смысловом контексте все рационально-утилитарные задачи борьбы с пьянством и традиционные подходы к теме не вызывали ничего кроме скепсиса (аналогично мерам по борьбе с проституцией), и единственное, что подлинно могло привлечь внимание нашего философского и культурного «ренессанса», так это самая неочевидная — религиозная — составляющая трезвеннического движения. Как компонент популярной в отечественном модернизме доктрины «мистического народничества» российское «трезвенничество» не шло ни в какое сравнение с расколосектантством, однако парадоксальным образом рассматривалось в схожем условно-сектантском ключе. Или, выражаясь более точным языком Д. В. Философова, автора репрезентативных для затрагиваемой темы полемических статей о «петербургских трезвенниках» («Сила косноязычия», «Красноречие и Косноязычие»), — как «любопытное явление современного религиозного движения в народе» и православии.

Философов, сопричастник четы Мережковских по «церкви Третьего Завета», приложивший, вдобавок, немало усилий для смещения изначальной «неохристианской» проблематики в сторону более радикального и «революционного» проекта «новой религиозной общественности» (это важно подчеркнуть для понимания, какой сегмент философского сообщества оказался наиболее неравнодушен к «трезвенникам»), рассматривает в свете своих идей резонансное на рубеже 1900–1910-х гг. движение «братца» Иоанна Чурикова, с которым первоначально познакомился по «листкам» И. М. Трегубова, а затем, под влиянием обсуждения вопроса в Петербургском религиозно-

философском обществе, непосредственным образом. Откровенно неодобрительное отношение Философова к «братцу Иванушке», исцеляющему страждущих от пьянства «силой косноязычия» и становящегося для собственной общины объектом «инстинктивного» поклонения, подобием «бога, готового вознестись на небо», не должно, однако, заслонять довольно интересных мыслей и предметных обобщений статей.

Автор подчеркивает насущную потребность осмысления «бессознательной, стихийной психологии народа», «искони данного» в ней; более того, намеренно осложняет себе задачу, над которой полувеком ранее безуспешно билось народническое движение. Не ограничиваясь ни элементарными констатациями «пропасти» между интеллигенцией и народом, ни даже помянутым привнесением религиозного элемента в былую народническую социологию, Философов указывает на обстоятельства, разрушающие привычные шаблоны. Во-первых, «трезвенники — типичный кусок народной массы», «нейтральная масса “православных”, чуждая всяких умствований, всяких общественных запросов». Во-вторых, при визуальном сходстве с сектой это движение «лишено сектантского характера и происходит в самом православии». Суть даже не в том, что «братец Иванушка» всячески противится своему обожествлению, а именно в «удивительном безмыслии и косноязычии» по поводу вопросов вероучительных, догматических. Наконец, в-третьих, при такой духовно-интеллектуальной косности и типичном для простонародья «наивном» восприятии православия «братцы» движимы могучей «жаждой личного преображения, духовной и телесной чистоты, здоровья», «потребностью личного исцеления, покаяния и возрождения», что парадоксально влечет их в еретическую область чаяний «нового воплощения… обоготворения человека» и магическую практику «физического» контакта с «подобием» божества, ибо «подобие» народ ценит гораздо выше трансцендентных сущностей.

В предложенной аналитике нетрудно обнаружить и шпильки в адрес православия за столь колоритный его «продукт» и «следствие», и специально-«неохристианские» затеи, обусловленные одновременно как желанием привлечь к собственной «церкви» массовый контингент с «жаждой преображения», так и

пониманием невозможности этого в силу подчеркнутого «личного», эгоистического, внеобщественного и внеисторического, лишенного рациональности подхода народа к вере и задачам спасения. Но в сухом остатке модернистских «исканий» вековой давности присутствует и вполне узнаваемая поныне картина «замкнутой в себе» низовой жизни со своей особой «психологией», специфичными запросами и кумирами.

П. В. Седов

Повседневная практика потребления хмельных напитков по монастырским документам второй половины XVII в.

В христианской традиции пьянство оценивается как отступление от нормы, а выражаясь современным языком, является девиантным поведением. Заповеди Христовы не провозгласили пьянство смертным грехом, но христианская практика увидела в нем одну из ипостасей чревоугодия: отступление от благочестия во имя «потешения» плотского начала.

Здесь перед исследователем русского средневековья встает неизбежный вопрос. Что именно считать нормой, а что отступлением от нее. Глубокое убеждение людей Московского царства, что праздник, в том числе и церковный, есть «веселие», и кто не пьет, тот и не празднует, является нормой или отступлением от нее? Что следует считать нормой: декларативно провозглашенные запреты злоупотреблять хмельным или же редкие случаи трезвого образа жизни, явленные подвижниками или редкими примерами вовсе непьющих мирян?

Ответы на эти вопросы можно найти во внутренней монастырской переписке, которая особенно полно отложилась в фондах Валдайского Иверского и Успенского Тихвинского монастырей Архива Санкт-Петербургского института истории РАН. Пространные отписки с московского и новгородского подворий этих обителей своим властям сохранили развернутые, не предназначенные для постороннего глаза, описания потребления спиртного, в которых отражены реальные представления людей XVII в. о том, что хорошо и что плохо в чрезмерном потреблении хмельного.

В этих отписках находим не одну, а, по крайней мере, две нормы поведения. Одна следовала благочестивому образу поведения, предписанному церковными и светскими властями: пьянство противостоит благочестию, а подпольное изготовление спиртного подданными запрещено законом. Другая норма была явлением повседневности: пьянство местами становилось повальным, и большинство крестьян в нарушение запретов гнали «вино», то есть водку, потому что на свадьбы, родины, крестины

и прочие семейные торжества покупное «вино» из кабака просто-напросто разорило бы крестьянское хозяйство. В этой связи уместно поставить вопрос: а что собственно было нормой: пить со всеми на Светлой неделе, или же остаться единственным трезвым, пока все другие «от праздника не укрепятся».

В контексте развернутых описаний монастырских отписок пьяного поведения людей XVII в., включая и монашествующих, часто используемое понятие девиантного поведения теряет свою эвристическую ценность. Оказывается, что так называемая девиантность на деле была относительна, а реальное поведение большинства людей, хотя и противоречило предписанным сверху предписаниям, было нормой в ином смысле, а именно было массовым повседневным явлением. В данном случае перспективно заменить антитезу норма — девиантность другой парой понятий: норма предписанная и норма повседневная. Парадоксально, что девиантным в этом контексте могло оказаться следование норме предписанной, но редко встречающейся.

А. А. Селин

Документация новгородского винного погреба 1610/11 г.: источниковедческое исследование и интерпретация в области политической истории

Новгородский винный погреб — важное учреждение городского управления в конце XVI — XVII вв. Возможно оно существовало и ранее. Вино являлось ценным ресурсом, которые власти аккумулировали в своих хранилищах и с помощью которого оказывали на общество, а подчас и на политику, существенное влияние. В архиве Новгородской приказной избы 1611–1617 гг. сохранилась документация, позволяющая исследовать то, как данные ресурсы распределялись в ходе череды политических кризисов, через которые прошел Великий Новгород в течение 1610/1611 (сентябрьского) года.

Приходно-расходная документация новгородских кабаков 1611–1616 гг. хорошо изучена шведскими исследовательницами И. Нордландер и Х. Сюндберг, посвятившей этой теме специальное исследование (Nordlander I., Sundberg H. Novgorod Taverns during the Swedish Occupation 1611–1617 // Подобаетъ память сътворити. Essays to the Memory of Anders Sjöberg. Stockholm, 1995. P. 139–156 (Acta Universitatis Stockhiolmiensis. Stockholm Slavic Studies. 24)).

Это приходо-расходная книга в первой серии коллекции Ockupationsarkivet från Novgorod (номер 60). Книга состоит из нескольких частей. Первая часть (с. 1–48) содержит расходные записи о выдаче вина по подписным челобитным с 28 марта 1611 г. и до 31 августа этого же года. 17 июля (день окончательного захвата Новгорода Великого шведами) помечен как начало «немецкого расхода», в том числе — «старого вина», т. е. «вина», принятого погребным целовальником Гаврилом Афанасьевым 23 марта; «новое вино» — это закупленное у винокуров вино 1 августа (с. 29). Вторая часть книги — расход погребного вина на кабаки, куда с 28 января 1611 г. выдавалось, как правило, по 30 ведер в день); третья часть книги — запись о приходе вина от винокуров в 1610/11 г., четвертая часть книги — приход

и расход пушного меда, выдаваемого для кабаков в 1610/11 г. Нас здесь будет интересовать прежде всего первая часть книги.

Другой важный источник — это расклеенный столбец 124 второй серии коллекции Столбец насчитывает 222 листа, ныне расклеен. Большая часть столбца (л. 1–208) является сборником памятей от новгородского правительства о выдаче вина. Памяти сгруппированы в хронологическом порядке. Наконец, листы с 213 по 221 — набор челобитных сперва «государю Владиславу Жигимонтовичу», а позже — «Московского и Новгородского государства боярам» о выдаче вина (кроме того, столбец содержит случайно попавший отрывок из дела по челобитной о поместье П. И. Обольянинова, относящегося к марту 1614 г. (л. 209–212 и 222; начало дела в столбце 123 того же архива)).

Интересно, что эти два источника, относясь к делопроизводству одного учреждения, почти не коррелируют друг с другом (за исключением нескольких записей о вине «для немецкой посылки» в июне 1611 г.).

Среди лиц, которым раздавалось вино в 1610–1611 г. — князь Г. К. Волконский и боярин И. М. Салтыков (в сентябре 1610 г. получили по 2 ведра). Позднее количество выдаваемого вина и число его получателей заметно вырастает. Чрезвычайно часто (только за октябрь — ноябрь — 6 раз, в общей сложности — 11 ведер) и в больших количествах вино поставляется на двор боярыне Ульяне Ивановне, жене М. Г. Салтыкова. Выдается вино и войскам — сначала казачьим атаманам, «черкасам и литве», в ноябре — декабре 1610 — январе 1611 — Салтыкову под Ладогу, в марте 1611 — Л. А. Вельяминову, ходившему в поход под Старую Руссу. Начиная с мая 1611 г. становятся регулярными поставки вина к «посольскому съезду» — на переговоры сменившего растерзанного новгородцами Салтыкова В. И. Бутурлина с генералом Делагарди.

Среди постоянных получателей вина мы встречаем членов двора «Тушинского вора». С ноября 1610 г. встречаются памяти о выдаче вина бывшему думному дьяку самозванца Петру Третьякову. С осени 1610 г. получают государево вино большое количество астраханских дворян и стрелецких сотников. А начиная с 6 мая 1611 г. упоминаются тушинский (позднее, в 1611 г., — калужский) дворецкий князь С. Г. Звенигородский и тушин-

ский печатник и думный дьяк Денис Софронов. Вместе с ними в Новгород приехали, как указывается в одной из памятей, дворяне князь Юрий Звенигородский, князь Семен Хованский, Федор Пушкин, Борис Поливанов, Данило Замыцкий. Последнее вино дьяк Денис Софронов и князь С. Г. Звенигородский получили 6 июля 1611 года, за несколько дней до взятия шведами Новгорода. С 3 июня 1611 г. начинается выдача вина «для немецкие посылки»; такая выдача вина продолжается вплоть до разрыва переговоров с Новгородом в самом конце месяца.

16 июля 1611 г. шведы штурмом берут Софийскую сторону Новгорода, а 17 июля захватывают и Торговую сторону. Это никак не отражено в выдаче памятей за дьячими приписями, но четко обозначено в приходо-расходной книге винного погреба.

С 17 июля новые шведские власти начинают регулярно получать вино (на двор Якоба Делагарди отпускается по три с половиной ведра вина, секретарь М. М. Пальм в день получал по 4 кружки вина; с 1 августа сперва четыре, а потом по шесть ведер в день получает Эверт Горн. Приходо-расходная книга очевидно показывает, что вино расходуется в конце июля — августе исключительно на шведских военных и администрацию.

Н. А. Симченко

«Сухой закон» 1914 года: институты поддержки и воздействия на народ России

Институциональными предпосылками «сухого закона» 1914 года являлись закрытия питейных заведений во время призыва новобранцев на войну. Формальным институтом введения таких мер стало принятие циркуляров Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей управляющим акцизными сборами от 08 июля 1898 г., министра внутренних дел от 06 августа 1903 г. — губернаторам. Необходимость введения «сухого закона» в военное время государство объясняло необходимостью повышения производительностью труда, сокращением непродуктивного расхода хлеба в условиях сокращения численности населения.

Как отмечается во многих публикациях, первые результаты введения «сухого закона» 1914 года были весьма положительными. Речь идет об увеличении численности народа, посещающего храмы, росте потребностей населения в мясе, белом хлебе, фруктовых водах и чае, увеличении вкладов в банках, росте количества продаваемых газет, уменьшении семейных конфликтов и т. д. Хотя уменьшение количества семейных конфликтов было связано, в первую очередь, с призывом мужского населения на фронт.

Однако со временем в стало ясно, что введение «сухого закона» отнюдь не обеспечивало трезвость, поскольку значительно увеличились объемы контрафактного алкоголя, возросло число отравления и смертельных исходов среди населения, особенно городского населения. Жители городов, не имевшие достаточно средств для приобретения качественного алкоголя, вынуждены были покупать древесный спирт, киндер-бальзам, другие спиртосодержащие лекарственные препараты.

Существует мнение, что «в последние 100 лет динамика движения площадей виноградников и производство винодельческой продукции является как бы косвенным отражением социально-политической жизни в стране». Рассмотрим данное мне-

ние при изучении истории и тенденций развития виноделия в Крыму.

Возрождение и относительно широкое развитие виноградарства и виноделия в Крыму приходится на начало XIX века. Потеряв связь с прошлым, без традиций и многовекового опыта оно возрождается любителями, не щадившими для него средств и времени (М. С. Воронцов, Г. Н. Христофоров, Л. С. Голицын).

Производственная и научная деятельность Л. С. Голицына в его имении Новый Свет, где он выращивал завезенные в Крым виноградные лозы, занимался купажом, проводил опыты по шампанизации, дала очень много русскому виноделию. И из всего этого эксперимента сформировался вывод, «блестяще подтвержденный жизнью: виноградарство — наука местности, а вино — его промышленность».

В начале XX века Крым в хозяйственно-экономическом отношении представлял собой аграрную территорию с небольшим числом промышленных городов. Развитие сельского хозяйства в Крыму в период 1900–1917 гг. базировалось в основном на этнообщинном землевладении, хотя в чистом виде оно составляло всего 18 %, но за счет аренды частновладельческих угодий этот процент значительно возрастал. Экспорт винограда из Крыма составлял существенную статью дохода в местном хозяйстве. Свежий виноград вывозился в основном с южного и восточного побережья Крыма, главным образом в Москву и Петербург.

Первая мировая война нанесла мощный удар, особенно в связи с введением запрета на продажу вина в военное время. В первую очередь пострадали маломощные и середняцкие хозяйства, которым принадлежало более 60 % виноградников, где виноград перерабатывался на вино кустарным способом.

В целом, общие площади виноградников в связи с введением сухого закона в 1914 году были существенно сокращены. Питейный доход в 1914 году уменьшился более, чем в 2 раза по сравнению с 1913 годом.

А. Смелова

Алкоголь и политика в Российской империи в конце XIX — начале XX в. на примере анализа истории и идеологии Казанского общества трезвости

Период конца XIX — начала XX веков характеризовался активным вовлечением добровольных общественных организаций в антиалкогольную деятельность на всероссийском и региональном уровнях. Ведущая роль в трезвенническом движении в позднеимперской России принадлежала различным религиозным активистам, обществам и институтам. По данным исследователя А. Л. Афанасьева, к 1911 году на территории Российской империи (без Польши и Финляндии) действовало 1873 общества трезвости, в которых состояло более полумиллиона членов. Из всего числа обществ 95 % были религиозными и только 5 % — светскими. В данной работе анализируется социальная и политическая платформа одной из наиболее влиятельных общественных институций, ставивших своей целью борьбу с алкоголизмом, — Казанского общества трезвости. Исследование обращает особое внимание на масштабную благотворительную и просветительскую работу общества, которая была совмещена с политической активностью и религиозным миссионерством.

История Казанского общества трезвости (КОТ) является ярким примером самоорганизации общественности в позднеимперской России и демонстрирует любопытную идеологическую эволюцию от объединения интеллигенции на почве борьбы с алкоголизмом до консервативной правомонархической организации с агрессивной риторикой и выработанным набором социальных практик. Общество открылось 30 июня 1892 года, как впоследствии вспоминали его основатели, «с десятью членами и десятью рублями» (Материалы к истории КОТ и других обществ. Казань, 1911. С. 3). Основателем, «духовным отцом» общества и неизменным Председателем комитета был Александр Титович Соловьев, казначей и заведующий типографией Императорского Казанского университета.

С момента начала своей работы общество ставило перед собой цель «противодействовать употреблению спиртных на-

питков среди населения города Казани и для сего помогать нуждающимся членам советами, материальными средствами и приисканием занятий». Масштаб развернутой обществом благотворительной и просветительской деятельности, простиравшейся далеко за пределы борьбы с пьянством, ставит его в один ряд с другими значительными общественными организациями этого периода. Программа трезвости состояла в полном отказе от спиртных напитков, умеренность же не признавалась в качестве эффективной меры борьбы с алкоголизмом.

Интенсификация деятельности общества и рост его влияния также был его следствием поддержки со стороны светских и духовных властей, общественных деятелей. Так, до открытия общества его основатель Александр Соловьев находился в переписке с писателем Львом Толстым, способствовавшим публикации Соловьевым антиалкогольной книг и брошюр. Почётными членами Общества трезвости были протоиерей Иоанн Кронштадтский и министр финансов Сергей Витте. Особое участие в его работе принимали казанский губернатор П. А. Полторацкой и самарский губернатор А. С. Брянчанинов, архиепископы Казанские и Свияжские Владимир (И. П. Петров), Арсений (А. Д. Брянцев), член Государственного Совета Н. Н. Галкин-Врасской.

Либеральная печать нередко обвиняла Общество трезвости в гражданской и политической нетерпимости: «Чувство глубокого негодования неизбежно вызывает та дикая травля политико-общественного иномыслия, что неустанно производится на страницах невероятного в своем злободневном направлении местного издания “Деятель”… Бей студентов, не давай пощады евреям, на них лежит неизгладимая печать дьявола, — в такую форму может отлиться современное воздействие инквизиторов-добровольцев» (Материалы… С. 80]. Александр Соловьев ответил на критику в одном из номеров «Казанского Телеграфа»: «Напрасно евреи газеты Волжский Листок стараются оболгать меня в своей газете всеми способами. Повторяю: русские люди г. Казани меня и мою деятельность знают, лжи евреев из Волжского Листка не поверят, и если я в своих изданиях провожу, что народ русский должен быть просвещен и в духе Веры Православной, чтобы школы и просветители укрепляли в народе лю-

бовь к отечеству и давали бы знания, могущие поднять благосостояние народа, то с этим взглядом согласны все истинно русские люди. Изменять всех взглядов я не буду, как их не изменяет и русский народ» (Материалы… С. 109). Антисемитизм Соловьева в данном случае носит не только этнический, но и политический оттенок: «евреями» названы представители либеральной печати и интеллигенции.

Как во время революционных событий 1905–1907 годов, так и в период Первой мировой войны, Общество подчёркивало, что его истинная цель — «служить Государству, давая помощь неимущим, распространяя трезвое слово в обществе, служить Богу, русскому народу и Царю Православному, поселяя любовь к родине словом любви и мира» (Материалы… С. 82). С приходом новой власти Общество трезвости было расформировано. Сведения о последнем заседании относятся к 12 марта 1917 года, в том же месяце был опубликован последний выпуск журнала «Деятель».

История, деятельность, политическая и общественная активность Казанского общества трезвости представляется важной не только в контексте изучения антиалкогольного движения в Российской империи, но также проливает свет на функционирование общественных организаций и институтов в дореволюционный период. На примере общества трезвости видно, что региональная общественность была активно вовлечена в медикализацию антиалкогольных практик и политическую деятельность, поддерживая при этом девиз «Православие, Самодержавие, Народность».

В. Г. Смирнов

Адмирал И. Ф. Крузенштерн и винокурение

Адмирал Иван Федорович Крузенштерн (1770–1846), как известно, был первый русский кругосветный мореплаватель, составитель «Атласа Южного моря», директор Морского кадетского корпуса. Документы Российского государственного архива ВМФ помогли раскрыть другую сторону его жизни, которая не менее интересна.

После «кругосветки» 1803–1806 годов И. Ф. Крузенштерн почти все время занимал береговые должности или находился в длительном отпуске, занимаясь составлением «Атласа». Имевший шестерых детей, он всю жизнь нуждался в средствах на содержание семьи.

В апреле 1807 года, будучи еще капитаном 2-го ранга, Крузенштерн купил у графа П. И. Тизенгаузена поместье Коддил близ Ревеля за 92 тысячи рублей серебром, обязавшись выплатить ему эту сумму за восемь лет. Однако в 1808–1809 годах курс рубля упал, и он оказался в очень сложном положении, так что даже дважды обращался к императору Александру I с просьбой выкупить имение в казну. Однако необходимые средства для этого нашли только в начале 1812 года.

В марте 1816 года Крузенштерн, уже капитан 1-го ранга, вновь обзавелся недвижимостью: купил в Эстляндии мызы Килтси (с замком Асс) и Штернхоф общей площадью 2860 га. А со временем, дабы улучшить свое финансовое положение, решил завести винокурню и подал заявку на поставку в петербургские винные магазины «узаконенной доброты полугарного вина» — хлебного вина крепостью 38,5 %.

1 сентября 1830 года между Крузенштерном и Санкт-Петербургской казенной палатой был заключен контракт о поставке вина. Он состоял из 20 пунктов («особенных условий»). Так, например, за каждое ведро адмиралу полагалось получить от казны по 2 руб. 85 коп. Всего — 11400 руб.

Мореплаватель был обязан производить «выкурку помянутой пропорции» (т. е., вино крепостью 38,5 %) с соблюдением устава о питейном сборе, не препятствуя при этом содержателю сборов на-

блюдать «как за винокурением на заводе, так равно и за провозом вина в места назначения, чрез все расстояния их откупа».

Одно из условий контракта обязывало поставщика «сдобрить» вино за свой счет в том случае, если оно будет иметь «дурной запах, пригар или дурную примесь». Если же вино «исправить» было невозможно, то его как негодное к употреблению следовало «истребить».

Поставлять вино требовалось в твердых и прочных бочках. На дне каждой из них следовало указать «явственно номер и меру, считая оную ведрами и осьмыми долями». Эти бочки (или другие, но такие же) должны были вернуть Крузенштерну, а в случае их нехватки компенсировать убытки: за дубовую бочку — 4 рубля, за еловую — 2 рубля 50 копеек.

В четырнадцатом пункте был прописан порядок проверки качества поставляемого вина. В частности, по желанию Крузенштерна можно было сдавать вино, проверяя его крепость на представленный им «Мильсов гидрометр» (алкоголометр) или какой-либо другой спиртометр, но только после надлежащей сверки его с «казенной заклейменной отжигательницей» (отжиг хлебного вина — способ определения его крепости с помощью выжигания алкоголя).

Если между откупщиками (или чиновниками) возникал спор о качестве («доброте») вина, то запечатанные пробы можно было отправить в Казенную палату, которая и принимала решение. В том случае, если Крузенштерн по каким-либо причинам не мог поставить продукцию в магазины в срок, он был обязан заплатить в казну по одному рублю неустойки за каждое ведро вина, и сверх того, по 6 % на сумму предоставленной рассрочки.

В последнем пункте указывалось, что по окончании поставки вина, после расчета с Крузенштерном, ему без малейшего промедления должны были вернуть свидетельство на имение, представленное в залог, и выдать от Казенной палаты аттестат об исправном выполнении обязанностей по контракту, который «в равной силе» относился и к его наследникам.

Крузенштерн выполнил контракт 1830 года и впоследствии почти ежегодно поставлял в Санкт-Петербургскую губернию по четыре тысячи ведер хлебного вина, получая дополнительный доход для своей семьи.

А. С. Соколов

Законодательная база советской алкогольной политики периода НЭПа (1921—1925 гг.)

Переход к новой экономической политике привел к определенному отступлению партийно-государственного руководства в алкогольной политике. Происходит трансформация от полного запрета производства и продажи спиртных напитков к частичной отмене некоторых запретов. В августе 1921 г. был принят декрет СНК «О продаже виноградных, плодово-ягодных и изюмных вин». Была разрешена продажа алкогольных напитков крепостью до 14 градусов. Принятие этого декрета было связано с экономическими причинами: увеличить доходы государства за счет производства и продажи спиртного. Вместе с тем закон 1921 г. не был направлен на увеличение продажи алкогольных напитков. Был сохранен запрет на производство и реализацию водки. Сохранял силу декрет 1919 г. «О воспрещении на территории РСФСР изготовления и продажи спирта и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ». 7 октября 1921 г. СНК РСФСР принял постановление «Об ответственности за нарушение декрета о продаже виноградных, плодово-ягодных и изюмных вин», согласно которому каралось лишением свободы не сдача государству вин крепостью свыше 14 градусов виноградными или иными производителями этих вин, незаконная торговля вином. Государство брало под особый контроль соблюдение винными производителями декретов о натуральных налогах и об обмене, а также правил оптовой и розничной торговли вином или принудительные работы до шести месяцев

С 1922 г. в стране стала возрождаться винокуренная промышленность. Увеличилось самогоноварение. В целях борьбы с ним принимались серьезные уголовно-правовые нормы. В принятом в 1922 г. уголовном кодексе преступным объявлялось изготовление с целью сбыта вин, водки и вообще спиртных напитков и спиртосодержащих веществ без надлежащего разрешения или свыше установленной законом крепости, а равно незаконное хранение с целью сбыта таких напитков и веществ. В ноябре 1922 г. срок за изготовление и сбыт самогона был увеличен с

одного года до трех, а за самогоноварение без цели сбыта и хранение спиртного предусматривался штраф до 500 руб. В декабре была объявлена инструкция НКВД и НКЗ РСФСР о продаже виноградных, плодово-ягодных и изюмных вин распивочно в ресторанах и столовых, которая снимала ограничения по продаже спиртного. Декретом СНК РСФСР от 30 января 1923 г. было разрешено производство и продажа населению на питьевое потребление наливки и настойки крепости не свыше 20 градусов, а с 3 декабря 1924 г. до 30 градусов. 26 августа 1923 г. ЦИК СССР И СНК СССР издали совместное постановление о возобновлении производства и торговли спиртными напитками в стране.

26 августа 1925 г. увидело свет постановление правительства о производстве спирта и спиртовых напитков и торговле ими. С 1 октября 1925 г. на территории страны вводилась государственная монополия на производство и продажу спиртного, возвращением к массовому производству 40-градусной водки, прозванной в народе «рыковкой». Продажа спиртных напитков признавалась дополнительным внутренним источником для форсированной индустриализации. Потребление водки резко возросло. С введением винной монополии потребление спиртных напитков начало расти: с 1,6 литра абсолютного алкоголя на душу населения в 1925 г. до 3,7 литра в 1927 г. Доходы от реализации спиртных напитков в структуре госбюджета с 1923 по 1927 г. выросли с 2 до 12 % достигнув 728 млн. руб. Государство получило монопольное право на контроль, изготовление и реализацию спиртных напитков с целью получения акцизов.

И. Р. Соколовский

Питейное дело и потребление вина в Сибири в XVII в.: степень изученности и перспективы изучения

Целый ряд общих вопросов, относящихся к длительному делу и потреблению вина в Сибири в XVII веке, не может быть разрешен исключительно на сибирском материале и требует обращения к общерусским источникам для своего прояснения. К подобного рода вопросам прежде всего относятся вопросы законодательного регулирования, культурных норм, некоторых аспектов технологии и так далее.

Однако ряд вопросов, относящихся к питейному делу и потреблению вина в Сибири XVII века, может быть решен на исключительно сибирском материале разного рода, что мы и попытаемся показать в данной публикации. Продемонстрировав, с одной стороны, то, что было сделано, а, с другой стороны, что ещё может быть сделано при текущем состоянии источниковой базы и исследовательских методик.

За истекший период тема получила свою историографию в виде двух работ А. И. Раздорского (2018 и 2019), работы Д. В. Раева (2003) и данную работу можно считать четвертой в этом ряду. Надо отметить, что несмотря на высокое научное качество работ А. И. Раздорского, его историографические работы не закрывают собой всю возможную проблематику исследований, которая была предметом интереса сибирских историков в предшествующий период.

Это связанно с особенностями подхода автора, который сосредоточился на источниковедческом и библиографическом аспектах проблемы. Мы же со своей стороны попытаемся подойти к проблематике, чуть более системно, что позволит нам указать не только на работы, уже включённые в обзор А. И. Раздорского, но и на другие работы, которые в данный обзор не попали или попали, но в другом качестве и с другими фактами.

Публикации источников по истории питейного дела и потреблении вина в Сибири XVII века принадлежат П. М. Головачеву, Н. Н. Покровскому с коллегами и Д. В. Раеву. Обзор источников можно найти в известной работе Н. Н. Ог-

лоблина о Сибирском приказе. В 1902 г. П. М. Головачев опубликовал два документа. В 1903 г. сборнике «Тюмень в XVII столетии» издал пивную и винную книгу Тюмени за 1700 г. В 1996 г. в сборнике «Первое столетие сибирских городов» опубликована тобольская винная книга за сентябрь 1694 г. Хранение и получение горячего и церковного вина освещается в публикации документов РГАДА «Тобольский архиерейский дом в XVII веке» (1994). В 2003 г. в сборнике «Русское население Сибири эпохи феодализма» Д. В. Раев опубликовал два документа (винную книгу Тобольска 1704 г. и сводку о суммах таможенного и питейного сбора по Тобольскому уезду в 1709 г.).

Д. В. Раев писал о кружечных дворах городов Западной Сибири второй половины XVII — начала XVIII в. (2005). Он писал о производстве, продаже и распределении спиртосодержащих напитков в Верхотурье, Тобольске, Сургуте, Кузнецке и Кетске.

Незаконное производство спиртосодержащих напитков в Сибири освещается в работе Н. Д. Зольниковой (1982): «Обвинение в адрес воеводы И. С. Скобельцына рисует его действия достаточно традиционными для главы сибирского города того времени: …и принуждение казаков и крестьян пахать на воеводу пашню, хлеб с которой шёл на изготовление пива и вина, продававшегося воеводой в свою пользу». В работе Д. В. Раева есть данные о подпольном винокурении в более ранний период — в Томске в 1636 г. (дело Юрия Тупальского и Федора Шишкина) (2005). Данное дело поднимает так же вопрос об оборудовании и технологии производства.

Оборудование и технология производства освещены в работах Д. В. Раева (2005), И. Р. Соколовского, который создал трехмерную реконструкцию зданий Чердынской мануфактуры (2007), а также в единственной археологической статье по данной тематике — С. Г. Пархимовича (2017), «исследователем охарактеризована уникальная находка 2014 г. — полностью сохранившийся медный куб для выгонки “горячего вина”, обнаруженный под слоем пожарища в сожженном в 1631 г. во время вооруженного конфликта воевод А. Ф. Палицына и Г. И. Кокорева амбаре государева кабака» (Раздорский 2019).

Пищевкусовые характеристики и способы фальсификации горячего вина в Сибири нашли отражение в публикации доку-

мента, осуществленной Н. Д. Зольниковой в работе, которую мы уже упоминали выше.

Отражение потребления вина в культуре освещается в работах Т. А. Махновец (1985), Т. А. Махновец и Л. В. Титовой (2018), Е. К. Ромодановской (1990, 1992), Л. С. Соболевой (1987), Л. В. Титовой (1991) и др.

Настоящий обзор показал, что питейное дело и потребление вина в Сибири XVII в. уже имеет свою небольшую историографию, опубликован ряд источников. Производство и продажа горячего вина и пива в Сибири рассмотрена преимущественно Д. В. Раевым на материалах конца XVII — начала XVIII в. Кроме того, освещены формы и методы нарушения распоряжений центральной власти в этом вопросе, как в рамках т. н. «нарымского дела», так и в 1636 г. Делались попытки изучить оборудование и технологию производства, чему помогают уникальные археологические находки на городище Мангазеи. Получены так же уникальные данные о пищевкусовых характеристиках горячего вина и способах его фальсификации. Изучено как потребление вина и отражено в культуре. По причине слабой сохранности источниковой базы (надежда есть только на фонды приказных изб), мы не ожидаем серьезного исследовательского прорыва в данном поле, по крайней мере, в ближайшее время.

Я. В. Соловьёв

Организационно-управленческие основы деятельности губернских казенных палат в организации питейной торговли в последней четверти XVIII в. (на материалах Московской губернии)

В результате издания «Учреждения о губерниях» 1775 г. были созданы губернские Казенные палаты (далее — КП), ставшие центрами государственной политики на местах в финансово-хозяйственной сфере, в том числе в организации питейного дела.

«Учреждение о губерниях» только наметило правовые основы деятельности КП. Указом Сената от 24 марта 1781 г. дела по винным откупам были поручены Пятой экспедиции, которой также поручалось заведование ревизионной частью, рекрутскими наборами, соляными подрядами и продовольствием губерний. Она должна была следить за винными и соляными магазинами. Многообразие порученных экспедиции дел, безусловно, стало бы затруднением в её деятельности, поэтому реорганизация этой части была неизбежна, особенно после принятия Устава о вине в сентябре 1781 г., по которому функции КП по питейному делу за счет ликвидируемой Камер-коллегии были расширены.

В обязанность КП было поставлено иметь полугодовой запас вина к началу года, реализуемый через окружные магазины, во главе которых стояли казенные приставы. КП производили торги и заключали контракты, контролировали количество проданного вина и спирта, исчисляли акциз с водок, заведовали казенными винокуренными заводами.

Розничная продажа вина позволялась лишь через казенные питейные дома, которые состояли на вере или на откупу. В первом случае дело ведали казенные сидельцы, получающие вино от винного магазина. КП имела несколько способов вознаграждать их за труд, выбирая более удобный: найм, уговор, процент от прибыли. Во втором случае откупщик должен был или приобретать вино в казенном магазине или сдавать его туда на хра-

нение. По окончании откупа палата должна была принимать у откупщика питейные дома и утварь, определяя суммы, потребные на их ремонт и обновление.

КП должна была следить не только за количеством, но и за качеством поставляемого вина, разбирая соответствующие жалобы. Так, например, в феврале 1783 г. Московская КП разбирала жалобу купцов Голенищевых и Климова о недоброкачественном вине, поставленном от кн. С. С. Гагарина.

При этом в Уставе особо подчеркивалось, что КП, как лишенный судебных полномочий орган, не может разбирать дела, связанные со злоупотреблениями по соляной или винной части.

Огромный груз обязанностей, налагаемых на КП по соляной и винной части, потребовал создания в их составе в феврале 1782 г. отдельной экспедиции. В Московской губернии, как еще не открытой, эта экспедиция учреждалась при губернской канцелярии. В марте того же года последовало наставление для экспедиции по соляной и винной части, что делало ее особой частью КП. Разные мелкие вопросы (запас вещей, необходимых для производства водок, пива и медов; закупка и ремонт посуды для питейных домов, наем работников при магазинах и т. п.) экспедиция могла решать самостоятельно. В ней проводились два торга по откупам и только третий, решающий, — в собрании палаты. Члены экспедиции в начале дня проводили свое собрание, а в 12 часов присоединялись к общему собранию КП, вынося на ее заседание дела по своей экспедиции.

Во главе экспедиции стоял советник, которому подчинялись два ассесора — по вину и соли. По винной части в экспедиции состояло 4 стола (1 ведал все относящееся к винным магазинам и приставам, учет нужных для оборотов капиталов, 2 — дела о подрядах, поставках и откупе, 3 — производством дел в питейных домах, 4 — ревизию счетов всей экспедиции и производство непредвиденных дел).

Согласно хранящемуся в Архиве г. Москвы распоряжению, данному руководством Московской КП в мае 1787 г. о подготовке реестров в каждой части палаты по случаю приезда императрицы, соляными и винными делами занималась Шестая экспедиция. Ей было поручено по питейному делу иметь в

готовности реестры: «1. табель о питейном доходе, то есть сколько в каждом городе и уезде питейных домов, какая в них сложность питей по контрактам ныне продолжающимся на какую оных по продажным ценам сумму что в той сумме истинных и прибыльных денег, сколько из сих должно употребить в год на что расходу и затем остаться; … 3. ведомость о винных новых поставщиках кто сколько обязался в год поставить на которые сроки, и что от кого поставлено и недоставлено, а особенно и о прежних неисправных поставщиках».

Дела экспедиции выносились на общее собрание палаты. Формально вопросы в КП разрешались коллегиально. Однако это было фикцией, что ярко проявилось в деле советника Московской КП Самарина, который при рассмотрении вопроса о переносе питейного дома в новое место выступил против мнения всей палаты, и в итоге был вынужден подать в отставку. Больше зафиксированных в журналах противоречий между членами палаты не встречается.

Одной из серьезных организационных проблем, с которыми столкнулось руководство КП с самого начала ее деятельности, была слабый контроль над подчиненными местами, в том числе винными приставами.

Это усугублялось тем, что в самом начале деятельности КП Верховная власть старалась обеспечить их относительную независимость от губернских властей в отношении винного дела. Однако, мало вторгаясь в сферу деятельности финансовых учреждений, губернские власти не особо старались и в выполнении их поручений по решению проблем, связанных с питейным делом в уездах.

Впоследствии, осознав негативные последствия подобной независимости, желая принудить палаты к более оперативному выполнению своих обязанностей, власть пошла на усиление ответственности генерал-губернаторов и губернаторов за дела КП по вопросам питейной торговли.

Д. И. Стогов

Думские законопроекты, направленные на борьбу с пьянством (1907–1916 гг.)

Проблема пьянства остается актуальной в настоящее время. Несмотря на то, что в последние годы в России был введен ряд ограничительных мер, призванных уменьшить потребление спиртного, тем не менее, алкоголизм остается по-прежнему одной из незаживающих язв современного общества. В этой связи остается актуальным обращение к дореволюционным трезвенническим традициям.

В Государственной думе вопрос о введении ограничительных мер по обороту алкоголя ставился не раз. Особую роль в Думе третьего созыва в борьбе за трезвость сыграл самарский депутат (фракция октябристов) М. Д. Челышев, по инициативе которого 11 декабря 1907 г. в Думе была образована комиссия «О мерах борьбы с пьянством». 16 февраля 1911 г. Думой был принят законопроект с тем же названием.

26 июля 1914 г., т. е. вскоре после подписания царского указа, запрещавшего продажу спирта на период военных действий, состоялось заседание Государственной думы четвертого созыва, созванной на основании Высочайшего указа Правительствующему Сенату. В начале заседания председатель Думы М. В. Родзянко сообщил, что министром финансов П. Л. Барком внесены в Думу законопроекты: 1) о некоторых мерах к усилению ресурсов казны на ведение военных действий (24 июля 1914 г., № 8591), и 2) о мерах по денежному обращению ввиду военного времени (24 июля 1914 г., № 10461).

С докладом выступил П. Л. Барк. Анализируя первый из внесенных в Думу законопроектов, министр подчеркнул, что «для ведения войны государству приходится наряду с военной мобилизацией произвести также мобилизацию финансовую». Среди прочих мер Барк высказал мнение о необходимости повышения «цены на вино и на табак, ввиду того что вино и табак не являются предметами первой необходимости». Кроме того, он предложил увеличить акциз на пиво.

В тот же день после перерыва председатель Государственной думы М. В. Родзянко предложил перейти к рассмотрению законопроекта о некоторых мерах к усилению ресурсов казны на ведение военных действий. Членами Думы законопроект был признан спешным. Затем он был принят в трех обсуждениях без прений (за него, в частности, голосовали фракции правых и октябристов, представители левых партий голосовали против), и в тот же день был одобрен Государственным советом.

Через некоторое время вопрос о полном запрещении оборота алкогольной продукции вновь был озвучен в стенах Государственной думы. Крестьянские депутаты нижней палаты российского парламента И. Т. Евсеев и П. М. Макогон составили законопроект «Об утверждении на вечные времена в Российском государстве трезвости» и внесли его 1 августа 1915 г. в Государственную думу. В пояснительной записке к этому законопроекту отмечалось, что Высочайше утвержденным Положением Совета министров 27 сентября 1914 г. городским думам и сельским общинам, а затем Положением 13 октября 1914 г. земским собраниям было предоставлено на период войны право наложения запрета на торговлю спиртными напитками в местностях, которые находятся в их ведении.

В пользу законопроекта крестьянским депутатам удалось собрать 82 подписи членов Думы. На заседании Государственной думы 3 августа 1915 г. секретарь нижней палаты парламента И. И. Дмитрюков сообщил о поступившем «законодательном предположении об утверждении на вечные времена в Российском государстве трезвости», отметив при этом, что «подписавшие означенное законодательное предположение просят передать его на заключение по вопросу о желательности в комиссию о народном здравии». Тогда же он был зарегистрирован под номером 13.

Изучение стенографических отчетов заседаний Государственной думы за 1916 г. не привело к обнаружению каких-либо намеков на обсуждение данного законопроекта. Зато 16 июня 1916 г. был принят Думой в третьем обсуждении после длительных прений, продолжавшихся на заседаниях 14 и 16 июня 1916 г., правительственный «законопроект об изменении и дополнении некоторых статей уставов об акцизных сборах».

Подводя итоги, отметим, что значительная часть членов Государственной думы (преимущественно представители фракции правых, часть октябристов, крестьянские депутаты) выступали за введение жесткого запрета на оборот алкогольной продукции. Кроме того, правительственные инициативы, касавшиеся ограничения оборота алкогольной продукции, как правило, находили поддержку в Государственной думе и одобрялись ею. Вместе с тем, представители левых партий (меньшевики, эсеры) критиковали трезвеннические законопроекты. Предметом дискуссии остается вопрос о дальнейшей судьбе трезвеннического законопроекта Евсеева и Макогона.

Н. В. Стрекалова, О. М. Зайцева

Антиалкогольная кампания и действие «сухого закона» в Тамбовской губернии в годы Первой мировой войны

Введение в период Первой мировой войны «сухого закона» в Российской империи влекло за собой как экономические, так и социально-политические последствия, которые имели определенную региональную специфику. Для исследования проблемы был привлечен широкий круг первичных источников (законодательные и делопроизводственные документы, материалы периодической печати и др.), которые позволили проанализировать различные аспекты действия «сухого закона» в чрезвычайных условиях Первой мировой войны в Тамбовской губернии — одной из крупных аграрных, тыловых губерний империи.

Торговля алкогольной продукцией была (и остается) важной составляющей государственного бюджета России в целом и ее отдельных регионов. Так, в предвоенный период в производстве и продаже спиртных напитков (легально и нелегально) был занят значительный процент населения Тамбовской губернии. В исследуемое время в губернии действовало более 80 заводов, производивших алкоголь. Сырье для производства продукции данных заводов занимало значительные посевные площади. Алкогольными напитками торговали не только в разрешенных местах, но и в многочисленных «шинках», «номерах» и др.

Помимо экономических, введение «сухого закона» имело и социальные последствия. С одной стороны, данная мера встретила понимание у части населения провинции, поскольку пьянство, как серьезная социальная проблема, еще до начала войны весьма четко осознавалась современниками. Но, с другой стороны, действие «сухого закона» усложнило использование алкоголя для разных нужд: религиозных, учебных, медицинских, повседневных, например, на свадьбах, где в силу глубоко укоренившейся традиции спиртные напитки являлись неотъемлемой составляющей торжеств.

Тамбовским губернатором А. А. Салтыковым во исполнение мер по реализации «сухого закона» на территории губернии были изданы соответствующие распоряжения, направленные на

борьбу с его нарушителями. Система принятых мер включала в себя выявление и пресечение незаконной торговли и производства как собственно алкогольной продукции, так и ее суррогатов, производство и продажа которых стали одним из следствий действия «сухого закона».

За нарушения п. 2 ст. 1112 «Уставов об акц. сборах», п. 3 ст. 16 «Положения о чрезвычайной охране» и других постановлений в 1914–1916 гг. по распоряжению губернатора были закрыты различные виды заведений: гостиницы (номера), которые, по мнению властей, «вместо прямого своего назначения — предоставления квартир приезжающим, служили местами свиданий «с целью разврата и распития спиртных напитков, предоставляемых хозяином», буфеты при клубах, кофейни, ставшие, на взгляд властей, притонами, где собирались «проститутки низшего разбора, пьяные солдаты, высланные турки», аптеки, дальнейшее существование которых признавалось «опасным для государственного порядка и общественного спокойствия ввиду допуска тайной продажи спирта воинским чинам в массовом количестве», что способствовало «спаиванию нижних чинов…», кухмистерские и чайные, винно-гастрономические магазины, ренсковые погреба, Мариинский водочный завод в Липецке и др.

Последний был закрыт на основании п. 3. ст. 16. «Положения о чрезвычайной охране». Согласно рапорту липецкого исправника, владельцы и руководство завода допустили серьезные нарушения при реализации «водочных изделий». Причиной, по которой было инициировано расследование, стало уведомление московского градоначальника от 25 августа 1915 г. о задержании крестьянина Е. И. Панова с ящиком (36 бутылок) «Зубровки», которую, по словам задержанного, он купил у неизвестного. При освидетельствовании в ящике была обнаружена укладочная записка Мариинского завода в Липецке.

Среди владельцев закрытых заведений губернии были представители разных сословно-социальных групп: мещане, крестьяне, дворяне, купцы и даже сын турецкого подданного.

В период действия «сухого закона» значительно вырос объем производства и торговли самогоном, о чем свидетельствуют многочисленные (счет шел на тысячи) протоколы, составленные представителями полиции Тамбовской губернии. В самогонова-

рение активно включились и беженцы, для которых это стало возможностью дополнительного (а иногда и основного) заработка. Доход от продажи самогона и бражки, по свидетельству полиции, значительно превышал штрафы, налагаемые за незаконное производство и реализацию алкогольной продукции. В среднем он составлял от 3 до 7 рублей, с учетом расходов. Можно отметить ряд особенностей реализации «сухого закона» в городах и сельской местности.

Эффективность мер, которые предпринимали губернские власти, во многом зависела от поддержки населения. Анализ источников показал, что отношение жителей губернии к данному закону было разным: от поддержки и содействия (например, проверка ряда заведений была инициирована по сообщениям, поступившим от «неизвестных доброжелателей») до активного противодействия и сокрытия подпольных точек производства и продажи алкоголя. Более того, не было единого мнения и у представителей системы местного самоуправления региона, что сказывалось на принятых ими решениях.

Проанализированные судебно-следственные материалы позволили выявить рост преступлений, связанных с алкоголем, а также увеличение числа злоупотреблений со стороны медицинского персонала, аптекарей, нарушавших положения «сухого закона». Материалы лечебных учреждений свидетельствуют о росте случаев разного рода заболеваний и смертей, ставших следствием употреблением суррогатного алкоголя, денатурата и др.

А. В. Сумин

Алкоголь в повседневности тюрем Московского государства XVII в.

Места лишения свободы с названием «тюрьма» появляются в Московском государстве в последней четверти XV в. В XVI в. впервые в истории русского права санкция в виде заключения в тюрьму массово закрепляется в крупном памятнике права — Судебнике 1550 г. Однако, специфика сохранности актового материала по отечественной истории позволяет исследовать тюремную повседневность лишь начиная с XVII в. По этому поводу автор первого обобщающего труда по истории лишения свободы в России Н. Д. Сергиевский в работе «Наказание в русском праве XVII в.» отметил: «Причина по которой исследование ограничено XVII веком есть следующая: … во-вторых, памятники древнейшей эпохи, до XVII века, так бедны по вопросам уголовного права, что составить из них сколько-нибудь полную картину, без произвольных субъективно-созидательных дополнений, я был не в силах».

К одному из ключевых вопросов тюремного быта Московского государства XVII в. относится оборот алкоголя и связанные с ним отношения. Несмотря на то, что, так или иначе, его касалось большинство исследователей отечественной пенитенциарной истории, прежде всего Н. Д. Сергиевский, Н. Я. Новомбергский, В. Н. Глазьев, Н. Ш. Коллманн и др., обобщающих обзорных работ по данной теме не было. В этой связи, постараемся в общих чертах восполнить данный недостаток.

Основу персонала большинства тюрем XVII в. составляли выборные тюремные сторожа и тюремные целовальники. В ряде регионов, в частности в городах Белгородского полка, в качестве тюремного персонала использовались служилые люди, как вместо выборных сторожей и целовальников, так и совместно с ними. Руководство крупными тюрьмами (тюремными дворами) осуществляли дворские. Их должностные обязанности, известные нам по наказным памятям и выборам, содержали запрет на употребление алкоголя на службе (или почнет сам пьяно напиватца), походы с тюремными сидельцами в кабак (или станет их

на кабак водить). Так, наказная память дворского сотника у тюрем в Астрахани 1689 г., едва ли не единственный сохранившийся документ, регламентирующий обязанности одного из руководителей тюремного персонала, предписывала: «И над целовалники и над сторожами смотрити ж, чтоб пьянства и никакова воровства не было … и продажного ж никакова питья у себя не держали ж». В то же время, употребление тюремными сидельцами алкоголя в качестве «милостыни» было допустимо. В вышеупомянутой памяти 1689 г. указывается: «А будет астраханец всяких чинов люди учнут к тем тюремным сиделцом в тюрму приносити милостину — калачи, хлеб, пироги или какое питье. И ему у тех людеи в калачех и в хлебах и в пирогах и в питье ножеи и резцов и всякои железнои снасти с целовалники и сторожи осматриват вместе, чтоб к тем тюремным сиделцом никакие люди ножеи и резцов и всякои железнои снасти…». В материалах о «Слове и деле» в г. Суздале 1639 г. описывается присылка алкоголя в качестве милостыни: «И тот Оська сказал: прислал де к ним в тюрьму Спасский архимарит в Рождество Христово в милостыню пива ведро». В подобном же деле во Пскове 1630 г. описывается дележ спиртного тюремными сидельцами: «…ноября де, государь, в 27 день подали в тюрьму милостыни полстопы вина, и он де, Федька, упросил у товарищей у тюремных сидельцов, чтоб ему то вино выпить одному, и тюремные де, государь, сидельцы того вина ему поступились, и он де, Федька, то вино выпил, и лежал пьян без памяти…». Следует отметить, что случаев привлечения тюремных сидельцев к ответственности за употребление алкоголя в целом и в качестве милостыни в частности, нами не обнаружено. В материалах дела отсутствует наказание даже при даче прямых показаний в Разрядном приказе о событиях в Брянске 1646 г.: «…в прошлом во 154 г. на Светлой неделе ходил он, Андрюшка, из тюрьмы с тюремным же сидельцем с брянчанином с Тимошком Омыльниковым в затинную слободу к пушкарю к Ваське Юрину, а Синцов он же, ото всех тюремных сидельцов по пиво…».

Употребление алкоголя тюремным персоналом (зачастую совместно с тюремными сидельцами) приводило к побегам. Так, на масляной неделе 1623 г. в г. Муроме произошел побег оставленных в тюрьме без надзора татар: «И татарин Тонатарко ска-

зал мне, холопу твоему: яз де был в тое пору с тюремными сиделцы, спаским старцом да з Безсонком, у тюремного сторожа у Тренки на дворе. А другой сторож Дружинка у [не]во ж был, у Тренки — пили де брагу. И те де татаровя в тое пору ушли из тюрмы». Хождение с тюремными сидельцами (колодниками) в кабак способствовало побегам при их конвоировании, как это произошло в 1671 г. в Переяславле Рязанском: «И он де Рамашка с простоумьи на кабак с ним пошол. И на кабаке де выпили ани … веделы вына и пива кувшин купили. И с тем де пивом пошли назад в город. И как де будут ани в воротех резанскои проезжеи башни, и он де Рамашка наперед в колитку вшол, а колодник де Кирюшка Копылов подал ему Рамашки кувшин с пивом побежал по городовои осыпи. И он Рамашка за ним Кирюшкою погнал».

Следует отметить и факт легального применения алкоголя в качестве лекарственного средства в тюрьме. Так в указе 1665 г. в г. Ярославль, где в специальных татарских тюрьмах содержалось более 200 человек, предписывалось: «А которые татаровя на тюремном дворе ныне болные и которые впред будут болны, впрямь, и тем дават вино и уксус по разсмотренью. А здоровым вина и уксусу одноконечно не дават».

И. Р. Такала

Этапы большого пути: особенности производства и потребления алкогольной продукции в российской Карелии конца XIX — первой трети XX в.

По питейным традициям Карелия существенно отличалась от соседних российских регионов.

Торговля спиртными напитками была сосредоточена в городах, где в начале XX в. 7,5 % от всех торговых заведений губернии составляли пивные лавки (в крае работало 2 пивоваренных завода), 4,1 % — трактиры, гостиницы и постоялые дворы с продажей спиртного; в уездах доля эта была соответственно 1,5 и 1 %. При этом следует помнить, что в то время в Олонецкой губернии было всего 7 городов и городское население составляло 7 %.

В деревнях же очень многие крестьяне вовсе не употребляли крепких напитков, причем это относилось, как правило, ко всем сельским жителям — карелам, русским, вепсам. При обследовании в 1909 г. крестьянских бюджетов в 4-х уездах губернии (Повенецком, Петрозаводском, Олонецком и Лодейнопольском) выявилось, что сельское население в среднем в год потребляет около 1,2 л водки на душу населения. Для сравнения: в целом по империи в 1912 г. среднегодовое душевое потребление водки в сельских местностях составляло 5,8 л (в городах — 18,7 л); в Европейской России этот показатель в 1906–1910 гг. равнялся 6,1 л (город и деревня вместе), в Великом княжестве Финляндском — 2,3 л. Домашнего винокурения в Карелии не было.

Ситуацию, сложившуюся в русской Карелии, столь отличную от того, что наблюдалось в соседних регионах можно объяснить несколькими причинами. Малая плотность населения, в основном промысловый характер хозяйства, общая бедность, постоянная нехватка хлеба не способствовали развитию домашнего винокурения, а бездорожье и отсутствие в крае государственных спиртовых заводов, как и мест казенной продажи питей в сельской местности (а ранее откупов и кабаков), делали спиртные напитки крайне редким и не очень привычным угощением на крестьянском столе. Следует учитывать и то, что в Олонецкой

губернии широкое распространение получило старообрядчество, значительно строже относившееся к таким человеческим порокам как пьянство, нежели ортодоксальная церковь.

В советское время приобщение Карелии к российским питейным традициям и нормам происходило гигантскими темпами.

В первые годы советской власти ряды ответственных партийных и советских работников Карелии пополнялись не за счет местных уроженцев, а формировались в основном из людей, направленных сюда на работу центром. Это были и русские большевики, и рабочие-выдвиженцы, брошенные партией на советскую и партийную работу, и финские политэмигранты, вынужденные покинуть родину после событий 1918 г. Кроме того огромные масштабы приобрела вербовка в слабо населенную сельскую республику промышленных кадров из других областей СССР (к 1933 г. родившиеся вне Карелии составляли треть от всего населения). С притоком мигрантов менялась и культура быта, на промышленных новостройках и в поселках леспромхозов уклад жизни и питейные традиции к 1930-м годам уже мало чем отличались от остальной России.

На росте алкоголизации населения не могли не сказаться перемены, происходившие в области производства и продажи спиртных напитков. В Карелии пивоваренное производство было возобновлено осенью 1923 г. И если, например, 2 пивоваренных завода Олонецкой губернии в 1911 г. выработали продукции на 32 тыс. руб., то стоимость произведенного пива за первый же хозяйственный год (1923/24) пивзаводом «Карелия» (владелец СНХ АКССР) составила 255 тыс. червонных руб.

Год спустя в республике начинает свою работу и первый спиртоводочный завод. Правительственное постановление о водочной монополии вышло в августе 1925 г., однако уже в 1924/25 хозяйственном году в Карелии было произведено 228 860 л водки на сумму 77 379 черв. руб.; через год стоимостное выражение продукции увеличилось почти в 6 раз. В первой половине 1925/26 хозяйственного года продажа крепких напитков возросла до 2,6 % от всего торгового оборота, к 1928 г. только по Петрозаводску продажа спиртных напитков превысила довоенный уровень (1913 г.) в 3 раза. В 1925/26 хозяйственном году акциз с водочных изделий составил 11,8 % в доходной части карельского бюджета.

И это при том, что в 1926 г. крепкие напитки продавались лишь в 28 торговых точках республики (6 магазинов, остальное — питейные заведения), а в целом ряде мест решением местных властей винная торговля была запрещена.

Вопрос о необходимости увеличения доходных источников бюджета в условиях потери Карелией экономической самостоятельности заставил карельские власти в январе 1929 г. принять решение об увеличении акцизов на хлебное вино и водочные изделия, выпускаемые в продажу спиртоводочным заводом, а также базисными складами Карелторга и Арменторга. Этот же документ предусматривал увеличение числа мест винной торговли и возобновление продажи хлебного вина, там, где ранее она была запрещена местными властями. Год спустя продажная цена на хлебное вино по всей республике была увеличена до 10 руб. за литр, одновременно были приняты меры по бесперебойному снабжению водкой районов лесозаготовок и рыбной путины (в 1928 г. рабочие деревообрабатывающей промышленности тратили на спиртные напитки 15 % своего бюджета).

Алкогольная продукция в Карелию завозилась регулярно, еще больше вырабатывалось местной промышленностью. Петрозаводский водочный завод в 1936 г. реализовал в розничной продаже 544 703 декалитра водки и водочных изделий. По самым скромным подсчетам это означало, что на каждого жителя республики приходилось около 11 л крепких напитков. В торговой сети завода был 31 магазин — 5 в городах, 26 на селе. Постепенно, даже в тех карельских районах, где магазинов Главликерводки не было, ежедневное бытовое пьянство и дома и на работе становится едва ли не нормой. Постоянное увеличение производства и продажи спиртных напитков и одновременно свертывание борьбы с пьянством вели к дальнейшей быстрой алкоголизации общества.

Е. Д. Твердюкова

Лечение алкоголизма в Ленинграде в 1930-е гг.

В 1930-е гг. под алкоголизмом обычно понимались болезненные формы влечения человека к алкоголю и его потреблению, вызывавшие нарушения в поведении, психике и соматике. Вместе с тем он считался и массовым социальным заболеванием. Поэтому антиалкогольную сеть предполагалось строить по принципу ступенчатости, с опорой на специалистов — наркологов и психиатров, с широким привлечением общественности. Она включала в себя:

— наркологические пункты на производствах и в ЖАКТах;

— районные наркологические службы (районных наркологов в невропсихиатрических диспансерах);

— наркоприемники (вытрезвители и краткосрочные стационары);

— психиатрические больницы;

— лечебно-трудовые колонии.

Специалисты предлагали различать следующие типы алкоголизма: констеллятивный, запойный (псевдодипсомания), привычный, хронический, дипсомания (истинная). Коэффициент нуждавшихся в специальном лечении от алкоголизма в Ленинграде, по оценкам врачей, в 1932 г. составлял 12 на 1 тыс. населения. Для 70 % из них было достаточно амбулаторно-диспансерного лечения, для 10 % требовалось помещение в сменный стационар, для 15 % была целесообразна кратковременная госпитализация, для 5 % — длительное принудительное лечение.

Внебольничная наркологическая сеть (здравпункты и диспансеры) обслуживала преимущественно тех, кто обратился за помощью по собственной инициативе. Успешность амбулаторного лечения не признавалась высокой: из алкоголиков, лечившихся систематически в течение не менее двух месяцев, по истечении 2–4,5 лет лишь около половины (48,2 %) совершенно бросили пить, остальные рецидивировали. Причины врачи видели в том, что пациенты оставались в прежней бытовой обстановке и были более подвержены пагубному влиянию алкоголя.

Проект организации медвытрезвителей-наркоприемников в Ленинграде был разработан в 1928 г., однако только в конце 1931 — начале 1932 гг. Управлением рабоче-крестьянской милиции было открыто три медвытрезвителя (рассчитанных в совокупности на 150 коек). В их задачи входило не только вытрезвление, но и оказание медпомощи. В терапии применялись бромиды, апоморфин, скополан, хлоралгидрат, кофеин, камфара. За первый год работы медвытрезвители приняли около 40 тыс. человек. Дальнейшее развитие сети было приостановлено в связи с решением о передаче этих учреждений в систему Ленгорздравотдела, для чего не имелось ни организационных, ни материальных предпосылок.

Из планировавшихся к открытию трех специализированных наркоприемников в реальности начал работу только один — в 1938 г. Рассчитанный на кратковременное пребывание пятидесяти больных острыми алкогольными психозами, он смог только слегка разгрузить психиатрические стационары, которые и выполняли основную задачу по оказанию специализированной наркологической помощи.

Среди психиатров общепринятым было мнение, что состояние опьянения само по себе не требовало лечения, но рекомендовалось не медлить с помещением в лечебницу пациентов с признаками алкогольных психозов (белой горячки, алкогольного галлюциноза, Корсаковского психоза и др.). Приступы возбудимости при таких заболеваниях купировались с помощью снотворного (веронала, паральдегида, хлоралгидрата), а также влажных обертываний. Медикаментозное лечение хронического алкоголизма заключалось в инъекциях стрихнина, мышьяка. Одним из главных элементов лечения выступала психотерапия в форме гипнотического внушения. Широко практиковалась также физиотерапия. Для всех пациентов предписывалось полное лишение спиртных напитков (в противоположность господствовавшему ранее мнению о целесообразности постепенного снижения дозы спиртного). К мерам поддерживающего характера относилось хорошее питание, физическая работа на свежем воздухе.

Принудительное лечение алкозависимых практиковалось в 1928/29 г., но затем было прекращено ввиду отсутствия в городе

специализированных учреждений. В 1933 г. в Психоневрологическом институте им. Бехтерева были разработаны Положение о комиссии по принудительному лечению алкоголиков и проект создания лечебно-трудовой колонии при больнице им. Кащенко, предназначенной для пребывания хроников, нуждавшихся в длительной изоляции. Колония была открыта в 1937 г. Лечение, помимо медикаментозных, физиотерапевтических, психотерапевтических процедур, включало активное участие больных в трудовых процессах. Лица, «социально разложившиеся», в нее не принимались.

В целом программу, согласно которой в основу медицинских мероприятий следовало положить дневное диспансерное, лечебно-профилактическое обслуживание алкоголиков с перенесением центра тяжести работы врача-нарколога на производственно-жактовские здравпункты, реализовать не удалось. Ведущая роль в лечении алкоголизма принадлежала специалистам психиатрических стационаров.

С. Б. Ульянова

«Магарыч» и «спрыск»: роль алкоголя в трудовых отношениях в российской промышленности (первая треть XX в.)

У. Чейз определил трудовую дисциплину как широкий ряд производственных особенностей и отношений к работе, таких, как своевременный приход на работу, добросовестное выполнение своей работы, уважительное отношение к оборудованию, материалам и продуктам труда, выполнение инструкций мастеров и управляющего персонала, минимальное отсутствие на работе. Правила внутреннего распорядка стали важнейшими социальными изобретениями в сфере трудовых отношений в промышленности на рубеже XIX–XX вв.

В правилах внутреннего распорядка на предприятиях, как до революции, так и в 1920–1930-е гг., обширные разделы были посвящены различным нарушениям (опоздание, прогул, игра в карты, кража и др.). Но одно из первых мест в перечне взысканий занимало появление на работе в нетрезвом виде или распитие спиртных напитков на фабрике.

Пьянство рабочих приобрело огромные масштабы еще в царской России. Праздничный день был немыслим без водки, но и в будни алкоголь постоянно присутствовал в пространстве предприятия. Прежде всего, это связано со сложившимися обычаями «замочки машин», «спрыска», «магарыча» и т. п.

Дореволюционные традиции потребления алкоголя благополучно пережили эпоху «сухого закона» времен Первой мировой и гражданской войн, когда казенную водку заменили самогон, политура и другие суррогаты. После введения свободной продажи государственной водки (декрет Совета народных комиссаров СССР от 28 августа 1925 г.) пьянство в городах приобрело огромные масштабы: доля пьющих промышленных рабочих составляла около 90 %. С 1922 по 1927 г. расходы рабочей семьи на спиртные напитки выросли более чем в 17 раз. Быстро возродились дореволюционные традиции «пропоя первой получки», «обмывания нового сверла», «спрыскивания блузы» и т. д.

Обычно пьянство рабочих в литературе рассматривается как осложняющий производственный фактор, который приводил к росту производственного травматизма (особенно в дни получки и после праздников), к снижению производительности труда, росту прогулов и т.п. Однако, рассматривая присутствие алкоголя в заводском пространстве, стоит отметить его коммуникативную функцию. По сути, ритуализированные формы коллективного употребления алкоголя стали «нормальным» (не положительным, конечно) элементом трудовых отношений в промышленности в первой трети XX в.

Во-первых, распитие спиртных напитков, запрещенное правилами внутреннего распорядка, можно считать элементом «своеволия» (А. Людтке), способом избавиться от жестких рамок трудовой дисциплины. Неумеренное потребление алкоголя, пьяные прогулы и нарушение трудовой дисциплины позволяли труженику сохранить некоторый контроль над своей жизнью как на работе, так и в свободное время. Пьянством рабочие отвечали на ужесточение трудовой дисциплины, усиление социального контроля на предприятии, повышение интенсивности труда.

Во-вторых, совместное потребление алкоголя превратилось в один из факторов формирования трудовых коллективов, установления неформальных личностных отношений на производстве. Как заметил известный исследователь истории трудовых отношений в России А. К. Соколов, коллективистский дух производственной среды играл определенную роль в том, что в ее недрах формировались устойчивые коллективы собутыльников. «Спрыски» сопровождали все мало-мальски значимые события в жизни рабочего — от первой зарплаты, которую полагалось пропить с товарищами, до перевода на новый станок, повышения в разряде и т. п. Исследователь повседневных промышленных практик начала XX века Н. С. Полищук обоснованно видит в них трансформацию старых крестьянско-ремесленных традиций. Совместная выпивка в этом контексте превращалась в ритуальное одобрение каждого шага на жизненном пути рабочего.

В-третьих, алкоголь являлся основной формой установления неформальной внутризводской иерархии и освященной

обычаем цеховой коррупции — «магарыча» (за прием на работу, выгодные расценки, новый станок и пр.). А. Ю. Володин показал, что на предприятиях уже к 1880-м гг. сложилась четкая социально-профессиональная иерархия, проявлявшаяся, преимущественно, в побоях и взятках. Чаще всего получателями магарыча выступали мастера, от которых зависело распределение работ и, в конечном счете, выработка и зарплата.

В 1920-е гг. алкоголь стал не только частью бытовой повседневности советского рабочего, но и элементом организации производственной жизни. Несмотря на перманентную борьбу администрации предприятий с этим злом, водка и пиво не исчезли из цехов и мастерских, а заводской пьяница стал одним из наиболее узнаваемых типажей советской заводской культуры.

Д. З. Фельдман

Питейные промыслы евреев в Российской империи в конце XVIII — начале XIX в.: законодательство и практика

Винокурение и питейная торговля, а также аренды составляли в Российской империи для евреев, наряду с торговлей и ремеслами, важнейший источник пропитания. Это положение создавалось веками и легло в основание местной государственно-хозяйственной жизни. В Речи Посполитой право винокурения являлось особой привилегией, которое не принадлежало евреям: они выступали лишь как откупщики. На протяжении XIX в., согласно российскому законодательству, евреи также не имели права самостоятельного винокурения, но уже ввиду принадлежности к купечеству и мещанству, к которым они были приписаны. Это право принадлежало помещикам, казне, городам и другим юридическим лицам, которые могли сдавать на откуп винные промыслы.

На рубеже XIX в. делались попытки объяснить бедственное положение крестьян бывших польских земель пребыванием евреев в уездах в качестве арендаторов различных отраслей помещичьего хозяйства вообще и винокуренного производства в частности, а также в качестве содержателей корчем; в связи с этим предпринимались даже суровые меры к поголовному выселению евреев из сел и деревень. Однако в интересах казны и помещиков им разрешалось занятие винным промыслом в городах и местечках (казенных и помещичьих), а вскоре всестороннее обсуждение этого вопроса привело представителей власти к мысли, что занятие евреями арендами и винным промыслом и в уездах не только не вредно, но даже полезно для благосостояния населения.

Впервые в Российской империи в достаточно массовом количестве евреи появились в Малороссии (Левобережная Украина), и с самого начала они были ограничены в выборе вида деятельности. По закону у них не было права покупать земельные участки и недвижимость и, соответственно, они не имели возможности заниматься сельским хозяйством или промышленным

производством (приобрести фабрику, завод или хотя бы мельницу иудею было нельзя). Такие законодательные ограничения привели к тому, что евреи в России могли быть либо купцами, либо ремесленниками, либо шинкарями. Шинкарство включало в себя следующие составляющие: содержание шинка как род занятий; изготовление спиртных напитков, хранение и торговля ими. Помещики и казацкие старшины были заинтересованы в присутствии евреев в Малороссии в первую очередь потому, что сами вести дела в своих корчмах и шинках просто ленились. Иудеи же не могли владеть недвижимым имуществом, а потому охотно соглашались становиться кем-то вроде наемных менеджеров на предприятиях местной знати. Так, украинские помещики нанимали евреев для ведения винокуренного промысла и торговли вином.

Несмотря на тяжелый ежедневный труд, они были бедны, и поэтому все время оказывались в долгу у своих арендодателей. Такое ведение дела было крайне выгодно знатным малороссам: ничего не делая, они получали от шинкарей прибыль, а те еще и платили им арендную плату за использование шинков и предприятий. Поэтому местные власти закрывали глаза на запретительные антиеврейские указы из Санкт-Петербурга и Киева. Выселить евреев означало бы лишиться бесплатной рабочей силы, которая не просто прекрасно зарабатывает для своего нанимателя, но еще и платит ежемесячную дань. При этом именно шинкарство стало для малороссов (а потом и их соседей из России) поводом ненавидеть евреев: их обвиняли в стяжательстве и спаивании русского мужика.

Обсуждение вопроса о возможности допуска евреев к питейным промыслам после польских разделов 1772–1795 гг., в результате которых еврейское население России, по разным оценкам, составило от 750 до 900 тысяч человек, происходило в эпоху правления Екатерины II. После того как российская администрация осуществила в начале 1780-х гг. первые мероприятия по сословному уравниванию новых подданных-евреев с остальным населением, возникли новые сложные проблемы, касающиеся различных сторон экономической деятельности еврейского мещанства и купечества, в том числе питейных промыслов. Согласно «Плакату о переходе Белоруссии к Рос-

сии» от 16 августа 1772 г., евреи пользовались правами в хозяйственной сфере, которые имели со времен польской власти. Одной из важнейших составляющих их экономической деятельности были винокурение, пиво- и медоварение, продажа алкогольных напитков оптом и в розницу. Евреи строили в городах винокуренные заводы, а помещики передавали им на откуп корчмы, имея от этого за счет податей значительный доход.

Однако с середины 1780-х гг. в данной области стала проводиться политика удаления евреев из питейных промыслов, в связи с чем их поверенные подали в столице несколько прошений в защиту своих интересов. Начало этому процессу послужил указ Сената от 21 января 1786 г. «Об ограждении прав евреев в России, касательно их подсудности, торговли и промышленности» (опубликованный 7 мая). По важнейшей проблеме в нем категорично говорилось следующее: «В просьбе оных евреев о свободном по-прежнему в городах винокурении, пиво- и медоварении… — отказать». Винные откупа им разрешалось брать только по окончании текущих контрактов, с 1788 г. При этом за кагалами закреплялось право выдачи разрешений на производство и продажу алкоголя, что впоследствии привело к различным злоупотреблениям со стороны общинной верхушки и внутриобщинным конфликтам, в частности в 1806–1812 гг. в местечке Шклов Могилевской губернии. Помещикам, как единолично обладающим правами на производство спиртного, оставили свободу сдавать винокурение в деревнях на откуп, в том числе и евреям, но с обязательством следить, чтобы крестьяне «не вдавались в распутную жизнь, не истощали своего имущества и не удалялись от работ». Такая схема хозяйствования в области производства и продажи алкоголя сохранилась и в дальнейшем, в следующие правления, будучи закрепленной в высочайше утвержденном 9 декабря 1804 г. «Положении для евреев» — систематически разработанном своде законодательства по еврейскому вопросу в Российской империи.

С. В. Филатова

Культура потребления алкоголя в купеческой среде во второй половине XIX — начале XX в. (по материалам Среднего Поволжья)

В России потребление спиртных напитков традиционно являлось важным атрибутом хозяйственной жизни и бытовой культуры. «…Родился ли человек, женился, помер ли, судится ли, мирится ли, сходится ли, делится ли, купил ли что, продал ли что, получил ли убыток или прибыль — все это обильно поливается вином, и сам человек плавает в вине. И так вино, вино и вино» (из отчета Симбирской епархии).

Употребление горячительных напитков в купеческой среде во многом было обусловлено объективными причинами. Занятие купечеством торговлей и промышленностью традиционно являлось сферой бизнеса, осложнённого значительными рисками. Государственная поддержка в этом вопросе была на протяжении большей части российской истории явно недостаточной, поскольку приоритет в отношении предпринимательства оказывался в пользу дворянской частной инициативы. Условия труда купца также зачастую оставляли желать лучшего: это были постоянные разъезды, опасности, связанные с разбоем и грабежами, полная зависимость от администрации.

Принадлежность к купеческому званию достигалась путём уплаты соответствующего налога и, таким образом, была не только не наследственной, но даже и не пожизненной. Благосостояние и социальный статус всей семьи оказывался в прямой зависимости от коммерческого успеха её главы, что налагало на последнего дополнительную ответственность. Кроме того, зачастую положительный результат в бизнесе достигался недостойными методами — обманом потребителей и партнёров, продажей некачественного товара, безжалостной эксплуатацией работников и т. д. В условиях постоянного психологического давления алкоголь являлся самым простым и доступным способом снятия стресса.

Место и значение «пития» в повседневной культуре купечества могло быть различным. Кто-то позволял себе возлияния

лишь «по поводу»: на праздник или в случае удачной крупной сделки. В частности, мокшанский купец В. П. Быстренин, описывая празднование «масляницы» в доме своей бабушки, повествовал, что «вино подавалось только в тех случаях, если к обеду приходил кто-нибудь посторонний, в домашнем же обиходе оно не употреблялось», «вся… еда обильно запивалась чудным домашним квасом».

Другие, наоборот, постоянно употребляли спиртное и воспитывали в таком духе своих домашних. А. П. Кузнецов, представитель известной пензенской купеческой династии, в своих воспоминаниях рассказывал, что его дедушка «пред ужином любил выпивать рюмки три-четыре водки, настоянной на какой-то траве и называемой им “Миневич”». «Иногда я приставал к нему, прося дать мне рюмку “Миневича”, и он иногда наливал мне полрюмки и давал мне выпить. Крепости и горечи этот “Миневич” был ужасной», но семилетний мальчик «выпивал с храбростью свою полрюмку, стараясь при этом не морщиться и не раскашляться».

Наконец, были и такие, кто в результате пьянства и разгульного образа жизни утрачивал своё благосостояние и деградировал как нравственно, так и физически. Например, Ф. И. Буслаев в своих мемуарах сообщал об отчиме, купце И. Р. Ваныкине, что он «не только пьянствовал, пропадал по целым неделям и возвращался домой как бешеный, но и вконец разорил состояние моей матушки».

Конечно, в ряде случаев употребление алкоголя имело практическую пользу, это был действенный способ коммуникации и интеграции. Так, в дневниковых записях помещицы Н. А. Ивановой, посвящённых событиям 1905 г., рассказывается о следующих действиях саратовского купца Пшеничного [вероятно, речь идёт об И. А. Пшеничникове. — *С. Ф.*] по спасению своего имущества: было «не покойно», и в усадьбу «прислали человек 20 солдат из запасных». Однако «настроение этих солдат такое» сложилось, что Пшеничный их начал бояться больше, чем мужиков. Тогда он стал поить мужиков водкой и сам с ними напивался, и «тем … спасался от пожаров и разгрома».

Алкоголь мог занимать некоторое место и в повседневной культуре представительниц прекрасного пола. Приглашение в

гости и посещение гостей в указанный период представляли собой устойчивые практики проведения досуга. Эти мероприятия, как правило, сопровождались обильной трапезой и употреблением алкоголя. Например, «если в доме собирались гости, купчиха обычно приглашала женщин на свою половину, где они пропускали чарочку-другую, напиваясь иногда допьяна». «Благочестивые купеческие жёны каждое воскресенье… выезжали на гуляния в лесок, где раскладывали шампанское, закуску, штофы с водкой, разжигали самовар».

Женщина, если она сама была хозяйкой бизнеса, главой купеческой семьи, употребляя алкоголь, могла руководствоваться теми же мотивами, что и мужчина. Кроме этого, могли быть и другие причины, побуждавшие женщин купеческой среды к умеренным возлияниям: ограниченность досуга (особенно в начале исследуемого периода), усталость и депрессия, вызванные повседневными домашними хлопотами, тирания со стороны супруга или других членов семьи.

К рубежу XIX–XX вв. значение указанных факторов стало ослабевать и в ряде случаев полностью нивелировалось, однако традиции винопития в купеческой среде сохранялись.

М. В. Хацкевич

Винокуренное производство в Центральной России по отчетной документации конца XVIII в. *

Как известно, со второй половины XVIII в. производство вина в большинстве губерний стало прерогативой дворянского сословия (см. ПСЗ. Т. 14. № 10261). Однако первоначально свободная продажа вина была запрещена: государство стремилось получить с продаж вина долю налогов, а потому в сфере продажи вина был установлен ряд ограничений. Постепенно для отдельных губерний делались послабления (свободное производство и продажа вина сохранились в Рижской, Ревельской, Выборгской губерний, а также в Малороссии — Киевская, Полтавская, Черниговская, Слободско-Украинская губернии. В 1772 г. право на свободное производство и вольную продажу вина получили также Псковская и Могилевская губернии.

Получившая распространение в последней четверти XVIII в. практика составления губернаторских отчетов способствовала сбору статистических сведений о различных областях развития отдельных губерний. В связи с практикой составления губернаторских отчетов стали собираться и данные о винодельческом производстве. Эти сведения подавались в виде отдельных отчетов, составленных от имени губернаторов (или генерал-губернаторов).

Подобные отчеты охватывали, в основной своей массе, только принадлежащее дворянам винокуренное производство. Значительная часть мелких и средних производителей вина из губерний, где отсутствовала дворянская монополия на винокурение, таким образом, осталась вне фокуса отчетности.

Тем не менее, сохранившиеся отчеты о винодельческих заводах и винокурнях отражают значительный срез винодельческой отрасли. Анализ этих ведомостей позволит получить представление о развитии винодельческого производства в России конца XVIII в.

---

* Стендовый доклад.

Данный тип отчетности появился после указа 1794 г., направленного на предотвращение потерь казны от незаконного производства и торговли вином. Кроме того, государство стремилось получить информацию о состоянии цен на основное сырье для винокуренного производства —хлеб и дрова. Ведомости должны были составляться на основании освидетельствования винокурен и заводов в уездах, проводившихся капитан-исправниками совместно с нижними земскими судами. Собранная информация из уездов поступала генерал-губернаторам или губернаторам. После составления сводной ведомости генерал-губернаторы или губернаторы направляли ее в форме доношения на имя императрицы.

Ведомости охватывают период с 1795 по 1797 гг. Они представляют собой перечень винокуренных заводов и винокурен в губернии, с информацией о производстве вина или прочей продукции, о владельце, о затрачиваемом на производство сырье и привлекаемой рабочей силе.

К настоящему моменту в архиве Дворцового разряда обнаружены ведомости по 27 губерниям. Нами собран материал по 21 губернии ** (для оставшихся 6 губерний собраны пока лишь общие показатели производства).

В докладе предполагается проанализировать ряд показателей: производство вина и водки по губерниям, социальный статус владельцев заводов, использование сырья при производстве, а также применение рабочей силы (как крепостных крестьян, так и наемных рабочих).

В данных тезисах ограничимся приведением общих агрегированных показателей.

Всего в 27 губерниях отчетностью было учтено 6966 заводов. Наибольшая их часть оказалась сосредоточена в Черниговской и Харьковской губерниях (951 и 702 соответственно). Суммарное годовое производство вина для 21 губернии — 5470203 ведра. В оставшихся 6 губерниях в год выкуривалось

** Материал собирался в рамках участия автора в работе над проектом: Кесслер Хайс и Маркевич Андрей, Электронный архив Российской исторической статистики, XVIII–XXI вв. — Режим доступа: https://ristat.org/ Версия I \(2020\ .

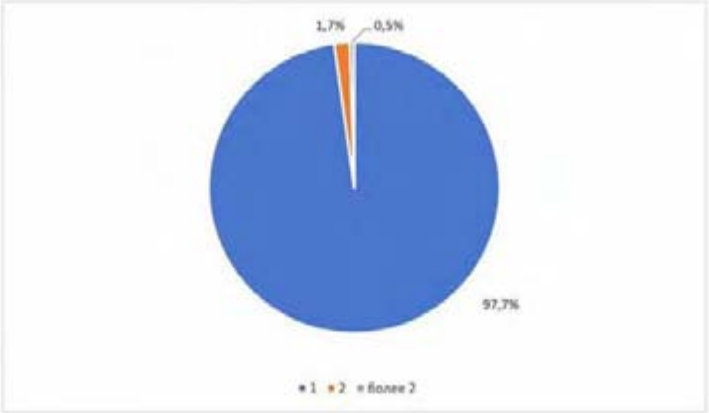
2442147 ведер вина. За год в 27 губерниях, таким образом производилось 7912350 ведер вина.

Водки делалось значительно меньше (мы располагаем сведениями по 21 губернии) — 13587 ведер французской и 390 ведер сладкой водки (в последнем случае сведения явно не полные). В основном водка производилась на Кавказе и в западных губерниях.

В 21 губернии заводов находилось в руках 3952. владельцев. Наибольшее число владельцев у завода — 5. В среднем же на каждого владельца приходилось 1384 ведра произведенного вина.

Распределение заводов между определенным числом владельцев отображено в Диаграмме 1.

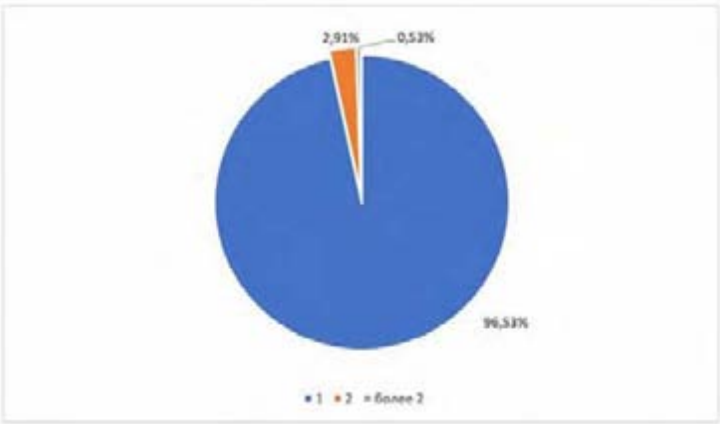
Диаграмма 1. Число заводов, которые приходятся на одного владельца, двух и более



Как можно видеть, подавляющее число владельцев имело по 1 заводу.

Если обратить внимание на другое соотношение числа владельцев к числу заводов, то картина получается схожая. Большая часть заводов принадлежит одному владельцу (см. Диаграмму 2).

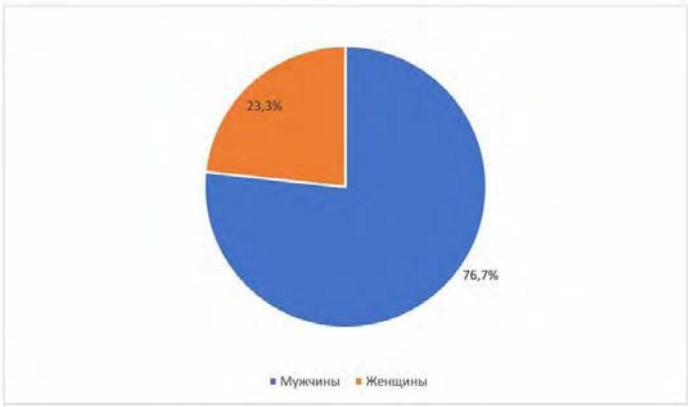
Диаграмма 2. Число владельцев заводов.



Обращаясь к социальному облику владельцев заводов, можно констатировать следующее: в ведомостях встречаются практически исключительно принадлежащие к дворянскому сословию владельцы (это можно объяснить тем, что представители других сословий не предоставляли ведомостей).

Обращает на себя внимание немалая доля женщин среди владеющих винокурнями и заводами (см. Диаграмму 3) .

Диаграмма 3. Доля мужчин и женщин среди владельцев винодельческих заводов.



Из 94 случаев, когда для женщин-владелиц указаны дополнительные сведения, в 50 случаях (53,2%) указано, что они являются вдовами, в 38 случаях (40,4%) — незамужними (девицами).

При производстве вина и водки применялись котлы, казаны и кубы. В большинстве случаев (34,1 %) в ведомостях отсутствует указание на использовавшееся при производстве оборудование (это однако, вовсе не означает, что никакое оборудование не использовалось). В оставшихся случаях указанное оборудование применялось со следующей частотой:

Оборудование	Количество, шт.	Доля (%)
Котлы	1261	36,3
Казаны	770	22,2
Кубы	1443	41,5

Максимальное число котлов и кубов, которое встречается на одном заводе 43. В среднем же на каждый завод приходится менее 1 единицы оборудования (с учетом тех случаев, когда оборудование не указано и принято за ноль).

Интересно, что сама терминология типов производств различается. В источниках встречается два вида наименования: завод (31,8 % случаев) и винокурня (29,4 % случаев). В 38 % случаев наименование отсутствует.

Нами был раскрыт лишь небольшой потенциал ведомостей о винодельческих заводах как исторического источника. В исследовании винодельческого промысла России второй половины XVIII в. комплекс указанных ведомостей играет важнейшую роль и, безусловно, требует дальнейшего тщательного изучения.

К. С. Худин

Производство алкогольной продукции в Аптекарском приказе в XVII веке: номенклатура и рецептура

По наблюдению К. Ю. Ерусалимского (изложенному в статье «”Грамоту писал невежливо”: Книжное творчество и безумие в России XVI–XVII веков»), одно из первым упоминаний водки в документах Московского государства обнаруживается в судном деле Максима Грека. Причем водка, в контексте повествования, «обозначает травяной настой, которым писатель зачем-то натирал себе руки». В рамках тезисов будут рассмотрены разнообразные виды водок, производившиеся в Аптекарском приказе — большинство из которых настаивались на различных травах, пряностях, ягодах, кореньях и овощах.

Слово «водка» в «Словаре русского языка IX–XVII вв.» трактуется как «лекарственная настойка (на травах, ягодах и т. д.)». Также это слово могло быть деминутивом от слова «вода», о чем свидетельствует латинский аналог «aqua», а также синонимом различных химических веществ. Под словом «вино» понимали «различные (в зависимости от перегонки и очистки) сорта спирта».

Водки и вина имели сходную рецептуру при производстве, а сами эти слова часто использовались в русских источниках как синонимы. Зачастую, благодаря рецептам мы имеем возможность сопоставить латинский термин и его перевод, но далеко не всегда. В рецептах «водка» именуется «aqua», а изготовленная на основе виноградного вина «aqua vinosa». Последнее зачастую именовалось просто «вином».

Анализ документов Аптекарского приказа позволяет выявить, что большинство водок изготавливались с добавлением именно вина, белого или красного: ренского (рейнвайн — белых вин «из винодельческих районов Германских княжеств») или романеи (красного вина «западноевропейского производства … от названия местности Romanee»). К таким мы можем отнести, например, анисовую, полынную, коричную и гладышевую водки. Первые две имели также аналогичную рецептуру с добавлением хлебного спирта. В качестве дополнительного ингредиента

в анисовую водку добавляли сладкий корень галгана, а в полынную — анис. В. И. Даль полагал, что галган — это «растение Maranta (Alpinia) galanga, коего пряный корень идет в приправу пищи», в частности, его добавляли в пряники. Словарь Брокгауза и Ефрона отмечает, что в некоторых местностях России «калган-травою или диким калганом» называют также лапчатку (Potentilla Tormentilla) и камчужную траву (Alchemilla vulgaris).

Примечательно, что в гладышевой водке (наряду с гуляфной и свороборинной) в качестве сырья использовались цветы растений: гладыша, розы и шиповника соответственно. При совпадении сырья, тем не менее эти водки имеют различную основу: если зонтичный гладыш настаивался в виноградном вине, то последние представляли собой так называемый гидролат — вещество, получаемое путем паровой дистилляции растительного сырья.

Стоит отметить также препараты, производившиеся из съедобных корней растений — редьки и хрена — самое раннее упоминание в документах Аптекарского приказа водок вообще: «ретешной» и «хреновой». В памяти в Приказ Большого дворца требуется выдать «сто редек» для изготовления водки, там же упомянута «водка хреновая», в которую требовалось «полосмины хрену». Объем сырья, указанный в источнике, обращает на себя внимание: при весе одной редьки от 200 г до 2 кг, вся партия должна была весить от 20 до 200 кг. «Величина осьмины колебалась в разных местностях и в разное время от 1¾ до 2½ пуда», что в переводе на современную систему мер составляет примерно 105 л, т. е. «полосмины» равнялась около 52,5 л.

Сходным образом дело обстояло с производством земляничной и мятной водок. В 1651 г. было однократно куплено 2 «ведра земляницы… на водку земляничную». За 7168 (1659/1660) г. было куплено 7500 пучков свежей мяты на сумму 47 рублей, а на следующий — 56 гряд на сумму уже в 70 рублей.

Все это свидетельствует о «промышленных» объемах производства водок в Аптекарском приказе. Зачастую сведения о рецептуре водок в записных и приходо-расходных, а также иных хозяйственных документах делопроизводства отрывочны. Необходимо привлекать материал рецептов Аптекарского приказа, пока еще незаслуженно обойденный вниманием исследователей.

Е. С. Целуйкина

Питейные традиции Иосифо-Волоколамского монастыря в начале XVII века *

В современном мире утвердился миф о древних корнях русского пьянства. В народной культуре популярен образ монаха, не знающего меры в еде и питье. Изучение питейных традиций одного средневекового монастыря позволит внести вклад в исследование реальной роли хмельных напитков в жизни монахов Русской Православной Церкви периода Смутного времени начала XVII века.

Вопросы монастырской трапезы были подняты одним из известных исследователей русской кухни — Н. И. Ковалевым. Автор совместно с М. Н. Куткиной и Н. Я. Карцевой в учебном пособии «Русская кухня» (2000) систематизировал сведения об истории и традициях употребления еды и напитков, уделив особое внимание способам их приготовления. В работе выделен раздел «Монастырские уставы», где на основании обиходников Иосифо-Волоколамского (1589–1591) и Новоспасского (первая половина XVII в.) монастырей рассмотрены состав трапезы и рецепты некоторых блюд. Е. В. Романенко уже в начале XXI в., описывая быт русской средневековой обители, затронула проблему пьянства в Кирилло-Белозерском и Соловецком монастырях.

В последнее десятилетие Г. В. Судаков обратил внимание на слабую разработку понятийного аппарата в сфере истории русской древней и средневековой кухни. Он, опираясь на источники XIV–XVIII вв., проследил эволюцию в наименованиях и способах приготовления напитков, отдельно остановившись на квасе.

На современном этапе наметилась тенденция изучения трапезы в конкретных монастырях. Так М. М. Лоевская в рамках изучения еды на основе развития монастырских уставов, обратила внимание на употребление хмельных напитков в Соловецком монастыре на протяжении XVI–XVII вв. Трапеза в Успенском Тихвинском монастыре в конце XVI в. стала предметом

* Стендовый доклад.

исследования О. А. Абеленцевой. В докторской диссертации Е. В. Кустовой, посвященной истории монастырей Приуралья в середине XVI — первой четверти XVIII в., затронуты вопросы монастырской трапезы, в том числе и употребление хмельных напитков, таких как квас, пиво, вино, их приготовление и покупка. А. Г. Мельник, рассматривая практику почитания преподобного Иосифа Волоцкого в XVI в., затронул праздничную трапезу, основываясь на столовом обиходнике (1589–1591) и приходо-расходных книгах 1590-х гг.

Таким образом, особенности трапезы в русских средневековых монастырях привлекают внимание исследователей и в настоящее время, однако традиции и практика употребления хмельных напитков в Иосифо-Волоколамском монастыре изучены лишь на основании документов XVI в.

Иосиф Волоцкий в своей «Духовной грамоте» — общежительном Уставе Иосифо-Волоколамского монастыря, среди прочих заветов братии отдельной главой (Слово 7) прописал запрет на пьянство: «Яко же подобает во обители питию быти, от негоже пиянство бывает». Согласно Уставу употреблять хмельные напитки запрещалось и в трапезе, и в кельях, на что игумен обратил особое внимание. К концу 1570-х — началу 1580-х гг. относится «Обиходник» Евфимия Туркова, который несколько унифицировал и дополнил устав основателя. Шестая глава «Обиходника» посвящена трапезе, в ней все еще прописывался запрет на вынос еды и питья из трапезной в кельи. По сведениям столового Обиходника 1589–1591 гг., братия употребляла 5 видов кваса, в том числе «добрый медвяной», но пиво и мед были запрещены.

Для сравнения можно привести сведения по другим российским монастырям. Так, по данным О. А. Абеленцевой в Успенском Тихвинском монастыре в 1590-е гг. мед и квас подавали в скоромные дни, на крупные праздники, такие как Пасха, Троица, Сретение, Крещение, Рождество, царский корм, на средний корм не подавали мед. Основным напитком был квас, в который часто добавляли мед. Соловецкий монастырь славился своим квасом, в специальных квасоваренных башнях вызревало до 15 сортов напитка, в том числе и медовый, который употребляли в праздничные дни. В монастырях Приуралья, по сведениям

Е. В. Кустовой, также варили несколько сортов кваса, самыми ходовыми были ячневый и овсяный квас, в торжественные дни делали «сыченой» и медовый. По замечанию М. М. Лоевской, медовый квас, то есть «медовуха», был запрещен еще Стоглавым Собором и с тех пор цари были вынуждены напоминать монахам об этих запретах: в 1591 г. Федор Иванович запретил приготовление медового кваса в Соловецком монастыре.

Сведения о питейных традициях братии Иосифо-Волоколамского монастыря начала XVII в. можно извлечь из хозяйственных — приходо-расходных книг за 7115 (1606/07) г., 7116 (1607/08) г. и 7118 (1609/10) г. Мы видим, что в это время монахи употребляли не только квас, но и мед, и церковное вино.

*Вино***.** В Иосифо-Волоколамском монастыре начала XVII в. расходные книги зафиксировали случаи покупки вина. В 1607 г. было куплено всего 3 ведра вина, в среднем по 30 алтын за ведро, в январе 1608 г. — сразу 20 ведер за 4 рубля. В октябре 1609 г. уставщик Варлаам в дороге купил вина на 9 алтын. По-видимому, в Иосифо-Волоколамском монастыре запрет на «пиянство» также плохо соблюдался как и в других обителях. Так, несмотря на то, что в Кирилло-Белозерском монастыре действовал тот же запрет на распитие хмельных напитков, что и в других общежительных обителях, по замечанию Е. В. Романенко, инокам уже в XVI в. полагалась чаша вина по праздникам.

Мед и *квас* были теми напитками, которые подавались чаще всего, поэтому их количество регулировалось, а передача фиксировалась в расходной книге. Так, например, чашник Иосиф при вступлении в должность в 1606 г. получил остатки старого меда от прежнего чашника в количестве 128 пудов, чашник Герасим в 1607 г. — 145 пудов меда и 15 бочек кваса. Эти напитки готовились не впрок: мед постоянно докупали, а квас варили. Несмотря на то, что объем передаваемых напитков довольно велик (больше 2 тонн меда для каждого года и около 7 тыс. литров кваса; необходимо учитывать, что мы предположили хранение кваса в монастыре в больших бочках — «сороковках», в которых вмещалось 40 ведер, то есть примерно 480 литров), они расходовались очень быстро ввиду присутствия в обители 90–100 чел. братии, около 300 слуг, детенышей и светских админи-

стративных лиц, а также традиционной для монастыря помощи нищим и больным.

Мед покупали на ярмарках, которые проходили в Москве. По сведениям С. В. Бахрушина, его привозили из Калуги. На мед тратили довольно большие суммы: в сентябре 1606 — августе 1607 г. израсходовано 89 рублей 15 алтын 4 деньги за 145 пудов меда, то есть 24 % от общего числа расходов за год (больше потратили только на рыбу); в сентября 1607 — августе 1608 г. израсходовано 46 рублей пол-25 алтына за 66 пудов и 1 гривенку меда, что составило 9 % от общего числа расходов за год (больше потратили только на рыбу и соль). Покупка меда не зависела от времени года, хотя в 1606/07 г. больше всего было куплено в марте — 65 пудов на общую сумму почти 40 руб. (скорее всего, это было связано с приближением Пасхи), в 1607/08 г. его чаще покупали в июле и августе, чем в другие месяцы (в эти периоды происходила традиционная откачка меда в центральной части Русского государства). В 1606/07 г. цена за 1 пуд меда в среднем составила 25 алтын, в 1607/08 г. — 30 алтын. По данным О. А. Абеленцевой в Успенском Тихвинском монастыре в 1590–1592 гг. за 1 пуд меда отдавали от 54 до 72 коп., то есть примерно 17–23 алтын.

Когда в 1606/07 г. в должности чашника был старец Иосиф, мед покупали чаще и большими объемами — его покупка зафиксирована 7 раз в среднем по 20 пудов; когда старец Герасим вступил в должность в сентябре 1607 г., он получил большой объем меда и не покупал новый до декабря 1607 г., всего зафиксировано 12 покупок меда в 1607/08 г. средним весом в 5,5 пудов. То есть, количество приобретаемого меда, по нашему мнению, зависело от старца, служащего чашником. Но необходимо помнить, что мед не только пили (например, в Соловецком монастыре в дни Великого поста с хлебом подавали взвар с медом) и добавляли в квас и кисель, но он также являлся неотъемлемой частью колива или кутии (по сведениям святителя Афанасия (Сахарова), его готовили из пшеницы или риса с медом, иногда добавляли изюм; поминальную пищу называли кутьей, великопостную — коливом). Таким образом, нельзя сказать точно, какой объем меда шел на питье, а какой служил добавкой к еде.

Квас. По данным Е. В. Романенко в Иосифо-Волоколамском монастыре чаще всего пили ячневый и овсяный квас, в более праздничные дни — «сыченой» и медовый, реже «паточный». Г. Н. Бибиков насчитал в обители 5 квасоваров в 1606/07 г. Известны случаи покупки кваса в небольших количествах, они зафиксированы в расходных памятях монастырских служащих, написанных за время их путешествий за пределы монастыря. Например, 4 августа 1607 г. монастырский слуга Матвей Дирин купил квас на 2 деньги на прокорм посошных людей под Тулой. 2 октября уставщик Варлаам поехал в Москву и в дороге истратил на квас 6 денег. Можно сделать вывод, что квас в Иосифо-Волоколамском монастыре, по-видимому, готовили самостоятельно, а покупали только во время поездок. Как сказано выше, в монастыре не допускалось распитие хмельных напитков, поэтому медовый квас должны были заквашивать не хмелем и дрожжами, а мягким калачом.

Контроль за употреблением кваса в монастырях продолжался и при новой царской династии. В 1621 и 1636 г. Михаил Федорович подтвердил нормы из Стоглавого Собора и запретил ввозить в Соловецкий монастырь хмельные напитки. В 1647 г. Алексей Михайлович наказал игумену Соловецкой обители искоренить хранение кваса в кельях и его вынос из трапезной. А в 1649 г. этот запрет был распространен на все монастыри.

Скорее всего, царские указы выполнялись монахами недостаточно хорошо, что требовало все новых запретов в течение первой половины XVII в. К схожему выводу пришла Е. В. Романенко, отметив, что иноки Соловецкого монастыря проносили квас в кельи, чтобы затем доквашивать его, что и стало причиной издания Алексеем Михайловичем указа о запрете хранения кваса в кельях.

Таким образом, в конце XVI в. в Иосифо-Волоколамском монастыре официально действовал запрет на употребление хмельных напитков. На основании расходных книг начала XVII в. можно наблюдать, что запрет обходили. В монастыре варили квас, в том числе и «медвяной», то есть хмельной. Сам мед покупали в довольно больших количествах, добавляли во всевозможные напитки, употребление которых было связано с праздниками, и в некоторые виды блюд, которые подавали в пост.

Также как и в Кирилло-Белозерском монастыре, в трапезе появилось вино, его покупали очень редко и в небольших объемах, что, предположительно, говорит о подаче вина к трапезе в случае больших праздников. На основании наличия нескольких запретов руководства монастыря на вынос напитков из трапезной в кельи и большого распространения этого явления в Соловецком монастыре, можно сделать вывод, что иноки Волоколамской обители также выносили квас с целью его дображения в кельях.

С. Ю. Цёхла

Эффекты и кризисы винодельческой отрасли в Крыму: историко-экономические аспекты

Крым в истории отечественного виноделия занимает ведущее место и считается один из важнейших виноградарских регионов страны. Следует рассматривать виноградарство и виноделие неразрывно, они взаимосвязаны и взаимозависимы.

Виноград культивировался в Крыму с давних времен, что подтверждают археологические исследования древнейших поселений. Активное развитие виноградарства и виноделия отмечается с XVIII века в основном на Южном берегу, Симферопольском и Феодосийском районах. До 1914 г. виноградники расширялись и появились в других районах: Севастопольском, Судакском, Перекопском, Керченском и Евпаторийском, но с введением сухого закона общие площади виноградников на полуострове были сокращены.

Только установление мирного времени и в годы первых советских пятилеток восстанавливали сельское хозяйство и организовывали новую систему хозяйствования. Создавались совхозы Крыма, которые объединялись в специализированные тресты. В этот период Крым становится одним из важнейших виноградарских районов СССР. Виноградарское хозяйство Крыма отличалось сортовым разнообразием, высокой урожайностью, что содействовало широкому развитию виноделия.

Урон виноградарству нанесли военные действия 1941–1945 гг., после чего отрасль долго восстанавливалась. Только в период 1950–1960-х годов площади виноградников выросли в несколько раз. Показатели экономической эффективности виноградарства тех времен доказывали высокую рентабельность виноградарства в условиях Крыма. На международных выставках и на дегустациях ВДНХ крымские вина завоевали в послевоенный период более 250 золотых и серебряных медалей и два кубка «Гран-при». Всесоюзным научно-исследовательским институтом виноделия и виноградарства «Магарач» разрабатывались и внедрялись в производство технологии новых сортов вин. По

количеству сортов и качеству марочного вина Крымская область занимала первое место в Советском Союзе.

Наряду с описанными выше успехами в виноградарстве и виноделии Крыма были проблемы, развивались негативные тенденции. Природные условия — зимой 1949–1950 года, 1984–1985 гг. массово вымерзали виноградники; неблагоприятные агротехнические обстоятельства — в 1980-х годах все виноградники пострадали от филлоксеры.

Негативные последствия имела антиалкогольная кампания второй половины 1980-х годов (Постановление ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма» 1985 года), в ходе которой площади виноградников существенно сократились, и в отрасли произошли необратимые процессы. Была запрещена реализация винодельческой продукции, вследствие этого резко упала потребность в технических сортах винограда, что обусловило уничтожение виноградников. Отдельные винзаводы были перепрофилированы на производство фруктовых соков, для большинства предприятий наступил экономический коллапс, и, не имея возможностей сохранить свою деятельность, они закрылись безвозвратно.

Экономический эффект реформы был отрицательным, выразился в потерях поступлений в бюджет, активизации процессов теневой экономики.

В последствие конце 1990-х годов прошлого столетия площади виноградных насаждений, сбор винограда и переработка винограда очень уменьшились.

В новом столетии были неоднократные попытки поддержки виноградарства и виноделия. За 2002–2012 годы в Крыму высадили 10 тыс. га винограда, которые активно плодоносят. Теперь внимание в виноградарстве уделяется увеличению в структуре виноградников доли столовых сортов — до 25 % от общего объёма посадок.

Виноделие и сейчас выступает значимым элементом пищевой промышленности Крыма и оказывает существенное влияние на экономику республики. В настоящее время винодельческая отрасль представлена 26 работающими предприятиями, ведущими винодельческими предприятиями республики являются: ФГУП НПАО «Массандра», АО «Солнечная долина»,

ООО «Вина Ливадии», ООО «Евпаторийский завод классических вин», ГУП РК «Завод шампанских вин «Новый свет» и другие, а также функционирует ФГБУ науки «Всероссийский национальный научно-исследовательский институт виноградарства и виноделия «Магарач» РАН.

Крымский виноград всегда отличался высоким качеством и разнообразием сортов, а техническая база виноделия и накопленный опыт и сейчас делают Крым поставщиком лучших виноградных вин. Поэтому широкое развитие в Крыму получает винно-гастрономический туризм. В рамках туров туристы посещают винные хозяйства и частные винодельни, где специалисты рассказывают о местных традициях и технологиях производства вин, проводят экскурсии и дегустации.

Таким образом, опыт прошлого (и положительный, и негативный) в обязательном порядке должен учитываться при формировании новых хозяйственных решений. Его следует внимательно изучать и анализировать, делать выводы, формировать программы успешного развития отраслей виноградарства и виноделия, содействия появлению новых предприятий, поддержки выпуска известных марок вин, восстановлению рецептов и традиций, появлению новых высококачественных продуктов.

Н. В. Черникова

Перипетии питейной реформы в общественном мнении и правительственной политике 1870–1880-х гг.

Алкогольная политика русского правительства шла рука об руку с борьбой с пьянством. В этом вопросе и государственные чиновники, и общественные деятели, были единогласны. Необходимость всемерного ограждения народной трезвости неоднократно получала отражение в публицистических статьях. Со стороны правительства борьба с пьянством не ограничивалась общей изменениями в Уставе о питейном сборе, проявлялась в административных распоряжениях о порядке проведения народных празднеств, ярмарок и проч. Однако магистральные пути достижения этой цели были не ясны обеим сторонам. 1870–1880-е гг. были временем разочарования в акцизном обложении, нащупывания новых способов решения проблемы.

В целом и в обществе, и в чиновных кругах господствовали два мнения. Меньшинство составляли наиболее последовательные либералы (М. Х. Рейтерн, авторы журнала «Вестник Европы»), придерживавшиеся мнения, которое в 1860-х гг. способствовало к переходу от откупов к акцизному обложению. С их точки зрения причиной пьянства было отступление от принципов закона 1863 г. и ограничение свободы виноторговли. Большинство (и оно не ограничивалось лишь консервативными кругами) предпочитало путь запретов и сокращений. Однако на практике даже внутри этих групп разномыслие было крайне велико. И привлечение к разработке и рассмотрению министерских предложений экспертов не проясняло ситуацию. В результате составление и обсуждение законопроектов затягивалось, а издаваемые законы сразу становились объектом критики.

Основная причина разногласий крылась в недостаточном знакомстве и правительства, и общества с ситуацией на местах, в несоответствии реалий деревенской и городской жизни, и даже — в кардинальной разнице ситуаций, складывавшихся в отдельных селениях.

Тяжелый круглогодичный крестьянский труд привел к выработке обычая пить не часто, но много. Однако после освобож-

дения крестьян этот обычай (особенно вблизи городов) испытал значительное влияние свободной продажи дешевой акцизной водки — «дешевки». Не менее важной причиной, повлиявшей на алкогольную культуру крестьян, стало внезапное исчезновение помещичьего влияния. Власть сельского общества над крестьянином, при отсутствии попечительства со стороны образованного сословия, зачастую приводила к увеличению роли в деревне наименее сознательного большинства, давлению на решения сельского схода со стороны «горлопанов» (по выражению К. П. Победоносцева), бороться с которыми крестьянам было непросто. По этой же причине безрезультатными оставались и все меры пресечения корчемства. Таким образом развитие пьянства среди крестьян в этот период можно рассматривать как еще одно свидетельство их правовой незащищенности и общего неустройства пореформенной деревни.

Все эти нюансы неоднократно отмечались в письмах и статьях с мест. Однако хаотичность и этих свидетельств делала невозможным их использование.

На протяжении 1870–1880-х гг. не прекращались попытки и правительства, и общественных кругов найти пути, которые обеспечили бы успех питейной реформе. Однако этому мешало не только недостаточное знакомство реформаторов с положением на местах, сколько сложность и разнообразие происходящих в деревне модернизационных перемен, их зависимость от субъективного фактора. Нестабильность ситуации лишала составителей законопроектов возможности опираться на точные данные, нарушала все их расчеты.

А. Ю. Чистяков

Пиво в обрядовой культуре народов Северо-Запада России (XVIII — начало XX в.)

Развитая традицией пивоварения была характерна для русских Европейского Севера и Северо-Запада. Пиво использовали в обрядовой практике во время коллективных трапез, приуроченных к датам православного календаря. Популярность пива как знакового для обряда напитка привела к тому, что храмовые (престольные) праздники иногда называли в народе «пивными». Такие праздники имели четко выраженный коллективный характер, их частью были гостевые визиты жителей соседних деревень. Их важной составной частью было общее застолье, известное под термином «братчина».

Аналогичные традиции известны и в среде прибалтийско-финских народов Северо-Запада России: ижор, води, вепсов, сету. У вепсов вплоть до начала XX в. сохранялся старинный способ варки пива: использовали деревянную кадку, в которую опускали раскаленные на огне камни.

В 1730-е гг. коллективные праздники, сопровождавшиеся пивоварением, были описаны в деревнях на Нижней Луге, где проживали водь и ижора (современная территория Кингисеппского района Ленинградской области). В д. Пески в день св. апостолов Петра и Павла (30 июня / 12 июля) крестьяне собирались у старого и гнилого деревянного креста и варили «брашнинское» (т. е. «братчинское») пиво. Они приносили с собой икону св. апостолов Петра и Павла, зажигали перед ней свечи и молились. По окончании молебна крест и икону обливали пивом. После этой церемонии ее участники относили пиво в деревню, где в одном из домов проходило застолье. Подобный обряд в д. Косколово был приурочен к дню св. пророка Ильи (20 июля / 2 августа): жители собирались за речкой Косколовкой, забивали барана, варили пиво и устраивали трапезу. В д. Лужицы в этот праздник также забивали барана (иногда быка) и пили «брашнинское» пиво. Обряд проходил близ перед установленным за околицей крестом. После братчины и молебна крестьяне обливали крест пивом. В этой же деревне в день Ми-

хаила Архангела (8 / 21 ноября) собирались у другого креста на территории самой деревни. Молебен завершался тем, что каждый поливал крест принесенным с собой (т. е. — не общим) пивом и клал часть приготовленной еды.

Схожие обряды фиксировались и позднее. О них писал Ф. О. Туманский, автор этнографического описания Санкт-Петербургской губернии (1788 г.). Он зафиксировал в деревнях на р. Луге (Орлы, Манновка, Извоз) общинные трапезы с приготовлением пива в день св. пророка Ильи (20 июля / 2 августа). Трапеза была уже включена в официальную православную обрядность, в ней принимал участие священник. Поэтому обряд обливания икон или креста пивом не совершался. Его пережитки были отмечены Ф. О. Туманским в день св. Флора и Лавра (18 / 31 августа). Этот праздник был связан с ритуальными действиями, направленными на благополучие крестьянских лошадей. Жители деревни пригоняли лошадей к церкви или часовне, а священник кропил их святой водой. Потом все собирались в риге или на открытом воздухе (около часовни). К иконам, «поставленным на сей случай», подносили три раза кружку с пивом, которое предварительно освящалось священником. Ф. О. Туманский назвал это действие «потчиванием образов». Завершала праздник общая трапеза, в ходе которой все присутствующие пили общее пиво и ели принесенные из дома съестные припасы.

Общественное праздничное пивоварение сохранялось у ижор и в начале XX в. Эту традицию встретила этнографическая экспедиция Д. А. Золотарева, обследовавшая ижор Сойкинского и Кургальского полуостровов в 1920-е гг. Элементы обрядов с использованием пива дожили буквально до наших дней, хотя ритуальные общественные трапезы и домашнее пивоварение исчезли. Исследовательница культуры прибалтийско-финских народов О. И. Конькова в своей работе, посвященной ижорам, приводит пример одной жительницы Сойкинского полуострова, которая в определенные дни приносила к кодипуу («домашнему дереву») пиво, вино или чай. Она кланялась дереву, крестилась, выливала напиток на землю и просила у дерева обеспечить здоровье всей ее семье. Автор опубликовала фотографию, датированную 2003 г. На ней пожилая женщина почтительно кланяется

дереву. Подписью под фото сообщает: «в дупло положено яйцо, вылито на землю пиво».

Таким образом, на примере ижорской и водской культур источники зафиксировали постепенную трансформацию коллективных обрядовых трапез (братчин), включавших пивоварение. В первой половине XVIII в. был отмечен наиболее архаичный вариант обряда, в котором пиво являлось не просто блюдом ритуальной трапезы, но элементом жертвоприношения (обливание пивом иконы или креста). Спустя полвека обряд стал более соответствующим требованиям православной церкви, и пиво стало прежде всего главным напитком праздника. В XX в. исчезла традиция общих деревенских праздничных трапез. Обрядность, связанная с пивом, деградировала и была вытеснена из общественного пространства, сохранившись в отдельных случаях в качестве реликта индивидуальных обрядовых действий.

О. В. Шевелева

«Первым великим утешением деревни явилась повсеместная народная трезвость…» («Сухой закон» 1914 г. по материалам Тульской губернии)

При изучении социально-экономического положения России в годы Первой мировой войны, исследователей привлекает сюжет законодательного ограничения употребления алкогольной продукции. Говоря о введение «сухого закона» в 1914 г. важно не только проанализировать причины, но и раскрыть это событие через материалы русской провинции.

Первая причина введения данного закона — проблема пьянства в стране — вызывала всеобщее беспокойство. Вводя казенную винную монополию в 1895 г., С. Ю. Витте настойчиво подчеркивал, что это не ради корыстного умысла, а ради высокогуманной цели — прекратить спаивание простого народа.

Насколько остро стояла проблема пьянства в дореволюционной России? Эта беда прослеживается красной нитью в дневниках и сочинениях Достоевского, Чехова, Горького. Для Тульской губернии в этом плане прекрасным первоисточником служат произведения Л. Н. Толстого.

Сколько же алкогольной продукции производилось в Тульской губернии накануне войны? Как показывает статистический отчет за 1913 г. эту продукцию производили 84 винокуренных завода, что на 7 больше, чем в 1912 г. Из них 60 принадлежало дворянам, 14 — купцам, 6 — почетным гражданам, 2 — крестьянам, 1 — мещанину, 1 — жене кандидата сельского хозяйства. На всех 84-х действующих заводах в отчетном году было произведено 4797295 ведер 40º спирта. Все винокуренные заводы Тульской губернии (за исключением одного) принадлежат к сельскохозяйственному или смешанному типу, что давало им право пользоваться особыми льготами по производству алкогольной продукции.

Производство пива осуществлялось на единственном в Туле заводе, «Богемия», который находился в аренде у германского подданного З. Я. Гейдзиона. Вскоре после начала войны арендный договор был расторгнут, а производитель выслан из города. Интересно, что продажу пива то разрешали, то запреща-

ли в годы войны, то опять разрешали, но в ограниченном количестве, с понижением градуса и повышением цены.

Валовый доход от казенной продажи питей за 1913 г. по Тульской губернии составил 14 084 869 руб. 37 коп., что на 593 556 руб. больше, чем в 1912 г. Это увеличение можно объяснить хорошим урожаем последних лет, высокими ценами на сельхозпродукцию и развитой заводской и фабричной промышленностью, что выгодно отличало Тульскую губернию от других губерний земледельческого центра.

Главным материалом для винокурения в губернии накануне войны служил картофель. Получаемые при производстве отбросы обычно утилизировались в самих хозяйствах или продавались окрестным крестьянам на корм скоту. Только в редких случаях они шли на удобрение полей.

Анализ динамики структуры посевов предвоенных лет показывает, что крестьянские хозяйства чутко ориентировались на потребности рынка. Этим можно объяснить рост посевов овса, как наиболее товарной культуры, и картофеля, который активно потреблялся винокуренными заводами. В связи с начавшейся войной и введением «сухого закона» сразу заметно падение посадки картофеля, в то время как посевы овса стали расширяться (овёс было выгодно реализовывать в качестве поставок для армии). Однако статистика урожайности по Тульской губернии показывает обратную динамику этих культур. Даже если учесть неточности подсчёта разными ведомствами, всё равно заметно падение посевов овса при росте посевов картофеля, что можно отнести к особенностям Тульской губернии.

Вторая причина введения «сухого закона» — начало войны — стала, скорее, удобным поводом, который позволил минимизировать возможные в обществе протестные настроения, и со стороны любителей алкоголя, и со стороны тех, кто предсказывал брешь в бюджете, в связи с прекращением доходов от питейных продаж.

Первая мобилизация была объявлена в разгар уборочных работ, тем не менее, на сборные пункты явилось 96 % подлежащих призыву солдат. Печальный опыт мобилизации на русско-японскую войну с погромами пьяных новобранцев (в Тульской губернии известны такие случаи), позволил сделать правильные выводы. Полностью решить эту проблему не удалось, однако в

Тульской губернии мобилизация прошла без каких-либо серьезных эксцессов. Местная тульская газета писала по этому поводу: «…население нашего города вполне сознательно и вдумчиво отнеслось к переживаемому моменту и это сказалось уже в том, что в городе в эти дни наблюдается полнейшее отсутствие пьяных».

Еще 26 апреля 1914 г. Министерство внутренних дел разъяснило, что в случае объявления мобилизации торговля крепкими напитками в казенных и частных лавках будет незамедлительно прекращена в пределах мобилизованных уездов. 30 июля 1914 г. министр финансов добился права ввести повышенный акциз на вино, спирт, пиво и табак. А циркуляром от 16 августа 1914 г. разрешалась торговля исключительно виноградным вином не более 3-х часов в день, продажа остальных крепких напитков категорически воспрещалась.

Стали ли меньше пить в связи с принятием «сухого закона»? На этот вопрос трудно ответить однозначно. С одной стороны, многие дореволюционные издания с восторгом писали о реальном отрезвлении русского народа. С другой стороны, в газетах военных лет много статей о подпольных продажах, а также об отравлении всевозможными суррогатами.

Не совсем справедливым можно считать и правительственное распоряжение, по которому в ресторанах первого разряда и клубных буфетах разрешалась торговля отдельными спиртными напитками до 11 часов вечера. Понятно, на какую публику были рассчитаны такие заведения, а что оставалось делать простым смертным? Поэтому тульские газеты все чаще пестрели статьями: «Смерть от одеколона», «Отравившиеся»…

Всего, за годы Первой мировой войны от сельского хозяйства России было оторвано от 30 до 50 % годной к военной службе мужской рабочей силы. Сюда же можно добавить общую низкую механизацию и падение импорта сельскохозяйственных машин. Однако сборы урожая и запасы хлеба в стране оставались на достаточно высоком уровне, что было связано с аграрным перенаселением России, резким сокращением экспорта хлеба и введением «сухого закона». Зерно, которое раньше в большом количестве уходило за границу и на производство спирта, теперь оставалось на внутреннее потребление.

А. А. Шевцова, И. А. Гринько

«Граждане алкоголики, хулиганы, тунеядцы»: алкоголь и его потребители в зеркале советской карикатуры

Цель нашего доклада — на основе контент-анализа визуальных и текстовых материалов советской эпохи, а также визуально-компаративного исследования иконографических сюжетов проследить образ алкоголя и его потребителей в массовом сознании. Для этого нам было важно исследовать следующие аспекты темы:

• статистику и динамику «алкогольных» сюжетов, их связь с политическим и экономическим контекстом, в частности, со статистическими данными о потреблении алкоголя на душу населения;

• «белые пятна» — сюжеты, игнорировавшиеся художниками-карикатуристами;

• круг разрешенных для отображения сюжетов;

• национальную специфику данной темы.

Данным исследованием, с одной стороны, мы продолжаем целый ряд публикаций, посвященных роли и функции алкогольного потребления в советской повседневности. С другой стороны, продолжаем традицию изучения визуального пространства советского мира и репрезентаций в нем реальных, в том числе и негативных. Хотя тема потребления алкоголя в советский период уже рассматривалась в данном ключе, однако карикатура как источник при этом не использовалась. Авторы уже обращались к советской карикатуре как к источнику по ряду неоднозначных аспектов советского прошлого и хотели бы развить данную тему.

Для изучения советского антиалкогольного дискурса авторы обратились к не совсем традиционному источнику — официальной карикатуре. Основной объем визуальной источниковой базы содержится в журнале «Крокодил», одном из ведущих советских СМИ, тираж которого во времена расцвета достигал 6,5 млн экземпляров. «Крокодил» выходил с 1922 г., задавая тон всей советской сатире и карикатуре. Начиная с 1933 г., когда по решению Политбюро журнал был передан газете «Правда», он по сути и содержанию становится не столько развлекательно-

сатирическим, сколько идеологическим и пропагандистским изданием всесоюзного масштаба.

Анализ 729 номеров журнала, с 1950 по 1991 г., и ряда более ранних выпусков 1920–1940-х гг., содержащих в общей сложности 19 тыс. графических изображений (иллюстрации, карикатуры), показал, что в среднем четыре из пяти номеров журнала «Крокодил» содержат минимум одно изображение на тему потребления алкоголя и алкоголизма: карикатуру, иллюстрацию к фельетону или рассказу, плакат, изошутку, комикс, рисунок на обложке и т. п.

Дополнили источниковую базу 97 альбомов серии «Мастера советской карикатуры», ретроспективно показывающие лучшие работы корифеев жанра, а также антиалкогольная карикатура, опубликованная в ряде сатирических журналов союзных республик. В качестве сравнительного материала привлекались советские антиалкогольные плакаты разных лет, выборочно использовались советские издания о культуре застолья и кулинарии.

Ключевой вывод исследования — эмоциональный градус изображений, алкоголь и его потребители часто изображались не сатирически, а юмористически. В целом такое внимание к теме «под градусом» говорит о том, что сама тема разрешена и поощряема, актуальна, но сами карикатуры малоэффективны и цели своей не достигают.

И. А. Шевченко

Борьба с незаконной торговлей алкоголем и самогоноварение в великорусской деревне начала XX в.

Противодействие незаконному производству и обороту алкогольной продукции — важный аспект деятельности любого государства, поскольку тесно связан с правовой, финансовой, социокультурной, медицинской стороной жизни общества.

В начале XX века в России функционировала государственная монополия на продажу крепких спиртных напитков, учрежденная еще в 1894 году стараниями министра финансов С. Ю. Витте. В данный период в сельской местности на территории большей части империи, в том числе в великорусских губерниях Европейской России, реализация вина в 40 градусов осуществлялась в казенных лавках исключительно на вынос. Тем самым власть пыталась культивировать среди крестьянских масс «культурное» домашнее потребление алкоголя, одновременно решая для себя задачу пополнения бюджета огромными питейными доходами.

Разумеется, в такой ситуации государство на законодательном уровне преследовало незаконную торговлю спиртным, грозя нарушителям штрафами и ограничением свободы. Тем не менее, по многочисленным разнообразным данным в великорусской деревне тех лет имело довольно широкое распространение такое явление, как шинкарство или корчемство. Применительно к рассматриваемым территориальным и хронологическим рамкам данные термины следует определять, в первую очередь, как незаконную продажу алкоголя, а не производство. По комментариям современников (чиновников, исследователей, обывателей) шинкарь (или корчемник, хотя, часто этим занимались женщины) в великорусском селе, как правило, не занимался производством водки, а осуществлял перепродажу казенного вина, получая прибыль за счет различных махинаций с составом отпускаемого продукта, продажи алкоголя в любое время суток, под залог различных предметов и т. п. Домашнее самогоноварение в годы винной монополии не было широко распространено для великорусских губерний (в особен-

ности Центральной России) из-за отсутствия в целом подобных устойчивых традиций, а также из-за доступности и хорошего качества казенной алкогольной продукции.

Борьба с таким шинкарством происходила без особых успехов. Деятельность шинкарей нередко покрывали односельчане. Это происходило по разным мотивам, в том числе из-за того, что в шинке крестьяне видели существовавший до монополии кабак — по сути сельский клуб, место общения. С другой стороны, представители властей также не самым решительным образом противостояли незаконной торговле, поскольку корчемники оптовыми закупками казенного вина по сути решали важную задачу выполнения финансовых планов правительства. На этом фоне представители неравнодушной общественности (врачи, учителя, священники) призывали активизировать борьбу с незаконной продажей алкоголя ужесточением наказаний и усилением бдительности контролирующих органов. Чрезвычайно любопытным является то, что сами крестьяне видели оптимальный способ упорядочивания распространения и потребления спиртного в селе только в предоставлении сельским обществам права запрещать на своей территории питейную торговлю. Не случайно министерство финансов ежегодно в тот период принимало десятки (иногда и сотни) соответствующих ходатайств с мест.

В 1914 году в связи со вступлением России в Первую мировую войну в стране были введены ограничения на производство и продажу алкоголя, получившие название «сухого закона». Казенные винные лавки в деревне стали закрываться еще во время мобилизации и запрет на распространение спиртного в селе впоследствии был продлен до конца войны. Логичным, с одной стороны, было бы предположить, что в подобных условиях в сельской местности должно было развиться домашнее винокурение, особенно с учетом отсутствия дефицита хлеба в стране. Однако, анализируя различную литературу, приходиться констатировать, что семена трезвости упали в России на благодатную почву. По крайней мере, в сравнении с городом «сухой закон» в деревне нашел наиболее искренний отклик. Тратившиеся ранее на закупку алкоголя денежные средства крестьяне понес-

ли в сберегательные кассы или стали обменивать на товары широкого потребления.

Самогоноварение стало распространяться в великорусских губерниях с 1916 года и в дальнейшем только набирало обороты по разным причинам: самогон был более выгодным товаром при взаимодействии с городским рынком, чем зерно, в России в целом вырос спрос на алкоголь из-за глобального обострения ситуации в стране в связи с военными и революционными потрясениями.

В целом факторы, способствовавшие относительной нераспространенности домашнего винокурения в великорусском селе начала XX века можно свести к социокультурным и психоментальным особенностям его жителей. Для деревни в изучаемое время не было характерно регулярное потребление спиртного, а было распространено потребление спорадическое (время от времени) и обрядовое (приуроченное к значимым событиям церковной и семейной жизни). Крестьянин из-за особенностей жизненного и хозяйственного уклада не испытывал необходимости в ежедневных возлияниях, оттого менее болезненно воспринял «сухой закон», чем городской потребитель, который, как правило, сразу же стал искать различные алкогольные суррогаты. Как правило, в 1914–1915 годах распространенность и доступность спиртного в селах была обусловлена близостью к городам и интенсивностью контактов с ними деревенских жителей.

А. А. Шелаева

Петербургский ресторан как явление культуры

Рестораны в городской культуре занимают важное место, то есть служат не только для еды, но и общения. Они выполняют роль общественных и политических клубов, используются как место встреч литераторов и художников, как площадка для развития эстрады, городских увеселений и отдыха. Эта функция русского ресторана уходит своими корнями в петровское время.

История петербургских ресторанов в настоящее время имеет значительную историографию, нашла отражение в многочисленных указах, регламентирующих ресторанную сферу деятельности, периодике, юбилейных изданиях, очерках, рассказах старых петербуржцев, художественной литературе (Александр Блок, Николай Агнивцев и др.).

Петровскому замыслу европеизации русской культуры отвечало устройство в Санкт-Петербурге помимо обычных кабаков также ресторанов, первоначально называвшихся австериями, своеобразных клубов, учрежденных в 1706 г. В указе от 28 января 1716 г. иноземцу Петру Милле было разрешено «завести на Васильевском острову трактир» «с продажею всяких питий и табака». Название восходит к итальянскому trattotia, и с этого времени вошло в русский язык. Петр хотел, чтобы русский трактир приобрел черты его западноевропейского аналога. Их было немного.

Но уже указом Елизаветы Петровны от 9 июня 1746 года, определено «ради приезжающих из иностранных государств иноземцев и всякаго звания персон и шкиперов и матросов, також и для довольства Российских всякаго звания людей, кроме подлых и солдатства» создать в столице на Неве Трактирных домов или Гербергов, всего 25 штук». В гербергах (с нем. die Herberge — постоялый двор) предоставлялись «квартиры с постелями, стол с кушаньем, кофе, чай, шеколад, биллиард, табак курительный, виноградные вина, Гданскую и Французскую водки, заморский элбирь, полпиво легкое Санктпетербургского варенья».

Герберги стали в России прообразами будущих ресторанов, хотя просуществовали недолго и за исключением привилегированных были ликвидированы Сенатским указом от 17 февраля 1755 г. Их функции выполняли трактиры и постоялые дворы. Для массового потребления хлебного вина (водки) существовали питейные дома, которые в простонародье продолжали называть кабаками.

Рестораны (от лат. *restauro*, восстановить, крепить) в привычном для нас виде впервые появились в Китае в эпоху династии Тан (618–906 гг.). В Европе термин ресторан был применен в отношении предприятия питания около 1765 г., когда парижанин, продававший бульоны, по имени Буланже (Boulanger) разместил вывеску над своим заведением, которая гласила на латыни: «Venite ad me omnes, qui stomacho laboratis et ego *restaurabo* vos» («Придите ко мне все страждущие желудком и я вас *восстановлю*»). В 1780-х гг. во Франции появляются рестораны, в которых посетители сидели за отдельными столиками, выбирали еду и напитки из меню в определённые часы работы заведения.

В России рестораны, как трактиры 1-го разряда, появились в начале XIX в. при гостиницах. Первый герберг, который стал рестораном, был «Отель д. Норд», открытый в 1895 г. на Офицерской улице. Появлению ресторанов способствовала массовая эмиграция французов в период революции 1789 г., которые становились рестораторами.

Столичным новшеством было учреждение высочайшим указом Николая I от 11 апреля 1841 г. нового типа учреждения, известного до 1917 г., кафе-ресторана (cafeé-restaurant) «для увеселения публики высшего класса» «Доминика» (Невский пр., д. 24, один из домов лютеранской церкви Петра и Павла). Его основал выходец из Швейцарии ретороманец, мастер кондитерского цеха, Доминик Риц-а-Порта (Dominique Riz à Porta). Большую часть «доминиканцев» составляли студенты и литераторы. В «Доминике» проводились шахматные турниры, были и азартные игры, и шулеры. Однажды Ф. М. Достоевский проиграл там сто рублей, остаток своего гонорара, оставшегося от выплаты долгов. В ресторане часто бывал Н. С. Лесков, Д. И. Менделеев, М. Е. Салтыков-Щедрин, М. И. Чигорин, А. П. Чехов. Зарисовки кафе делали И. Е. Репин и В. Маковский. «До-

миник» постоянно упоминался в статьях известного журналиста-обозревателя петербургской жизни Владимира Михневича.

Аналогичное кафе-ресторану Доминика в том же 1841 г. в доме Армянской церкви (Невский, 32) открыл другой швейцарец, зять Доминика И. И. Излер (1810–1877), запечатленный на рисунке В. Ф. Тимма 1852 г. Впоследствии он был владельцем заведения искусственных минеральных вод в Новой Деревне, где до 1860-х гг. устраивались различные увеселения. Считается, что он первый в России в 1849 г. завел отдельные кабинеты.

«Поедем к “Донону”, к “Борелю”, к “Дюссо”» — этими словами герой романа «Петербургские трущобы» Всеволода Крестовского молодой князь Владимир Шадурский стремится увлечь из маскарада маску, которая настойчиво пытается выяснить с ним отношения. — «Я кстати же есть хочу». Оказавшись в ресторане, он сказал: «Ну теперь мы можем говорить спокойно: сюда больше никто не войдет, сказал он, запирая на задвижку дверь за ушедшим татарином, который принес им в отдельный кабинет ресторана ужин с замороженной бутылкой шампанского, затопил камин и ушел».

Известный в эпоху Серебряного века ресторан «Донон», где были отдельные комнаты, до 1849 г. содержался Этьеном и находился на набережной Мойки, 24. В 1860 г. он перешел к Ж. Б. Донону. Ресторан, который обслуживался татарской артелью, славился кухней и винами, его посещали гвардейские офицеры и сливки общества (жуиры, виверы, бонвиваны) и даже члены императорской фамилии. Из деятелей культуры здесь бывали: Тургенев, историк Костомаров, Салтыков-Щедрин, оставивший описание ресторана в «Дневнике провинциала». В 1860-х гг. в «Дононе» устраивала приемы Академия наук, а позднее на обеды собирались художники «Товарищества передвижных выставок.

Упомянутый Всеволодом Крестовским ресторан «Борель» находился на Большой Морской, 11/6. Он был известен своей дороговизной, служил пристанищем великосветских денди и был местом для пиров самых богатых людей Санкт-Петербурге. В 1870-е гг. обрел среди горожан подлинную славу. В конце его выкупила семья Р. Кюба, метрдотеля императорского двора, который владел также рестораном «Бель Вю» (Каменноостровский пр., 24). «Кюба» был образцом аристократичности, но там также часто собирались артисты балета и их поклонники.

Неподалеку от «Кюба» в доме Жако в 1850-е гг. открылся ресторан «Дюссо». Как писал Некрасов, «У Дюссо готовят славно…» Ресторан «Дюссо» был конкурентом «Бореля». В какой ресторан привез Юлию Бероеву Шадурский и где произошла развязка одной из важных сюжетных линий романа, Вс. Крестовский не сообщает: покушение на убийство Шадурского обесчещенной им Бероевой могло произойти в любом из названных им ресторанов, так как там были отдельные кабинеты. С другой стороны, Большой Морской, что выходила на Мойку, в доме Косиковского располагался воспетый Пушкиным «Талон».

Рестораны в Санкт-Петербурге называли также именами европейских столиц и городов: «Берлин», «Прага», «Бристоль», «Лондон», «Ницца» и знаменитая «Вена» (Гороховая ул., 8 / Малая Морская, 13), где только обедали до 600 человек в день. «Вена» имела литературный зал, где собиралась художественная богема, оставлялись автографы, сочинялись шуточные стихи. Такие названия подчеркивали их европейскую ориентацию.

Петербургские рестораны имели свою специализацию: «Золотой Якорь» на Васильевском острове, 6 линия с 1823 г. был прибежищем художников и студентов Академии Художеств. Здесь проводил много времени известный художник Павел Чистяков. Своя публика была в «Давыдке» или «Капернауме», ресторане, открытом в 1860-х гг. предпринимателем И. Б. Давыдовым (Владимирский пр., 7). В нем вход был с улицы и посетители, не снимая одежды могли выпить и закусит пирожком у стойки. Во втором зале собирались газетчики, литераторы, книготорговцы. Среди них были Н. С. Лесков, А. Н. Майков, А. А. Плещеев, Д. Н. Мамин-Сибиряк. Александр Куприн описал его в рассказе «Штабс-капитан Рыбников».

К началу XX в. в Петербурге было зарегистрировано 176 ресторанов. Здесь проводились деловые встречи, подписные обеды, заседания различных обществ, дипломатические встречи. В конце XIX века появились механические автоматы-буфеты, где за определенную плату можно было получить из машины салат или бутерброд. Прогресс входил в жизнь ресторанов еще и тем, что кроме живой музыки и пения появились машины оркестрионы. В 1911 г. стал издаваться журнал «Ресторанное дело», а в 1912 г. прошел Первый российский съезд представителей трактирного промысла.

Д. Н. Шилов

Комитет для рассмотрения положения о мерах к искоренению корчемства 1829 года

На протяжении всей первой половины XIX столетия доходы от питейной торговли составляли весьма значительную часть поступлений в российский государственный бюджет (в конце 1820-х годов — приблизительно пятую его часть). При действовавшей с 1827 г. откупной системе сумма платежа в казну устанавливалась посредством конкурсных торгов между частными предпринимателями. Чем более выгодными для откупщиков оказывались в конкретной местности условия производства спиртных напитков и торговли ими, тем выше были доходы казны.

Главным препятствием для коммерческой деятельности откупщиков являлось корчемство — незаконные производство и торговля спиртными напитками. Корчемство имело в России две основные формы — утаивание и продажа на сторону выкуренного вина с заводов и незаконный провоз спиртных напитков для реализации из привилегированных губерний в непривилегированные.

Последнее явление имело особенно массовый характер. Согласно питейному законодательству того времени откупная система была распространена полностью на губернии Великороссии и Кавказа. В то же время в губерниях Юга и Запада Российской империи дворянство и некоторые другие группы населения в сельской местности имели привилегию на свободное винокурение (на города и казенные селения распространялась откупная система). Контрабандный провоз спиртных напитков из привилегированных местностей в соседние непривилегированные был очень доходным делом. Корчемники объединялись в вооруженные отряды, способные успешно противостоять немногочисленным силам коронной администрации.

Ряд вооруженных конфликтов с участием корчемников в конце 1820-х гг. побудил петербургские власти заняться разработкой дополнительных мер по борьбе с корчемством. В августе 1829 г. по инициативе министра финансов Е. Ф. Канкрина был создан особый Комитет для рассмотрения положения о мерах к

искоренению корчемства, в состав которого вошли директор Департамента разных податей и сборов Министерства финансов (П. С. Кайсаров), а также представители министерств внутренних дел и юстиции. На рассмотрение комитета поступил уже составленный к тому времени в финансовом ведомстве обширный проект положения «О мерах к искоренению корчемства». Поскольку император требовал от министра, «чтобы дело было приведено к окончанию безотлагательно», то Канкрин представил также временные правила о мерах к пресечению корчемства — сравнительно небольшой документ, предусматривавший весьма строгие меры по отношению к корчемникам. Временные правила были переданы по принадлежности в Государственный совет, журнал которого был утвержден императором 1 декабря 1829 г.

В сентябре — октябре 1829 г. Комитет для рассмотрения положения о мерах к искоренению корчемства собирался почти ежедневно. Как писал впоследствии Канкрин, «Комитет первоначально входил в рассмотрение изготовленного прежде проекта положения о корчемстве в виде постоянного закона и признал необходимым для ближайшего соображения составить систематический свод узаконений по питейной части». Дело оказалось долгим и трудным. На время составления откупных условий и самих торгов на четырехлетие 1831–1835 гг. работа Комитета была приостановлена. В марте 1831 г. Канкрин получил запрос от управляющего I Отделением Собственной е. и. в. канцелярии Н. Н. Муравьева о причинах промедления в работе Комитета, на который отвечал, что принятые временные правила уже удовлетворили «существенную надобность в постановлениях, ограждающих питейные сборы от подрыва», и что новый устав «должен быть введен с будущего откупа» (т. е. с четырехлетия 1835–1839 гг.).

Год спустя, когда пришло время начать подготовку к торгам на указанное четырехлетие, Канкрин и вовсе решил, что временные правила 1829 г. вполне удовлетворяют цели, для которой были изданы, и что необходимости в ведении масштабной работы по подготовке нового постоянного положения о корчемстве более нет. Он писал: «ныне действующие правила о корчемстве изданы были временно по двум главнейшим причинам:

во-первых, для искоренения мерами особой строгости весьма усилившегося корчемства…; во-вторых, чтобы не ввести сих мер в постоянный закон, ибо они могли казаться слишком строгими… Однако же самая сия строгость, как опыты показали, ощутительно уменьшила корчемство; следовательно, для простого народа была весьма полезна и сократила число преступников…; напротив того издание менее строгого закона о корчемстве может иметь последствием новое усиление сего зла и при предстоящих торгах на будущие с 1835 года откупа по всему вероятию даст повод ко многим возражениям желающих торговаться и даже к уменьшению откупных сумм, так, что правительство вынуждено будет приступить к другим мерам».

Убеждение в достаточности правил 1829 г. побудило Канкрина ходатайствовать перед Государственным советом о продлении их действия на будущее четырехлетие и о прекращении деятельности Комитета для рассмотрения положения о мерах к искоренению корчемства. Представление о продлении было одобрено Советом и высочайше утверждено 2 сентября 1832 г. Второй же вопрос Государственный совет предоставил решить самому министру, распоряжением которого неделю спустя Комитет был закрыт.

М. Шрад

Лев Толстой: апостол международной трезвости

Американские авторы и историки часто изображают движение трезвости и сухой закон как уникальное американское явление: это «столкновение культур», возглавляемое христианами-евангелистами Среднего Запада США, пытающимися навязать свою консервативную мораль меняющейся нации иммигрантов, афроамериканцев и других меньшинств. Однако движение за трезвость не было ни консервативным, ни типично американским. Как в Соединенных Штатах, так и во всем мире, трезвенничество было движением не против алкоголя, не против пьяницы как «грешника», а скорее против хищнической торговли алкоголем, которая использовала вызывающие привыкание спиртные напитки для получения невероятных прибылей. До появления современных корпоративных налогов и подоходного налога пошлины на продажу алкоголя были единственным крупнейшим источником государственных доходов для большинства развитых стран, давая государству финансовую заинтересованность в алкоголизации собственного народа. Трезвенничество было не консервативным культурным движением, а прогрессивным движением за экономическую и социальную справедливость.

И трезвенничество не было исключительно американским. По количеству отдельных активистов, организаций и по географическому охвату воздержание было фактически самым популярным, самым влиятельным и самым долгоживущим международным движением за социальные реформы в истории мира. Транснациональная сеть активистов связывала между собой движения за освобождение от хищников спиртных напитков во всем мире. Историки, сосредоточенные на национальной истории, часто упускают из виду роль великого русского писателя Льва Толстого, трезвеннические взгляды которого ощущались не только в Российской империи, но и во всем мире. В докладе рассматриваются развитие трезвеннических взглядов Льва Толстого как неотъемлемой части его гражданской религии, а также влияние его учения о воздержании не только на развитие сухого

закона в России, но и на взгляды Томаша Масарика в Чехословакии, Уильяма Дженнингса Брайана в Соединенных Штатах, Махатмы Ганди в Индии.

И. Н. Юркин

«Что — от пьянства или от недостатка?»: первые Демидовы в борьбе за трезвый образ жизни работников их заводов

Вот малоизвестное предание, записанное об основателе промышленной династии Демидовых Никите Демидовиче Антюфееве в Туле на рубеже XIX и XX вв.:

«Никита Демидыч ходит кругом дома с палочкою или сидит перед домом. Едет бедный мужичок. “Что от пьянства или от недостатка? — От недостатку. — Денег нужно? — Подай, батюшка. — Бери, сколько нужно, в другой раз не дам”. — Мужичок подъезжает к сараю с медными деньгами на санях. Перед сараем песок. Мужик, если наберет много, лошадь ни шагу. Демидов говорит: “Плут ты, разорить все хотел, забрать, — свалите назад и вон”. Но поумнее брали немного меди».

В коротком фольклорном тексте отразился ряд мотивов, которые вследствие почти полного отсутствия сведений о личности Никиты Демидова (в отличии от обильно документированной его деятельности) привлекают внимание и заставляют их обдумывать. Выделим одну деталь — представление о возможной природе бедности встреченного Демидовым мужика. Демидов предполагает две возможные причины. Одна — пьянство. Другая — вероятно, группа причин, которые он объединяет формулой «от недостатка». Все что можно сказать о ней — что в нее не входит особо выделенное пьянство. Сам факт этого выделения подразумевает, что Демидов придает пьянству совершенно особое значение.

Эта деталь в несколько видоизмененном виде (личная трезвость) присутствует и в других исторических анекдотах о Н. Д. Демидове, в том числе зафиксированных значительно раньше. Так, рассказывая о посещении тульского жилища кузнеца царем Петром I, И. Х. Гамель (1826) упоминает, что хозяин стал потчевать гостя виноградным вином. «Государь дал ему пощечину, говоря: неприлично кузнецу пить такое вино. — Антуфьев отвечал, что никогда хмельного и в рот не берет, а купил сие вино для великого посетителя хижины его. — Отнеси назад и дай мне

рюмку простяка, — сказал государь, которую и выпить изволил. Сверх того выкушал он стакан пива и стакан меду…».

Царь испробовал три напитка. О том, что «за компанию» с ним приложился к ним и хозяин дома, не сказано ничего.

Приведенное предание хорошо согласуется с образом основателя династии Демидовых, сложившемся в ранней (XIX в.) историографии рода — образом человека строгой жизни и убежденного трезвенника. На единственном сохранившемся его портрете видим почти аскета, которого трудно заподозрить в близком знакомстве с горячительными напитками.

Его отказ от алкоголя — явление для его среды редкое. Знакомство с документами, характеризующими быт Тульской оружейной слободы, которой он принадлежал, убеждают, что массовым было совершенно иное отношение к хмельным напиткам.

Хотя старший его сын и приемник Акинфий Никитич на портрете работы Г. К. Гроота предстает перед зрителем в совершенно ином облике, от отца он перенял немало. В том числе трезвый образ жизни и резкое неприятие противоположного образа. Утверждать это позволяют уже не предания, а документы, в том числе письма, в которых антиалкогольные мотивы всплывают неоднократно.

С пьянством и вызванным им невниманием к безопасности связывает он пожары на производстве. «Объявили мне репортом с Шайтанского завода: от пьянственного их и леностного несмотрения и небрежения и от необметания сажи в ночи на воскресенье в старой кузнице у гвоздяной рубки под мехами кобылина и мех один згорели». От того же «богомерзкого пьянства» произошел пожар на Колывано-Воскресенском заводе, в котором сгорели два двора и запас угля.

От пьянства — дополнительные издержки производства. Не скрывая раздражения (называет адресатов письма болванами), он возмущается: «Кроме мне болшаго убытку от вашего пьянства и григорьевских прихотей (вольностей одного из приказчиков. — *И. Ю.*) ничего доброго натти вы не могли».

Все, что действует не в лад, несогласованно, в сознании Демидова ассоциируется с пьяной расхлябанностью. Давая задание отлить кулаки для мехов молотовых валов, он требует точности их изготовления. «А ежели хоша на вершек один

одного почаще будети, то как пьяной мужик с непьяным будет говорить, так будут меха ходить». «Пьяной» он может назвать даже неодушевленную вещь, если та — плод пьяного труда. «…Проба от тебя показана высокогоръской медной руды са алебастром самая пьяная. И что очистка на гермахерских горнах — каковы вы, таковы и гермахеры ваши».

А. Н. Демидов не устает возмущаться распространенностью пьянства в среде служащих и работников своих предприятий. Особенно огорчает его приверженность к нему людей, квалификацию которых он ценит. «Да как я слышу о вашем несогласии с Ываном Медовщиковым, о котором весма сожалею, что вы пьянства не оставляете». Несмотря на нехватку обученной рабочей силы, от труда пьяниц он в ряде случае даже готов отказываться: «Про того ж Инглика (иноземца плавильщика. — *И. Ю.*) пишут, что он пьяница. И вы ево оттуда (с завода. — *И. Ю.*) выслать велите». Русского работника, стоявшего «у смотрения» за кузнецами, он требует отстранить по той же причине: он «стар и ленив, к тому ж и пьян».

Отношение представителей нескольких поколений к алкоголю — черта не наследуемая. Однако дети А. Н. Демидова при своеобразии психологического профиля каждого, также уберeглись от распространенного порока.

В. А. Якунина

Пиво как фактор изменения новгородско-ганзейских отношений в XV — начале XVI в. *

Русско-ганзейские отношения на рубеже Средневековья и раннего Нового времени под влиянием различных факторов значительно осложнились, что традиционно объясняется антиганзейской политикой московских государей, стремившихся выйти на балтийский рынок (Н. А. Казакова, А. Л. Хорошкевич, Л. К. Гетц, Э. Тиберг). Однако на сегодняшний день многие исследователи (М. Б. Бессуднова, Р. Хаммель-Кизов, Н. Ангерманн) дополняют и корректируют данную концепцию, отмечая что русско-ганзейские торговые отношения видоизменялась и приобретали напряженность вне зависимости от политической ситуации, поскольку в этот период шел процесс изменения устоявшихся традиций международного товарообмена.

В данном контексте хотелось бы обратить внимание на частные конфликты между ганзейцами и новгородцами, причины которых носили не политический характер, а бытовой, связанный как с торговыми интересами представителей Немецкого подворья в Великом Новгороде, так и с разницей культурных традиций. На рубеже эпох мы явно наблюдаем постепенное видоизменение бытовых, гастрономических и питейных привычек представителей обеих сторон. Данная работа посвящена вопросу формирования пивных традиций в Новгороде, как идентификатора процесса слома традиций «старины» (ганзейское обычное право) на рубеже Средневековья и раннего Нового времени.

О пиве и пивоварение на Немецком дворе мы можем узнать уже из шры (устав новгородского Немецкого подворья). В древнейшей ее редакции имеется указание варить пиво только на дворе св. Петра и уплачивать с него пошлину ½ марки. На подворье существовало питейное заведение, которое днем разреша-

* Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 19-18-00183 «Экономические, политические и социокультурные коммуникации России и Прибалтики в XV-XVII вв. по материалам архивных коллекций Таллинна, Любека, Берлина и Санкт-Петербурга».

лось посещать новгородцам. Его содержал хофескнехт, т. е. староста подворья, который, не имея других доходов, жил на выручку от продажи пива. Всем остальным шра предписывала варить пиво только для собственного потребления и только на Немецком подворье: «*пивовары, которые продают пиво, не должны стоять на Готском дворе, пока существует двор св. Петра, так как из-за этого купцы имели много неприятностей и много упреков по этому поводу со стороны русских*». Действительно, одной из причин конфликтов ганзейцев с новгородцами нередко выступал алкоголь. Осенью 1331 года с Готского двора на Немецкий двор купцы отправились варить пиво. Когда они возвращались, на них напали новгородцы, вероятно, с целью отобрать сваренный напиток, после чего завязалась драка, в ходе которой несколько участников было ранено, а один русский убит.

Новгородцы высоко ценили пиво и, несмотря на все запреты, хотели его свободно потреблять. Вероятно, со временем спрос стал превышать предложение, в связи с чем право хофескнехта на продажу пива стало нарушаться молодыми гезелле, которые предпочитали проводить время в русских кабаках, и, можно предположить, не без помощи новгородского кабатчика, продавали там ценный напиток. Так в январе 1433 года купцы Немецкого подворья в Новгороде писали совету Ревеля: «*странные дела творятся здесь ныне с молодыми людьми, которые год напролет пребывают в праздности и ничего не хотят делать, разве что брать у русских взаймы и пропадать в их кабаках, продавать там пиво бочками и ведрами, хотя это не полагается никому, кроме хофескнехта*». Уже через год Съезд ливонских городов в Вольмаре от 4 января 1434 года постановил, что никто кроме хофескнехта не может торговать пивом, медом (медовухой) и другими напитками. Постоянное же повторение данных запретов в этот период свидетельствовало об их несоблюдении.

Ярким примером того, как пристрастились русские к пиву является жалоба «новгородских гостей» (купеческая гильдия Любека, ориентированная на торговлю в Новгороде) в Ревель от 19 апреля 1461 года. Из их жалобы следует, что в 1458 году на Неве у одного из их «гостей» русские пожелали купить пива, но,

получив отказ, напали и убили одного немца. В 1459 году у другого члена гильдии украли якорь и вернули его за 6 мешков соли и множество пива (*vor 6 culmet soltes und vor so vele beers*). Ситуаций, подобно описанным, множество, и во многих случаях оплату новгородцы предпочитали брать пивом.

Основной площадкой для не делового общения новгородцев и ганзейцев в средневековом Новгороде выступал кабак. Это и способствовало тому, что питейные привычки новгородцев претерпели серьезные изменения: они пристрастились к пиву, особым сортам медовухи, познакомились с винами, при этом предпочитая более сладкие. Такие бытовые изменения и являлись одним из множества элементов слома «старины» и устоявшихся способов ведения дел, что и повлекло за собой в будущем осложнения в русско-ганзейских торговых отношениях на рубеже веков.

М. М. Якушкина, Г. Р. Якушкин

Личные письма и деловые бумаги сидельца М. С. Мокроусова как источник по истории питейного дела

В отделе письменных источников ГИМ хранится фонд крестьянской семьи Мокроусовых, поступивший в музей в 1927 году. Фондообразователь — Мокроусов Макар Степанович (1810 — после 1880 г.), уроженец села Нижний Белоомут Зарайского уезда Рязанской губернии, крепостной крестьянин подполковника Александра Михайловича Похвистнева, крепостной, а затем временно-обязанный наказного атамана Войска Донского Михаила Григорьевича Хомутова. С малолетства он служил по питейной части, был сидельцем 11 питейных домов в Ставропольской губернии и Области войска Донского.

Деловые бумаги представлены объяснениями на действия ревизоров, осуществлявших «подсыл» (контрольные закупки), прошениями Наказному атаману войска Донского М. Г. Хомутову и другим начальникам «о чинимых обидах» и несправедливым отлучениям от должности, о выплате компенсации за понесенные расходы при перевозке вина, опровержение ложных доносов в Питейные конторы и др.

В первом известном прошении в 1838 году генералу Г. В. Розену М. С. Мокроусов представил свое «резюме»: «В течении службы моей по питейной части смею думать, что начальство мое, то есть контора, не могла быть много не довольною, ибо расплата мною всегда производима была точно, остановок или замечаний в несправедливом отпуске не было, отчеты все совершенно отдаваемы в точности, сверх того, не употребляя сам крепких напитков, полагаю, что усердие мое и рачение в исполнении возложенной на меня должности делает меня в исполнении моих начальников человеком не совершенно бесполезным».

Однако в последующие годы все было не столь радужно. Обладавший образным слогом М. С. Мокроусов красочно расписывает угрозы во время посещения питейного дома в станице Кагальницкой сверхчастным поверенным Шевелевым в июне 1857 г.: «Он всячески поносил меня, называл ключом ада, будто я был всем сидельцам наставником и учителем по питейной час-

ти, грозил мне, что накажет меня розгами… Когда приеду в Новочеркасскую питейную контору, то прикажу привесть тебя на веревке и там палками с ног до головы сдеру шкуру».

21 октября 1857 г. Мокроусов представил управляющему Новочеркасской питейной конторой Ф. И. Терещинкову объяснение о проверке, проведенной ревизором Добрыниным, и обнаружившем недолив водки. покорнейше прошу замечание, сделанное господином ревизором, считать недействительным и меня избавить от напрасного штрафа. В продолжение с лишком уже двух месяцев, как я занимаю питейный дом, все поверенные, да и сам господин ревизор, находили все в исправности, а если в настоящее время и случился недостаток водки, то единственно от торопливости мальчика, как выше Вам докладывал, и от того, что я сам в это время не был там, где отпущается водка.

Представляет интерес расписка, данная М. С. Мокроусовым конторе Черкасского питейного откупа о продаже откупных питей по указанным ценам «в полной мере и установленной доброте, и вырученную мною денежную сумму вносить или уплачивать бездоимочно во всякое время и по первому требованию по учетам того поверенного, который на сие уполномочен будет от конторы».

Сидельцу надо было быстро осваиваться на новом месте, вовремя подвозить и разливать водку, часто в ущерб себе. Так в 1857 г. Мокроусов подсчитал: «за провоз пенного вина 26-ти бочек в неблагоприятную погоду истрачено собственного капитала 130 руб. серебром. Жалованья на это вино за 996-ть ведр и четыре кварты я не получал. За 11 бочек бальзамной водки, которая была доставлены по трудному зимнему пути, на мой счет 154 рубли серебром. За 80-ть бочек бальзамной водки с убойкой и переправой через Дон и дамбу по 5 рубли серебром. Итого 400 рублей серебром.

За перестройку в питейном доме — 40 руб. 50 коп.»

В письмах жене и родным содержатся сведения, раскрывающие детали беспокойной жизни сидельца: просьба прислать паспорт для получения места, назначения или снятие с должности как его самого, так и родных и знакомых, хозяйственные дела.

Назначение на должность сидельца в Ставропольской питейной конторе Мокроусов красочно описал в письме жене Вере Никоновне: «17-го ноября позваны были все по списку сидельцы лично к Ивану Михайловичу, как он посмотрел на такое собрание, сказал: здесь полтора миллиона, приказал вытеть всем и звал по одному человеку (разсылка была не всем), которых назначил по местам. Последним приказал подождать до нового году, а меня почти в последних, и дал место лучшее всех в дистанции Медвежинской место Песчаного. Таковое нечаянное мне благоволение было все сидельцам на диво, ибо они меня так предпочитали, что я здесь должен и плохое место с трудом получить, а когда получил хорошее место, тогда все скривились досадою и негодованием на меня. Пусть они рожу свою на нас коверкают, пусть считают меня последним, а мы с тобой, милашка, при добром здравии поживем, да порадуемся».

Жизнь и судьба Макара Степановича Мокроусова типична для жителя с. Нижний Белоомут. Он писал отцу из станицы Кагальницкой 7 февраля 1858 г.: «Что я стану делать в Белоомуте? Земли у нас для занятий нет, торговлять для нас плохо, работать негде и нечем, а детей у меня благодарение Богу (и деточки у меня почти все девочки) довольно и хочется всех пристроить, как можно лучше…»

В 1865 г., будучи крестьянином собственником, Мокроусов становится владельцем питейного дома в селении Песчаннокопском Медвежинского уезда Ставропольской губернии.

Сведения о авторах

Аваков Петр Ашотович, старший научный сотрудник Федерального исследовательского центра Южного научного центра РАН, кандидат исторических наук (Ростов-на-Дону)

Амброзяк Томаш, старший научный сотрудник Лаборатории эдиционной археографии Уральского федерального университета, эксперт по вопросам истории Польского культурного центра в Москве, кандидат исторических наук (Екатеринбург/Москва)

Андреева Татьяна Васильевна, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, доктор исторических наук (Санкт-Петербург)

Аникина Надежда Станиславовна, заведующая лабораторией химии и биохимии вина ВННИИ виноградарства и виноделия «Магарач» РАН, доктор технических наук (Ялта)

Антипов Максим Анатольевич, ведущий специалист издательско-полиграфического комплекса Президентской библиотеки имени Б. Н. Ельцина (Санкт-Петербург)

Архипова Алена Ивановна, младший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, кандидат исторических наук (Якутск)

Афанасьев Александр Лукьянович, доцент кафедры истории и социальной работы Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники, кандидат исторических наук (Томск)

Афанасьева Виктория, PhD, Университет Париж 1 Пантеон-Сорбонна (L'Université Paris 1 Panthéon-Sorbonne) (Париж, Франция)

Бабин Игорь Петрович, краевед, кандидат технических наук (Москва)

Базарова Татьяна Анатольевна, заведующая Научно-историческим архивом и группой источниковедения Санкт-Петербургского института истории РАН, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)

Барсукова Анжелика Владимировна, проректор по проектной и инновационной деятельности Федерального государственного автономного образовательного учреждения дополнительного профессионального образования «Государственный институт новых форм обучения», кандидат исторических наук (Москва)

Барыкина Инна Евгеньевна, заведующая кафедрой филологического и социально-гуманитарного образования Ленинградского областного института развития образования, профессор Выборгского филиала Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, ассоциированный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, доктор исторических наук (Санкт-Петербург)

Белан Михаил Александрович, аспирант исторического факультета Оксфордского университета (Оксфорд, Великобритания)

Белов Алексей Викторович, старший научный сотрудник Института российской истории РАН, кандидат исторических наук (Москва)

Белый Александр Валерианович, маркетолог, доктор гуманитарных наук (Минск, Республика Беларусь)

Беляева Вероника Николаевна, доцент кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории, руководитель центра туристического образования, исследований и взаимодействия с туриндустрией Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, кандидат исторических наук (Нижний Новгород)

Беляева Наталья Анатольевна, профессор Департамента истории и археологии Дальневосточного федерального университета, доктор исторических наук (Владивосток)

Беляков Андрей Васильевич, старший научный сотрудник Центра истории русского феодализма Института российской истории РАН, доктор исторических наук (Москва)

Бессолицын Александр Алексеевич, ведущий научный сотрудник Центра экономической истории ИРИ РАН, доктор экономических наук (Москва)

Богатырев Арсений Владимирович, доцент кафедры теологии, философии, истории Поволжского православного института, кандидат исторических наук (Тольятти)

Богомолов Алексей Иванович, научный сотрудник Отдела современной истории Санкт-Петербургского института истории РАН, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)

Бондаренко Светлана Ивановна, заведующая кафедрой гуманитарных дисциплин Алтайского государственного аграрного университета, кандидат исторических наук (Барнаул)

Бондарь Лариса Дмитриевна, заместитель директора по научной работе Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)

Бородина Елена Васильевна, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, доцент Уральского федерального университета, кандидат исторических наук (Екатеринбург)

Борщик Наталья Дмитриевна, профессор кафедры документоведения и архивоведения Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, доктор исторических наук (Симферополь)

Бутрин Егор Сергеевич, заместитель начальника Отдела публикации и использования документов Государственного архива Ивановской области, кандидат исторических наук (Иваново)

Воронич Татьяна Владимировна, доцент кафедры экономической истории Белорусского государственного экономического университета, кандидат исторических наук (Минск, Республика Беларусь)

Выскочков Леонид Владимирович, профессор кафедры истории России с древнейших времен до XX века Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, ассоциированный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, доктор исторических наук (Санкт-Петербург)

Ганцев Валентин Константинович, аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь)

Голицын Юрий Петрович, руководитель направления по истории финансового рынка Московской биржи, кандидат исторических наук (Москва)

Голодяев Константин Артемович, научный сотрудник Музея г. Новосибирска (Новосибирск)

Голубинский Алексей Алексеевич, главный специалист Российского государственного архива древних актов, научный сотрудник Института российской истории РАН, кандидат исторических наук (Москва)

Горак Артур, адъюнкт Института истории Университета Марии Кюри-Склодовской, доктор истории (Люблин, Польша)

Горюшкина Наталья Евгеньевна, заведующая кафедрой истории Юго-Западного государственного университета, доктор исторических наук (Курск)

Готовцева Анастасия Геннадьевна, профессор кафедры журналистики и телевизионных технологий Российского государственного университета им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), доктор филологических наук (Москва)

Гребенкин Алексей Николаевич, профессор кафедры теории государства и права Среднерусского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор исторических наук (Орел)

Гринько Иван Александрович, начальник управления музейно-туристского развития ГАУК «МОСГОРТУР», кандидат исторических наук (Москва)

Грязнов Анатолий Леонидович, старший научный сотрудник НП НИЦ «Древности» (Вологда)

Гусаков Михаил Георгиевич, археолог, кандидат исторических наук (Москва)

Гуслистова Анна Николаевна, научный сотрудник НИЦ «Древности» (Вологда)

Гутникова Ольга Николаевна, доцент кафедры маркетинга, торгового и таможенного дела Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, кандидат экономических наук (Симферополь)

Давыдов Руслан Александрович, ведущий научный сотрудник Федерального исследовательского центра комплексного изучения Арктики им. академика Н. П. Лаверова Уральского отделения РАН, кандидат исторических наук (Архангельск)

Долгих Аркадий Наумович, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории Липецкого государственного педагогического университета имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, доктор исторических наук (Липецк)

Долгих Елена Валерьевна, старший научный сотрудник лаборатории истории культуры исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат исторических наук (Москва)

Дружкин Александр Анатольевич, аспирант кафедры истории России и археологии Института истории и международных отноше-

ний Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского (Саратов)

Дубенцов Борис Борисович, старший научный сотрудник Отдела истории революций и общественного движения в России Санкт-Петербургского института истории РАН, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)

Дударь Лариса Александровна, доцент Департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, кандидат исторических наук (Владивосток)

Ерошевич Александр Владимирович, доцент кафедры экономической истории Белорусского государственного экономического университета, кандидат исторических наук (Минск, Республика Беларусь)

Ефимов Андрей Александрович, научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)

Жиброва Татьяна Валерьевна, доцент кафедры философии и гуманитарной подготовки Воронежского государственного медицинского университета им. Н. Н. Бурденко, кандидат исторических наук (Воронеж)

Жигалов Владимир Михайлович, председатель Исторического общества «Ратник» (Белгород)

Задорожняя Ольга Анатольевна, доцент кафедры истории России Сургутского государственного университета, кандидат исторических наук (Сургут)

Зайцева Ольга Михайловна, старший научный сотрудник историко-культурного музейного комплекса «Усадьба Асеевых», кандидат исторических наук (Тамбов)

Заремба Наталья Геннадьевна, начальник отдела научно-справочного аппарата Российского государственного исторического архива, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)

Захаров Виктор Николаевич, заместитель директора Института российской истории РАН по научной работе, доктор исторических наук (Москва)

Зенюк Раиса Владимировна, кандидат исторических наук (Минск, Республика Беларусь)

Кавецкая Вера Вячеславовна, заведующая отделом исследований Музея истории Дальнего Востока имени В. К. Арсеньева (Владивосток)

Калинина Елена Александровна, профессор Петрозаводского государственного университета, доктор исторических наук (Петрозаводск)

Кальмина Лилия Владимировна, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, доктор исторических наук (Улан-Удэ).

Кандаурова Татьяна Николаевна, старший научный сотрудник кафедры истории и теории культуры Российского государственного гуманитарного университета, кандидат исторических наук (Москва)

Карандашев Глеб Владимирович, доцент кафедры отечественной истории Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, кандидат исторических наук (Ярославль)

Карлов Леонид Станиславович, магистр Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Керзум Андрей Паульевич, главный библиограф Информационно-библиографического отдела Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург)

Козлов Сергей Александрович, заведующий кафедрой истории, философии и культурологии Высшей школы технологии и энергетики Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, доктор исторических наук (Санкт-Петербург)

Кореева Наталья Анатольевна, научный сотрудник Института татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан, кандидат исторических наук (Казань)

Королев Сергей Владимирович, доцент кафедры истории, теории и практики социальных коммуникаций Удмуртского государственного университета, кандидат исторических наук (Ижевск)

Корчагина Изабелла, архивист-историк Института солидарности и доблести имени Витольда Пилецкого (Instytut Solidarności i Męstwa im. Witolda Pileckiego) (Варшава, Польша)

Кравцова Елена Сергеевна, профессор кафедры философии Курского государственного медицинского университета, доктор исторических наук (Курск)

Крайковский Алексей Викторович, научный сотрудник Департамента исторических наук, географии и античности Университета Падуи, старший научный сотрудник Лаборатории экологической и технологической истории Центра исторических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Падуя, Италия)

Кусова Ирина Гасановна, заведующая сектором отдела истории Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника, кандидат исторических наук (Рязань)

Латышева Елена Владимировна, заведующая кафедрой документоведения и архивоведения Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, доктор исторических наук (Симферополь)

Лачаева Марина Юрьевна, заведующая кафедрой истории России Института истории и политики Московского педагогического государственного университета, доктор исторических наук (Москва)

Лебедев Сергей Константинович, заведующий отделом новой истории России Санкт-Петербургского института истории РАН, доктор исторических наук (Санкт-Петербург)

Лизунов Павел Владимирович, профессор Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова, доктор исторических наук (Северодвинск)

Лисейцев Дмитрий Владимирович, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, доктор исторических наук (Москва)

Лукоянов Игорь Владимирович, заместитель директора Санкт-Петербургского института истории РАН по научной работе, доктор исторических наук (Санкт-Петербург)

Лунёв Роман Сергеевич, преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича (Санкт-Петербург)

Лятавец Кшиштоф, адъюнкт Института истории Университета Марии Кюри-Склодовской (Люблин, Польша)

Малов Александр Витальевич, старший научный сотрудник Института российской истории РАН, кандидат исторических наук (Москва)

Марасанова Виктория Михайловна, заведующая кафедрой рекламы и связей с общественностью Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, доктор исторических наук (Ярославль)

Маюров Александр Николаевич, президент Международной академии трезвости, доктор педагогических наук (Нижний Новгород)

Мезенцев Евгений Вячеславович, старший научный сотрудник Института российской истории РАН, кандидат исторических наук (Москва)

Мизис Юрий Александрович, профессор кафедры всеобщей и российской истории Тамбовского государственного университета, доктор исторических наук (Тамбов)

Микитюк Владимир Петрович, старший научный сотрудник Центра экономической истории Института истории и археологии УрО РАН, кандидат исторических наук (Екатеринбург)

Минаева Татьяна Станиславовна, профессор кафедры отечественной истории Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова, доктор исторических наук (Архангельск)

Мокшин Геннадий Николаевич, профессор кафедры истории России Воронежского государственного университета, доктор исторически наук (Воронеж)

Морозов Олег Викторович, профессор кафедры истории и теории государства и права Университета таможенного дела и финансов, доктор исторических наук (Днепр, Украина)

Обнорская Нина Владимировна, доцент кафедры Отечественной средневековой и новой истории Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, кандидат исторических наук (Ярославль)

Орехова Екатерина Александровна, специалист отдела экспозиционно-выставочной деятельности Мурманского областного краеведческого музея, кандидат исторических наук (Мурманск)

Орлов Андрей Сергеевич, сотрудник Академии Федеральной службы охраны России, кандидат исторических наук (Орел)

Павлина Татьяна Викторовна, доцент кафедры теории и истории права и государства юридического института Российского нового университета, кандидат исторических наук (Москва)

Павлова Ирина Петровна, профессор кафедры теории и истории государства и права Красноярского государственного аграрного университета, доктор исторических наук (Красноярск)

Париева Лада Руслановна, доцент кафедры документоведения, аудиовизуальных и научно-технических архивов Российского государственного гуманитарного университета, кандидат исторических наук (Москва)

Перхавко Валерий Борисович, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, кандидат исторических наук (Москва)

Петришина Ирина Дмитриевна, доцент Липецкого государственного педагогического университета имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, кандидат исторических наук (Липецк)

Покидько Павел Сергеевич, стажер-исследователь Лаборатории экологической и технологической истории НИУ «Высшая школа экономики» (Выборг)

Попова Елизавета Михайловна, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра темы №124/ГИ-гр Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород)

Пронина Наталья Владимировна, старший преподаватель кафедры конституционного и административного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород)

Проничева Карина Вадимовна, младший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, кандидат искусствоведения (Санкт-Петербург)

Прохоров Дмитрий Анатольевич, доцент кафедры документоведения и архивоведения исторического факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, доктор исторических наук (Симферополь)

Пугач Иван Васильевич, доцент Вологодского государственного университета, кандидат исторических наук (Вологда)

Раздорский Алексей Игоревич, заведующий группой исторической библиографии Российской национальной библиотеки, ассоциированный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, председатель Международной ассоциации исследователей истории торговли, купечества и таможенного дела, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)

Реброва Роксана Викторовна, научный сотрудник Сектора архитектурной археологии Государственного Эрмитажа, кандидат искусствоведения (Санкт-Петербург)

Родионов Борис Викторович, предприниматель, исследователь истории питейного дела, кандидат технических наук (Калининград)

Роднов Михаил Игоревич, ведущий научный сотрудник Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, доктор исторических наук (Уфа)

Романов Павел Константинович, магистрант Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)

Сазонова Татьяна Викторовна, научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)

Сарычев Ярослав Владимирович, профессор кафедры русского языка и литературы Липецкого государственного педагогического университета имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, доктор филологических наук (Липецк)

Седов Павел Владимирович, заведующий отделом древней истории России Санкт-Петербургского института истории РАН, доктор исторических наук (Санкт-Петербург)

Селин Адриан Александрович, профессор Департамента истории Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, доктор исторических наук (Санкт-Петербург)

Симченко Наталия Александровна, заведующая кафедрой экономической теории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, доктор экономических наук (Симферополь)

Смелова Анна Васильевна, PhD студент Джорджтаунского университета (Вашингтон, США)

Смирнова Ольга Сергеевна, заведующая хранилищем родовых, личных и монастырских фондов Российского государственного архива древних актов (Москва)

Соколов Александр Станиславович, заведующий кафедрой истории, философии и права Рязанского государственного радиотехнического университета им. В. Ф. Уткина, доктор исторических наук (Рязань)

Соколовский Иван Ростиславович, научный сотрудник Института истории СО РАН, кандидат исторических наук (Новосибирск)

Соловьев Ян Валерьевич, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета, кандидат исторических наук (Москва)

Стогов Дмитрий Игоревич, доцент кафедры истории культуры, государства и права Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ», корреспондент газеты «Трезвение» (Санкт-Петербург)

Стрекалова Наталья Валерьевна, профессор кафедры всеобщей и российской истории Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, кандидат исторических наук (Тамбов)

Сумин Анатолий Викторович, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского университета ФСИН России, кандидат юридических наук, подполковник внутренней службы (Санкт-Петербург)

Такала Ирина Рейевна, доцент Института истории, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, кандидат исторических наук (Петрозаводск)

Твердюкова Елена Дмитриевна, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, доктор исторических наук (Санкт-Петербург)

Ульянова Светлана Борисовна, профессор Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, доктор исторических наук (Санкт-Петербург)

Фельдман Дмитрий Захарович, главный специалист Российского государственного архива древних актов, кандидат исторических наук (Москва)

Филатова Светлана Владимировна, доцент кафедры «Изобразительное искусство и культурология» Пензенского государственного университета, кандидат исторических наук (Пенза)

Хацкевич Максим Валерьевич, ведущий специалист Российского государственного архива древних актов (Москва)

Худин Кирилл Станиславович, младший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва)

Целуйкина Евгения Сергеевна, соискатель кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии; администратор издательства Волгоградского государственного университета (Волгоград)

Цёхла Светлана Юрьевна, заведующая кафедрой менеджмента предпринимательской деятельности Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, доктор экономических наук (Симферополь)

Черникова Наталья Владимировна, старший научный сотрудник Института российской истории РАН, кандидат исторических наук (Москва)

Чистяков Антон Юрьевич, ведущий специалист компании «Этно-Эксперт», кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)

Шевелева Оксана Викторовна, доцент кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого, кандидат исторических наук (Тула)

Шевцова Анна Александровна, профессор кафедры культурологии Московского педагогического государственного университета, доктор исторических наук (Москва);

Шевченко Иван Александрович, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории Липецкого государственного педагогического университета имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, кандидат исторических наук (Липецк)

Шелаева Алла Александровна, доцент кафедры истории западноевропейской и русской культуры Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат филологических наук (Санкт-Петербург)

Шилов Денис Николаевич, старший научный сотрудник Российской национальной библиотеки, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)

Шрад Марк, профессор кафедры политологии Университета Виллановa (Раднор, США)

Юркин Игорь Николаевич, главный научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, доктор исторических наук (Москва)

Якунина Валентина Андреевна, младший научный сотрудник научно-исследовательского центра темы №124/ГИ-гр Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород)

Якушкин Геннадий Радикович, историк-архивист (Москва)

Якушкина Марина Михайловна, научный сотрудник Отдела письменных источников Государственного исторического музея (Москва)